

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ ПРАВО

SOCIAL AND HUMAN SCIENCES LAW SCIENCES

- Ю. М. Антоян,**
ученый секретарь секции юридических наук,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки России
- Е. А. Антоян,**
доктор юридических наук, профессор
- А. Р. Белкин,**
доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН
- М. Д. Давитадзе,**
доктор юридических наук, профессор
- Ю. Н. Дмитриенко,**
доктор юридических наук, профессор
- А. Е. Епифанов,**
доктор юридических наук, профессор
- О. Д. Жук,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры России, академик РАЕН
- Н. Г. Иванов,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России
- С. В. Иванцов,**
доктор юридических наук, профессор
- Н. Г. Кадников,**
доктор юридических наук, профессор, почетный работник
высшего профессионального образования России
- Р. А. Каламкарян,**
доктор юридических наук, профессор
- Н. Н. Карпов,**
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры России,
заслуженный работник прокуратуры России
- О. Г. Карпович,**
доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор
- М. П. Киреев,**
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России
- С. И. Кириллов,**
доктор юридических наук, профессор
- А. Ю. Кирсанов,**
кандидат юридических наук
- Н. Ш. Козаев,**
доктор юридических наук, доцент
- Н. А. Колоколов,**
доктор юридических наук, профессор
- М. В. Костенников**
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный сотрудник ОВД России

- Yu. M. Antonyan,**
Scientific Secretary of the Section of Legal Sciences,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Scientist of Russia
- E. A. Antonyan,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- A. R. Belkin,**
Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician of RANS
- M. D. Davitadze,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- Yu. N. Dmitrienko,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- A. E. Epifanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- O. D. Zhuk,**
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Prosecutor
of Russian, Academician of RANS
- N. G. Ivanov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia
- S. V. Ivantsov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- N. G. Kadnikov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker
of Higher Professional Education of Russia
- R. A. Kalamkaryan,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- N. N. Karpov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honorary Employee of Prosecutor's Office of Russia,
Honored Worker of Prosecutor's Office of Russia
- O. G. Karpovich,**
Doctor of Legal Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor
- M. P. Kireev,**
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russian
- S. I. Kirillov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- A. Yu. Kirsanov,**
Candidate of Legal Sciences
- N. Sh. Kozaev,**
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor
- N. A. Kolokolov,**
Doctor of Legal Sciences, Professor
- M. V. Kostennikov**
Doctor of Legal Sciences, Professor
Honored Employee of the Internal Affairs Bodies
of the Russia

Р. А. Курбанов,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России

С. Я. Лебедев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России

Н. П. Маюров,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России

Н. П. Майлис,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России,/
заслуженный деятель науки России

Г. Б. Мирзоев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист России

А. Л. Миронов,
кандидат юридических наук, доцент

Н. Г. Муратова,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Татарстан

С. Л. Никонович,
доктор юридических наук, доцент

Р. Б. Осокин,
доктор юридических наук, профессор

Б. В. Сангаджиев,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Калмыкия

М. Н. Толчеев,
доктор юридических наук

О. В. Химичева,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России

Б. С. Эбзеев,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный
деятель науки России, заслуженный юрист России,
судья Конституционного суда (в отставке)

Н. Д. Эриашвили,
кандидат исторических наук, кандидат юридических наук,
доктор экономических наук, профессор,
лауреат премии Правительства России
в области науки и техники

В. Ю. Бельский,
ученый секретарь секции философских наук,
доктор философских наук, профессор

С. Р. Аблеев,
доктор философских наук, доцент

Ф. Ю. Албакова,
доктор философских наук

О. Е. Баксанский,
доктор философских наук

В. К. Батурич,
доктор философских наук, профессор

В. Н. Белов,
доктор философских наук, профессор

Д. Н. Боровинская,
доктор философских наук

В. И. Букреев,
доктор философских наук

R. A. Kurbanov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

S. Ya. Lebedev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. P. Mayurov,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

N. P. Maylis,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russian Federation,
Honored Scientist of Russia

G. B. Mirzoev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of Russia

A. L. Mironov,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

N. G. Muratova,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

S. L. Nikonovich,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor

R. B. Osokin,
Doctor of Legal Sciences, Professor

B. V. Sangadzhiev,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Kalmykia

M. N. Tolcheev,
Doctor of Legal Sciences

O. V. Khimicheva,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russia

B. S. Ebzeev,
Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science
of Russia, Honored Lawyer of Russia,
Judge of the Constitutional Court of Russia (Retired)

N. D. Eriashvili,
Candidate of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Winner of an Award of the Government of Russia
in the field of Science and Technics

V. Yu. Belsky,
Scientific Secretary of the Section of Philosophical Sciences,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

S. R. Ableev,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

F. Yu. Albakova,
Doctor of Philosophical Sciences

O. E. Baksanskiy,
Doctor of Philosophical Sciences

V. K. Baturin,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. N. Belov,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

D. N. Borovinskaya,
Doctor of Philosophical Sciences

V. I. Bukreev,
Doctor of Philosophical Sciences

А. Л. Золкин,
доктор философских наук, доцент

В. Н. Иванов,
доктор философских наук,
член-корреспондент РАН

В. Ю. Ивлев,
доктор философских наук, профессор

А. Д. Иоселиани,
доктор философских наук, профессор

И. И. Кальной,
доктор философских наук, профессор

Н. С. Кирабаев,
доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки России

Е. А. Когай,
доктор философских наук, профессор

В. В. Колотуша,
доктор философских наук, профессор,
Член президиума РФО

И. А. Кушнеренко,
доктор философских наук, профессор

С. А. Нижников,
доктор философских наук, профессор

М. Г. Писманик,
доктор философских наук, профессор

Н. В. Попкова,
доктор философских наук,
кандидат технических наук, профессор

В. А. Цвык,
доктор философских наук, профессор

О. В. Чистякова,
доктор философских наук, профессор

Р. В. Шурупова,
доктор социологических наук,
кандидат педагогических наук, профессор,
академик РАЕН, академик ИНАРН

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ ЭКОНОМИКА

И. А. Майбуров,
руководитель секции, доктор экономических наук,
профессор, заслуженный деятель науки России

Е. И. Кузнецова,
ученый секретарь секции экономических наук,
доктор экономических наук, профессор

Ю. Т. Ахвледиани,
доктор экономических наук, профессор

А. А. Бакулина
доктор экономических наук, доцент,
член-корреспондент РАЕН

В. И. Бобошко,
доктор экономических наук, профессор

Р. П. Булыга,
доктор экономических наук, профессор

Л. П. Дашков,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России

A. L. Zolkin,
Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor

V. N. Ivanov,
Doctor of Philosophical Sciences,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences

V. Yu. Ivlev,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

A. D. Ioseliani,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

I. I. Kal'noy,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

N. S. Kirabaev,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Honored Scientist of Russia

E. A. Kogay,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

V. V. Kolotusha,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Member of the Presidium of the Russian Philosophical Society

I. A. Kushnerenko,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

S. A. Nizhnikov,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

M. G. Pismanik,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

N. V. Popkova,
Doctor of Philosophical Sciences,
Candidate of Technical Sciences, Professor

V. A. Tsvyk,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

O. V. Chistyakova,
Doctor of Philosophical Sciences, Professor

R. V. Shurupova,
Doctor of Sociological Sciences,
Candidate of Pedagogical Sciences, Professor,
Academician of RANS, Academician of the INARN

SOCIAL AND HUMAN SCIENCES ECONOMIC SCIENCES

I. A. Mayburov,
Section Head, Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Scientist of Russia

E. I. Kuznetsova,
Scientific Secretary of the Section of Economic Sciences,
Doctor of Economic Sciences, Professor

Yu. T. Akhvlediani,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. A. Bakulina
doctor of economic sciences, associate professor,
corresponding member of the RANS

V. I. Boboshko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

R. P. Bulyga,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. P. Dashkov,
Doctor of Economic Sciences, Professor,
Honored Worker of Higher School of Russia

Л. В. Каширская,
доктор экономических наук, профессор

В. Г. Когденко,
доктор экономических наук, профессор

Н. П. Купрешенко,
доктор экономических наук, профессор

А. Н. Литвиненко,
доктор экономических наук, профессор

В. Б. Мантусов,
доктор экономических наук, профессор

В. С. Осипов,
доктор экономических наук, профессор

Г. Б. Поляк,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки России, академик РАЕН

С. Г. Симагина,
доктор экономических наук, профессор

А. А. Ситнов,
доктор экономических наук, профессор

Л. Н. Тепман,
доктор экономических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, академик ИНАРН

Н. В. Цхададзе,
доктор экономических наук, профессор

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ КОМПЬЮТЕРНЫЕ НАУКИ И ИНФОРМАТИКА

И. В. Агласов,
доктор физико-математических наук, профессор

В. Н. Богатиков,
доктор технических наук, профессор

М. Б. Брук,
доктор физики, академик ИНАРН (Израиль)

М. Козлов,
кандидат технических наук, профессор, академик
ИНАРН

С. И. Козьминьх,
доктор технических наук, доцент

И. А. Кубасов,
доктор технических наук, доцент

В. А. Минаев,
доктор технических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы России,
академик РАЕН

А. С. Овчинский,
доктор технических наук, профессор,
академик РАЕН

А. М. Попов,
доктор технических наук, профессор

Л. М. Прейгерман,
доктор физики, профессор,
академик ИНАРН (Израиль)

В. А. Прорвич,
доктор технических наук, доктор юридических наук,
профессор

Д. А. Шаповалов,
доктор технических наук, профессор

L. V. Kashirskaya,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. G. Kogdenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

N. P. Kupreshchenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. N. Litvinenko,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. B. Mantusov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

V. S. Osipov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

G.B. Polyak,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Worker
of Science of Russia, Academician of RANS

S. G. Simagina,
Doctor of Economic Sciences, Professor

A. A. Sitnov,
Doctor of Economic Sciences, Professor

L. N. Tepman,
Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences, Academician of INARN

N. V. Tskhadadze,
Doctor of Economic Sciences, Professor

NATURAL SCIENCES COMPUTER SCIENCE AND INFORMATICS

I. V. Atlasov,
Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor

V. N. Bogatikov,
Doctor of Technical Sciences, Professor

M. B. Bruk,
Doctor of Physical Sciences, Academician of INARN (Israel)

M. Kozlov,
Candidate of Technical Sciences, Professor, Academician of
INARN

S. I. Kozminykh,
Doctor of Technical Sciences, Associate Professor

I. A. Kubasov,
Doctor of Technical Sciences, Associate Professor

V. A. Minaev,
Doctor of Technical Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russia,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

A. S. Ovchinsky,
Doctor of Technical Sciences, Professor,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

A. M. Popov,
Doctor of Technical Sciences, Professor

L. M. Preygerman,
Doctor of Physical Sciences, Professor,
Academician of INARN (Israel)

V. A. Prorvich,
Doctor of Technical Sciences, Doctor of Legal Sciences,
Professor

D. A. Shapovalov,
Doctor of Technical Sciences, Professor

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Содержание № 2 • 2023

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

**Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-29301
от 20 августа 2007 г.**

*Научный редактор,
ответственный за издание,
лауреат премии Правительства РФ
в области науки и техники,
доктор экономических наук,
кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук,
профессор*
Н. Д. Эриашвили
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Тел. 8 (499) 740-68-30

Главный редактор
А. Н. Осипова

Старший редактор
В. С. Клементьева

Редактор
М. А. Вяхирева

Ответственный секретарь
Д. Е. Барикаева

При участии:
М. И. Никитин
Д. Э. Каллагова

Дизайн и верстка
А. П. Яковлев

УЧРЕДИТЕЛЬ:

**ФГКОУ ВО
«Московский университет
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
имени В.Я. Кикотя»**
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Адрес издателя и редакции:
117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
тел. 8 (499) 789-67-35

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ПРАВО

Апухтин М. П., Никулин А. С. Частноправовые аспекты обеспечения антитеррористической безопасности объектов	9
Агутин А. В. Духовные скрепы русского (российского) народа и либеральная стратегия (идеология) уголовного судопроизводства: диалектика духовно-нравственного (конкретного) и либерального (абстрактного)	13
Акимов Г. В. Основные проблемы превенции детерминант молодежного экстремизма в России на современном этапе	20
Вецкая С. А., Леонтьева Ю. С. Гражданский иск, как наиболее эффективный способ возмещения вреда, причиненного преступлением, в досудебном уголовном судопроизводстве	25
Гаврилин Ю. В. Уголовно-процессуальный порядок наложения ареста на цифровые валюты	30
Гаврилов Б. Я. Сокращенное дознание нуждается в принципиальном реформировании: как совместить мнение представителя науки и правоприменителя ..	34
Горач Н. Н., Иванов Д. А., Макаренко М. М. Возбуждение уголовных дел о преступлениях экономической направленности: процессуальные особенности и проблемные вопросы, связанные с преодолением факторов противодействия	40
Григорьев В. Н. О некоторых тенденциях в развитии уголовного судопроизводства Российской Федерации на современном этапе	46
Ендольцева А. В. Отказ потерпевшего от дачи показаний: баланс частных и публичных интересов	50
Звонов А. В. Понятие системы уголовных наказаний: авторский взгляд	55
Иванова Ю. А., Долгий М. О. Среднеазиатские страны: современное конституционное законодательство	61
Каллагов Т. Э. Кадровая политика государства: некоторые особенности и проблемы современного развития	68
Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В. Административно-правовые основы противодействия коррупции в Российской Федерации	72
Корольчук А. В. Понятие и сущность административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел при противодействии распространению экстремистских материалов в сети Интернет	76
Крымов А. А. Отдельные уголовно-исполнительные и иные проблемы правового регулирования и правоприменения реализации профилактических мероприятий при эпидемии в исправительных учреждениях	81
Ле Конг Тхонг. Криминологическая характеристика угрозы или насильственных действий в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования	86
Лебедев С. Я. Криминология профессора Г. А. Аванесова как источник научного развития теории и практики предупреждения преступности и обеспечения общественной безопасности	91
Мельник Е. В., Трухачев А. А. Московский уголовный розыск: организационно-правовые основы становления и развития до начала 20-х г. XX в.	96
Мичурин О. В. Пять ключевых аргументов в пользу информатизации уголовного судопроизводства	105
Молчанова Т. В. Преступления коррупционной направленности в сфере экономической деятельности	110
Николюк В. В. Проведение ОРМ с задержанным подозреваемым (ч. 2 ст. 95 УПК РФ): правовой аспект	115
Победкин А. В. Языковые средства обеспечения публичности уголовного судопроизводства	123
Россинский С. Б. Следственные действия VS негласные приемы установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела	129

Заказ № 69
Подписано в печать
30.06.2023 г.

Индекс по каталогу
Агентства «Урал-Пресс Округ»

013885

- В соответствии со ст. 42 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», письма, адресованные в редакцию, могут быть использованы в сообщениях и материалах данного средства массовой информации, если при этом не искажает смысл письма. Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение. Никто не в праве обязать редакцию опубликовать отклоненное ею произведение, письмо, другое сообщение или материал, если иное не предусмотрено законом.
- Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. В первую очередь редакция публикует материалы своих подписчиков.
- При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов ссылка на журнал обязательна.

Формат 60x84 1/8.
Печать офсетная. Тираж 500 экз.
(1-й завод – 300).

Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикоты

117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12

Румянцев Н. В. К вопросу об использовании сотрудниками правоохранительных органов и ведомств специальных средств, установленных на спецтранспорте: административно-правовой аспект	133
Сойников С. А. Совершенствование законодательства об административной ответственности за нарушение тишины и покоя граждан	139
Сумин А. А. Проблемы функционирования суда с участием присяжных заседателей	144
Таранина Е. И. Разглашение сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера как нарушение неприкосновенности частной жизни.....	147
Тисен О. Н. Доказывание преступлений, совершенных с использованием криптовалют: следственная и судебная практика в условиях пробелов в правовом регулировании	152
Федорова И. В., Егорова В. С., Кокурина И. В. Сравнительный анализ охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности с помощью применения технологических систем (на примере Российской Федерации и зарубежных стран)	158
Хазов Е. Н., Богданов А. В., Мустафин М. С. Личный сыск с использованием информационно-коммуникационных технологий как эффективный метод выявления и раскрытия преступных посягательств против несовершеннолетних	163
Химичева О. В. Следственные действия: о цифровой трансформации их производства	170
Чесаков Г. К. Особенности лицензирования фармацевтической деятельности в России	175
Шакиров А. А. О соотношении терминов «медицинская помощь» и «медицинская услуга» в Российской Федерации	181
Щеглов А. В. Размышления о нравственном характере оперативно-розыскной деятельности	185

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ ЭКОНОМИКА

Саfoxина Е. А. Особенности налоговых преступлений на современном этапе	191
Литвиненко А. Н., Сутягин М. С. Концептуальная модель устойчивого развития организации	195
Минаков А. В. Борьба с незаконным импортом как способ повышения экономической безопасности страны	203

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ КОМПЬЮТЕРНЫЕ НАУКИ И ИНФОРМАТИКА

Кубасов И. А. Искусственный интеллект, как драйвер цифровой трансформации МВД России.....	211
Куриленко Ю. А., Едигарева Ю. Г., Ле Тхи Ван. Обеспечение информационной безопасности при утечке, разглашении и торговле персональными данными.....	216
Минаев В. А., Гершкович М. А. Оптимизация маршрутов полицейских патрульных нарядов при организации противодействия незаконному обороту наркотиков	222
Смирнов В. М., Кривоногова Д. О. Развитие шифровального дела в России	228
Шипулин Г. Ф. К вопросу о криминологической характеристике преступлений, совершаемых с использованием компьютерных сетей.....	231

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Майлис Н. П. У судей больше не осталось секретов. Рецензия на монографию Ю. А. Цветкова «Игры, в которые играют судьи. Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма». М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 383 с.	236
---	-----

Расторопов С. В. Понятие лидера преступной группировки в теории криминологии и уголовного права	240
Лебедев С. Я. Укрепление общих социально-правовых начал в предупреждении преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел.....	254

The journal is registered
by Federal Surveillance Service
for Compliance with the Legislation
in Mass Media and Cultural
Heritage Protection

Registration certificate
PI № FS77-29301
dated 20.08.2007

*Scientific Editor,
responsible for the publication,
Winner of the Award
of the Government
of the Russian Federation
in the field of a Science and
Technics,
Doctor of Economic Sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Candidate of Historical Sciences,
Professor*
N. D. Eriashvili
E-mail: nodari@unity-dana.ru
Tel. 8 (499)740-68-30

Editor-in-Chief
A. N. Osipova

Senior editor
V. S. Klementieva

Editor
M. A. Vyakhireva

Executive secretary
D. E. Barikaeva

With participation of:
M. I. Nikitin
D. E. Kallagova

Design and layout
A. P. Yakovlev

FOUNDER:
Moscow University
of the Ministry of Internal
Affairs of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot'
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12

Publisher and editorial staff address:
117997, Moscow,
Akademika Volgina, d. 12
tel. 8 (499) 789-67-35

CRIMINOLOGICAL JOURNAL

Contents № 2 • 2023

SOCIAL AND HUMANITIES SCIENCES
LEGAL SCIENCES

Apukhtin M. P., Nikulin A. S. Private law aspects of ensuring the anti-terrorist security of facilities.....	9
Agutin A. V. Spiritual Bonds of the Russian (Russian) People and the Liberal Strategy (ideology) of Criminal Justice: Dialectics of Spiritual and Moral (concrete) and Liberal (abstract).....	13
Akimova G. V. The main problems of prevention of determinants of youth extremism in Russia at the present stage.....	20
Vetskaya S. A., Leontieva Yu. S. Civil action as the most effective way of compensation for harm caused by a crime in pre-trial criminal proceedings.....	25
Gavrilin Yu. V. Criminal procedure for the seizure of digital currencies.....	30
Gavrilov B. Ya. Abbreviated inquiry needs a fundamental reform: how to combine the opinion of a representative of science and law enforcement.....	34
Gorach N. N., Ivanov D. A., Makarenko M. M. Initiation of criminal cases on economic crimes: procedural features and problematic issues related to overcoming counteraction factors.....	40
Grigoriev V. N. On some trends in the development of criminal proceedings in the Russian Federation at the present stage.....	46
Endoltceva A. V. Refusal to testify by the victim: balance of private and public interests.....	50
Zvonov A. V. The concept of the system of criminal penalties: the author's view.....	55
Ivanova Yu. A., Dolgiy M. O. Central Asian Countries: Modern Constitutional Legislation.....	61
Kallagov T. E. Personnel policy of the state: some features and problems of modern development.....	68
Kovshevatsky V. I., Markina E. V. Administrative and legal bases of counteraction corruption in the Russian Federation.....	72
Korolchuk A. V. The concept and essence of administrative and jurisdictional activities of internal affairs bodies in countering the spread of extremist materials on the Internet.....	76
Krymov A. A. Selected penal and other problems of legal regulation and enforcement of preventive measures during epidemics in correctional institutions.....	81
Le Cong Thong. Criminological characteristics of the threat or violent acts in connection with the administration of justice or the production of a preliminary investigation.....	86
Lebedev S. Ya. Criminology of professor G. A. Avanesov as a source of scientific development of the theory and practice of crime prevention and public safety.....	91
Melnik E. V., Trukhachev A. A. Moscow Criminal Investigation Department: organizational and legal foundations of formation and development until the early 20s of the XX century.....	96
Michurina O. V. Five key arguments in favor of informatization of criminal proceedings....	105
Molchanova T. V. Crimes of corruption in the sphere of economic activity.....	110
Nikolyuk V. V. Carrying out an operational-search activity with a detained suspect (part 2 of article 95 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation): the legal aspect.....	115
Pobedkin A. V. Linguistic means of ensuring the publicity of criminal proceedings.....	123
Rossinskiy S. B. Investigative actions VS tacit techniques to establish the circumstances relevant to the criminal case.....	129

Order № 69
Date of issue:
30.06.2023

Distributed by
subscription index in the catalog
of «Ural-Press Okrug» agency

013885

• In accordance with the Law of the Russian Federation «About mass media» of 27 December 1991 № 2124-1, letters addressed to the editorial staff, may be used in messages and materials of mass media, if it does not distort the meaning of the letter. Editorial staff is not obliged to answer letters of citizens and to remit these letters to those bodies, the organizations and officials, whose competence includes their consideration. Nobody has the right to oblige editorial staff to publish the product, the letter, other message or a material that has been dismissed earlier, if other is not statutory.

• The opinion of editorial staff may not coincide with the point of view of the authors of publications. The responsibility of publications maintenance and reliability of the facts lies on authors. First of all editorial staff publishes materials of the subscribers.

• At a reprint or reproduction by any method, in full or in part journal materials the reference to the journal is obligatory.

Format 60x84 1/8.

Offset printing Circulation 500 copies
(1st release – 300)

Moscow University
of Ministry of Internal Affairs
of Russian Federation
named after V.Ya. Kikot'

117997, Moscow,
ul. Akademika Volgina, d. 12

Rumyantsev N. V. On the issue of the use by law enforcement officers and agencies of special means installed on special vehicles: administrative and legal aspect.....	133
Soynikov S. A. Improvement of the legislation on administrative responsibility for violation of silence and peace of citizens.....	139
Sumin A. A. Problems of functioning of a court with the participation of jurors.....	144
Taranina E. I. Disclosure of information about income, expenses, property and property obligations as a violation of privacy.....	147
Tissen O. N. Proving crimes committed using cryptocurrencies: investigative and judicial practice in the context of gaps in legal regulation.....	152
Fedorova I. V., Egorova V. S., Kokurina I. V. Comparative analysis of the protection of public order and public safety through the use of technological systems (the example of the Russian Federation and foreign countries).....	158
Khazov E. N., Bogdanov A. V., Mustafin M. S. Spiritual Bonds of the Russian (Russian) People and the Liberal Strategy (ideology) of Criminal Justice: Dialectics of Spiritual and Moral (concrete) and Liberal (abstract).....	163
Khimicheva O. V. Investigative actions: about the digital transformation of their production.....	170
Chesakov H. K. Features of licensing of pharmaceutical activity in Russia.....	175
Shakirov A. A. About the correlation of the terms «medical care» and «medical service» in the Russian Federation.....	181
Shcheglov A. V. Reflections on the moral character of operational investigative activity.....	185

SOCIAL AND HUMAN SCIENCES
ECONOMIC SCIENCES

Safokhina E. A. Features of tax crimes at the present stage.....	191
Litvinenko A. N., Sutyagin M. S. Conceptual model of sustainable development of the organization.....	195
Minakov A. V. Fighting illegal imports as a way to improve the economic security of the country.....	203

NATURAL SCIENCES
COMPUTER SCIENCE AND INFORMATICS

Kubasov I. A. Artificial intelligence as a driver of digital transformation of the Ministry of Internal Affairs of Russia.....	211
Kurilenko Yu. A., Yedigareva Yu. G., Le Thi Van. Ensuring information security in case of leakage, disclosure and trading of personal data.....	216
Minaev V. A., Gershkovich M. A. Route optimization police patrol squads in the organization of counteraction to illegal drug trafficking.....	222
Smirnov V. M., Krivonogova D. O. Development of cryptography in Russia.....	228
Shipulin G. F. On the criminological characterization of offences committed through computer networks.....	231

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Maylis N. P. Judges have no more secrets. Review of the monograph by Yu. A. Tsvetkov. «The games the judges play. Deconstruction of Justice and Judicial Activity in the Legal Realism Paradigm». M.: UNITI-DANA, 2023. 383 p.....	236
---	-----

Rastoropov S. V. The concept of the leader of a criminal group in the theory of criminology and criminal law.....	240
Lebedev S. Ya. Strengthening of common socio-legal principles in the prevention of crimes and administrative offenses by internal affairs bodies.....	254

Научная статья

УДК 34:002

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-9-12>

НИОН: 2007-0083-2/23-246

MOSURED: 77/27-005-2023-02-446

Частноправовые аспекты обеспечения антитеррористической безопасности объектов

Михаил Павлович Апухтин¹, Алексей Сергеевич Никулин²

^{1,2} Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия, yvc90@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены частно-правовые аспекты обеспечения антитеррористической безопасности объектов, также особенности гражданско-правового проявления антитеррористической защищенности. На основании выявленных элементов установлено соотношение частноправовой антитеррористической защищенности объектов с аналогичной деятельностью публично-правовых субъектов, что позволяет гражданам и организациям использовать соответствующие правовые средства, направленные на обеспечение защищенности объектов, принадлежащих им на праве собственности или на ином законном основании.

Ключевые слова: частно-правовые аспекты, публично-правовые субъекты, антитеррористическая защищенность, средства индивидуального регулирования

Для цитирования: Апухтин М. П., Никулин А. С. Частноправовые аспекты обеспечения антитеррористической безопасности объектов // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 9-12. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-9-12>.

Original article

Private law aspects of ensuring the anti-terrorist security of facilities

Mikhail P. Apukhtin¹, Alexei S. Nikulin²

^{1,2} Russian Economic University named after G. V. Plekhanov, Moscow, Russia, yvc90@mail.ru

Abstract. Considered private-legal aspects of anti-terrorist security of facilities, as well as features of civil law manifestation of anti-terrorist protection. On the basis of the identified elements the correlation of private-legal antiterrorist protection of objects with similar activities of public-law subjects is established, which allows citizens and organizations to use appropriate legal means aimed at ensuring the protection of objects belonging to them by right of ownership or on other legal grounds.

Keywords: private-legal aspects, public-legal entities, anti-terrorist security, means of individual regulation

For citation: Apukhtin M. P., Nikulin A. S. Private law aspects of ensuring the anti-terrorist security of facilities. Criminological journal. 2023. (2):9-12. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-9-12>.

Ввиду столкновения России с глобальными вызовами и угрозами (санкционное давление западных стран на экономику, проведение специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины и др.) возникает необходимость осмысления не только исторических, социокультурных, но и правовых реалий.

Ввиду проведения Россией СВО, к сожалению, мы наблюдаем провокационные и террористические дей-

ствия со стороны украинских националистических формирований, в первую очередь в желтой линии террористической опасности находятся приграничные районы Белгородской, Курской, Брянской, Ростовской областей, а также в целом территория ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области. Также мы наблюдаем тенденцию совершения террористических актов в образовательных организациях (расстрел школьников, пронос оружия учащимися в школу [1] и пр.), которые

обусловлены негативным влиянием информационных ресурсов на подростков и молодежь.

Указанное выше актуализирует проблему антитеррористической безопасности объектов, в т. ч. и в рамках гражданско-правового законодательства.

В ч. 3.1 ст. 5 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» отмечается: «на некоторых физических и юридических лиц возложена обязанность по выполнению требований к антитеррористической защищенности объектов, используемых ими для осуществления предпринимательской или иной общественно полезной деятельности, находящихся в их собственности или принадлежащих им на ином законном основании» [2].

Проведенная аналитическая работа и контент-анализ нормативных правовых актов позволяют констатировать, что сегодня отсутствует четкий детальный механизм выполнения физическими и юридическими лицами своих обязанностей по обеспечению антитеррористической защищенности объектов. В этой связи участники гражданско-правовых отношений в целях беспрепятственной реализации своей гражданской правоспособности вынуждены самостоятельно искать и применять силы и средства исполнения названной обязанности, делая это под угрозой применения санкций специальной юридической ответственности, которые могут привести не только к ограничению, но и прекращению осуществления гражданских прав.

Также, наблюдается недостаточное количество цивилистических исследований в сфере обеспечения антитеррористической безопасности объектов, что обуславливает необходимость поиска частноправовых начал рассматриваемой защищенности и формирования о ней целостного научного представления. Тот факт, что такого рода начала проявляются в правовом положении субъектов, их правах и обязанностях, правовом режиме объектов, средствах правового регулирования деятельности по обеспечению антитеррористической защищенности, дополнительно аргументирует значимость наличия частноправовых воззрений на ее правовые свойства.

В рамках гражданско-правового законодательства антитеррористическая защищенность (далее АТЗ) объектов проявляется в:

- правовом положении граждан и организаций как участников гражданского оборота;
- наличии вещных прав на объекты, подлежащие обязательной АТЗ;
- возможности осуществления организационно-корпоративных мер, влияющих на обеспечение АТЗ объектов;
- возможности применения договорных средств гражданско-правового характера;
- предпринимательских свойствах деятельности субъектов, в том числе, обеспечивающих

АТЗ объектов на профессиональной основе;

- характеристике объектов защиты в качестве объектов гражданских прав.

Вторым частноправовым аспектом является трудо-правовой аспект, обусловленный частноправовым характером трудовых отношений. По мнению С. А. Шаронова: «Его выделение обосновано необходимостью идентификации правового положения работника и работодателя как потенциальных участников АТЗ, детализацией трудовой функции работников в контексте должностных инструкций, необходимостью разработки локальных нормативных актов (о пропускном, внутриобъектовом режимах и др.) как средств обеспечения АТЗ» [3].

Среди других компонентов рассматриваемого аспекта следует выделить такие средства, как трудовые, ученические, коллективные и иные договоры в контексте закрепления в них условий, способствующих реализации интереса работодателей в области АТЗ.

Рассмотрим кратко сущность их правовых свойств:

1. *Правовое положение субъектов.* К субъектам в частноправовой сфере можно отнести как юридических и физических лиц, выполняющих требования к АТЗ принадлежащих им на праве собственности или на ином законном основании объектов, так и непосредственно субъектов обеспечения АТЗ — ЧОО или охранные организации, созданные с участием государства (ведомственная охрана, ФГУП «Охрана» Росгвардии и др.). Стоит отметить, что ЧОО, оказывающие рассматриваемый вид услуги, должны соответствовать особым требованиям в части размера уставного капитала, наличия служебного огнестрельного оружия, специальных средств, штата работников и иным требованиям. К публично-правовым субъектам относятся федеральные органы исполнительной власти (ФСБ, МВД, Росгвардия, Вооруженные Силы и другие), органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, координационные органы различных уровней (Национальный антитеррористический комитет, антитеррористические комиссии, оперативные штабы).

2. *Правовой режим объектов.* Объектами (в широком смысле) АТЗ для частноправовых субъектов является ограниченный круг объектов, который входит в предмет договора на оказание охранных услуг по АТЗ объекта — обеспечение внутриобъектового и пропускного режимов на объекте, защита жизни и здоровья граждан, охрана имущества. Государство же охраняет не только отдельные объекты, но и более широкие явления — суверенитет, конституционный строй, общественный порядок, культурную, экономическую, экологическую среду. В узком смысле: в настоящее время нет единого перечня объектов, на которых может обеспечиваться АТЗ субъектами част-

ного права. Но Постановления содержат положения о возможности обеспечения АТЗ охранными организациями на объектах спорта, торговли, в гостиницах и т. п. Однако существуют нормативные правовые акты, ограничивающие круг объектов, на которые распространяется частная охранная деятельность [4].

3. *Содержание правоотношений (права и обязанности), включающее на сущность действий.* Частные охранники наделены ограниченным объемом прав. Например, они вправе применять огнестрельное оружие для отражения нападения, создающего угрозу собственной жизни, либо группового или вооруженного нападения на охраняемое имущество. В то же время, работники, например, ведомственной охраны могут применить его и для защиты других лиц, для задержания правонарушителя, для остановки транспортного средства. Это связано с тем, что действия сотрудника полиции предопределены публично-правовым интересом и кругом служебных полномочий, а действия охранника представляют собой элемент процесса оказания услуг, а интерес является частноправовым.

4. *Средства нормативного и индивидуального регулирования.* Ввиду того, что участники гражданского оборота при обеспечении АТЗ не могут, например, проводить оперативно-розыскные мероприятия, они используют средства индивидуального регулирования. Так, с помощью договоров они могут выполнить требования к АТЗ по установке системы видеонаблюдения, инженерного ограждения, обходу территории и т. п. Работники частных охранных организаций в своей деятельности руководствуются в большей степени гражданско-правовыми нормами, локальными актами, договором на оказание охранных услуг, лицензией на осуществление деятельности, правилами и стандартами саморегулирования. В отличие от них, деятельность сотрудников правоохранительных органов регламентирована специальными законами, подзаконными актами, приказами и распоряжениями.

5. *Основания возникновения, изменения и прекращения правоотношений.* В основе осуществления деятельности по АТЗ лежат разные юридические факты. Если для государственных органов основанием возникновения и прекращения рассматриваемых правоотношений является административный акт, то для ЧОО таким юридическим фактом является заключение и расторжение соответствующего вида договора оказания охранных услуг.

6. *Формы контроля со стороны субъектов.* В целом контроль за обеспечением АТЗ объектов возложен на координационные органы в сфере противодействия терроризму (Национальный антитеррористический комитет, антитеррористические комиссии различных уровней, оперативные штабы). К форме контроля над частной охранной деятельностью следует от-

нести публично-правовой институт лицензирования и такое зарождающееся частноправовое средство, как саморегулирование. Для обеспечения АТЗ объектов органами государственной власти разрабатываются инструкции и положения, содержащие информацию ограниченного распространения, которые регламентируют контроль. Однако им не присуща обязанность неразглашения коммерческой тайны, которой могут быть наделены работники объекта, подлежащего АТЗ частноправовыми средствами.

7. *Виды деятельности с использованием объектов гражданских прав.* Лица, обеспечивающие АТЗ объектов частноправовыми средствами, занимаются предпринимательской или иной общественно полезной деятельностью. Однако непосредственным обеспечением АТЗ зачастую занимается охранная организация, которая, в отличие от органов государственной власти, осуществляет свою деятельность в виде предпринимательства. Но относительно видов деятельности существует и проблема — современное состояние гражданского оборота предполагает высокую конкуренцию на рынке охранных услуг, ввиду чего ЧОО вынуждены предлагать наиболее выгодные для контрагента условия договора, что предполагает наличие экономических рисков. Конкурентного положения лишены органы государственной власти, осуществляющие деятельность по АТЗ, исходя из круга своих задач и определенных объектов охраны. Однако на рынке охранных услуг существуют и субъекты смешанной правовой природы (ведомственная охрана, ФГУП «Охрана» Росгвардии), которые, с одной стороны, учреждены государством, а с другой, вправе оказывать услуги в частной сфере. Такое правовое положение этих организаций зачастую приводит к понуждению заключения договора, проблеме монополии и имеет коррупционную составляющую.

Таким образом, следует констатировать, что гражданско-правовая природа ЧОО как профессиональных субъектов обеспечения АТЗ объектов обуславливает их ограниченную компетенцию в реализации правоохранительной (антитеррористической, в частности) функции, а также предпринимательские свойства, выражающиеся в направленности на получение прибыли. Следствием этого является ограниченность ЧОО в арсенале правовых и материальных и средств, объеме правомочий их работников в процессе обеспечения АТЗ объектов по сравнению со служащими государственных органов, на которых возложены аналогичные функции. Единственным общим свойством обеспечения АТЗ субъектами частного и публичного права является цель их деятельности — обеспечение состояния защищенности объекта от угрозы совершения на нем террористического акта.

Список источников

1. Хронология расстрелов в учебных заведениях России // URL://<https://tass.ru/info/12452757>.
2. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с изм. и доп. от 26 мая 2021 г.) // URL://<https://base.garant.ru/12145408/>
3. Шаронов С. А. Частноправовые аспекты анти-террористической защищенности объектов предпринимательской деятельности: на опасных производственных объектах // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 7. С. 108–113.
4. Севостьянов В. В. Договорное регулирование предпринимательского отношения по эксплуатации опасных производственных объектов: дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2019.

References

1. Chronology of executions in educational institutions of Russia // URL://<https://tass.ru/info/12452757>.
2. Federal Law of March 6, 2006, № 35-FZ «On countering terrorism» (with amendments and additions of May 26, 2021) // URL://<https://base.garant.ru/12145408/>
3. Sharonov S. A. Private legal aspects of antiterrorist protection of business objects: at hazardous production facilities // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 7. P. 108–113.
4. Sevostyanov V. V. Contractual regulation of entrepreneurial relations in the operation of hazardous production facilities: diss. ... cand. of legal sciences. Grozny, 2019.

Информация об авторах

М. П. Апухтин — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат юридических наук;

А. С. Никулин — проректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, кандидат философских наук.

Information about the authors

M. P. Apukhtin — Associate Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Russian Economic University named after G. V. Plekhanov, Doctor of Legal Sciences;

A. S. Nikulin — Vice-Rector of the Russian Economic University named after G. V. Plekhanov, Candidate of Philosophical Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.04.2023; одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 16.05.2023.

The article was submitted 05.04.2023; approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 16.05.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-13-19>

НИОН: 2007-0083-2/23-247

MOSURED: 77/27-005-2023-02-447

**Духовные скрепы русского (российского) народа и либеральная стратегия
(идеология) уголовного судопроизводства:
диалектика духовно-нравственного (конкретного)
и либерального (абстрактного)**

Александр Васильевич Агутин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, agutin.av@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена осмыслению диалектики духовных скреп российского народа и либеральной идеологии (стратегии) уголовного судопроизводства. Обоснована идея о том, что за воплощение либеральной идеологии в уголовно-процессуальной деятельности приводит к утрате ее смысла и обезличиванию отечественного уголовного судопроизводства. Установлено, что духовные скрепы русского (российского) народа формируют творческую уголовно-процессуальную деятельность, тем самым обеспечивая ей действенность.

Ключевые слова: Отечество, духовные скрепы, диалектика, личность, стратегия, смысл, цель, мотивация, жизнь, идеология, либерализм

Для цитирования: Агутин А. В. Духовные скрепы русского (российского) народа и либеральная стратегия (идеологии) уголовного судопроизводства: диалектика духовно-нравственного (конкретного) и либерального (абстрактного) // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 13-19. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-13-19>.

Original article

**Spiritual Bonds of the Russian (Russian) People
and the Liberal Strategy (ideology) of Criminal Justice:
Dialectics of Spiritual and Moral (concrete) and Liberal (abstract)**

Alexander V. Agutin

National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia, agutin.av@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to understanding the dialectics of the spiritual bonds of the Russian people and the liberal ideology (strategy) of criminal proceedings. The idea that the embodiment of liberal ideology in criminal procedure leads to the loss of its meaning and depersonalization of domestic criminal justice has been substantiated. The paper establishes that the spiritual bonds of the Russian (Russian) people form creative criminal procedural activity, thereby ensuring its effectiveness.

Keywords: Fatherland, spiritual bonds, dialectic, personality, strategy, meaning, purpose, motivation, life, ideology, liberalism

For citation: Agutin A. V. Spiritual Bonds of the Russian (Russian) People and the Liberal Strategy (ideology) of Criminal Justice: Dialectics of Spiritual and Moral (concrete) and Liberal (abstract). Criminological journal. 2023. (2):13-19. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-13-19>.

В представляемой статье мы предлагаем обсудить проблему духовных скреп российского народа в формировании ценностно-смысловых (духовно-нравственных) основ уголовно-процессуальной деятельности и линейному, и нелинейному отрицанию ими

либеральной стратегии (идеологии) уголовного судопроизводства. Происходит отрицание именно той либеральной идеологии, которая нашла свое воплощение в УПК РФ. Пока такое отрицание незаметно. В основном оно происходит на уровне духовного и боже-

© Агутин А. В., 2023

ственного мира. Ключевая (системообразующая) роль в данном отрицании принадлежит духовным скрепам российского народа.

Духовные скрепы нашего народа обуславливают духовно-нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности. Без них она невозможна. Тогда же, когда в силу различных обстоятельств уголовно-процессуальная деятельность начинает осуществляться без духовно-нравственной основы, она превращается в бессмысленную, немотивированную и бесцельную имитационную деятельность (процесс). Своим назначением эта деятельность будет иметь манипуляцию общественным и индивидуальным сознаниями нашей общности. Подобная манипуляция есть зло, которое влечет за собой обезличивание отечественного уголовного судопроизводства (уголовного процесса).

Для обезличенного уголовного процесса личность как таковая оказывается неведомой землей. Неведомость для отечественного уголовного судопроизводства личности является верным показателем утраты им внутреннего (духовного и божественного) мира, а также свертывания дальновидности (целостной стратегии мышления) и живого (творческого) начала. О правоте сказанного, говорят проведенные нами исследования [2, с. 3–5], а также исследования других авторов [3, с. 146–171].

Осмысление их результатов в контексте настоящих размышлений дают нам основание сказать: «Уголовно-процессуальная доктрина, воплощенная в УПК РФ, разработана без учета внутреннего мира как должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, так и всех других участников уголовного процесса. Вследствие чего, при своем воплощении в реалии уголовного судопроизводства, оказалось, что она порождает безликую, близорукую (недальновидную) и безразличную (равнодушную) уголовно-процессуальную деятельность. К тому же, уголовно-процессуальная доктрина, воплощенная в УПК РФ, оказалась враждебно настроенной ко всему тому, что обозначается словом «жизнь».

Пороки уголовно-процессуальной доктрины, воплощенной в УПК РФ, как в отдельности, так и в своей совокупности формирует порочный круг жизни отечественного уголовного судопроизводства, а само оно уподобляется земному аду, истоки (языки пламени) которого вырываются из самой преисподней. В уголовно-процессуальной науке же такое проявление ада на русской земле усилиями либеральной пропаганды выдается в качестве панацеи от всех ее бед. Выход из сложившейся ситуации мы ведем в возвращении отечественного уголовного судопроизводства в «родную гавань». Он должен выбрать апробированный тысячелетней историей нашего народа ценностно-смысловой образ своего функционирования. Отечественное уголовное судопроизводство должно встать на путь правды, определяемый духовными скрепами российского народа.

Духовные скрепы российского народа обусловлены духовно-историческими корнями нашей право-

славно-мусульманской цивилизации, и имеют потенциал для раскрытия лучших начал духа жизни нашего народа. Не является исключением из нее та ее часть, которая имеет отношение к формированию ценностно-смысловых основ отечественного уголовного судопроизводства. В духовно-историческом аспекте лучшие начала духа жизни нашего народа были раскрыты во времена Сергия Радонежского, а также в советский период истории нашего государства (до 1953 г.). Эти лучшие начала жизни русского (советского) народа проявлялись в основных формах его самосознания (вере, традициях и обычаях). Из поколения в поколение наш народ хранит эти драгоценные духовные знания (знания духовного и божественного мира) о своей жизни. Системное их проявление есть духовные скрепы российского народа. Они являются концептом для формирования духовно-нравственных (ценностно-смысловых) основ отечественного уголовного судопроизводства.

Наше уголовное судопроизводство должно иметь духовно-нравственную (ценностно-смысловую) основу, а концептуально обуславливаться духовным и божественным миром. С легкой руки президента РФ В. В. Путин духовный и божественный мир нашего народа получил наименование «духовных скрепы российского народа». В частности, В. В. Путин отметил: «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп — милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи, — дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились» [8]. Осмысливая эти слова нашего президента в контексте отечественного уголовного судопроизводства нетрудно заключить: в историческом аспекте дефицит духовных скреп в виде милосердия сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи ведет к ослаблению (утрате действенности) уголовно-процессуальной деятельности.

Президент России В. В. Путин также акцентировал внимание Федерального Собрания Российской Федерации на том, что в начале XXI в. Россия столкнулась «с настоящим демографическим и ценностным кризисом. А если нация не способна себя сберечь и воспроизводить, если она утрачивает жизненные ориентиры и идеалы, ей и внешний враг не нужен, все и так развалится само по себе» [8]. Осмысливая слова президента России В. В. Путина, можем смело заявить: российское уголовное судопроизводство, как отрасль государственной деятельности, также столкнулась с ценностным кризисом. Следовательно, та совокупность либеральных «ценностей», которая линейно и нелинейно проведена в УПК РФ, ведет отечественное уголовное судопроизводство к кризису.

Спасение российского (-ой) общества (общности) в области уголовного судопроизводства состоит в восполнении дефицита духовных скреп, а именно, милосердия, сочувствия, сострадания, поддержки и взаимопомощи. В противной ситуации, уголовное

судопроизводство будет неспособно своим потенциалом, с одной стороны, воспроизводить себя, а с другой — сберечь (оберегать) российскую общность. Оно само по себе разрушится (развалится) без всякого усилия внешних врагов. Для наших оппонентов должно быть понятно: с суждениями президента России В. В. Путина относительно места и роли духовных скреп в укреплении нашей государственности мы не только согласны, но и солидарны.

Несмотря на более тысячелетнюю апробацию духовных скреп в деле сбережения и воспроизводства нашего народа, проблема духовных скреп российского народа в формирование ценностно-смысловых основ уголовно-процессуальной деятельности является новой и необычной для науки уголовного судопроизводства. До недавнего времени в ней она вообще не обсуждалась. Однако, в ситуации, когда российская государственность целеустремленна на свое преобразование в соответствии с духовными основами жизни нашего народа, проблема духовных скреп в формирование ценностно-смысловых основ уголовно-процессуальной деятельности, должна стать центральной проблемой науки уголовного судопроизводства.

В противовес либеральной идеологии (концепции) духовные скрепы российского народа своим потенциалом способны выстроить системную ценностно-смысловую государственную концепцию (идеологию) отечественного уголовного судопроизводства. Ее опорой [5, с. 123–131] будут миропонимание, мировосприятие и миропонимание подавляющего большинства нашего народа. Именно того большинства нашего народонаселения, которому является чужд бездуховный либерализм.

Опора государственной ценностно-смысловой идеологии отечественного уголовного судопроизводства на миропонимание, мировосприятие и миропонимание подавляющего большинства российского народа с неизбежностью приведет к росту уровня его доверия к своему государству в лице органов и должностных лиц, осуществляющих производство по уголовным делам. Такую боеспособность государственной ценностно-смысловой идеологии отечественного уголовного судопроизводства мы обосновываем ниже следующими суждениями.

Духовные скрепы российского народа есть фундаментальная основа жизни отечественного уголовного судопроизводства, а, следовательно, его действительности. Они также есть живая (духовная) энергия уголовно-процессуальной деятельности. Без духовных скреп российского народа уголовно-процессуальная деятельность утрачивает свою жизненную (духовную) силу. Она разрушается и преобразуется в формализованную имитационную деятельность.

Своим безжизненным потенциалом имитационная уголовно-процессуальная деятельность будет омертвлять общественное (коллективное (соборное)) сознание должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. По этому поводу, В.

Н. Григорьев, со свойственным его перу изяществом, пишет: «Современные деятели юстиции, сформировавшиеся уже на базе современного уголовно-процессуального законодательства и понятия не имеющие о страхе быть уличенным в «обвинительном уклоне», добросовестно отрабатывают либеральные несуразности закона, предписывающего им лишь одну позицию — быть на стороне обвинения» [4, с. 193–200].

Диагноз В. Н. Григорьева, поставленный современным деятелем юстиции, неутешителен. Прежде всего, он является свидетельством того, что имеет место нарушение целостного (соборного) сознания должностных лиц, осуществляющих производство по уголовным делам (они же, современные деятели юстиции, сформировавшиеся на базе российского уголовно-процессуального законодательства). Причиной тому является дефицит духовных скреп в уголовно-процессуальной доктрине, воплощенной в УПК РФ. Духовные скрепы российского народа формируют целостное (соборное) сознание должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Целостное (соборное) есть духовное сознание (единство сознательного и бессознательного), сформированное на основе духовных скреп российского народа. Соборное сознание должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, есть их духовный код, обусловленный более чем тысячелетней историей российской общности. Веками соборное сознание нашего народа обеспечивало ему, будем надеяться и в наши дни, будет обеспечивать «национальную духовную крепость общества в условиях цивилизационных переломов и переходов» [10, с. 94–108]. Омертвление же соборного сознания должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, с неизбежностью приведет к росту равнодушия и безразличия при осуществлении ими производств по уголовным делам.

Рост равнодушия и безразличия при производстве по уголовным делам является верным показателем нейтрализации основного духовно-нравственного закона жизни русского (российского) народа — сострадания в форме самопожертвования. Духовно-нравственный закон жизни нашего народа в виде сострадания, целеустремленного на самопожертвование, есть одна из духовных скреп российского народа. Она является действенным способом развертывания свободы в условиях нашей цивилизации посредством выполнения долга (исполнения обязанностей должностными лицами, осуществляющими производство по уголовным делам). В сфере уголовного судопроизводства духовная скрепа в виде сострадания, целеустремленного на самопожертвование, должна красной нитью быть проведена в полномочия должностных лиц, осуществляющих производство по уголовным делам.

Отечественная наука уголовного судопроизводства должна разработать теорию уголовно-процессуальной деятельности на основе духовных скреп российского народа. Выработка же и воплощение в

систему уголовно-процессуального законодательства доктрины уголовного судопроизводства без духовной скрепы российского народа есть научная спекуляция, соседствующая шарлатанством. Тем самым научным шарлатанством, для которого неведомо наше Отечество. Ценностно-смысловые основы уголовно-процессуальной деятельности должны формироваться на основе духовной скрепы российской народа. С одной стороны, формирование ценностно-смысловых основ уголовно-процессуальной деятельности есть восприятие должностными лицами, осуществляющими производство по уголовным делам духовных скреп российского народа (духовных столпов православной веры, культурно-исторического наследия и системы традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа). С другой же стороны — представляет собой духовную энергию, противостоящую распаду (разложению) отечественного уголовного судопроизводства [1, с. 3–7].

При производстве по уголовным делам духовная энергия нашего народа своим потенциалом обеспечивает преодоление хаоса (социальной шизофрении) в уголовно-процессуальной сфере. Более того, формирование ценностно-смысловых основ уголовно-процессуальной деятельности на основе духовной скрепы российского народа обеспечивает нашему уголовному судопроизводству ряд организационных свойств, которые в своей совокупности являют ему высший уровень организации — самоорганизацию. Речь в данной ситуации мы ведем о появлении у отечественного уголовного судопроизводства таких организационных свойств, каковыми являются жизненность, устойчивость, определенность, ясность и целостность структуры. Кроме того, самоорганизация отечественного уголовного судопроизводства является признаком того, что оно основывается на системном творческом мышлении. Оно активизирует процессы самореализации у должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Вследствие чего происходит качественное их преобразование как личностей.

По крайней мере, осмысление в науковедческих источниках потенциала системного творческого мышления, позволяет нам говорить о появлении у должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, достаточно привлекательных качеств личности. Обычно к таковым относят: «1) готовность к обоснованному риску, смелость; 2) принятие самостоятельных решений; 3) способность генерировать новые идеи, открытость новому; 4) интеллектуальная активность; 5) воля и высокая работоспособность; 6) потребность в самосовершенствовании; 7) уверенность в себе, оптимизм; 8) критический взгляд на себя и окружающее; 9) творческое отношение к усвоению профессиональных знаний, целеустремленность» [6, с. 32–46].

Способность духовных скреп российского народа обеспечивать нашему уголовному судопроизводству организационные свойства, целеустремленные на са-

моорганизацию за счет активизации процессов самореализации в виде формирования творческих качеств личности, говорит об их конкретности и практичности. Практичность и конкретность духовных скреп нашего народа в деле формирования ценностно-смысловых основ уголовно-процессуальной деятельности нами объясняется нижеследующим обстоятельством.

Духовные скрепы является сакральным (вечным (духовным)) знанием. В отличие от научного знания, духовное знание своим потенциалом выходит за пределы пространства и времени. Духовные скрепы российского народа есть проявление Духа Вечности, обусловленного духовным и божественным миром. Именно Дух Вечности позволяет духовным скрепам нашего народа формировать действенную ценностно-смысловую основу уголовно-процессуальной деятельности. В тексте Конституции Российской Федерации эта мысль выражена нижеследующим образом: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» (ч. 2 ст. 67 (1)).

К сожалению, в большинстве своем российская уголовно-процессуальная наука к приведенным положениям Конституции Российской Федерации относится индифферентно. Подобная индифферентность науки уголовного судопроизводства является верным признаком ее пораженности ложным системным либеральным мировоззрением. Ложное системное либеральное мировоззрение обеспечивает уголовно-процессуальной науке ложную парадигму научного мышления. Для нее неведомы духовные скрепы российского народа. Вследствие чего мировоззренческо-политические установки руководителей нашего государства остаются невостребованными. Наука уголовного судопроизводства пока к ним безразлична.

Однако формирование ценностно-смысловой основы уголовно-процессуальной деятельности в согласии с духовными скрепами российского народа с неизбежностью повлечет собой возникновение свойственного ей национального (государственного) мировоззрения. В своей же совокупности ценностно-смысловая основа уголовно-процессуальной деятельности и государственное мировоззрение обеспечивают отечественному уголовному судопроизводству духовно-нравственную (животворящую) силу. В результате на стратегическом уровне наше уголовное судопроизводство будет наделяться свойственными только ему целями, совокупностью надындивидуальных мотивов (стратегической мотивацией) и смыслом.

Наделение отечественного уголовного судопроизводства целями, мотивацией и смыслом является верным показателем единения ума, воли и чувств. Подобное единение есть его преобразование в творческую деятельность. Преобразование отечественного уголовного судопроизводства в творческую уголовно-процессуальную деятельность есть признак высшего

ее бытия в форме самоорганизации. Самоорганизация уголовного судопроизводства обуславливает творческую уголовно-процессуальную деятельность.

Творческая уголовно-процессуальная деятельность определяется внутренним (духовным и божественным) миром, а не внешними ее атрибутами, например, уголовно-процессуальным законом. В этой творческой уголовно-процессуальной деятельности потенциалом духовных скреп раскрывается духовный и божественный мир российской общности (народа). Он и обуславливает творческую мысль (системное творческое мышление) при производстве по уголовным делам.

Опираясь на творческое наследие психологов и педагогов, мы солидаризируемся с ними в том, что «системное творческое мышление является высокопродуктивным мышлением» [6, с. 32–46]. В русской философии основу этого высокопродуктивного мышления видели в интуиции. Например, В. С. Соловьев утверждал: «Без основанной на вдохновении интуиции невозможна ...никакая объективная деятельность и никакое объективное познание...» [9, с. 207]. Интуиция в целом и интуиция в отечественном уголовном судопроизводстве соотносятся между собой как целое к части. Как каждая сама по себе, так и в своей совокупности они являются проявлением в уголовном судопроизводстве системного творческого мышления. Отсюда правомерна мысль нижеследующего содержания: в сфере уголовного судопроизводства без интуиции невозможна действенная (объективная) уголовно-процессуальная деятельность. Впрочем, как невозможно и объективное познание при производстве по уголовным делам.

На уровне целого без творческого системного мышления, а, следовательно, без учета интуиции невозможна действенная уголовно-процессуальная деятельность. Интуиция, будучи одним из проявлений системного творческого мышления, обуславливает действенную уголовно-процессуальную деятельность. Ее развертывание предполагает наделение, прежде всего, должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, такими субъективными (внутренними) ресурсами уголовно-процессуальной деятельности, каковы являются ее смысл, мотивация и цели. В свою очередь, наделение уголовно-процессуальной деятельности субъективными ресурсами возможно только тогда, когда отечественное уголовное судопроизводство имеет в качестве свое фундаментального основания духовную скрепу российского народа.

Произведенные нами размышления о формировании ценностно-смысловых основ уголовно-процессуальной деятельности в согласии с духовными скрепами российского народа позволит выработать действенную доктрину уголовного судопроизводства. Своим потенциалом она будет обеспечивать ему достижение стратегического «древа целей» уголовно-процессуальной деятельности, исходя его стратегической мотивации, обусловленных духовными скрепами российского народа, а также творческое мышление. В

моделируемом виде предполагаемая доктрина уголовного судопроизводства будет основываться на творческом мышлении, которое и будет определять стратегию отечественного уголовного судопроизводства. Вследствие чего все уголовно-процессуальные решения и действия будут подчинены этой ведущей мыслительной (творческой) тенденции.

В своей совокупности духовные скрепы российского народа будут обеспечивать этой творческой тенденцией органическую целостность — (единство) стратегических (целостных) целей и стратегической (целостной) мотивации. В таком виде стратегические цели и стратегическая мотивация формируют стратегический смысл уголовного судопроизводства. Он же имеет место тогда, когда стратегические (-ая) индивидуальные мотивы (мотивация) смещается к стратегической цели. Отсюда закономерна мысль: чем выше уровень стратегических целей уголовного судопроизводства, тем выше уровень его мотивации, а, следовательно, и крепче (действеннее) смысл. Например, правда, будучи традиционной духовно-нравственной ценностью (одной из форм проявления духовной скрепы) нашего народа, одновременно должна быть и стратегической целью уголовного судопроизводства, и его стратегической мотивацией. Только в такой ситуации возможно говорить о наличии стратегического смысла в отечественном уголовном судопроизводстве.

Правда в уголовном процессе одновременно обуславливает не только стратегические цели, стратегическую мотивацию, но и его стратегический смысл. Это означает, что без правды отечественное уголовное судопроизводство преобразуется в имитационную (манипулятивную) деятельность. В таком виде основным ее предназначением будет формирование системной лжи на всех уровнях осуществления уголовно-процессуальной деятельности. Вследствие чего само уголовное судопроизводство преобразуется в бессмысленную уголовно-процессуальную деятельность. Внешне это будет проявляться в ее формализации, а критерии эффективности будут усматриваться либо в росте, либо в снижении количественных показателей. Внутренние (качественные) же критерии самой уголовно-процессуальной деятельности для многих останутся неведомой землей.

Качественные критерии уголовно-процессуальной деятельности несовместимы с ложью в отечестве уголовном судопроизводстве. Ложь в уголовном процессе не только обесмысливает, дезориентирует (обесцеливает) и свертывает должную стратегическую мотивацию, но и обезличивает уголовное судопроизводство. Во лжи уголовно-процессуальная деятельность осуществляется системными лжецами (лицемерами), а, например, к личности судьи, прокурора, следователя, потерпевшего от преступления она будет крайне безразлична.

Безразличие уголовного судопроизводства к личности участников уголовного судопроизводства есть верный показатель того, что оно в своих основаниях

лишено творческих начал, обуславливающих деятельность (качество) уголовно-процессуальной деятельности. Именно тех творческих начал, проявление которых обусловлено особенностями самобытности народного духа, целеустремленного на творение добра (установления правды в уголовном судопроизводстве). Без же целеустремленности уголовного судопроизводства на творение добра уголовно-процессуальная деятельность не только сама разрушается, но и является одним из «действенных механизмов» уничтожения в уголовно-процессуальной сфере основных форм самосознания нашего народа (веры, традиций и обычаев) в качестве духовной целостности.

С основными формами самосознания народа, к сожалению, доктрина уголовного судопроизводства, воплощенная в УПК РФ, крайне слабо взаимосвязана. В ней их крайне затруднительно установить. Причем такое установление возможно только нелинейно (косвенно), и только мысленно. В отношении основных форм самосознания российского народа УПК РФ крайне скуден. В своем тексте он не содержит положений, которые бы его связывали с основными формами самосознания российской общности. Несвязанность УПК РФ с основными формами самосознания влечет за собой возникновение ключевого противоречия в отечественном уголовном судопроизводстве: несовместимости традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа «с производными от капитализма индивидуализмом, прагматизмом, бездушностью, бесчеловечностью, наживе за счет другого без зазрения совести, равнодушию к истине» [7, с. 218–225] (правде).

Доктринально УПК РФ своим потенциалом не способен достигать стратегических целей, иметь стратегической мотивации, обуславливать стратегический смысл (замысел) отечественного уголовного судопроизводства. Кроме того, УПК РФ не обуславливает творческую уголовно-процессуальную деятельность, целеустремленную на установление правды при производстве по уголовному делу. В большей мере, УПК РФ является одной из формальных преград, стоящей перед должностными лицами, осуществляющими производство по уголовному делу, на пути достижения «древа целей» уголовного процесса. Им ее необходимо преодолеть. Они и преодолевают эту формальную преграду: в зависимости от ситуации и внимания к тому или иному уголовному делу со стороны вышестоящих руководителей. Со своей стороны, вышестоящие руководители наделяют производство по уголовному делу смыслом, целями и должной мотивацией. Здесь трудно нам говорить о приобретении уголовно-процессуальной деятельностью творческих начал, как на уровне целого проблематично вести речь о перерождении должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, в личности. Любые в этом направлении организационные усилия руководителей будут нейтрализоваться нелинейным и системным противодействием со стороны ложных

идеологических установок УПК РФ, например, закрепленных в гл. 2 УПК РФ.

Ни одно из положений, закрепленных в гл. 2 УПК РФ, не имеют никакого отношения ни к формам самосознания российского народа, ни к его духовным скрепам. Эти положения, именуемые в УПК РФ «принципами уголовного судопроизводства», по своей сути являются правдоподобными по форме, но ложными по содержанию либеральными идеологемами. Их основным предназначением является формирование и поддержание системной лжи в отечественном уголовном судопроизводстве.

Преодолеть эту системную ложь уголовно-процессуальной сфере под силу только тем руководителям, которые являются не просто руководителями, а руководителями-личностями. В отличие от просто руководителей, руководитель-личность является лицом, воспринявшим духовные скрепы (ценностно-смысловую) основу нашего народа, а его жизнь (деятельность) не отделима от основных форм самосознания российской общности. Мышление руководителей-личностей обусловлено не ложью, а правдой. Правда в уголовном судопроизводстве формирует качественные критерии его реализации: стратегические цели, стратегическую мотивацию, стратегический смысл и творческое мышление при производстве по уголовным делам.

Список источников

1. Агутин А. В., Трошкин Е. З. Формирование ценностно-смысловых основ обеспечения национальной безопасности в деятельности органов государственной власти и отечественном уголовном судопроизводстве: монограф. М., 2022.
2. Агутин А. В., Трошкин Е. З., Губжиков Р. Х. Организационно-правовой механизм реализации концепции «должной правовой процедуры» и нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности в отечественном уголовном судопроизводстве: монограф. М., 2016.
3. Адаменко И. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты: монография / под науч. ред. В. Н. Григорьева. М., 2016.
4. Григорьев В. Н. Назначение уголовного судопроизводства и социально-правовая действительность // Искусственный интеллект и тренды цифровизации: технологический прорыв как вызов праву. Материалы Третьего Международного транспортно-правового форума. М., 2021. С. 193–200.
5. Медушевский Н. А. Доктрина «духовных скреп» как основа интеграции российского общества // Вестник РГГУ. Серия: политология, история, международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 2 (8). С. 123–131.
6. Никольская О. Л. Творчество как предмет

- психолого-педагогических исследований и публикаций в философской и психолого-педагогической литературе // Научное обозрение. Педагогические науки. 2016. № 4. С. 32–45.
7. Победкин А. В. Уголовно-процессуальный кодекс: текст и народ // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения. Сборник материалов 3-й Международной конференции. Под общей редакцией А. Ю. Терехова. Уфа, 2022. С. 218–225.
 8. Путин В. Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп. Из послания Президента Федеральному Собранию // URL://https://pravoslavie.ru.
 9. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания: соч. в 2-х т. М., 1988.
 10. Таранова А. Е. Соборность как духовно-антропологическая константа национальной идентичности и государственности (через призму социально-культурной трансформации) // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2022. № 14. С. 94–108.

References

1. Agutin A. V., Troshkin E. Z. The formation of value-semantic foundations of national security in the activities of public authorities and domestic criminal justice: a monograph. M., 2022.
2. Agutin A. V., Troshkin E. Z., Gubzhokov R. Kh. Organizational and legal mechanism for implementing the concept of «due process» and the moral foundations of criminal procedure in domestic criminal proceedings: a monograph. M., 2016.
3. Adamenko I. E. Criminal and procedural activity: system-forming bases and components: monograph / under scientific ed. by V. N. Grigorieva. M., 2016.
4. Grigoryev V. N. Purpose of criminal proceedings and socio-legal reality // Artificial intelligence and digitalization trends: technological breakthrough as a challenge to the law. Materials of the Third International Transport-Legal Forum. M., 2021. P. 193–200.
5. Medushevsky N. A. The doctrine of «Spiritual Staples» as a basis for the integration of Russian society // Bulletin of the Russian State University of Humanities. Series: Political Science, History, International Relations. Foreign Regional Studies. Oriental Studies. 2017. № 2 (8). P. 123–131.
6. Nikolskaya O. L. Creativity as a subject of psychological and pedagogical research and publications in philosophical and psychological and pedagogical literature // Scientific review. Pedagogical sciences. 2016. № 4. P. 32–45.
7. Pobedkin A. V. Criminal Procedure Code: text and people // Modern problems of criminal procedure: ways of solution. Collection of materials of the 3rd International conference. Under the general editorship of A. Y. Terekhov. Ufa, 2022. P. 218–225.
8. Putin V. Today Russian society is experiencing a clear deficit of spiritual staples. From the President's message to the Federal Assembly // URL://https://pravoslavie.ru.
9. Soloviev V. C. Philosophical Beginnings of Whole Knowledge: Essays in 2 vols. M., 1988.
10. Taranova A. E. Sobornost as a spiritual and anthropological constant of national identity and statehood (through the prism of socio-cultural transformation) // Proceedings of Belgorod Orthodox Theological Seminary (with missionary orientation). 2022. № 14. P. 94–108.

Информация об авторе

А. В. Агутин — профессор кафедры уголовного права и процесса Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. V. Agutin — Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the National Research Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-20-24>

НИОН: 2007-0083-2/23-248

MOSURED: 77/27-005-2023-02-448

Основные проблемы превенции детерминант молодежного экстремизма в России на современном этапе

Галина Вячеславовна Акимова

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, galina.akimova.74@mail.ru

Аннотация. Определяются основные проблемы использования сил и средств оперативно-разыскной деятельности в целях предотвращения проявлений молодежного экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, преступность, тенденции, молодежь, молодежный экстремизм, оперативно-разыскная деятельность, проблемы, инновации

Для цитирования: Акимова Г. В. Основные проблемы превенции детерминант молодежного экстремизма в России на современном этапе // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 20-24. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-20-24>.

Original article

The main problems of prevention of determinants of youth extremism in Russia at the present stage

Galina V. Akimova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Москва, Russia, galina.akimova.74@mail.ru

Abstract. The main problems of the use of forces and means of operational investigative activities in order to prevent manifestations of youth extremism are determined.

Keywords: extremism, crime, trends, youth, youth extremism, operational and investigative activities, problems, innovations

For citation: Akimova G. V. The main problems of prevention of determinants of youth extremism in Russia at the present stage. Criminological journal. 2023. (2):20-24. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-20-24>.

Целенаправленная политика Российского государства (правительства и ведомств), в соответствии с определенными Конституцией страны принципами развития российского общества, а именно — защиты ценностей государства и народа; построения и развития социального правового государства, таких как: защита прав и свобод человека и гражданина, повышение благосостояния народа, защита достоинства граждан; перестроение с учетом инноваций экономики страны, оборонного комплекса; укрепление суверенитета в политике, позволили добиться значимых результатов. Так, в информации, представленной в обоснование предполагаемой к утверждению Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [1] указывается,

что более 78 % участвовавших в анкетировании лиц считают, что дискриминация по национальным, языковым, религиозным и иным мотивам в их отношении отсутствует, при этом они положительно оценивают межнациональные отношения (93 % опрошенных) и считают достаточным уровень гражданской идентичности (84 % опрошенных).

При этом следует обратить особое внимание на тот факт, что уже в период 2019–2022 г. отмечался резкий рост преступлений экстремистской направленности (по состоянию на 1 октября 2019 г. было зарегистрировано 454 преступления указанного вида, 2020 г. — 651, 2021 г. — 854, 2022 г. — 1125).

И, как уже ранее в своих работах указывал автор, «если рассуждать о тенденциях преступлений экстре-

© Акимова Г. В., 2023

мистской направленности, то за период 2011–2021 г. уровень преступных проявлений экстремистской направленности вырос на 169 %, а количество лиц, задействованных в указанных проявлениях (совершивших именно преступные деяния) на 192 %» [3; 4].

В этой связи и в т. ч. с появлением новых угроз национальной безопасности следует обозначить и новые проблемы, требующие от всех ветвей власти (в т. ч. и ведомств — МВД России) незамедлительного, эффективного и скоординированного реагирования.

Так, для пресечения фактов терроризма, экстремизма, незаконной миграции, распространения радикальных идей и пропаганды экстремистской идеологии, подавления очагов розни (религиозной, межэтнической, межнациональной) и сепаратизма, преодоления последствий конфликтов (этнических, территориальных и т. д.), а также приостановления процесса утраты и размывания традиционных ценностей, присущих Российскому государству, в т. ч. и вследствие глобализации, предлагается не только укрепить все составляющие государственной национальной политики Российской Федерации (от межнационального согласия до недопущения всех видов дискриминации), но и предпринять безотлагательные меры, направленные на расширение и усиление превентивных мер, предпринимаемых правоохранительным блоком в целях профилактики экстремизма, а также пресечения противоправных проявлений на национальной, религиозной и иной почве.

В настоящий период происходит трансформация всего мирового сообщества (структуры, принципов, правил и порядка мироустройства). Противостоящие России силы стараются всеми возможными способами сохранить свое господство и лидерство, что приводит к кризису в зависимых и подконтрольных им странах и государствах, упадку экономического развития, возникновению и расширению конфликтов (межнациональных, межэтнических, религиозных и культурных), что в свою очередь обуславливает нарастающую напряженность в сфере межнациональных отношений на территории России, усиление радикальных и экстремистских проявлений в обществе и, в т. ч. ослабление национальной безопасности.

Обеспечение состояния максимальной защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз (обеспечение национальной безопасности) является одной из основных задач любого правоохранительного органа. Многие аналитики отмечают, что Россия успешно противостоит экономическим (внешнему санкционному давлению), террористическим (уровень преступлений террористической направленности в последние годы был значительно снижен) и военной угрозам [2].

Однако приведенные неутешительные данные в сфере противодействия экстремистским проявлени-

ям свидетельствуют о необходимости повышения эффективности использования всего потенциала оперативно-розыскной науки, инновационных технологий, сил и средств ОРД, с учетом анализа складывающейся оперативной обстановки и прогнозов (краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных), что в полной мере относится к правоохранительной деятельности.

Как уже было выявлено автором в ходе исследования [3; 4], основными (специальными, имеющими значение для изучения аналитиками (теоретиками и практиками), разрабатывающими вопросы оперативно-розыскной превенции указанных проявлений) детерминантами экстремизма (в т. ч. молодежного) являются: высокий уровень криминальной квалификации задействованных сил (организованность, сплоченность, конспирация, связи и т. д.); постоянно повышающийся потенциал используемых технических средств и возрастающий уровень финансирования (как сил, так и направленность на разработку новых и усовершенствование используемых в настоящее время средств); глобализация, информатизация и радикализация (в т. ч. повышение агрессивности воздействия информационного контента), миграция и криминализация общества.

При этом автором, в целях определения перечня основных структурных элементов метода превенции детерминант молодежного экстремизма, предлагалось использовать совокупность комплекса: традиционных методик; тактики; сил и средств ОРД; а также агентурную работу и личный сыск с обращением особого внимания на изучение, адаптацию и использование положительного опыта зарубежных правоохранительных структур в этой сфере деятельности.

Следует отметить, преступления экстремистской направленности зачастую совершаются при использовании новейших технических/научных разработок с использованием всего арсенала инновационных достижений.

Так, проведенным сотрудниками Университетского колледжа Лондона исследованием было установлено, что использование искусственного интеллекта в преступных целях (генерация фейковых новостей с целью управления сознанием масс, фишинг, создание дипфейков и т. д.) может нанести человеческому обществу значительный вред [5].

В этой связи правоохранителям следует обратить особое внимание на соответствие современным реалиям способов и методик применения инновационных технологий в рамках оперативно-розыскной деятельности.

Так, для своевременного выявления, контроля и превенции противоправного экстремистки направленного поведения следует учитывать возможную шаблонность поведения контрольных субъектов. К примеру, в своих работах Г. В. Синцов и П. Л. Лих-

тер [6] отмечают, что экстремизм это индивидуальная (психическая) реакция человека на тревогу, последствием которой является постоянный конфликт со всеми, приводящий к трансформации ценностей жизни, эгоизму с испытыванием постоянной потребности внимания и одобрения от окружения, что в конечном итоге вовлекает в проэкстремистки направленное состояние, приводящее к противоправной экстремистской деятельности.

Используя указанное, а также учитывая исследование криминального поведения лиц (до совершения проступка, во время его совершения и после, которые изучаются оперативно-розыскной: психологией, криминологией и социологией), которое возможно наблюдать и выявлять с использованием сил (в т. ч. агентов и конфиденентов) и средств (аналитический поиск либо разведка с использованием инновационных технологий, к примеру — искусственного интеллекта) ОРД в совокупности с криминологической характеристикой (к примеру — социальный портрет, установленный автором [7]) лиц, совершивших противоправные деяния экстремистской направленности, возможно выявление и установление соответствующего круга лиц из группы риска в целях превентивного воздействия на них в целях недопущения противоправного поведения. Это может быть и развенчание лидеров группировок, и разобщение уже сложившихся устойчивых групп противоправной направленности. Указанное представляется целесообразным использовать с учетом превентивного информационного воздействия.

Так, процессы глобализации, интеграции, научно-технический прогресс и развитие информационно-коммуникационных возможностей значительно упростили общение между людьми в социуме. И так как указанные возможности зачастую используются в противоправных целях, правоохранителям, при постановке тактических задач и разработке оперативных планов превенции, следует предусматривать указанное превентивное воздействие именно с использованием информационно-коммуникационных технологий. При этом следует учитывать шаблонность личностных проявлений, к примеру — направленных на приверженность экстремистской идеологии, уже установленных в процессе научного познания проявлений криминального характера (экстремистских) в группах лиц разного возраста. Это может быть совокупность групп факторов, воздействующих на несовершеннолетнего (или малолетнего), в конечном итоге приводящая его к осознанию себя, как экстремиста (1-й этап воздействия), вовлечению его в экстремистскую противоправную деятельность (2-й этап воздействия).

Указанное невозможно без взаимодействия (в целях получения комплекса информации характеризующей направленности, представляющей оперативный интерес) с общественными организациями, в т. ч. и

негосударственными, и религиозного толка, а также учебными и т. д.

Однако (сотрудникам подразделений по противодействию экстремизму) следует учитывать в первую очередь информацию, полученную от сотрудников соответствующих подразделений МВД (ОУР, ПДН, ОПУ, СТМ и т. д.) и уже в ходе ее проверки учитывать информацию, полученную в виде внешнего взаимодействия. Что, впрочем, ни в коей мере не ограничивает их в первичной обработке полученной из вне информации с целью уточнения дальнейших (скорректированных) план-заданий для сотрудников соответствующих подразделений.

Кроме того следует обратить внимание и на то обстоятельство, что превентивное воздействие состоит в том числе и в соответствующей оперативной работе на объектах, наиболее подверженных атакам экстремистов: религиозных, учебных, иностранных.

В этой связи следует упомянуть о выявлении и пресечении каналов финансирования экстремистской деятельности.

Как нами уже было установлено [4] экстремистская деятельность может финансироваться как из вне (к примеру — преступные группировки, исповедующие ислам, находящиеся в зарубежных странах), так и коммерческими и некоммерческими организациями, подконтрольными криминальным в т. ч. экстремистки настроенным сообществам, имеющим своей целью расшатывание общественной безопасности (на определенной территории — в целях подчинения лиц и объектов противоправным целям, для получения криминальной прибыли и т. д.). В связи с чем, как профилактическая (оперативно-розыскная), так и пресекающая деятельность правоохранительных органов позволит снизить риски проведения масштабных экстремистских выступлений, вовлечения в свои ряды новых сторонников и т. д. При этом следует учитывать своевременный, целесообразный и эффективный межведомственный обмен [4; 5] оперативно значимой информацией, полученной, в том числе, с использованием инновационных технологий (в качестве примера можно привести «организацию деятельности государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак» (ГосСОПКА — <https://gossopka.org>), которая была создана в целях предотвращения и устранения последствий компьютерных атак на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, т. е. это многоуровневая распределенная сеть обмена данными о киберинцидентах).

Таким образом, оперативно-розыскная деятельность, направленная на сбор информации в отношении лиц с учетом их криминологически значимого портрета, а также агентурная, в т. ч. информационная работа с использованием инновационных технологий

(от профайлинга до использования возможностей искусственного интеллекта в оперативном опознании и установлении тождества лиц) в совокупности с оперативным мониторингом (сбор, систематизация, анализ и прогнозирование оперативной обстановки на обслуживаемой территории, и в целом по стране, на основе распределения по категориям: обстоятельства совершения деяния, примененных способа, метода, средств) позволит эффективно реализовать весь комплекс оперативно-разыскной деятельности в целях превенции детерминант молодежного экстремизма, в том числе определить характеристики методических рекомендаций для сотрудников, целью которых является противодействие экстремизму, с использованием ситуационного подхода и инновационных технологий.

В совокупности с использованием инноваций в оперативно-информационно-аналитической деятельности вышеуказанное позволит укрепить оперативные позиции и сдерживать рост экстремистских проявлений.

Однако именно в целях своевременного превентивного воздействия на субъекты следует разработать и внедрить в практику оперативно-разыскной деятельности определенные тактические приемы, к примеру:

- мониторинг информационных ресурсов (от СМИ, до Интернет-сообществ и игровых площадок, от открытых источников, до глубоко законспирированных в связи с их противоправной направленностью);
- анализ совокупно полученной (в ходе мониторинга информации и информации, полученной в ходе использования негласного аппарата, а также в ходе ведомственного и межведомственного обмена) информации;
- прогнозирование на основе проведенного анализа, как противоправного поведения лиц, так и оперативной обстановки, связанной с противоправными проявлениями экстремистской направленности;
- проведение оперативно-разыскных мероприятий с использованием инновационных технологий (оперативный/негласный опрос в сети Интернет, отождествление личности с использованием различного сетевого программного обеспечения и поисковых систем (Яндекс) и т. д.)

При этом следует учитывать некоторые особенности, которые могут усложнить использование указанных методик (тактических приемов) сотрудниками оперативных подразделений, а именно: недостаточный уровень подготовки (правовой, криминалистической, оперативно-разыскной, технической, психологической и т. д.) отдельных сотрудников; отсутствие специальных методик их обучения и переподготовки; отсутствие нормативной базы, позволяющей привлекать к проведению ОРМ уникальных (в сфере исполь-

зования инновационных технологий и в том числе форсайта) специалистов; использование в противоправной экстремистской деятельности новейших научных разработок и технических средств, от которых, зачастую, используемые силами МВД РФ отстают как в техническом, так и моральном (устаревание) плане; усложненная (в связи с тем, что она затрагивает правоотношения, возникающие в среде использования персональных данных) процедура документирования (к примеру фиксация представляющей оперативный интерес информации, находящейся на цифровых носителях или в среде интернет-пространства) результатов проводимых как оперативно-технических, так и оперативно-разыскных — разведывательных, агентурных и других мероприятий.

Как отдельную и имеющую особое значение при разработке способов и методов превенции детерминант молодежного экстремизма в России следует отметить проблему, связанную именно с возрастными и личностными характеристиками субъекта воздействия (возраст субъекта и его целеполагание, закрытость групп экстремистской направленности, конспирация деятельности и т. д.). Указанное не позволяет в полной мере эффективно проводить уполномоченным сотрудникам превентивные оперативно-разыскные мероприятия.

Однако, как указано в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [7], «в целях обеспечения невмешательства во внутренние дела РФ, пресечения нанесения ущерба национальным интересам, повышения уровня антитеррористической защищенности, предупреждения и пресечения террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц, пресечения проявлений радикализма, профилактики экстремистских и иных преступных проявлений, прежде всего среди несовершеннолетних и молодежи; предупреждения и пресечения правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе легализации преступных доходов в целях финансирования экстремизма; комплексного развития правоохранительных органов, повышения уровня их технической оснащенности, усиление социальной защищенности их сотрудников, совершенствования системы профессиональной подготовки специалистов в области обеспечения государственной и общественной безопасности», необходимо совершенствовать процессы государственной превентивной политики в сфере правоохранительной деятельности, относящейся к противодействию экстремизму, направленной на предупреждение и профилактику проступков экстремистской направленности, которую, к примеру (и с этим мнением мы считаем возможным согласиться), В. С. Нерсисянц определял как «...государственную политику в области права

(внутреннего и международного), стратегию и тактику правового пути развития, и общества, государства, страны; систему идей, принципов, норм, форм и процедур признания, осуществления и развития начал и требований, господства права в общественной и государственной жизни», так как «именно превентивно-правовая политика», по мнению ряда ученых, «предопределяет основные цели, задачи и направления деятельности правоохранительных органов по устранению причин и условий правонарушений, оказывает предупредительно-воспитательное воздействие на лиц, склонных к их совершению» [8; 9].

Список источников

1. Болотина И. И., Исаева А. Ю. Анализ Стратегии государственной национальной политики России до 2025 года // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2016. №1. С. 31-39.
2. Статистические сведения о состоянии преступности // URL://https://мвд.рф/
3. Акимова Г. В., Соломатина Е. А., Шайхутдинова Т. Ф. К вопросу об организации деятельности полиции по противодействию экстремизму // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 6. С. 215-217.
4. Акимова Г. В. К вопросу о противодействии молодежному экстремизму в России // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 221-227.
5. Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «Предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russica. 2019. № 11 (156). С. 79-87.
6. Синцов Г. В., Лихтер П. Л. Аксиологические основания противодействия экстремизму // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 2 (50). С. 86-93.
7. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

Информация об авторе

Г. В. Акимова — старший преподаватель специальной тактики учебно-научного комплекса специальной подготовки Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

G. V. Akimova — Senior Lecturer of Special Tactics at the Special Training Educational and Research Complex of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 05.06.2023.

References

1. Bolotina I. I., Isaeva A. Yu. Analysis of the Strategy of the State National Policy of Russia until 2025 // Proceedings of Tula State University. Humanities. 2016. № 1. P. 31-39.
2. Statistical information about the state of crime // URL://https://мвд.рф/
3. Akimova G. V., Solomatina E. A., Shaikhutdinova T. F. On the organization of police activity to counter extremism // Gaps in Russian legislation. 2019. № 6. P. 215–217.
4. Akimova G. V. On the issue of counteraction to youth extremism in Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3. P. 221–227.
5. Biryukov P. N. Artificial Intelligence and «Predictive Justice»: Foreign Experience // Lex Russica. 2019. № 11 (156). P. 79–87.
6. Sintsov G. V., Likhтер P. L. Axiological Bases of Counteraction to Extremism // Izvestiya Vuzov. Volga Region. Social Sciences. 2019. № 2 (50). P. 86–93.
7. Presidential Decree No. 400 of July 2, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».
8. Nersesyants V. S. The National Idea of Russia in the World-Historical Progress of Equality, Freedom and Justice. Manifesto on Civilism. M. : NORMA Publishing House, 2001.
9. Nersesyants V. C. Law — the mathematics of freedom: experience of the past and prospects. M. : Jurist, 1996.

Научная статья

УДК 34.3

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-25-29>

НИОН: 2007-0083-2/23-249

MOSURED: 77/27-005-2023-02-449

Гражданский иск, как наиболее эффективный способ возмещения вреда, причиненного преступлением, в досудебном уголовном судопроизводстве

Светлана Анатольевна Вецкая¹, Юлия Сергеевна Леонтьева²

¹ Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, ida_2008_79@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, ida_2008_79@mail.ru

Аннотация. Изучается роль института гражданского иска в уголовном судопроизводстве, реализующего право лиц, пострадавших от преступлений на возмещение причиненного вреда. Авторами обоснованы дополнения действующего уголовно-процессуального законодательства, направленные на предоставление дополнительных гарантий потерпевшим по реализации права на возмещение вреда, причиненного преступлением.

Так, исследуются вопросы, касающиеся понятия гражданского иска, правил его заявления, рассмотрения и разрешения. Авторы пристальное внимание уделяют участникам уголовного судопроизводства, которые напрямую причастны к институту гражданского иска.

Авторы приводят точки зрения относительно рассматриваемых проблем, обосновывают свою позицию, коррелируя с примерами из следственной и судебной практики.

В заключение, сделаны аргументированные выводы относительно направлений совершенствования действующего УПК РФ в части удовлетворения исковых требований.

Ключевые слова: гражданский истец, гражданский ответчик, следователь, потерпевший, вред, причиненный преступлением, имущественный вред, физический вред, моральный вред, вред деловой репутации

Для цитирования: Вецкая С. А., Леонтьева Ю. С. Гражданский иск, как наиболее эффективный способ возмещения вреда, причиненного преступлением, в досудебном уголовном судопроизводстве // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 25-29. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-25-29>.

Original article

Civil action as the most effective way of compensation for harm caused by a crime in pre-trial criminal proceedings

Svetlana A. Vetskaya¹, Yulia S. Leontieva²

¹ Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia, ida_2008_79@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, ida_2008_79@mail.ru

Abstract. The role of the institute of civil action in criminal proceedings, which implements the right of persons who have suffered from crimes to compensation for the damage caused, is studied. The authors substantiate additions to the current criminal procedural legislation aimed at providing additional guarantees to victims for the realization of the right to compensation for harm caused by a crime.

Thus, the issues related to the concept of a civil claim, the rules for its filing, consideration and resolution are investigated. The authors pay close attention to the participants in criminal proceedings who are directly involved in the institution of civil action.

The authors give points of view on the issues under consideration, substantiate their position, correlating with examples from investigative and judicial practice.

In conclusion, reasoned conclusions are made regarding the directions for improving the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in terms of satisfying claims.

© Вецкая С. А., Леонтьева Ю. С., 2023

Keywords: civil plaintiff, civil defendant, investigator, victim, harm caused by a crime, property damage, physical harm, moral harm, damage to business reputation

For citation: Vetskaya S. A., Leontieva Yu. S. Civil action as the most effective way of compensation for harm caused by a crime in pre-trial criminal proceedings. *Criminological journal*. 2023. (2):25-29. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-25-29>.

Исходя из анализа уголовно-процессуального законодательства, целью уголовного судопроизводства является не только установление лица, совершившего преступление и привлечение его к уголовной ответственности, но и защита прав и законных интересов потерпевших. Именно право на возмещение вреда играет ключевую роль в механизме защиты нарушенных имущественных прав.

Данная проблема не является мелкомасштабной, а наоборот, удивляет своими высокими показателями. Если обращаться к официальной статистике преступности в Российской Федерации, то наглядно видно, что, например, за 2021–2022 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано 3 971 199 преступлений и только лишь 1 667 306 выявлено лиц, которые их совершили [1]. Иными словами, более 60 % потерпевших остались без возможности возмещения вреда, причиненного преступлением.

Основными же проблемами защиты имущественных прав личности в уголовном судопроизводстве напрямую связаны со способами защиты. Например, одной такой проблемной категорией является гражданский иск, которой наиболее часто используется в рамках уголовного процесса. Дело в том, что потерпевший имеет право на заявление гражданского иска в процессе предварительного следствия, и уже на стадии написания заявления он сталкивается с трудностями, а точнее с высоким процентом того, что вред, причиненный преступлением, будет не возмещен как в полном объеме, так и в какой-либо части, и связано это с тем, что гражданский ответчик, т. е. (подозреваемый) обвиняемый, не будет установлен.

В связи с этим сразу же возникает вопрос, а что же все-таки делать потерпевшему в данном случае, и как ему реализовать свое законное право на защиту имущественных прав. Данный аспект в УПК РФ не регламентирован, так же, как и в юридической литературе отсутствует какое-либо мнение по данному вопросу, и в связи с этим можно прийти к выводу о том, что в случае если лицо, совершившее преступление не установлено, то потерпевший останется практически ни с чем.

В данной ситуации считается целесообразным вспомнить роль государства в защите имущественных прав личности. Если лицо совершившее преступление и причинившее вред потерпевшему не установлено, то данная обязанность по возмещению вреда, причиненного преступлением, должна переходить к государству. Данное предложенное решение

проблемы положительно поддерживается многими исследователями, так как обязанность государства по возмещению вреда, причиненного преступлением, соответствует нормам международно-правовым актам, а также тенденциям правового регулирования данного вопроса в развитых странах.

Данное предложение предлагается рассмотреть на примере Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью. В нормах данного документа содержится положение о том, что в случаях, когда компенсацию невозможно получить в полном объеме от правонарушителя или из других источников, государствам следует принимать меры к предоставлению финансовой компенсации [2].

Так же еще одной существующей проблемой защиты имущественных прав потерпевшего является отсутствие какого-либо понятийного аппарата, который бы касался возмещения вреда, причиненного преступлением. При детальном анализе УПК РФ наглядно видно, что понятийное раскрытие таких категорий как имущественный вред, физический вред и вред деловой репутации вовсе отсутствуют. И это при том, что возмещение любого вида вреда является одной из задач уголовно-процессуального законодательства. Итог данного наблюдения только один — законодательно закрепить указанные категории.

На сегодняшний день в уголовно-процессуальной науке не находит своего отражения такое понятие как гражданский иск. Существуют лишь некоторые суждения ученых, которые, так или иначе, объясняют существование данной категории.

Например, Зинатуллин З. З. считает, что гражданский иск — это совокупность процессуальных действий и отношений [3, с. 52].

Чельцов М.А. и Шаламов М.П. более конкретно определяют сущность гражданского иска: конкретное требование гражданина либо организации, которым был причинен вред от преступления, о возмещении к обвиняемому лицу, несущим материальную ответственность за свои действия. Причем такой заявленный гражданский иск будет рассматриваться и разрешаться судом совместно с уголовным делом [5, с. 8].

В данном случае целесообразнее будет разделить вторую точку зрения, так как она более точно и максимально подробно раскрывает сущность гражданского иска на современном этапе уголовного судопроизводства.

Смело можно сказать, что гражданский иск в уго-

ловном процессе — это самостоятельный институт, главной задачей которого является повышение эффективности правосудия и обеспечение всесторонней защиты прав и свобод человека и гражданина в Российском государстве.

Важно отметить, что у потерпевшей стороны есть определенный промежуток времени, в течении которого можно заявить гражданский иск: с момента возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия в суде первой инстанции.

Ограниченный период времени является не единственным ограничением для будущего гражданского истца, к вышеупомянутой категории добавляются еще пределы предъявления гражданского иска: предмет и основание.

В юридической литературе предметом гражданского иска является требование истца о возмещении вреда, причиненного преступлением, а основанием являются наличие юридических фактов, таких как совершенное преступление, причиненный вред и причинно-следственная связь между ними.

Переходя к рассмотрению субъектов гражданского иска стоит заметить, что их исчерпывающий перечень определяется уголовно-процессуальным законодательством, в отличие от понятия «гражданского иска». Итак, субъектами гражданского иска являются: гражданский истец, гражданский ответчик, их представители. Именно в таком составе гарантируется полное и всестороннее разрешение гражданского иска.

При анализе норм уголовно-процессуального законодательства наглядно видно, что статус потерпевшего отличается от статуса гражданского истца. Иными словами, набор прав и обязанностей потерпевшего не равнозначен набору прав и обязанностей гражданского истца.

Гражданский истец наделен особым процессуальным статусом. К примеру, гражданский истец наделен дополнительными правами в связи с предъявленным гражданским иском и только в пределах данного иска, потерпевший таким правом не наделен в силу своего процессуального статуса. Но объем процессуальных прав потерпевшего значительно шире объема прав, предоставленных гражданскому истцу. Так как права гражданского истца ограничиваются пределами предъявленного гражданского иска. Наглядным примером служит право обжалования приговора суда. Потерпевший в данном случае имеет право обжаловать приговор суда в полном объеме, а гражданский истец только в части гражданского иска.

Обращаясь к следственной практике, становится ясным, что в большинстве случаев потерпевший и гражданский истец совпадают в одном лице. Реже встречаются в качестве гражданского истца законные представители, особенно если потерпевшим является юридическое лицо.

Кроме предоставленных ст. 44 УПК РФ прав у гражданского истца есть и ряд обязанностей. Например, такая обязанность как, не разглашение данных предварительного расследования, невыполнение которой плавно перетекает в уголовную ответственность по ст. 310 УК РФ.

Еще одной обязанностью гражданского истца, как справедливо утверждает Д. А. Иванов, «является доказывание предъявленного иска, а также его размера и обоснованности исковых требований» [4, с. 30].

Интересным, на наш взгляд, является положение, которое отражается в ч. 6 ст. 246 УПК РФ. Суть нормы заключается в том, что прокурор имеет право предъявлять гражданский иск, а далее его поддерживать в суде, в случаях, когда требуется охрана прав граждан, общественных интересов, интересов Российской Федерации ее субъектов, муниципальных образований, государственных и муниципальных унитарных предприятий.

Что касается гражданского ответчика, то гражданское и уголовно-процессуальное законодательство одинаково определяют кто же такой гражданский ответчик. И таковым является лицо, которое несет ответственность за вред, причиненный преступлением, т. е. обвиняемый.

Постановление о признании лица в качестве гражданского ответчика, вынесенное следователем, является отправной точкой приобретения обвиняемым процессуального статуса гражданского ответчика. В ст. 54 УПК РФ определяет права и обязанности гражданского ответчика. Итак, гражданский ответчик вправе: знать сущность исковых требований и обстоятельств, на которых они основаны; возражать против предъявленного гражданского иска; давать объяснения и показания по существу предъявленного иска; выступать в судебных прениях и т. д.

Является важным тот факт, что гражданский ответчик является самостоятельным участником уголовного судопроизводства, и никак не связан с позицией обвиняемого или защитника.

Само по себе предъявление гражданского иска представляет обращение к следователю или же суду, потерпевшую сторону, с требованиями возместить вред, причиненный преступлением. Установление подобных временных рамок является весьма обоснованным и подтверждается логикой уголовно-процессуального законодательства. Так как основанием предъявления гражданского иска является официально удостоверенный факт совершения преступления, т. е. наличие постановления о возбуждении уголовного дела, то не трудно сообразить, что предъявление гражданского иска до момента возбуждения уголовного дела просто невозможно. Кроме того, существование такого иска происходит именно в рамках уголовно-процессуальных отношений, которые, как нам

известно, начинаются именно с момента возбуждения уголовного дела.

Конечно же, не обходится без проблемных аспектов, возникающих при предъявлении гражданского иска, а именно его правовая регламентация порядка предъявления, формы и содержания, а конкретнее ее отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве. В связи с этим, в силу сложившейся следственной практики, правоприменитель, а именно следователь, руководствуется уже гражданским законодательством, в частности гражданско-процессуальным кодексом Российской Федерации. Отсутствие такой правовой регламентации в УПК РФ, позволяет говорить о том, что предъявить гражданский иск потерпевшая сторона имеет право, как в письменной, так и в устной форме. Как правило, в устной форме делаются заявления о желании заявить гражданский иск в процессе допроса потерпевшего, и в такой ситуации данное устное заявление подлежит занесению в протокол допроса потерпевшего.

Следует отметить, что отсутствие требований, предъявляемых к форме гражданского иска, влечет невозможность следователя отказать в принятии заявления (письменного, устного). А происходит это в силу того, что нет определенного образца заявления о предъявлении гражданского иска в уголовном судопроизводстве, а соответственно нет и ошибок при его составлении.

Такой пробел в законодательстве затрудняет доступ заинтересованных лиц к правосудию, данное утверждение подтверждается как следственной практикой, так и статистическими данными, которые свидетельствуют о том, что реальное предъявление гражданского иска происходит уже на стадии передачи уголовного дела в суд. Также в суде будущий гражданский истец пишет заново заявление о предъявлении гражданского иска по форме, которая установлена судебной системой.

Требования, которые были заявлены гражданским истцом, требуют определенного обеспечения. Ст. 115 УПК РФ регламентирует порядок производства данных обеспечительных мер, а именно следователь с согласия руководителя следственного органа возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого или обвиняемого, или лиц, несущих по закону материальную ответственность. Каким образом следователь устанавливает имущество виновного лица было рассмотрено выше. Наложение ареста на имущество состоит в ограничении прав у гражданского ответчика распоряжаться, а в некоторых случаях пользоваться своим имуществом.

Кроме того, как было сказано выше, предъявлять гражданский иск вправе не только потерпевший или же его законный представитель, но и прокурор. Таким полномочием он пользуется в тех случаях, когда по-

терпевший не в силах самостоятельно защищать свои права и интересы, а также в случаях, когда вред был причинен интересам государства.

Еще одним положительным моментом предъявления гражданского иска именно в рамках уголовного дела является освобождение заявителя гражданского иска от денежной суммы, которая взимается с целью рассмотрения дела судом. Данный факт обеспечивает неоспоримую гарантию судебной защиты потерпевшего от преступления.

Кроме этого еще одним преимуществом предъявление гражданского иска в уголовном деле, является возможность такого предъявления даже в случаях, когда лицо совершившее преступление не установлено, что невозможно в гражданском процессе. Следователь не имеет право отказать в принятии заявления от потерпевшего в случаях, когда лицо совершившее преступление и причинившее вред потерпевшему не установлено. В дальнейшем при расследовании уголовного дела, если виновное лицо будет установлено, следователь выносит постановление о признании гражданским ответчиком. Гражданско-процессуальное же законодательство такой возможности не предусматривает.

Уголовно-процессуальный закон напрямую не запрещает и не разрешает принимать заявление о гражданском иске, но исходя из анализа следственной практики, практически в каждом уголовном деле, где фигурирует потерпевший и отсутствует виновное лицо присутствует, как заявление потерпевшего с просьбой признать его гражданским истцом, так и постановление, вынесенное следователем о признании гражданским истцом. Особенно данная ситуация характерна с дистанционным мошенничеством. Поэтому следует необходимо закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве положение о возможности заявления гражданского иска в отсутствии сведений об ответчике.

В связи с этим усматривается отсутствие положений в уголовно-процессуальном законодательстве о невозможности повторно заявить гражданский иск по тому же предмету и тем же основаниям. На наш взгляд, внесение таких изменений позволит защитить виновное лицо от злоупотреблений со стороны истца.

Резюмировать все вышесказанное авторами в настоящей статье можно следующим образом.

Понятия гражданского иска, которое раскрывало бы его сущность на данный момент в российском законодательстве не существует. В таком случае следует обращаться к юридической литературе, которая включает в себя большое количество трактовок данной дефиниции.

Гражданский иск в уголовном судопроизводстве является самостоятельным институтом, и сам по себе возникнуть в уголовном деле не может. Для этого

необходимо наличие предмета гражданского иска, оснований для его предъявления, а также определенного промежутка времени. И еще одним важным проанализированным аспектом является круг субъектов, входящих в область действия гражданского иска, и таковыми являются гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, которые в силу уголовно-процессуального законодательства обладают набором прав и обязанностей.

Проанализировав актуальные проблемы защиты имущественных прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве можно сказать о том, что они действительно существуют и требуют незамедлительного решения. Одной такой актуальной проблематикой является такая категория, как гражданский иск, который является одним из способов возмещения вреда, причиненного преступлением. Сложность возникает именно в том, что уже на стадии написания заявления потерпевший сталкивается с трудностями, а точнее с высоким процентом того, что вред, причиненный преступлением будет не возмещен как в полном объеме, так и в какой-либо части, и связано это с тем, что гражданский ответчик, т. е. (подозреваемый) обвиняемый, не будет установлен. В российском законодательстве на этот счет имеется законодательный пробел, так как отсутствует норма, которая бы закрепляла обязанность государства возмещать причиненный преступлением ущерб.

Список источников

1. Генеральная Прокуратура Российской Федерации // URL://http://crimestat.ru/social_portait.
2. Декларация основных международных прин-

ципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью. Принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г. // URL://http://www.un.org/documents/decl_conv/declarations/power/shtml.

3. Зинуталин З. З. Возмещение материального ущерба в уголовном процессе. Казань: Издательство Казанского университета, 1974.
4. Иванов Д. А. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве — процессуальный инструмент, обеспечивающий право потерпевшего на возмещение вреда // Адвокатская практика. 2016. № 4. С. 29–34.
5. Шаламов М. П. Гражданский иск в уголовном деле. М., 1948.

References

1. General Prosecutor's Office of the Russian Federation // URL://http://crimestat.ru/social_portait.
2. Declaration of Basic International Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power. Adopted by General Assembly resolution 40/34 of 29 November 1985 // URL://http://www.un.org/documents/decl_conv/declarations/power/shtml.
3. Zinutalin Z. Z. Compensation of Material Damage in Criminal Proceedings. Kazan: Kazan University Press, 1974.
4. Ivanov D. A. Civil suit in criminal proceedings — a procedural tool to ensure the victim's right to compensation for harm // Advocacy practice. 2016. № 4. P. 29–34.
5. Shalamov M. P. Civil suit in a criminal case. M., 1948.

Информация об авторах

С. А. Вецкая — доцент кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук;

Ю. С. Леонтьева — слушатель института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the authors

S. A. Vetskaya — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure of the Krasnodar University Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences;

Yu. S. Leontyeva — Student of the Institute for the Training of Employees for the Preliminary Investigation Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 05.06.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-30-33>

НИОН: 2007-0083-2/23-250

MOSURED: 77/27-005-2023-02-450

Уголовно-процессуальный порядок наложения ареста на цифровые валюты

Юрий Викторович Гаврилин

Академия управления МВД России, Москва, Россия, yuriy902@gmail.com

Аннотация. Предлагается использовать в процессе решения вопроса о наложении ареста на цифровую валюту в рамках уголовно-процессуальных правоотношений подход, согласно которому обеспечение блокировки и запрет на распоряжение ей осуществляются уполномоченными субъектами — организаторами распространения цифровых валют, правовой статус которых определяется федеральным законом.

Ключевые слова: цифровая валюта, наложение ареста, меры уголовно-процессуального принуждения

Для цитирования: Гаврилин Ю. В. Уголовно-процессуальный порядок наложения ареста на цифровые валюты // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 30-33. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-30-33>.

Original article

Criminal procedure for the seizure of digital currencies

Yuriy V. Gavrilin

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, yuriy902@gmail.com

Abstract. It is proposed to use in the process of addressing the issue of seizure of digital currency in the framework of criminal and procedural legal relations approach, according to which the blocking and prohibition of its disposal is carried out by authorized entities - the organizers of digital currency distribution, the legal status of which is determined by federal law.

Keywords: digital currency, seizure, measures of criminal procedural coercion

For citation: Gavrilin Yu. V. Criminal procedure for the seizure of digital currencies. Criminological journal. 2023. (2):30-33. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-30-33>.

В последнее время подверглось переоценке широко распространенное в профессиональной среде мнение относительно неприкосновенности цифровых финансовых активов и цифровых валют и их защищенности от возможной конфискации. Данное утверждение базируется на том, что децентрализованный характер информационных систем на основе технологии Блокчейн, когда отсутствует единый центр управления системой и хранения данных, позволяет пользователям обмениваться информацией напрямую без посредников, что снижает временные и финансовые издержки, а также исключает возможность блокировки действий участников [1, с. 15]. Ранее в своих работах, автором также отмечалось, что «при отсутствии какого-либо внутреннего или внешнего администратора информационной системы, в которой об-

ращаются криптовалюты, банки, налоговые, судебные и правоохранительные органы не могут воздействовать на транзакции каких-либо участников: отменить их, наложить арест, конфисковать» [2, с. 9].

Однако, с конца февраля 2022 г., зарубежные криптовалютные биржи начали предпринимать незаконные действия по блокировке аккаунтов граждан Российской Федерации. Первыми ограничения ввели относительно небольшие платформы, владельцы которых связаны с Украиной (криптовалютная биржа BTC-Alpha¹, Kuna Exchange², QMall³). Затем ряд криптобирж с юридическим присутствием в Европе (FTX, Huobi,

¹ URL://:https://www.kommersant.ru/doc/5237451.

² URL://:https://forklog.com/news/platformy-kuna-whitebit-i-cex-io-vveli-ogranicheniya-dlya-rossijskih-polzovatelej.

³ URL://:https://www.rbc.ru/crypto/news/621cd27d9a79477e435eca6c.

© Гаврилин Ю. В., 2023

Kraken) отказались только работать с российскими банками, но не вводили ограничения на остатки по счетам для клиентов из России. О блокировке более 25 000 российских аккаунтов заявила американская криптобиржа Coinbase¹. Наконец, крупнейшая криптобиржа Binance также ввела ограничения на совершение операций россиянами².

Приведенные действия стали возможными потому, что децентрализованная природа самих цифровых валют еще не означает децентрализованный характер вспомогательных цифровых сервисов, обеспечивающих функции их приобретения, продажи и обмена отдельными пользователями. Множественные факты подобной внесудебной блокировки криптокошельков представляют существенный интерес не только с позиций частно-правовых способов защиты имущественных прав и гражданско-правовой доктрины, но и с позиций науки уголовного процесса при решении вопроса о наложении ареста на активы в цифровых валютах. О том, что решение данного вопроса, как в технической, так и в правовой плоскости, назрело достаточно давно, свидетельствует решение коллегии МВД России от 1 ноября 2019 г., которым прямо указывалось на необходимость разработки правового механизма ареста цифровых активов в целях их конфискации [5].

Заметим, что наложение ареста и последующая конфискация цифровой валюты в процессе производства по уголовным делам широкого распространения не получила и носит единичный характер. В настоящее время практика органов предварительного следствия в системе МВД России идет по пути изъятия и фиксации цифровой валюты через ее перевод в российские рубли в рамках следственного эксперимента и последующего наложения ареста на денежные средства в порядке, установленном действующим Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Очевидно, что подобный механизм может быть реализуем лишь при условии содействия со стороны обвиняемого (подозреваемого) органам предварительного следствия и при его добровольном согласии на участие в следственном эксперименте.

Правовых механизмов по принудительной блокировке транзакций в цифровой валюте в российском законодательстве по-прежнему нет, что способствует ее широкому использованию в криминальных взаиморасчетах, а также легализации (отмывании) доходов, полученных преступным путем. Вместе с тем, в научной литературе уже высказываются предложения относительно возможности наложения ареста на цифровую валюту в зависимости от вида криптокошелька.

Так, О. С. Кайгородова отмечает, что в том слу-

чае, если сведения о цифровых финансовых активах и цифровой валюте хранятся в аппаратном кошельке или на бумажном носителе, то достаточно изъять этот кошелек, чтобы исключить доступ к нему. Изъятие можно произвести путем обыска, выемки, в соответствии со ст. 182, 183 УПК РФ.

Наложение ареста на цифровую валюту, находящуюся на «горячем» криптокошельке в условиях, когда обвиняемый (подозреваемый) оказывает противодействие расследованию, возможно лишь тогда, когда в ходе предшествующих следственных действий (осмотров электронных носителей, компьютерных экспертиз), а также оперативно-розыскных мероприятий были получены данные об открытом и закрытом ключах, дающих доступ к криптокошельку. В противном случае, наложение ареста на цифровые валюты не представляется возможным. При этом целесообразно использование мультивалютного криптокошелька для возможности перевода на него арестованных цифровых финансовых активов, цифровой валюты [4]. Предполагается, что подобный перевод, будет сопровождаться составлением протокола наложения ареста на имущество. Аналогичный подход предлагается также и белорусскими авторами, отмечающими, что при непосредственном проведении рассматриваемого процессуального действия необходимо обеспечить участие соответствующего специалиста (например, сотрудника подразделения по противодействию преступлениям, совершенным с использованием ИТ-технологий), который реализует техническую часть рассматриваемого действия [3, с. 88].

Кроме того, для реализации на практике подобных рекомендаций, помимо предварительного обнаружения открытого и закрытого ключей, дающих доступ к криптокошельку, требуется определение стоимости цифровой валюты, находящейся в нем. Данное требование основано на п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)», что стоимость имущества, на которое налагается арест, не должна превышать максимального размера штрафа, установленного санкцией статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, либо должна быть соразмерна причиненному преступлением ущербу.

Основная проблема при реализации на практике наложения ареста на цифровую валюту видится в отсутствии в настоящее время надлежащего субъекта, который обеспечил бы исполнение судебного решения о блокировке ее движения с возможностью принудительного отчуждения по аналогии с наложением ареста на денежные средства. В соответствии с ч. 7 ст. 115 УПК РФ, руководители банков и иных кре-

¹ URL://<https://www.kommersant.ru/doc/5249601>.

² URL://<https://www.rbc.ru/crypto/news/62209faa9a79478fcb830ac9>.

дитных организаций обязаны предоставить информацию об этих денежных средствах и иных ценностях по запросу суда, а также следователя или дознавателя на основании судебного решения. Подобный механизм должен действовать и в отношении цифровой валюты и основываться на регуляторных возможностях законодательства о цифровых валютах, которые, в свою очередь, основываются на рекомендациях ФАТФ — международной организацией, занимающимся разработкой и внедрением стандартов в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма. Одним из базовых требований ФАТФ к государствам — участникам состоит в закреплении в законодательстве принципа «Знай своего клиента», в соответствии с которым оказание услуг по покупке, продаже, обмену цифровой валюты осуществляется после раскрытия клиентом своих персональных данных и их подтверждении (верификации): адреса электронной почты (ID в мессенджере или социальной сети); номера телефона; имени и фамилии; в отдельных случаях - реквизитов документов, удостоверяющих личность; фотографии; реквизитов банковской карты.

Согласно п. 4 ст. 14 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», организация выпуска и обращения цифровой валюты в Российской Федерации регулируются отдельными федеральными законами. На момент подготовки настоящей статьи данный закон не принят, однако, из размещенной на официальном сайте Правительства России концепции законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют [6] следует, что установление правил оборота криптовалют и мер контроля направлено на снижение использования криптовалют в противоправных целях.

С указанной целью предлагается законодательно закрепить комплекс правовых требований к субъектам, обеспечивающим выпуск и обращение криптовалют, включая следующие:

- идентификация участников операции обмена цифровой валюты на фиатные денежные средства, включая информацию об устройстве, с которого осуществлена транзакция, а также персональные данные физического лица (имя, адрес, дата рождения, адрес электронной почты, номер телефона, номер телефона устройства, имя пользователя, пароль. Финансовая информация, данные банковского счета, включая номер банковского счета, номер, срок действия и CVС-код карты, используемой для приобретения виртуальных активов. Номера документов, удостоверяющих личность, копии документов, удостоверяющих личность,

например, паспортные данные, водительские права. Фотография клиента. Дополнительно фиксируется информация о транзакции, включая дату, время, сумму, используемые валюты, данные получателя и отправителя);

- проверка операции с цифровой валютой в целях выявления возможной связи с незаконной деятельностью;
- контроль движения денежных средств, сопровождающих операцию с цифровой валютой, в том числе при взаимодействии клиента с иностранными биржами цифровых валют;
- контроль операций клиентов оператора обмена цифровых валют по криптовалютным кошелькам, с использованием которых совершались операции в системе, информирование государственных органов в случае выявления нарушений действующего законодательства;
- хранение информации о сделке (с указанием данных криптовалютных кошельков сторон сделки) в информационной системе (срок хранения информации — минимум 5 лет) и др.

Таким образом, правомерное совершение операций с цифровой валютой возможно при условии, если клиент предварительно прошел процедуру идентификации и открыл счет или электронный кошелек у организатора системы обмена цифровых валют. Движение денежных средств при купле-продаже цифровых валют осуществляется исключительно по счетам/электронным кошелькам клиента и оператора обмена цифровых валют, открытым у организатора системы обмена цифровых валют. Покупка или продажа цифровой валюты возможна на иностранной бирже цифровых валют, имеющей договор с организатором системы обмена цифровых валют.

В рамках подобной теоретико-правовой модели техническое исполнение судебных решений о наложении ареста на имущество в виде цифровой валюты не будет представлять существенных сложностей, поскольку появляется уполномоченный субъект, в лице организатора системы обмена цифровых валют, располагающий техническими возможностями по принудительной блокировке движения по счету/электронному кошельку клиента, открытому в его информационной системе. Именно в адрес данного субъекта возможно направление судебных решений о наложении ареста на цифровую валюту, вынесенное в порядке ч. 1 ст. 115 УПК РФ.

Список источников

1. Выявление и расследование преступлений, связанных с использованием цифровой валюты / С. А. Грачев, М. В. Лелетова, О. А. Малютин, Т. А. Николаева, Д. С. Говорухин, Р. С. Поздышев, А. Г. Саакян, М. В. Степанов, С. Н.

- Сухов. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2021.
2. Гаврилин Ю. В., Бедеров И. С. Установление владельцев криптовалютных кошельков при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств: учебное пособие. М. : Академия управления МВД России, 2022.
 3. Зайцев В. П., Мелешко В. В. наложение ареста на криптовалюты в уголовном процессе Республики Беларусь: кратко о главном // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2020. № 1 (39).
 4. Кайгородова О. С. Решение вопроса о возможности наложения ареста на цифровые финансовые активы, цифровую валюту // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1. С. 43–52.
 5. Приказ МВД России от 25 ноября 2019 г. № 878 «Об объявлении решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 1 ноября 2019 г. № 3км» // СПС «КонсультантПлюс».
 6. Правительство утвердило Концепцию законодательного регулирования оборота цифровых валют // URL://http://government.ru/news/44519/
- References**
1. Detection and investigation of crimes related to the use of digital currency / S. A. Grachev, M. V. Leletova, O. A. Malyutina, T. A. Nikolaeva, D. S. Govorukhin, R. S. Pozdyshev, A. G. Saakyan, M. V. Stepanov, S. N. Sukhov. N. Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021.
 2. Gavrilin Y. V., Bederov I. S. Establishment of owners of cryptocurrency wallets during the investigation of crimes in the field of illicit trafficking of drugs: a training manual. M. : Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022.
 3. Zaitsev V. P., Meleshko V. V. Seizure of Cryptocurrencies in the Criminal Proceedings of the Republic of Belarus: Briefly on the Main Point // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. 2020. № 1 (39).
 4. Kaigorodova O. C. Decision on the possibility of seizure of digital financial assets, digital currency // Siberian Criminal Procedural and Criminalistic Readings. 2022. № 1. P. 43–52.
 5. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia from November 25, 2019 № 878 «On the announcement of the decision of the board of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation from November 1, 2019 № 3km» // SPS «ConsultantPlus».
 6. The government approved the Concept of legislative regulation of digital currencies turnover // URL://http://government.ru/news/44519/

Информация об авторе

Ю. В. Гаврилин — начальник кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

Yu. V. Gavrilin — Head of the Department of Management of Crime Investigative Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-34-39>

НИОН: 2007-0083-2/23-251

MOSURED: 77/27-005-2023-02-451

**Сокращенное дознание нуждается
в принципиальном реформировании:
как совместить мнение представителя науки
и правоприменителя**

Борис Яковлевич Гаврилов

Академия управления МВД России, Москва, Россия, profgavrilov@yandex.ru

Аннотация. Современное состояние досудебного производства автором рассматривается с точки зрения его влияния на эффективность уголовного судопроизводства, которая, в свою очередь, определяется состоянием научной мысли и конкретными предложениями по научному видению направлений совершенствования уголовно-процессуального закона с учетом правоприменительной практики. Исключительно важным фактором здесь является реальная оценка эффективности производства дознания в сокращенной форме, результативность которого у автора вызвала сомнения с момента издания Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, что и подтвердилось в последующие годы. Одна из причин автору видится в преодолении зашоренности в реальной оценке состояния закона и возможностей его реформирования.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный закон, возбуждение уголовного дела, дознание в сокращенной форме, процессуальные сроки расследования, задержание лица в качестве подозреваемого

Для цитирования: Гаврилов Б. Я. Сокращенное дознание нуждается в принципиальном реформировании: как совместить мнение представителя науки и правоприменителя // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 34-39. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-34-39>.

Original article

**Abbreviated inquiry needs
a fundamental reform:
how to combine the opinion of a representative
of science and law enforcement**

Boris Ya. Gavrillov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, profgavrilov@yandex.ru

Abstract. The current state of pre-trial proceedings is considered by the author from the point of view of its influence on the effectiveness of criminal proceedings, which, in turn, is determined by the state of scientific thought and specific proposals for the scientific vision of ways to improve the criminal procedure law, taking into account law enforcement practice. An extremely important factor here is a real assessment of the effectiveness of the inquiry in an abbreviated form, the effectiveness of which the author has raised doubts since the publication of Federal Law № 23-FZ of March 4, 2013. Which was confirmed in subsequent years. One of the reasons for the author is seen in overcoming blinders in a real assessment of the state of the law and the possibilities of reforming it.

Keywords: criminal procedural law, initiation of a criminal case, inquiry in an abbreviated form, procedural terms of the investigation, detention of a person as a suspect

For citation: Gavrillov B. Ya. Abbreviated inquiry needs a fundamental reform: how to combine the opinion of a representative of science and law enforcement. Criminological journal. 2023. (2):34-39. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-34-39>.

© Гаврилов Б. Я., 2023

При оценке эффективности действующего с 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) автор, принимавший участие в рабочей группе, созданной при Комитете по законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по подготовке Кодекса ко второму и третьему чтениям, достаточно критически относится к ряду его уголовно-процессуальных институтов, включая установленные Федеральным законом от 4 марта 2013 № 23-ФЗ [9] процессуальные правила, призванные, по мнению законодателя, обеспечить в сокращенные процессуальные сроки расследование уголовных дел о преступлениях, обстоятельства совершения которых очевидны, лицо признает факт совершения им противоправного деяния и доказывание его обстоятельств не представляет сложности.

Одной из причин разработки и принятия данного законопроекта явилось то обстоятельство, что дознание по уголовным делам, отнесенным к подследственности органов дознания, по истечении 10 лет действия УПК РФ фактически мало чем отличалось от процессуального порядка производства предварительного следствия. Как следствие сложившегося положения в срок, свыше предусмотренного УПК, сегодня органами дознания завершается расследование по 35 % уголовных дел, а в целом срок производства дознания и последующего судебного разбирательства составляет порядка трех месяцев, что вызывает и значительные финансовые затраты государства на данную сферу деятельности.

При этом следует учитывать, что дознание в сокращенной форме имеет весьма значимую историю [7, с. 52–57], сущность которой заключается в том, что в УПК РСФСР существовала и положительно зарекомендовала себя протокольная форма досудебной подготовки материалов. Ее истоки были заложены в Постановлении Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» [10], доктринально провозгласившей допустимость дифференцированного подхода к построению уголовного процесса [6, с. 75].

Данная процессуальная форма досудебного производства предусматривала расследование в течение 10 суток преступлений, совершенных при описанных выше обстоятельствах. Начало расследование не предусматривало возбуждение уголовного дела, в качестве доказательств принимались результаты следственных действий, нашедших отражение в объяснениях, заключениях специалиста и других материалах расследования. Однако в силу того, что возбуждение уголовного дела возлагалось на суд, Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР в связи с запросом

Каратузского районного суда Красноярского края» [11] положения ч. 1 ст. 418 УПК РСФСР, предоставлявшей судьям право возбуждения уголовных дел по материалам, подготовленным в протокольной форме, были признаны неконституционными (ст. 120 и ч. 3 ст. 123). В этой связи в Конституционный Суд РФ за разъяснениями обратился Генеральный прокурор Российской Федерации, на которое Конституционным Судом РФ было вынесено определение от 07 октября 1997 г. № 88-О «О разъяснении постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 г. по делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» [12], в котором разъяснено, что функция публичного обвинения независимо от различий в установленных законом процессуальных формах возлагается исключительно на органы дознания, предварительного следствия и прокуратуры.

Во исполнение означенного решения Федеральным законом от 15 ноября 1997 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР» [13] ст. 418 из УПК РСФСР была исключена, а ст. 415, регулировавшая порядок направления в суд материалов, подготовленных в протокольной форме, видоизменена. Законодательные изменения в целом нашли поддержку в указании Генерального прокурора Российской Федерации от 23 декабря 1997 г. № 75/36 «Об организации прокурорского надзора за производством протокольной формы досудебной подготовки материалов» (утратил силу — приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 10 декабря 2002 года № 73 «О признании некоторых организационно-распорядительных документов утратившими силу»), а затем и в совместном указании МВД России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 25.08.1998 № 1/3227 и от 26.02.1998 № 12/26 «Об упорядочении практики оформления материалов в протокольной форме» (утратил силу).

Однако судебная практика принципиально изменилась, фактически суды отказывались принимать к своему производству уголовные дела, расследованные по протокольной форме (в 1998–2000 г. суды рассматривали порядка 30 тыс. таких материалов в год, а до 1996 г. — от 200 до 300 тыс. таких материалов ежегодно).

С учетом изложенных обстоятельств, при подготовке и принятии УПК РФ законодателю с участием автора был предложен проект, согласно которому предлагалось производство дознания осуществлять в течение 15 суток с возможностью его продления на срок не более 10 суток. При этом из процедуры расследования был исключен институт предъявления обвинения и введен обязательный перечень судебных экспертиз (ст. 196 УПК РФ), что было призвано ограничить сроки расследования. Однако реалии право-

применения оказались таковыми, что сроки расследования законодатель был вынужден увеличить, и на сегодня они составляют до 6 месяцев, а в исключительных случаях — до одного года (ч. 4 и 5 ст. 223 УПК РФ).

Однако идея экономии процессуальных средств, обусловленная легализацией в законодательстве и в правоприменительной практике «суммарного производства» (в российском понимании), себя не исчерпала [4, с. 141], и законодателем с учетом позиции правоприменителя был предложен вариант дознания в сокращенной форме, который был реализован указанным выше Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, которым в УПК РФ была включена гл. 32.1, регламентирующая порядок производства дознания в сокращенной форме.

Данный вид дознания, несмотря на использование со стороны МВД России и Генеральной прокуратуры РФ административных рычагов, направленных на активизацию правоприменительной практики расследования уголовных дел в форме сокращенного дознания так и не получило широкого распространения, хотя в 2018 г. доля уголовных дел, по которым дознание проводилось в сокращенной форме, об общего числа расследованных уголовных дел достигло показателя 24,7 %, что следует признать весьма положительным показателем организации деятельности органов внутренних дел.

Более того, введение данного процессуального института не способствовало сокращению объемов процессуальной деятельности и сроков расследования указанного вида преступлений. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что содержание уголовных дел и их объем идентичен материалам расследования в форме обычного дознания (гл. 32 УПК РФ) и даже превышает его, в том числе, по причине необходимости подготовки дознавателем еще двух процессуальных документов. В ходе расследования в сокращенной форме сегодня на практике активно используется производство таких следственных действий, как исследование и назначение и производство экспертизы, на что затрачивается дополнительно срок от 30 и более суток. Подтверждается данный вывод и мнением 67 % опрошенных дознавателей органов внутренних дел Российской Федерации [3].

Таким образом, следует указать, что достижение цели введения дознания в сокращенной форме оказалось практически невозможным в силу институциональных недостатков данной формы расследования. Одна из причин заключалась в том, что упрощению досудебного производства сегодня препятствует то обстоятельство, что искомая оптимизация формы расследования является отлагательной, поскольку дознание в сокращенной форме возможно исключительно

после возбуждения уголовного дела. Тем самым действующая редакция УПК РФ фактически способствует формированию практики возбуждения уголовных дел только при вероятности их направления в суд. Это соответственно препятствует своевременному принятию решения о начале расследования и значительно усложняет первоначальную стадию уголовного судопроизводства, отодвигая тем самым процесс расследования в форме сокращенного дознания от момента обращения потерпевшего за защитой своего нарушенного права.

Подтверждается это и тем обстоятельством, что в 2021 г. органами дознания в системе МВД России из рассмотренных 11,6 млн заявлений и сообщений о преступлениях более 5 млн (43,7 %) были рассмотрены с превышением 3-х суточного срока.

О масштабах устойчивости указанной негативной практики свидетельствуют и обращения в Конституционный Суд Российской Федерации граждан на нарушения сроков расследования, последствием чего стало признание последним несоответствующим Конституции Российской Федерации ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ, не учитывающей при определении разумного срока уголовного судопроизводства период со дня подачи заявления о преступлении и до момента возбуждения уголовного дела [14; 15]. Из чего следует, что упрощение досудебного производства не может быть достигнуто, если сокращенной форме расследования предшествуют неограниченные временными рамками сроки проверки заявления, сообщения о преступлении (в отдельных случаях этот период составляет несколько месяцев, например, в случае отказа в возбуждении уголовного дела и его отмене) или так называемая, стадия возбуждения уголовного дела.

Таким образом, к обсуждаемой форме расследования у отечественных юристов выработалось весьма противоречивое отношение [5, с. 45], несмотря на то, что «наличие в уголовном судопроизводстве дифференцированного порядка по делам различной категории является необходимым условием построения эффективного и рационального процесса» [8, с. 79].

И в целом состояние уголовного судопроизводства профессор А. С. Александров [1] оценивает как коренной порок отечественной правовой модели, высказывая при этом достаточно радикальную точку зрения об отказе от существующего сегодня предварительного следствия с переходом на «прокурорское» дознание. С этим утверждением, возможно, следовало было бы и согласиться, если бы, во-первых, к этому была готова судебная система; во-вторых, в условиях России такие революционные преобразования способны только разрушить систему предварительного расследования, без которого судебная система останется «без работы».

Назрела необходимость в замене дознания в сокращенной форме, которое как по срокам расследования, так и по объему собираемых доказательств ничем сегодня не различается с дознанием в общем порядке и даже превосходит его по количеству принимаемых дознавателем решений.

Вместо дознания в сокращенной форме автором предлагается протокольная форма предварительного расследования, производимого в течение 48 часов в отношении конкретного лица при его задержании с «поличным» и признании им факта совершения преступного деяния. Данная форма расследования, по нашему мнению, не должна предусматривать процедуру возбуждения уголовного дела. Предлагается также законодательным путем ограничить перечень обязательных следственных действий допросом заподозренного в совершении преступления лица, а также потерпевшего или свидетеля (при отсутствии потерпевшего) совершенного преступления. Закон должен предусматривать обязательное задержание такого лица на срок до 48 часов, в течение которых расследование должно быть завершено. Наше предложение о задержании подозреваемого в порядке ст. 91–92 УПК РФ обусловлено тем, что в 2018–2021 г. ежегодно от органов предварительного расследования скрывалось порядка 100 тыс. указанных лиц и сколько они совершили за период нахождения в федеральном розыске вряд ли кому известно. При поступлении уголовного дела в суд срок задержания подсудимого продлевается до 72 часов, необходимых для осуществления судебного разбирательства. Зарубежная практика наглядно об этом свидетельствует (для сведения, в конце 90-х г. XX в. по подозрению в совершении преступлений ежегодно органами предварительного следствия и органами дознания задерживалось порядка 600–700 тыс. граждан, сегодня менее 100 тыс. Для сравнения в США — ежегодно порядка 11 млн граждан).

Сущность предлагаемой нами протокольной формы расследования состоит в том, что: расследование осуществляется в отношении конкретного лица в случае признания им факта преступления и когда дознавателю не требуется проведения всех процессуальных действий; вынесение постановления о возбуждении уголовного дела закон не предусматривает и одновременно ограничивает производство следственных действий допросом подозреваемого, а также потерпевшего или свидетеля — очевидца; производство судебной экспертизы допускается лишь в случаях, предусмотренных ст. 196 УПК РФ.

Изложенное выше рассмотрение только одной из проблем предварительного расследования, не говоря об изложенных ранее автором перед научным сообществом и практикующими юристами проблемами [2, с. 47–56; 16], сегодня стоит задача побудить законодате-

ля к разработке такой доктрины уголовного процесса, которая будет реально отражать произошедшие в социально-политической, экономической и правовой жизни российского государства и общества изменения, чему сегодня в значительной мере препятствует нежелание в этой связи посмотреть на современное состояние уголовно — процессуального законодательства в странах как дальнего зарубежья, так и тех изменений, которые имеют место в государствах бывшего постсоветского пространства.

Список источников

1. Александров А. С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 5 (5).
2. Гаврилов Б. Я. Современное досудебное производство по уголовным делам требует реформирования // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. С. 47–56.
3. Кудряшова Е. С., Лопатников М. В., Меркулов М. А., Николаева Т. А., Тангриева В. Н., Хмельницкая Т. В. Дознание в сокращенной форме: проблемы, пути совершенствования: информационно-аналитический обзор. Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2019.
4. Качалова О. В. Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства? // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1. С. 141–149.
5. Кругликов А. П. Дополнение УПК РФ новой главой о дознании в сокращенной форме и некоторые проблемы дифференциации уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2013. № 7. С. 45–49.
6. Пашкевич П. Ф. Проблемы процессуального обеспечения оперативности и быстроты судопроизводства // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1971. Вып. 14. С. 75–98.
7. Решетняк В. Проблемы судебного производства по уголовному делу, дознание по которому производилось в сокращенной форме // Законность. 2020. № 1. С. 52–57.
8. Якубович М. С. Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М. : Юрид. лит., 1981.
9. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.
10. Постановление Верховного Совета РСФСР от

- 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 50. Ст. 5679.
 12. Конституционным Судом РФ было вынесено определение от 07 октября 1997 г. № 88-О «О разъяснении постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28 ноября 1996 г. по делу о проверке конституционности статьи 418 УПК РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // СПС «КонсультантПлюс».
 13. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в УПК РСФСР» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 46. Ст. 5244.
 14. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 2019 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б. А. Сотникова» // СПС «КонсультантПлюс».
 15. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 января 2020 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э. Р. Юровских» // СПС «КонсультантПлюс».
 16. Гаврилов Б. Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. 2021. № 6.
- References**
1. Alexandrov A. S. On the doctrinal model of criminal-procedural evidentiary law of Russia // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of Law. 2015. № 5 (5).
 2. Gavrilov B. Ya. Modern pre-trial proceedings in criminal cases requires reforming // Bulletin of Economic Security. 2022. № 2. P. 47–56.
 3. Kudryashova E. S., Lopatnikov M. V., Merkulov M. A., Nikolaeva T. A., Tangrieva V. N., Khmel'nitskaya T. V. Inquest in the reduced form: problems, ways of improvement: an information-analytical review. N. Novgorod : Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.
 4. Kachalova O. V. Accelerated proceedings in criminal proceedings: is there a limit to the differentiation of criminal proceedings? // Actual problems of Russian law. 2016. № 1. P. 141–149.
 5. Kruglikov A. P. Addition of the CPC of the Russian Federation with a new chapter on inquiry in a reduced form and some problems of differentiation of criminal proceedings // Russian Justice. 2013. № 7. P. 45–49.
 6. Pashkevich P. F. Problems of procedural provision of promptness and speed of legal proceedings // Issues of combating crime. M., 1971. Vol. 14. P. 75–98.
 7. Reshetnyak V. Problems of judicial proceedings in a criminal case, inquest on which was carried out in the combined form // Legality. 2020. № 1. P. 52–57.
 8. Yakubovich M. S. Procedural form in the Soviet criminal proceedings. M. : Jurid. lit., 1981.
 9. Federal Law «On Amendments to Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» of March 04, 2013 № 23-FZ // Collection of Laws of the Russian Federation. 2013. № 9. Art. 875.
 10. Resolution of the Supreme Council of the RSFSR of October 24, 1991, № 1801-1 «On the Concept of Judicial Reform in the RSFSR» // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Council of the RSFSR. 1991. № 44. Art. 1435.
 11. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 28, 1996, № 19-P «On the Case of Verification of Constitutionality of Article 418 of the RSFSR Criminal Procedural Code in Connection with the Request of the Karatuzsky District Court of Krasnoyarsk Territory» // Collection of Laws of the Russian Federation. 1996. № 50. Art. 5679.
 12. The Constitutional Court of the Russian Federation ruled on October 07, 1997, № 88-О «On elucidation of the resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 28, 1996 in the case on the check of constitutionality of Article 418 of the Criminal Procedural Code of the RSFSR in connection with the request of the Karatuzsky District Court of Krasnoyarsk Territory» // SPS «ConsultantPlus».
 13. Federal Law of November 15, 1997 № 141-FZ «On making amendments and addenda to the CPC of RSFSR» // Collection of Laws of the Russian Federation. 1997. № 46. Art. 5244.
 14. Decision of the Constitutional Court of the

Russian Federation of June 13, 2019 № 23-П «On the case of checking the constitutionality of part three of article 6.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen B. A. Sotnikov» // SPS «ConsultantPlus».

15. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 30, 2020, № 6-П «On the case of verification of the constitutionality of part

three of article 6.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E. R. Yurovskikh» // SPS «ConsultantPlus».

16. Gavrilov B. Y. XX year of the Russian criminal procedure law: does it correspond to scientific views and requirements of law enforcement // Laws of Russia. Experience. Analysis. Practice. 2021. № 6.

Информация об авторе

Б. Я. Гаврилов — профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ.

Information about the author

B. Ya. Gavrilov — Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 05.06.2023.

Криминология. 7-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. Г. А. Аванесова. 447 с. Гриф МО РФ. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Учебник посвящен изучению криминологии как науки, преступности — как социально-правового явления. Рассматриваются история криминологической науки, методология и методы криминологического исследования; особенности личности преступника и механизм совершения конкретных преступлений, меры их предупреждения, факторный анализ преступности.

Наряду с общими вопросами, касающимися преступности в целом, анализируются криминологические особенности и меры предупреждения насильственной, организованной, рецидивной и профессиональной, неосторожной преступности; преступлений против собственности, преступлений в сферах экономической деятельности, преступности несовершеннолетних и женщин. Приведен словарь криминологических терминов.

Для студентов юридических вузов.

Научная статья

УДК 34.3

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-40-45>

НИОН: 2007-0083-2/23-252

MOSURED: 77/27-005-2023-02-452

Возбуждение уголовных дел о преступлениях экономической направленности: процессуальные особенности и проблемные вопросы, связанные с преодолением факторов противодействия

Николай Николаевич Горач¹, Дмитрий Александрович Иванов², Мадина Муссаевна Макаренко³

¹ Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Москва, Россия, n.gorach@mail.ru

² Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, ida_2008_79@mail.ru

³ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, mak72-00@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются проблемы, возникающие при проведении предварительной проверки сообщения о преступлении экономической направленности, в том числе, связанные с противодействием, оказываемым заинтересованными фигурантами лицам, ее производящим.

Авторами, на основе изученных практических материалов, выработаны алгоритмы действий, направленных на преодоление указанного процесса, а также внесены обоснованные предложения по изменению действующего уголовно-процессуального законодательства. В заключение, делается аргументированный вывод.

Ключевые слова: преступления экономической направленности, возбуждение уголовного дела, оперативно-розыскные мероприятия, следственные действия, противодействие расследованию

Для цитирования: Горач Н. Н., Иванов Д. А., Макаренко М. М. Возбуждение уголовных дел о преступлениях экономической направленности: процессуальные особенности и проблемные вопросы, связанные с преодолением факторов противодействия // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 40-45. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-40-45>.

Original article

Initiation of criminal cases on economic crimes: procedural features and problematic issues related to overcoming counteraction factors

Nikolai N. Gorach¹, Dmitry A. Ivanov², Madina M. Makarenko³

¹ Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia, n.gorach@mail.ru

² Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, ida_2008_79@mail.ru

³ Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, mak72-00@mail.ru

Abstract. Discusses the problems that arise during the preliminary verification of a report of a crime of economic nature, including those associated with the counteraction of interested persons to its production.

The authors, on the basis of the studied practical materials, developed algorithms of actions aimed at overcoming this process, as well as made reasonable proposals for changing the current criminal procedure legislation. In conclusion, a reasoned conclusion is made.

Keywords: crimes of an economic nature, initiation of a criminal case, operational-search measures, investigative actions, counteraction to an investigation

© Горач Н. Н., Иванов Д. А., Макаренко М. М., 2023

For citation: Gorach N. N., Ivanov D. A., Makarenko M. M. Initiation of criminal cases on economic crimes: procedural features and problematic issues related to overcoming counteraction factors. *Criminological journal*. 2023. (2):40-45. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-40-45>.

Предварительное расследование основного массива преступлений экономической направленности на всех этапах, начиная от возбуждения уголовного дела и до окончания следствия или дознания, осуществляется в условиях воспрепятствования достижению целей уголовного процесса фигурантами, привлекаемыми к уголовной ответственности, а также иными способствующими им лицами. При этом механизм реализации имеющихся средств и методов противодействия постоянно совершенствуется, что непосредственно сказывается на эффективности работы правоохранительных органов.

Так, в 2022 г. выявлено 111429 преступлений экономической направленности, в том числе 32391, совершенных в крупном и особо крупном размере. Из общего количества выявленных преступлений расследовано 79229 (т. е. 71,1 %), направлено в суд 60745 уголовных дел, по которым к ответственности привлечены 36818 фигурантов, их совершивших [1].

Среди причин сложившейся ситуации необходимо выделить, прежде всего, несовершенство уголовно-процессуального законодательства в части регламентации этапа возбуждения уголовного дела, отсутствие единообразной методики выявления фактов противодействия расследованию преступлений экономической направленности, слабое обладание практическими работниками, наработанными наукой, превентивными средствами и методами воздействия на данный процесс в его различных формах.

Изложенное выше актуализирует вопросы, которые будут предметом рассмотрения в рамках настоящей статьи.

Прежде всего, следует акцентировать внимание на том, что законодатель в отношении отдельных криминальных деяний экономической направленности (ст. 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 УК РФ) предъявляет особые требования к такому поводу для возбуждения уголовного дела как заявление (ч. 3 ст. 20 УПК РФ). Кроме того, правоприменитель должен учитывать и положения, содержащиеся в ст. 23 УПК РФ. Указанные нормы прямо устанавливают, что в случае причинения преступлением вреда интересам коммерческой организации возбуждение уголовного дела зависит от волеизъявления потерпевшего или его законного представителя, т. е. дело возбуждается либо по заявлению руководителя предприятия, либо с его согласия.

Анализ, практических материалов, показывает, что зачастую фигурантами по уголовному делу проходят лица, непосредственно осуществляющие полномочия по руководству коммерческой организацией. В этой связи абсурдной представляется ситуация, когда руководитель будет обращаться в правоохранительные органы по поводу своего криминального поведения. Для этого законодательно закреплен другой повод — явка с повинной. Однако для исследуемых преступлений подобные случаи носят единичный характер. В большинстве своем анализируемые преступления выявляются путем реализации оперативных материалов, либо в ходе проверок, проводимых Счетной палатой Российской Федерации, специалистами Центрального банка РФ, налоговыми инспекциями, на основании информации, поступившей из Федеральной службы по финансовому мониторингу, Федеральной антимонопольной службы и др.

Для оперативного разрешения описанной проблемы, предлагается следующий алгоритм действий. В случае, если картина преступления очевидна, как и роль руководителя организации в совершении противоправного деяния, то следователем инициируется вопрос об избрании нового лица, представляющего единый исполнительный органа, от которого и принимается заявление.

Другой путь демонстрирует имеющаяся практика предварительного расследования и успешного судебного рассмотрения уголовных дел о хищениях, в условиях, когда юридическое лицо находится в стадии банкротства. В подобных ситуациях уголовные дела возбуждаются на основании заявления руководителя ГК «Агентство по страхованию вкладов», либо конкурсного управляющего [2].

В некоторых случаях руководитель организации, стремясь избежать дисциплинарной или иной ответственности, намеренно затягивает подачу заявления, препятствуя тем самым расследованию.

Так, в ходе проведения инвентаризации торговых остатков на складских помещениях одного из хозяйствующих субъектов была обнаружена недостача товара на сумму, превышающую 1 млн руб. Заявление о наличии признаков преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, было подано в органы внутренних дел главным бухгалтером данного предприятия, поскольку директор находился в отъезде. Проведенная про-

верка в порядке ст. 144 УПК РФ установила в действиях заведующего складом указанного предприятия наличие признаков преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 160 УК РФ. Срок проверки был продлен до 10 суток, однако вынести процессуальное решение в виде возбуждения уголовного дела было невозможно в связи с тем, что заявление, поданное главным бухгалтером, не могло быть юридическим основанием для этого. Что касается директора, то последний, стремясь уйти от ответственности перед основными учредителями за свое неграмотное руководство, всячески препятствовал возбуждению уголовного дела, предлагая сотрудникам правоохранительных органов вынести соответствующее постановление об отказе, так как считал произошедшее внутренней проблемой организации. Ситуация была разрешена только после доведения информации о случившемся до основных учредителей [3].

Очевидно, что затягивание с принятием процессуального решения при наличии соответствующих оснований для возбуждения уголовного дела, негативным образом может сказаться на процессе формирования доказательственной базы, давая преступникам временные и технические возможности сформировать свое ложное алиби, в том числе путем уничтожения следов преступления, оказания давления на его участников, возможных свидетелей и очевидцев.

Изложенное выше позволяет утверждать, что на законодательном уровне назрела необходимость расширения круга тех субъектов, которые могут выступать в качестве заявителей по преступлениям экономической направленности. Предлагаем наделить таким правом участников (акционеров) коммерческих организаций, в случае если фигурант, являющийся единым исполнительным органом, в силу личной заинтересованности не может осуществлять защиту прав юридического лица должным образом.

В соответствии со ст. 140 УПК РФ для возбуждения любого уголовного дела необходимо наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления и отсутствие обстоятельств, исключающих производство по делу. Именно посредством этих составляющих в доктрине уголовного процесса раскрывается содержание понятия «основание для возбуждения уголовного дела».

Полагаем, что применительно к предмету исследования настоящей статьи, полученные данные должны быть достаточны для вывода о вероятности совершения преступления экономической направленности и его отграничении от гражданско-правовых

отношений. Это опосредовано особенностями криминалистической характеристики большинства таких преступлений, поскольку механизм их совершения предусматривает задействование гражданско-правовых институтов, а в некоторых случаях и наличие преюдиции. Кроме того, указанные особенности позволяют лицам, совершившим криминальные деяния экономической направленности, успешно противодействовать их выявлению и дальнейшему расследованию, маскируя криминальную составляющую под гражданско-правовой спор.

Как показывает анализ изученных в ходе работы над данной статьей практических материалов, наибольшую сложность для правоприменителя представляет именно процесс оценки полноты собранных данных. Эффективность выявления и расследования криминальных деяний экономической направленности во многом зависит от опыта и квалификации лиц, проводящих проверку, расследующих уголовное дело, владении ими навыками экономического анализа, методами социальной инженерии, приемами, нейтрализующими противодействие установлению истинной картины случившегося; умениями использования специальных знаний; грамотного взаимодействия с заинтересованными службами и ведомствами. В конечном итоге все это помогает правильно оценить собранные данные с точки зрения их достаточности, и в случае необходимости сформировать и реализовать комплекс дополнительных проверочных мероприятий для формирования будущей доказательственной базы. Ибо большая часть доказательств по преступлениям в сфере экономической деятельности формируется именно при проверке сообщения до возбуждения уголовного дела.

Для исключения различного понимания полноты полученной информации и минимизации противодействия процессу выявления и расследования преступлений экономической направленности на уровне Следственного департамента МВД России, следственных подразделений в субъектах Российской Федерации изданы и реализуются приказы, инструкции, регламенты с формальными требованиями к содержанию материалов проверок сообщений по преступлениям экономической и коррупционной направленности, предусматривающие рекомендованный перечень документов, а также критерии, на которые должен ориентироваться рядовой правоприменитель при их оценке для принятия процессуального решения о наличии или отсутствии в действиях фигуранта признаков, указывающих на экономическую составляющую

преступления [4]. Полагаем, что с учетом развития научно-технического прогресса, изменения структуры и динамики совершаемых преступлений, активного использования при этом информационных технологий, подобные документы должны обновляться ежегодно.

Отдельно следует рассмотреть некоторые проблемы, возникающие при проведении проверочных мероприятий в рамках предварительной проверки о преступлениях экономической направленности. Полный их перечень определен в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Из данного комплекса правомочий выделим истребование и (или) изъятие документов и предметов, необходимых для назначения документальных проверок, ревизий, исследований, а также судебных экспертиз. Следует отметить, что указанная процедура, а также порядок фиксации результатов ее проведения не нашли отражения в уголовно-процессуальном законе.

В свою очередь, вольное толкование положений ч. 1 ст. 144 УПК РФ «вправе, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом» привело к формированию негативной практики производства выемки до возбуждения уголовного дела.

Позиции ученых по поводу правомерности выемки до возбуждения уголовного дела разделились на диаметрально противоположные: за возможность производства выемки до возбуждения уголовного дела, и против этого. Что касается официальной судебной позиции по данной проблеме, то она до настоящего времени не сформулирована четко [5]. Таким образом, текст действующей нормы УПК РФ является не только поводом для научных споров, но и возможностью для совершения действий, результаты которых, в случае их реализации, будут признаны недопустимыми доказательствами. Это является также фактором, который может спровоцировать активное противодействие расследованию со стороны защиты.

Выход из сложившейся ситуации в условиях действующего уголовно-процессуального законодательства видится в следующем: при проверке сообщения до возбуждения уголовного дела следует производить изъятие предметов и документов, оформляя протокол изъятия с соблюдением требований формы и содержания, установленных УПК РФ к протоколам следственных действий (ст. 166–167 УПК РФ).

Вместе с тем, анализ материалов правоприменительной практики, осуществленный при подготовке настоящей статьи, свидетельствует о назревшей необходимости закрепления в тексте уголовно-процессуального закона возможности производства выемки до

возбуждения уголовного дела. Считаем, что это, безусловно, скажется на экономии сил и средств, как оперативных подразделений, так и следственных органов, исключит необходимость дублирования проверочных действий в ходе дальнейших стадий уголовного процесса, а также будет способствовать преодолению противодействия расследованию преступлений экономической направленности.

При осуществлении проверки возникает необходимость получения не только документов, но и сведений, в том числе составляющих охраняемую законом тайну (налоговую, банковскую и др.). Например, правоприменители сталкиваются с трудностями при получении документов из банков, так как основанием их выдачи является возбужденное уголовное дело. Между тем для более полного анализа обстоятельств совершенного преступления требуются выписки о движении денежных средств по расчетным счетам физических или юридических лиц. Сотрудники подразделений ЭБ и ПК получают разрешение суда об истребовании указанных документов, оформляя это проведение ОРМ. Следователи, дознаватели не имеют данных полномочий и вынуждены действовать только путем направления соответствующих поручений органу дознания. Это, в свою очередь, сказывается на сроках проведения проверки, и, соответственно, дает заинтересованной стороне больше временных возможностей скрыть следы преступления, оказать давление на предполагаемых свидетелей, либо иным образом оказать противодействие установлению истинной картины преступления.

Для определения характера и размера ущерба, причиненного преступлением экономической направленности, правоприменитель наделен процессуальной возможностью назначать на стадии проверки сообщения экспертизы (судебно-бухгалтерскую, строительно-техническую, финансово-аналитическую и пр.). Однако ввиду ограниченного количества необходимых экспертов, загруженности экспертных учреждений и, как правило, длительности проведения экспертиз, следователями проводятся документальные проверки, ревизии, исследования. В последующем данное обстоятельство негативно сказывается на качестве и результатах расследования уголовного дела, поскольку выводы экспертов, полученные в рамках расследования уголовного дела, как правило, отличаются от выводов специалистов-ревизоров, полученных при проверке сообщения о преступлении. Исследования зачастую проводятся крайне поверхностно, необходимые документы ревизорами не истребуются, выводы

носят, скорее вероятностный характер, нежели дают конкретный ориентир, позволяющий правильно квалифицировать то или иное преступление, и, соответственно, определить его подследственность.

Кроме того, назначая экспертизу до возбуждения уголовного дела, лицо, производящее проверку, должно определить заинтересованных лиц и ознакомить их с соответствующим постановлением, чтобы обеспечить реализацию прав, законодательно предусмотренных для таких случаев. Объективно, сделать это в рамках проведения проверки, не нарушая закон, практически невозможно, поскольку статус лиц, участвующих в ней, имеет только предположительный характер, процессуально не определен и не оформлен (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый).

Описанная ситуация служит весомым «подспорьем» для создания препятствий расследованию участниками со стороны защиты, в том числе путем жалоб на необеспечение процессуального статуса своего доверителя. На практике лица, производящие в дальнейшем расследование по делу, либо заново знакомят заинтересованных участников с постановлениями и заключениями экспертиз, проведенных в рамках проверки, либо назначают новые экспертизы, повторяя описанную процедуру ознакомления.

Еще одним распространенным проверочным действием при проверке сообщения о преступлении в сфере экономической деятельности является получение объяснений от различных лиц, обладающих информацией, представляющей доказательственное значение (заявители, руководители, учредители, работники организаций, сотрудники контролирующих органов, предполагаемый подозреваемый в совершении преступления и пр.). В случаях отсутствия опросов лиц, причастных к исследуемому событию, материалы проверки сообщения о преступлении можно признавать недостаточными для возбуждения уголовного дела.

В системе доказательств объяснение рассматривается в качестве иного документа, имеющего равное значение с остальными, указанными в ст. 74 УПК РФ. Однако законом не предусмотрено ответственности за неявку в орган дознания для дачи объяснений, отсутствует ответственность за дачу ложных сведений. В связи с этим фигуранты, осознавая свою безнаказанность, могут не приходить в правоохранительный орган, либо сообщать ложные сведения представителю власти. В сложившихся правовых условиях при проверке сообщения сначала опрашивают граждан, фиксируя полученные сведения письменным объяснением, а после возбуждения уголовного дела допра-

шивают этих же лиц по тем же фактам, фиксируя уже показания в протоколе допроса. Такая практика ведет к необоснованному увеличению трудозатрат.

Считаем, что в целях экономии и рационального использования сил оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел необходимо устранить дублирование в уголовно-процессуальном законодательстве, одинаковых по существу, но разных по внешней форме действий, исключив из ст. 144 УПК РФ получение объяснений, и разрешив производство допросов.

В рамках данной статьи были рассмотрены лишь некоторые проблемы, с которыми сталкивается правоприменитель при проведении предварительной проверки сообщения о преступлении экономической направленности, в том числе, связанные с противодействием, оказываемым заинтересованными фигурантами лицам, ее производящим. Полагаем, что их оперативное разрешение будет способствовать повышению эффективности работы на данном приоритетном направлении.

Список источников

1. Статистические данные ФГКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». Форма «1-ЕГС» (491), книга 1 // URL://<https://xn--blaew.xn--plai/folder/101762>.
2. Справочно-информационные материалы ДЭБ и ПК МВД России за 2019 г. // <https://xn--blaew.xn--plai/>
3. Справочно-информационные материалы Следственного департамента МВД России за 2019 г. // <https://xn--blaew.xn--plai/>
4. Приказ Следственного департамента МВД России от 26 октября 2011 г. № 55 «Об организации ведомственного контроля при рассмотрении материалов проверки в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ о преступлениях экономической и коррупционной направленности» // URL://<http://www.garant.ru>.
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 2885-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Абрамовой Эрики Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL://<http://www.garant.ru>.

References

1. Statistical data of FGKU «Main information-

- analytical center of the Ministry of Internal Affairs of Russia». Form «1-EGS» (491), book 1 // URL://https://xn--blaew.xn--plai/folder/101762.
2. Reference and information materials of the DEB and PC of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2019 // <https://xn--blaew.xn--plai/>
 3. Reference and information materials of the Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2019 // <https://xn--blaew.xn--plai/>
 4. Order of the Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia from October 26, 2011 № 55 «On the organization of departmental control when reviewing inspection materials in accordance with Art. 144–145 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on crimes of economic and corruption orientation» // URL://<http://www.garant.ru>.
 5. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 22, 2015 № 2885-О «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Abramova Erika Vyacheslavovna on violation of her constitutional rights by part one of article 144 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // URL://<http://www.garant.ru>.

Информация об авторах

Н. Н. Горач — доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат педагогических наук;

Д. А. Иванов — профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент;

М. М. Макаренко — доцент кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

N. N. Gorach — Associate Professor of the Department of Forensic and Investigative Activities of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Pedagogical Sciences;

D. A. Ivanov — Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor;

M. M. Makarenko — Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.02.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 19.06.2023.

The article was submitted 09.02.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 19.06.2023.

Научная статья

УДК 343.985

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-46-49>

НИОН: 2007-0083-2/23-253

MOSURED: 77/27-005-2023-02-453

О некоторых тенденциях в развитии уголовного судопроизводства Российской Федерации на современном этапе

Виктор Николаевич Григорьев^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, grigorev.viktor@gmail.com

² Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

Аннотация. Проведенные исследования современного состояния уголовного судопроизводства Российской Федерации дают основания выделить ряд существенных тенденций в его развитии, среди которых как позитивные, так и вызывающие сомнение в своей адекватности запросам гражданского общества. В статье представлены некоторые из них, в частности, такие как: признание социальной ценности процессуальной формы уголовного судопроизводства и ее востребованность; чрезмерная перегрузка процессуальной формы уголовного судопроизводства; упрощение процессуальной формы уголовного судопроизводства, низведение многих элементов процессуальной формы уголовного судопроизводства до уровня административного регламента; перекося назначения уголовного судопроизводства в сторону отказа от защиты прав граждан; использование процессуальной формы уголовного судопроизводства для перераспределения нагрузки и облегчения труда работников органов уголовного преследования и суда. На этой основе сформулировано авторское видение перспектив дальнейшего развития процессуальной формы уголовного судопроизводства в Российской Федерации на современном этапе.

Ключевые слова: процессуальная форма, суд, участники уголовного судопроизводства, обвинение, назначение уголовного судопроизводства, односторонность в расследовании и судебном разбирательстве, оптимизация уголовного судопроизводства

Для цитирования: Григорьев В. Н. О некоторых тенденциях в развитии уголовного судопроизводства Российской Федерации на современном этапе // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 46-49. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-46-49>.

Original article

On some trends in the development of criminal proceedings in the Russian Federation at the present stage

Victor N. Grigoriev^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, grigorev.viktor@gmail.com

² Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The conducted studies of the current state of criminal proceedings in the Russian Federation give grounds to identify a number of significant trends in its development, among which are both positive and questionable in their adequacy to the demands of civil society. The article presents some of them, in particular, such as: recognition of the social value of the procedural form of criminal proceedings and its relevance; excessive overload of the procedural form of criminal proceedings; simplification of the procedural form of criminal proceedings, reduction of many elements of the procedural form of criminal proceedings to the level of administrative regulations; skewing the purpose of criminal proceedings in the direction of refusal to protect the rights of citizens; use of the procedural form of criminal proceedings to redistribute the burden and facilitate the work of employees of criminal prosecution and court. On this basis, the author's vision of the prospects for further development of the procedural form of criminal proceedings in the Russian Federation at the present stage is formulated.

© Григорьев В. Н., 2023

Keywords: procedural form, court, participants in criminal proceedings, prosecution, purpose of criminal proceedings, one-sidedness in investigation and trial, optimization of criminal proceedings

For citation: Grigoriev V. N. On some trends in the development of criminal proceedings in the Russian Federation at the present stage. Criminological journal. 2023. (2):46-49. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-46-49>.

Проведенные исследования современного состояния уголовного судопроизводства Российской Федерации дают основания выделить ряд существенных тенденций в его развитии, среди которых как позитивные, так и вызывающие сомнение в своей адекватности запросам гражданского общества. Представим некоторые из них.

Признание социальной ценности процессуальной формы уголовного судопроизводства и востребованность. Концепция современного уголовного процесса России заключается в том, что его назначение реализуется в процессуальной форме, которая, с одной стороны, способствует установлению действительных обстоятельств дела, а с другой — обеспечивает соблюдение прав и законных интересов граждан. Она воплощает в себе многовековой отечественный и зарубежный опыт борьбы с преступностью, отражает гносеологические и психологические закономерности и достижения общественной практики, включает в себя выработанные наукой и практикой наиболее эффективные и вместе с тем демократические и гуманные средства и способы установления действительных обстоятельств дела и наказания виновных. Она предназначена обеспечивать оптимальные условия для достижения целей правосудия. Уголовное преследование и назначение виновным наказания, а равно отказ от уголовного преследования невиновных, в чем выражается назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), возможно только в процессуальной форме. Это лучшее, чего достигло человечество в данной сфере.

Производство в процессуальной форме, обладающей указанными свойствами, обеспеченное организационно, является весьма эффективным. В этой связи оно социально востребовано. Выражается это в том, что все новые и новые деяния криминализируются и оказываются в сфере уголовного судопроизводства, а само уголовное судопроизводство превращается, по сути, в повседневное средство управления социально-экономическими процессами в российском обществе.

Чрезмерная перегрузка процессуальной формы уголовного судопроизводства. Расширение сферы применения уголовно-процессуальной формы влечет за собой ее перегрузку. Следователи, судьи перестают справляться надлежащим образом с тем валом дел, который в результате на них обрушивается. К тому же деятельность в процессуальной форме — трудоемкое и дорогостоящее дело. В качестве реакции на такое положение возникают альтернативные тенденции, как-то: расширить круг органов, наделенных полномочиями действовать в процессуальной форме; создать в рамках процессуальной формы систему упрощенных производств, в меньшей мере обремененных обрядно-

стью и формальностями, присущими обычному производству; упростить форму обычного производства за счет исключения тех или иных обрядностей и формальных процедур.

В результате сфера применения процессуальной формы «засоряется». А при дороговизне и обремененности процессуальной формы это побуждает к ее упрощению, очевидной утрате свойства социального завоения.

Упрощение процессуальной формы уголовного судопроизводства, низведение многих ее элементов до уровня административного регламента. В законотворчестве и доктрине уголовного судопроизводства последнего времени наблюдается устойчивая тенденция упростить работу органов юстиции, сделать ее менее трудоемкой, нередко за счет прав преследуемого в уголовном порядке.

Уголовно-процессуальное законодательство в последнее время опускается по своему качеству все ниже и ниже. Оно стало использоваться для упорядочения отношений, не входящих в предмет регулирования УПК. Наблюдается вольное обращение с ним, граничащее с непрофессионализмом. Давно уже не являются редкостью отступления в УПК РФ от конституционных положений. Причем, обзор таких отступлений позволяет утверждать о своеобразном тренде в законотворческом процессе, отражающем тенденции как недавнего прошлого, так и нынешнего времени.

Очевидным трендом последнего времени является низведение процессуальной формы *к административному регламенту*, что не соответствует ни ее природе, ни предназначению. Особенно если учесть сложный, творческий характер деятельности следователя, судьи, прокурора, дознавателя.

Перекося назначения уголовного судопроизводства в сторону отказа от защиты прав граждан. Второй пункт в нормативном изображении назначения уголовного судопроизводства предусматривает «защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод» (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Казалось бы, вполне приемлемая, насыщенная гуманистическим содержанием формулировка. Однако проблема заключается в том, что правовой механизм для реализации данного назначения с принятием ныне действующего уголовно-процессуального законодательства в значительной мере выхолощен.

Из восьми участников уголовного судопроизводства — представителей государства, процессуальный статус которых регламентирован в УПК РФ, только одному в законе не предписан односторонний обвинительный уклон — это суд (гл. 5 УПК РФ). Все остальные (прокурор, следователь, руководитель

следственного органа, орган дознания, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, дознаватель) однозначно поставлены законом в гл. 6 УПК РФ только на одну сторону — обвинения. Соответствующая глава УПК РФ, определяющая уголовно-процессуальный статус этих участников уголовного судопроизводства, так и называется «Глава 6. Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения». Соответственно, помещенным в эту главу должностным лицам правоохранительных органов государства, по сути, заниматься защитой личности от необоснованного обвинения является противозаконным. Обвинение для них, по логике законодателя, это не столько одна из версий, сколько нормативно-правовой императив, которому необходимо соответствовать даже в случае очевидной неправоты. Современные деятели юстиции, сформировавшиеся уже на базе ныне действующего уголовно-процессуального законодательства и не знающие о страхе быть уличенным в «обвинительном уклоне», добросовестно отрабатывают либеральные несуразности закона, предписывающего им лишь одну позицию — быть на стороне обвинения [1, с. 195–197; 2, с. 25–27].

Если все государственные органы–участники уголовного судопроизводства, обязаны действовать в соответствии с предписанием закона исключительно со стороны обвинения, тогда на кого же возлагается реализация назначения уголовного судопроизводства осуществлять «защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения». Не считает же современный законодатель, что реализация назначения уголовного судопроизводства защищать личность должна быть возложена только на защитника, и тем более — на иных участников. Такая позиция вступает в прямое противоречие с положением Конституции Российской Федерации о том, что «государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется» (ч. 1 ст. 45). Подчеркнем, что в этой конституционной норме речь идет о *государственной* защите. Нравится кому-то такое положение дел или нет, но защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации — это удел, прежде всего, органов государства. И проблема не в том, что защитник с ресурсами его клиента, бесспорно, проиграет системе односторонне заточенных только на одно обвинение правоохранительных органов государства. Просто в русском мире так истари повелось. В научных исследованиях доказано, что реальное использование лицами, вовлекаемыми в уголовный процесс, своих прав и обязанностей возможно только в случае создания процессуальными органами и должностными лицами соответствующих условий, что возлагает на государство соответствующую обязанность (ст. 26, 45, 48 Конституции РФ; ст. 11, 16, 18 УПК РФ) [3].

Участие органов государства в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения должно основываться не только на здравом смысле, образо-

ванности, воспитанности и порядочности конкретных должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу, а прежде всего на нормативно-правовом императиве [4].

Использование процессуальной формы уголовного судопроизводства для перераспределения нагрузки и облегчения труда работников органов уголовного преследования и служащих Фемиды. Самые свежие тенденции в процессуальной форме отражают потребности служащих Фемиды в том, чтобы облегчить свой труд, сделать его более легким и необременительным, удобным для решения повседневных вопросов. Легкий путь решения проблем уголовного судопроизводства, конечно, привлекателен. Однако давно замечено, что дешевое правосудие дорого обходится. На мой взгляд, перевод правосудия на базу признания обвиняемым своей вины — не тот исторический опыт, к современной реализации которого следует прилагать усилия. Я, например, не считаю, что эти современные тренды отражают действительные запросы гражданского общества в Российской Федерации. Это в большей мере результат системы ведомственно-бюрократических мероприятий по распределению влияния и нагрузки [5]. С гуманитарных позиций правильнее было бы вернуть систему уголовного судопроизводства в то состояние, в котором оно вновь отражало бы утраченное назначение по защите личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения. На этом фоне удобство формы для деятелей юстиции является вторичным [6]. Это же будет в большей мере соответствовать духовно-нравственным запросам и традициям российской общности [7].

Перспективы процессуальной формы уголовного судопроизводства. Современная процессуальная форма уголовного судопроизводства требует более квалифицированного и бережного подхода, исключения из этой работы суеты, конъюнктуры, непрофессионализма. В этой связи не обоснованной является постановка в юридической среде вопроса о применении радикального способа устранения кардинальных недостатков действующего УПК, выражающихся в его внутренней противоречивости, несогласованности его предписаний с другими нормативными правовыми актами, прежде всего с Конституцией Российской Федерации и Уголовным кодексом РФ, — разработка нового Уголовно-процессуального кодекса на базе отечественных системообразующих оснований и компонентов уголовно-процессуальной деятельности, с учетом особенностей менталитета и мировоззрения российского народа.

Тенденции к упрощению уголовно-процессуальной формы необходимо противопоставить стремление к адекватному, экономному ее применению. С этой целью следует своевременно устранять из ее сферы деяния, не отвечающие критерию общественной опасности, переводить их в сферу административной юрисдикции.

Обращая внимание на множасьщиеся в последние

годы особые производства, основанные на признании обвиняемым своей вины и предполагающие отказ от установления в суде действительных обстоятельств преступления, автор высказывает альтернативный взгляд на пути дальнейшего развития российского уголовного судопроизводства. Очевидный факт того, что эти производства противоречат Конституции Российской Федерации, требует подвергнуть их ревизии и оценке соответствия запросам и состоянию современного гражданского общества в России. Предлагаются альтернативные варианты решения проблемы исчерпанности традиционных ресурсов дальнейшего развития уголовного судопроизводства. По мнению автора, эти ресурсы следует изыскивать не в свертывании конституционных прав граждан, а в компьютеризации уголовного судопроизводства, разработке вариантов внедрения в него блокчейн-технологий.

Список источников

1. Григорьев В. Н. Суд не на осуд, а на рассуд // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: сборник материалов международной научно-практической конференции. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 197–199.
2. Григорьев В. Н. «Новый прием» установления истины по уголовному делу — фрагментирование обстоятельств // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы VI Международной научно-практической конференции. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 25–27.
3. Частноправовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции: монография / отв. ред. С. Ю. Морозов, О. А. Зайцев. М. : Проспект, 2021.
4. Григорьев В. Н. О назначении уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Правда и Закон: научно-практический журнал. № 3(17). 2021. С. 53–61.
5. Grigoriev V. Criminological investigation of

loading on a forensic system in Russia. *Forensic Res Criminol Int J.* 2019;7(5):282–284.

6. Григорьев В. Н. Фемида в поисках удобной формы (о некоторых современных тенденциях в развитии уголовно-процессуальной формы) // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 116–122.
7. Адаменко И. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты: монография / под науч. ред. В. Н. Григорьева. М. : Юрлитинформ, 2016.

References

1. Grigoryev V. N. Court not to convict, but to reason // Problems of application of criminal and criminal-procedural legislation: collection of materials of the international scientific-practical conference. Simferopol: IT «ARIAL», 2018. P. 197–199.
2. Grigoryev V. N. «New method» of establishing the truth in a criminal case - fragmentation of circumstances // Criminal proceeding: procedural theory and criminalistic practice: materials of the VI International scientific-practical conference. Simferopol : IT «ARIAL», 2018. P. 25–27.
3. Private-legal and public-legal problems of modern jurisprudence: monograph / ed. Morozov S. Yu., Zaitsev O. A. M. : Prospect, 2021.
4. Grigoryev V. N. On the purpose of criminal proceedings in the Russian Federation // *Pravda i Zakon: scientific-practical journal.* № 3 (17). 2021. P. 53–61.
5. Grigoriev V. Criminological investigation of loading on a forensic system in Russia. *Forensic Res Criminol Int J.* 2019;7(5):282–284.
6. Grigoryev V. N. Themis in search of a convenient form (about some modern trends in the development of criminal-procedural form) // *Actual problems of Russian law.* 2015. № 12. P. 116–122.
7. Adamenko I. E. Criminal-procedural activity: system-forming bases and components: monograph / under scientific ed. by V. N. Grigoriev. M. : Yurlitinform, 2016.

Информация об авторе

В. Н. Григорьев — профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. N. Grigoriev — Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 19.06.2023.

The article was submitted 07.02.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 19.06.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-50-54>

НИОН: 2007-0083-2/23-254

MOSURED: 77/27-005-2023-02-454

Отказ потерпевшего от дачи показаний: баланс частных и публичных интересов

Алла Васильевна Ендольцева

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, allaend2015@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены ситуации, когда потерпевший отказывается от дачи показаний на основании ст. 51 Конституции РФ. Предлагаются мнения других авторов по данной проблематике. Высказываются предложения по изменению некоторых положений законодательства, регулирующего вопросы, связанные с отказом потерпевшего от дачи показаний.

Ключевые слова: потерпевший, показания, отказ от дачи показаний, свидетельствование, близкие родственники, уголовное преследование

Для цитирования: Ендольцева А. В. Отказ потерпевшего от дачи показаний: баланс частных и публичных интересов // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 50-54. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-50-54>.

Original article

Refusal to testify by the victim: balance of private and public interests

Alla V. Endoltceva

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, allaend2015@mail.ru

Abstract. Situations when a victim refuses to testify on the basis of Article 51 of the Constitution of the Russian Federation are considered. Other authors' views on the subject are offered. Proposals were being made to amend certain provisions of the law governing refusal to testify.

Keywords: victim, testimony, refusal to testify, testimony, close relatives, criminal prosecution

For citation: Endoltceva A. V. Refusal to testify by the victim: balance of private and public interests. Criminological journal. 2023. (2):50-54. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-50-54>.

Представляя в уголовном процессе сторону обвинения, потерпевший на основании ст. 22 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ, УПК) наряду со следователем, дознавателем и прокурором вправе участвовать в уголовном преследовании лица (лиц), избличая его (их) в совершении преступления. В связи с этим потерпевший имеет достаточно обширный объем прав, регламентированных в ч. 2 ст. 42 УПК РФ, в том числе он вправе давать показания.

В ходе допроса у потерпевшего могут выясняться различные сведения, касаемые свидетельства об об-

стоятельствах совершения преступления, в том числе о размере и характере вреда, причиненного ему преступным деянием; поведении, как своего, так и других лиц накануне преступления, в период его совершения, а также после его окончания; своих взаимоотношениях с другими участниками уголовного процесса (прежде всего подозреваемым, обвиняемым, свидетелями); обстоятельствах, которые могут смягчить или усилить ответственность виновного лица; обстоятельствах, способствовавших совершению преступления, и др.

Свидетельствовать, в соответствии с толковым словарем С. И. Ожегова, означает удостоверить в каче-

стве свидетеля, очевидца; подтверждать, доказывать; удостоверить подлинность чего-нибудь [7]. Такие действия возможны именно путем дачи показаний, в том числе и потерпевшим. Поэтому в п. 3 ч. 2 ст. 42, а также в п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ речь идет именно о показаниях, от дачи которых и потерпевший, и свидетель в соответствии с правовыми предписаниями имеет право отказаться.

Показания потерпевшего крайне ценны для следователя (дознателя), ведь будучи осведомленным об обстоятельствах преступного деяния, он может помочь определить круг следственных версий и подозреваемых. В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 74 УПК РФ показания потерпевшего допускаются в качестве доказательств, на основе которых в том числе строится доказательственная база по уголовному делу стороны обвинения. Поэтому по общему правилу дача показаний, причем правдивых, является и обязанностью потерпевшего, поскольку в п. 2 ч. 5 ст. 42 УПК закреплено, что он не вправе отказываться от дачи показаний, не вправе давать заведомо ложные показания. Такой запрет подкрепляется положениями ч. 7 этой же статьи, где говорится об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), а также за отказ от дачи показаний (ст. 308 УК РФ), о чем потерпевший, как и свидетель, предупреждается перед началом допроса.

Но, кроме того, потерпевшему, как и любому допрашиваемому, разъясняется его право не свидетельствовать против себя, своего супруга и близких родственников. Такое право объявлено в ст. 51 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ). И если лицо таким правом воспользуется, то оно на основании примечания к ст. 308 УК РФ не подлежит уголовной ответственности.

Эта норма Конституции РФ имеет довольно важное значение, поскольку закрепляет необходимый баланс между интересами общества в установлении истины по уголовному делу, и частными интересами человека в сохранении личной и семейной тайны. Тем самым, как полагают авторы, обеспечивается укрепление этических основ уголовного процесса [1, с. 28–29], основанного на нормах нравственности, идеалах общечеловеческих ценностей. В случае если же указанное право допрашиваемому лицу не было разъяснено, то сведения, полученные в результате допроса, могут быть признаны недопустимыми доказательствами.

Таким образом, потерпевший, как говорится в п. 3 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, вправе отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников. Но, если в таких случаях он согласен дать показания, то предупреждается

о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, а также об уголовной ответственности, наступающей в соответствии со ст. 307 УК РФ за заведомо ложные показания.

Почему вообще заострен данный вопрос — об отказе потерпевшего от дачи показаний? Следует отметить как минимум два аспекта.

Первый связан с пониманием самого понятия «не свидетельствовать против себя», поскольку законодатель своего мнения по данному поводу не высказывает. В узком смысле под этим понятием следует понимать то, что в показаниях допрашиваемого лица могут содержаться сведения, которые позволят привлечь его к уголовной ответственности, а в широком смысле — показания могут иметь любые негативные последствия для человека, который их дает. Поэтому одни авторы полагают, что «право отказаться свидетельствовать против себя и близких родственников возникает только тогда, когда ответы свидетеля или потерпевшего «на заданные вопросы могут быть использованы как доказательство причастности указанных лиц к преступлению» [5, с. 116], а другие высказывают мнение о том, что «законодатель распространил действие этого права не только на случаи, когда содержанием свидетельства является совершение преступления, но и на все те случаи, когда такое свидетельство вступает в противоречие с иными интересами личности, например, имущественными интересами» [6, с. 56].

Мы полагаем, что свидетельствование против себя предполагает возможность наступления негативных последствий, предусмотренных как уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, так и административно-правовым, гражданским, гражданско-процессуальным законами, т. е. лицо не обязано свидетельствовать в тех случаях, когда его показания могут изблечить его в совершении любого правонарушения. Приведем пример. По уголовному делу, возбужденному по факту кражи из квартиры, ее собственник в заявлении о совершенном преступлении сообщил, что кроме денег, ювелирных украшений и прочих вещей у него был похищен пистолет. Но на вопрос о том, на каком основании он хранился у него в квартире, отвечать отказался. Да, действительно, по данному вопросу лицо имеет право «хранить молчание», полагая, что его ответ с определенными сведениями может быть использован против него, сказанное им станет свидетельством его причастности к совершению преступного деяния (деяний), связанных с незаконным оборотом с оружием. Кроме того, нежелание потерпевшего давать показания по уголовному делу может быть связано с опасением, что впоследствии его могут привлечь к административно-

правовой или гражданско-правовой ответственности (управление автомобилем без водительских прав, не выполнение договорных обязательств и пр.).

Полагаем, если предоставленные лицом в ходе допроса самообвиняющие сведения позволили раскрыть более тяжкое преступление, чем нежелая, за совершение которого данное лицо следовало бы привлечь к юридической ответственности, то государство вправе предоставить процессуальный иммунитет лицу от уголовного или административного его преследования, если допрашиваемый имел право отказаться от дачи показаний против себя, но дал их и тем самым способствовал раскрытию и расследованию более тяжкого преступления. Такой подход позволил бы устранить противоречия между интересами допрашиваемого лица и публичными целями уголовного судопроизводства.

Другой момент связан с отказом потерпевшего от дачи показаний против своего близкого родственника, которым является супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки — перечень исчерпывающий, указан в п. 4 ст. 5 УПК РФ, — если родственник совершил в отношении него преступные действия или преступное бездействие. Здесь возможны два варианта развития событий: 1) когда пострадавший сам сообщает о совершенном в отношении него преступлении его близким родственником и участвует в уголовном преследовании «его обидчика»; 2) когда пострадавший не желает привлекать к уголовной ответственности родственника, а уголовное дело в соответствии с ч. 5 ст. 20 УПК РФ считается делом публичного обвинения, в связи с чем возбуждается в силу самого факта совершения преступления и производство по нему происходит независимо от волеизъявления потерпевшего.

В первой ситуации, поскольку потерпевший, сообщивший о преступлении и лице, его совершившем, по сути, является инициатором уголовного преследования, дальнейший его отказ от дачи показаний будет свидетельствовать о противодействии правосудию или желании примириться с обвиняемым. Последнее касается прежде всего дел частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ). Если потерпевший по такой категории уголовных дел обратился в суд в порядке ст. 318 УПК РФ с заявлением о совершенном в отношении него преступлении конкретным лицом, и мировой судья его принял, то на основании ч. 7 ст. 318 УПК он становится частным обвинителем. Это означает, что он, в соответствии со своим процессуальным статусом (ст. 42 и 43 УПК РФ), представляет суду доказательства, участвует в их исследовании, излагает суду свое мнение по существу обвинения, а также по другим вопро-

сам, возникающим в ходе судебного разбирательства, и т. д. Кроме того, на основании ч. 5 ст. 321 УПК РФ он должен в начале судебного следствия изложить свое заявление, которое содержит сведения, уличающие его близкого родственника в совершении преступления, по поводу которого назначено судебное разбирательство. Каково же правовое последствие отказа от дачи показаний потерпевшим, который в названном случае является частным обвинителем? Заметим, что в данном случае эти показания формируют частное (и при том единственное) обвинение по делу, и отказ от них означает отказ от обвинения. Итак, если потерпевший по делу частного обвинения обратился в суд с заявлением, явился в судебное заседание, но отказался в суде от обвинения, тот мировой судья на основании п. 2 ч. 1 ст. 254 УПК РФ должен прекратить уголовное дело в соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК, но в ней говорится об отказе от обвинения лишь государственного обвинителя. А в ч. 3 ст. 249 УПК речь идет о прекращении уголовного дела частного обвинения только в связи с неявкой частного обвинителя в судебное заседание без уважительных причин. Т. е. налицо пробел в законе, и его нужно устранять. Для этого следует изменить формулировку ч. 3 ст. 249 УПК РФ, дополнив ее положением о том, что уголовное дело частного обвинения прекращается и в том случае, если частный обвинитель отказался от обвинения. Кроме того, пункт 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела), недавно дополненный словами «...либо неявка частного обвинителя в судебное заседание без уважительных причин», опять должен быть расширен с указанием следующего: «...а также его отказ от обвинения в ходе судебного разбирательства».

Коснемся также ситуации, когда по делу публичного обвинения пострадавший от преступления обратился с заявлением в компетентный орган, уполномоченный его принимать и рассматривать, но потом после возбуждения уголовного дела и признания его потерпевшим по тем или иным причинам отказался от дачи показаний против своего близкого родственника. Здесь важно следующее обстоятельство — если уголовное преследование осуществляется или будет осуществляться в отношении близкого родственника потерпевшего, то следователь (дознатель) после разъяснения потерпевшему его права, указанного в п. 3 ч. 2 ст. 42 УПК РФ, должен выяснить, а желает ли он дать показания, о чем в протоколе допроса делается соответствующая отметка, несмотря на то, что допрашиваемый является заявителем о совершенном преступлении. Мы уже ранее отмечали, что если потерпевший откажется от дачи показаний, то уголовная ответственность за это не наступает в силу примеча-

ния к ст. 308 УК РФ. Но как относиться к тому, что потерпевший отказывается от дачи показаний, которые по большому счету всего лишь расширят сведения, уже сообщенные им в заявлении о преступлении? Потерпевший, отказываясь от дачи показаний, тем самым препятствует органам предварительного расследования, а в дальнейшем и суду в установлении обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела.

Поэтому полагаем, что формулировку примечания к ст. 308 УК РФ следует изменить, дополнив текст следующим условием: «...кроме случаев, когда потерпевший обратился в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, с заявлением о преступлении, совершенном в отношении него его близким родственником». Такие ограничения, мы надеемся, не вызовут общественный диссонанс, поскольку, как нам известно, авторы предлагают закрепить в законе и другие ограничения, в частности, обязанность потерпевшего давать показания независимо от отношений с обвиняемым по определенному кругу преступлений с учетом приоритета защиты личности, особенно детей [4, с. 70], говорят о том, что следует «определиться с категорией дел, по которым свидетель и потерпевший не вправе отказаться от дачи показаний, сославшись на ст. 51 Конституции РФ» [2, с. 90].

И наконец, вспомним и такой случай, когда потерпевший отказывается от дачи показаний против своего близкого родственника, поскольку не желает привлекать его к уголовной ответственности, а уголовное дело считается делом публичного обвинения, в силу чего возбуждено без его участия и производство по нему происходит независимо от волеизъявления потерпевшего. Несмотря на то, что потерпевший является представителем стороны обвинения (законодатель включил ст. 46 УПК РФ о потерпевшем в гл. 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения») и имеет согласно ст. 22 УПК РФ право на участие в уголовном преследовании обвиняемого, он не обязан это право реализовывать. Поэтому бремя доказывания вины конкретного лица в совершении преступления и других его обстоятельств лежит на стороне обвинения в лице сотрудников органов предварительного расследования, уполномоченных законом на уголовное преследование. В рассматриваемой ситуации потерпевший действительно имеет право не давать показаний против своего близкого родственника, а должностное лицо органа предварительного расследования, а также органа дознания, которое принудило потерпевшего к даче показаний путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий, может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 302 УК РФ (Принуждение к даче показаний).

Вместе с тем в некоторых научных работах от-

мечается, что право не свидетельствовать против близких родственников является нарушением международно-правового принципа равенства всех перед законом и предлагают отменить право человека не свидетельствовать против своих близких родственников [3, с. 161]. С таким предложением трудно согласиться по причинам, обозначенным в начале настоящей статьи. Однако скажем о том, что законодателю следует учитывать разные ситуации, связанные с реализацией рассматриваемого конституционного права, в том числе регламентировать меры предупреждения и пресечения злоупотребления участниками уголовного процесса правом не давать показания против себя и против своих близких родственников.

Список источников

1. Алексеева В. В. Право на отказ от дачи показаний как одно из конституционных прав в Республике Беларусь // В сборнике: Правовая культура как условие формирования правового государства. Материалы международной научно-практической конференции. 2010. С. 28–29.
2. Волосова Н. Ю. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные проблемы реализации права лица на свободу дачи показаний // Вестник ОГУ. 2005. № 3. С. 85–91.
3. Идрисова Н. Г. Некоторые вопросы, связанные с правом не свидетельствовать против себя и близких родственников // Бизнес в законе. 2015. № 2. С. 159–162.
4. Косякова Н. С. Лжесвидетельство // Государство и право. 2001. № 4. С. 66–74.
5. Сиратова Э. Х. Заявление об отказе в даче показаний на основании статьи 51 Конституции РФ // Актуальные проблемы предварительного расследования в ОВД. 2015. № 4 (7). С. 113–117.
6. Цветков Ю. А. Уголовно-правовые последствия отказа от дачи показаний и невыполнение иных процессуальных обязанностей // Вестник Академии Следственного комитета РФ. 2017. № 1 (11). С. 54–56.
7. Толковый словарь Ожегова С. И. // URL://<https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28084#:~:text=%D0%A1%D0%92%D0%98%D0%94%D0%95%>.

References

1. Alekseeva V. V. The right to refuse to testify as one of the constitutional rights in the Republic of Belarus // In the collection: Legal culture as a condition for the formation of the rule of law. Materials of the international scientific-practical

- conference. 2010. P. 28–29.
2. Volosova N. Y. Criminal legal and criminal procedural problems of realization of the right to freedom of testimony // Bulletin of the OGU. 2005. № 3. P. 85–91.
 3. Idrisova N. G. Some issues related to the right not to testify against oneself and close relatives // Business in Law. 2015. № 2. P. 159–162.
 4. Kosyakova N. S. Perjury // State and Law. 2001. № 4. P. 66–74.
 5. Siratova E. H. Statement on refusal to testify on the basis of Article 51 of the Constitution of the Russian Federation // Actual problems of preliminary investigation in IAB. 2015. № 4 (7). p. 113–117.
 6. Tsvetkov Y. A. Criminal-legal consequences of refusal to testify and failure to perform other procedural duties // Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2017. № 1. p. 54–56.
 7. S. I. Ozhegov's Explanatory Dictionary // URL://[https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28084#: ~:text=%D0%A1%D0%92%D0%98%D0%94%D0%95%](https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28084#:~:text=%D0%A1%D0%92%D0%98%D0%94%D0%95%).

Информация об авторе

А. В. Ендольцева — профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, профессор кафедры правовых основ управления МГИМО(У) МИД России, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. V. Endoltceva — Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Professor of the Department of Legal Foundations of Management MGIMO (U) MFA of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 23.01.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 05.06.2023.

Правовая статистика. 5-е изд., перераб. и доп. Учебник. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки.

Освещены основные разделы правовой статистики, в том числе методы прогнозирования, математического моделирования и изучения взаимосвязей. Описаны основные статистические методы в пакетах прикладных программ и их применение в аналитической деятельности. Рассмотрены перспективы использования статистического анализа и прогнозирования в практической работе правоохранительных органов.

Для студентов и преподавателей юридических вузов.

Научная статья

УДК 343.241.2

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-55-60>

НИОН: 2007-0083-2/23-255

MOSURED: 77/27-005-2023-02-455

Понятие системы уголовных наказаний: авторский взгляд

Андрей Викторович Звонов^{1,2}

¹ Академия Федеральной службы исполнения наказаний России, Рязань, Россия, zvonov_av@mail.ru

² Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия

Аннотация. Автор рассматривает феномен системы уголовных наказаний. Внимание акцентируется на мнениях ученых относительно понятия системы, ее характеристиках и признаках. В результате проведения анализа полученных сведений, автор предлагает собственное видение рассматриваемого вопроса, излагает обоснование и предлагает термин системы уголовных наказаний.

Ключевые слова: система уголовных наказаний, виды наказаний, взаимодействие наказаний, признаки системы наказаний, понятие системы наказаний

Для цитирования: Звонов А. В. Понятие системы уголовных наказаний: авторский взгляд // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 55-60. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-55-60>.

Original article

The concept of the system of criminal penalties: the author's view

Andrey V. Zvonov^{1,2}

¹ Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, zvonov_av@mail.ru

² Vladimir State University, Vladimir, Russia

Abstract. The author examines the phenomenon of the system of criminal penalties. Attention is focused on the opinions of scientists regarding the concept of the system, its characteristics and features. As a result of the analysis of the information received, the author offers his own vision of the issue under consideration, sets out the rationale and suggests the term for the system of criminal penalties.

Keywords: system of criminal punishments, types of punishments, interaction of punishments, signs of a punishment system, the concept of a punishment system

For citation: Zvonov A. V. The concept of the system of criminal penalties: the author's view. Criminological journal. 2023. (2):55-60. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-55-60>.

Система уголовных наказаний является одним из основополагающих институтов уголовного права, в связи с чем интерес к ней со стороны ученых не исчерпывается на протяжении многих десятилетий. Вместе с тем, к настоящему времени отсутствует однозначное ее понимание.

Условно подходы можно разделить на две основных группы. Первая группа основывается на перечневом подходе, в соответствии с которым система представлена как перечень элементов, т. е. видов уголовных наказаний [1, с. 387; 2, с. 16; 3, с. 394; 4, с. 19; 5, с. 12-13 и др.]. Указанный подход характерен развитию

уголовно-правовой мысли советского периода.

Представители второй группы добавляют связь между его элементами, как обязательное условие функционирования системы, не сводя систему уголовных наказаний только к перечислению видов наказаний [6, с. 67; 7, с. 100; 8, с. 49; 9, с. 754–755; 10, с. 11; 11, с. 7; 12, с. 12–13; 13, с. 15 и др.]. Во главу угла ставятся наказания с таким дополнительным условием как взаимодействие элементов системы, представляющих собой уголовные наказания, т. е. анализируют ее с точки зрения философии в широком смысле.

Отметим, что с позиций философского понима-

ния системы, она представляет собой достаточно богатое явление, и простого перечисления элементов, ее составляющих, явно недостаточно. Как совершенно справедливо отмечает К. А. Сыч, философия в качестве мировоззренческой науки не обладает общей системой знаний и фактически наполняется великим множеством разных учений, школ и, воззрений [14, с. 67], что делает представленный подход беспристрастным. Такой подход позволяет отразить не только внутреннее содержание системы, но и ее внешнее выражение, что способствует рассмотрению системы наказаний как со стороны статики, так и в динамике.

На наш взгляд, следует согласиться с представителями второй группы, все целостные системы обладают свойством внутренней и внешней упорядоченности, без которой не представляется возможным их устойчивое функционирование [15, с. 25].

Вместе с тем, сторонники учета взаимодействия объектов системы отдают предпочтение лишь взаимодействию между ними, не учитывая взаимодействие с другими системами.

В части первого — взаимодействия наказаний между собой, следует отметить, что оно может проявляться во многих отношениях. Уголовные наказания взаимодействуют друг с другом на разных стадиях уголовного процесса: от назначения наказания при вынесении приговора судом до момента освобождения от отбывания наказания. Так, при назначении наказания суд имеет возможность изменить его на более строгое или мягкое, аналогичное право закреплено в период отбывания назначенного наказания. Вопросы взаимодействия проявляются и при реализации института дополнительного наказания.

В свою очередь, относительно внешнего взаимодействия отметим, что оно состоит в наличии и реализации связей с иными нормами уголовного закона и образуемыми ими системами, к примеру, в рамках уголовного законодательства с иными мерами уголовно-правового характера, в относительно иных отраслей законодательства — с административными наказаниями, дисциплинарными мерами воздействия и т. д. На страницах юридической литературы отмечается, что российская система наказаний не просто имеет взаимосвязи с иными системами мер воздействия, она конкурирует с ней, что в первую очередь, выражается в соотношении с иными уголовно-правовыми мерами [16, с. 103–104].

В некоторой степени изменение расположения уголовно-правовых мер из перечня наказаний в перечень иных мер уголовно-правового характера и обратно происходил неоднократно в отечественном законодательстве. Например, как свидетельствует анализ отечественного опыта формирования системы уголовных наказаний, до конца XIX — начала XX в. оно

шло по пути увеличения перечня наказаний. В итоге Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. уже предусматривало 11 родов наказаний, разделенных на 36 ступеней видов наказаний, а учитывая параллельные степени — 47 видов [17, с. 753]. Аналогичная ситуация сохранялась и в принятых далее редакциях Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1867 г., 1885 г., а также Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. и Военского устава о наказаниях 1868 г., содержавших также широкий подход к перечислению видов наказаний. И. А. Подройкина [18, с. 178] указывает, что широкий перечень наказаний способствовал формированию практики, при которой суды были не способны наделить каждое наказание индивидуальным характером, что, как итог, способствовало сокращению перечня наказаний при принятии Уголовного уложения 1903 г. Существенно был сокращен перечень уголовных наказаний, который состоял из смертной казни, шести видов лишения свободы, а также денежной пени. Вместе с тем, упраздненные наказания не были исключены из уголовного закона, фактически они были переведены в перечень дополнительных мер, которые получили название придаточных мер, применявшихся в качестве дополнения или замещения назначенных наказаний, как сейчас назвали бы — иные меры уголовно-правового характера. В связи с этим мы не можем согласиться с утверждением А. И. Сакаева о том, что система наказаний была подвергнута излишнему упрощению [15, с. 30–31]. По нашему мнению, была применена оптимизация мер уголовно-правового воздействия путем дифференциации их на уголовные наказания и иные уголовно-правовые меры в современном их понимании. Считаем возможным утверждать, что в указанный период времени был сформирован прообраз современной системы мер уголовно-правового воздействия, содержащий подсистемы уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Аналогичные примеры перемещения уголовно-правовых мер из одного перечня в другой существуют и в законодательстве современной России, в чем, в частности, проявляется внешне взаимодействие системы наказаний. Более того, внутреннее и внешнее взаимодействие зачастую осуществляется параллельно. К примеру, взаимодействие уголовных наказаний при их взаимной замене более или менее строгими реализуется путем применения все того же института замены, что характеризует применение связей с другими уголовно-правовыми институтами. На этом фоне уместно привести высказывание А. И. Рагога, рассматривавшего системность уголовного права и оценивавшего его как элемент национального права и подчеркивавшего, что оно «органически связано с другими отраслями отечественного законодатель-

ства», при этом, формируя самостоятельную подсистему, оно «должно обладать внутренним единством, беспробельностью, цельностью и непротиворечивостью» [19, с. 91].

Проведенный краткий анализ позволяет заключить, что обязательным условием функционирования системы является их внутреннее и внешнее взаимодействие, проявляющиеся во множестве форм. Они находятся в состоянии соотношения, соотнесения, взаимосвязи, взаимозависимости, взаимообусловленности, взаимосоответствия и т. д., что в философии принято называть состоянием корреляции [20, с. 648; 21]. Корреляция включает в себя широкий спектр возможных форм взаимодействия, которая при этом, как отмечает Е.А. Каданева, должна иметь не только теоретическое выражение, но и практическое [22, с. 44].

Изложенное позволяет заключить, что основополагающим элементом системы уголовных наказаний является перечень их видов, обеспечивает ее функционирование такое условие, как обязательное взаимодействие наказаний внутри системы между собой и вне системы с иными правовыми институтами, т. е. ее корреляция во всех ее возможных значениях. При этом функционирование системы не возможно без обоих условий: только перечень наказаний не может являться системой, да и без него коррелировать будет нечему.

Вместе с тем, констатация факта наличия уголовных наказаний в состоянии корреляции не является достаточным, система должна соответствовать актуальным требованиям времени. В части данного вопроса следует обратиться к признакам, характерным системе наказаний на современном этапе развития отечественного законодательства.

Анализ вышеуказанных подходов к понятию системы наказаний позволил установить, что их сторонники наделяют ее признаками, среди которых указываются исчерпанность наказаний, их обязательность для суда, невозможность произвольных изменений в перечне наказаний, социальная обусловленность наказаний, их законодательное закрепление, упорядоченность, исчерпанность видов наказаний, целостность, единство построения и подчинения, наличие полного перечня наказаний, наличие структурно взаимосвязанных элементов и многие другие.

Несмотря на широту взглядов, изложенных на страницах юридической литературы, относительно признаков системы уголовных наказаний, в значительной степени они сходны, что предполагает необходимость систематизации. Проведенный анализ полученных данных [23, с. 43–46] позволяет условно сгруппировать их в самостоятельные признаки:

- наличие идеи, состоящей в единстве целей, задач, принципов, а также содержания.

- законодательное закрепление, что предполагает исчерпанность видов наказаний и обязательность их применения для суда.
- организованность, что состоит в единстве и целостности, выражающаяся в невозможности произвольных изменений в указанном перечне.
- упорядоченность, состоящая в построении определенной последовательности перечня наказаний.

Как правило, указанные признаки в различных формах их проявления и сочетания представляются учеными как обязательные при формировании термина системы уголовных наказаний. Вместе с тем, на наш взгляд, подобные утверждения не соответствуют действительности. Указанные признаки характерны отечественной системе наказаний лишь на протяжении последних десятилетий, что не говорит о том, что ранее не существовала система уголовных наказаний.

Так, оценивая вопрос единства идеи отметим, что она состоит прямой зависимости от поставленных задач на определенном этапе развития государства [24, с. 139]. Отечественная история позволит установить ряд из них, характерных тем или иным периодам развития страны: в период становления системы — состояла в воздействии на имущественные права преступника и его личную свободу (например, содержание Краткой редакции «Русской правды» в первую очередь предусматривала воздействие на его имущественное положение и только три ее статьи предусматривали физическое воздействие); в досоветский период приоритет был отдан наказаниям карательного характера, а не компенсационного, (например, в соответствии с Уголовным уложением 1903 г. предусматривались смертная казнь, шесть видов лишения свободы и одно имущественное наказание — денежная пеня); в начале XX века перед мерами, закрепленными в УК РСФСР 1926 г., были поставлены задачи решения вопроса с дешевой рабочей силой при освоении новых территорий, борьба с оппозиционными слоями общества, укрепление дисциплины во власти; мобилизация сил и средств при выполнении общегосударственной задачи [25, с. 229]; к концу XX — началу XXI веков сформировалась идея, предусматривающая комплексное применение всех указанных аспектов, что, на наш взгляд, является наиболее приемлемым.

В свою очередь, относительно законодательного закрепления уголовных наказаний отметим, что вплоть до принятия Уголовного уложения 1903 г. их перечень не был закреплен в одном специализированном нормативном акте. К примеру, принятое в 1649 г. Соборное уложение было дополнено Воинским артикулом 1715 г., а сменившее их Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. с последующими изменениями было дополнено Уставом о наказаниях,

налагаемых мировыми судьями, 1864 г. и Воинским уставом о наказаниях 1868 г. также содержащими наказания. До указанного периода разброс видов наказаний по актам имел еще более значительный масштаб.

В части стабильности системы отечественный опыт также приводит много примеров изменения как перечня наказаний, так и корректировки форм и видов их корреляции. Только за период действия УК РФ перечень несколько раз подвергался изменениям: исключено уголовное наказание в виде конфискации имущества, введены в новой редакции ограничение свободы и принудительные работы. Такие же примеры присутствуют и в ранее действовавших уголовных законах.

Схожая ситуация наблюдается и в части упорядоченности системы — перечень уголовных наказаний был упорядочен лишь с принятием вышеуказанного Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором наказания были последовательно закреплены, «лестница» наказаний была выстроена от более к менее строгим. Подобное закрепление весьма символично, оно отражало государственные приоритеты при реализации наказания. Указанная последовательность была сохранена в досоветской и советской России до принятия действующего УК РФ в 1996 г., закрепившего обратную «лестницу» [26, с. 161].

Следует особо подчеркнуть, что данные признаки системы в значительной степени связаны между собой и дополняют друг друга. Их формирование обусловлено особенностями того или иного этапа развития отечественной правовой мысли, а следовательно, они подвержены изменениям. В этом случае возникает справедливый вопрос: несоответствие системы наказаний, например XIX столетия, данным признакам говорит об отсутствии самой системы уголовных наказаний? На взгляд соискателя, нет, система была, но она придерживалась других признаков. Данным подходом обуславливаются свойства, значение, а также отличительные признаки феномена системы уголовных наказаний в текущий момент его развития. В отличие от основообразующих аспектов системы, они подвержены изменениям, что подтверждается кратким анализом исторического аспекта данного вопроса. В связи с этим, отражение указанных признаков системы наказаний в самом понятии представляется излишним и лишь загромождает его, а также будет требовать периодического обновления термина.

На основании изложенного предлагаем следующую дефиницию понятия системы уголовных наказаний: это совокупность уголовных наказаний, находящихся в состоянии корреляции между собой и иными мерами правового характера, характеризующаяся динамичностью переменных признаков. При этом признаки системы уголовных наказаний непо-

средственно соотносятся с развитием государства и права в текущий момент и подвержены изменениям, на текущий момент к ним следует отнести: наличие идеи, закрепление в законе, упорядоченность и организованность.

ЗаклЮчить исследование считаем целесообразным высказыванием В. К. Дуюнова, который отмечает, что для эффективной борьбы с преступностью средствами уголовного права представляется необходимой система в качестве «живого» и действующего организма, который способен не просто «быть указанным», а обеспечить достижение поставленных целей наиболее оптимальным путем [6, с. 67–68].

Список источников

1. Кононыхин С. Ю. Уголовно-правовое значение системы наказаний в действующем уголовном праве России // Вестн. ТГУ. 2010. № 3 (83). С. 387–390.
2. Курганов С. И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. М. : ТК Велби : Проспект, 2008.
3. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М. : БЕК, 2000.
4. Петрашев В. Н. Гуманизация системы наказаний в уголовном праве. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1988.
5. Багрий-Шахматов Л. В., Гуськов В. И. Теоретические проблемы классификации уголовных наказаний. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1971.
6. Дуюнов В. К. О толковании некоторых уголовно-правовых понятий // Вектор науки ТГУ. 2010. № 2 (2). С. 66–69.
7. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая : в 2 т. Тула : Автограф, 2001. Т. 1.
8. Цветинович А. Л. Дополнительные наказания: функции, система, виды. Куйбышев : Изд-во Куйбышев. фил. Сарат. ун-та, 1989.
9. Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А. И. Коробеева. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. Т. 1 : Преступление и наказание.
10. Стромов В. Ю. Система уголовных наказаний: реализация и эффективность : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2009.
11. Милюков С. Ф. Российская система наказаний. СПб. : Изд-во С.-Петербур. юрид. ин-та Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 1998.
12. Милюков С. Ф., Старков О. В. Наказание: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001.
13. Орлов В. Н. О системе уголовных наказаний // Уголов.-исполн. право. 2010. № 2. С. 14–18.
14. Сыч К. А. Позитивизм в науке уголовного пра-

- ва // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 66–68.
- Сакаев А. И. Система наказаний по уголовному праву России (история и современность) : дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 1999.
 - Современное уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. проф. А. В. Наумова. М. : Илекса, 2007.
 - Мелюханова Е. Е. Понятие «система наказаний» // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2017. Т. 27. № 1. С. 103–104.
 - Подройкина И. А. Исторические традиции и преемственность построения системы уголовных наказаний в России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и упр. 2012. № 4 (23). С. 176–181.
 - Рарог А. И. Актуальные проблемы уголовного права // Криминол. журн. Байк. гос. ун-та экономики и права. 2014. № 2. С. 90–95.
 - Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов. М. : Мартин, 2008.
 - Словари и энциклопедии на Академике // URL://http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/65895.
 - Каданева Е. А. Элементы системы уголовных наказаний: вопросы законодательного конструирования и практического применения // Вестник Кузбасского института. 2017. № 1 (30). С. 42–46.
 - Звонов А. В. Терминология системы уголовных наказаний: краткий анализ // Бизнес в законе. 2014. № 6. С. 43–46.
 - Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание. Минск : Вышэйш. шк., 1976.
 - Михайлов В. С. К вопросу о структуре и видах системы исполнения наказаний в виде лишения свободы периода 30–60-х годов XX века // Вестн. Перм. ун-та. Юридические науки. 2013. № 2. С. 229–236.
 - Павлов В. Г., Павлов Д. В. Проблемы в совершенствования системы уголовных наказаний в УК РФ // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 160–168.
 - Naumov A. V. Russian criminal law. General part: a course of lectures. 2nd ed., revised. and additional M. : BEK, 2000.
 - Petrashev V. N. Humanization of the system of punishments in criminal law. Rostov n/D: Publishing house of Rostov. University, 1988.
 - Bagrii-Shakhmatov L. V., Guskov V. I. Theoretical problems of classification of criminal punishments. Voronezh : Voronezh University Publisher, 1971.
 - Duyunov V. K. On the interpretation of some criminal law concepts // TSU Vector of Science. 2010. № 2 (2). P. 66–69.
 - Tagantsev N. C. Russian Criminal Law. Part General: in 2 vols. Tula : Autograph, 2001. T. 1.
 - Cvetinovich A. L. Additional punishments: functions, system, types. Kuibyshev : Publishing house of Kuibyshev. fil. University of Saratov, 1989.
 - Full course of criminal law : in 5 vol. / ed. by A. I. Korobeev. Saint-Petersburg. In: Jurid. Center Press, 2008. T. 1 : Crime and punishment.
 - Stromov V. Yu. System of criminal punishments: implementation and efficiency : autoref. diss. ... cand. legal sciences. Volgograd, 2009.
 - Milyukov S. F. Russian System of Punishments. SPb. The Russian system of punishment in the Russian Federation. Saint-Petersburg: St. Petersburg Legal Institute of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 1998.
 - Milyukov S. F., Starkov O. Punishment: criminal-legal and criminological analysis. Saint-Petersburg. : Jurid Center Press, 2001.
 - Orlov V. N. On the system of criminal punishments // Criminal and Executive Law. 2010. № 2. P. 14–18.
 - Sych K. A. Positivism in the science of criminal law // Man: Crime and Punishment. 2013. № 3. P. 66–68.
 - Sakaev A. I. System of punishments under the criminal law of Russia (history and contemporaneity): diss. ... cand. legal sciences. Kazan, 1999.
 - Modern criminal law. General and Special Part: textbook / ed. by prof. A. V. Naumov. M. : Ilekxa, 2007.
 - Melukhanova E. E. The concept of «punishment system» // Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law. 2017. T. 27. № 1. P. 103–104.
 - Podroikina I. A. Historical traditions and continuity of construction of the system of criminal punishments in Russia // Science and education: economy and economy; entrepreneurship; law and management. 2012. № 4 (23). P. 176–181.

References

- Kononykhin S. Yu. Criminal-legal value of the system of punishments in the current criminal law of Russia // Bulletin of TSU. 2010. № 3 (83). P. 387–390.
- Kurganov S. I. Punishment: criminal law, criminal executive and criminological aspects. M. : TK Velby : Prospect, 2008.

19. Rarog A. I. Actual problems of criminal law // Criminological Journal of Baikal State University of Economics and Law. 2014. № 2. P. 90–95.
20. Bulyko A. N. The Big Dictionary of Foreign Words. M. : Martin, 2008.
21. Dictionaries and encyclopedias on Academician // URL://http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/65895.
22. Kadaneva E. A. Elements of the system of criminal punishments: issues of legislative construction and practical application // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2017. № 1 (30). P. 42–46.
23. Zvonov A. V. Terminology of the system of criminal punishments: a brief analysis // Business in law. 2014. № 6. P. 43–46.
24. Bagrii-Shakhmatov L. V. Criminal Responsibility and Punishment. Minsk : Vyshysh. shk., 1976.
25. Mikhaylov V. S. To a question on a structure and kinds of system of execution of punishments in the form of imprisonment of the period of 30-60-s of XX century // Vestnik. Perm. un-tat. Juridical Sciences. 2013. № 2. P. 229–236.
26. Pavlov V. G., Pavlov D. V. Problems in the improvement of the system of criminal punishments in the Criminal Code of the RF // Leningrad Law Journal. 2019. № 1 (55). P. 160–168.

Информация об авторе

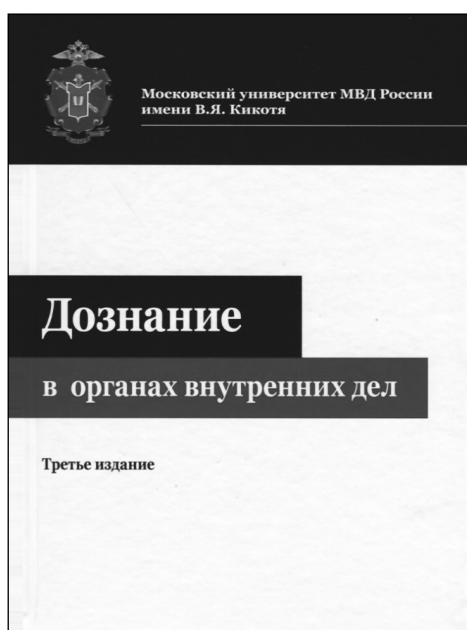
А. В. Звонов — начальник кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии Федеральной службы исполнения наказаний России, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. V. Zvonov — Head of the Department of Criminology and Organization of Crime Prevention at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Associate Professor of the Department of Criminal Law at the Law Institute of the Vladimir State University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 25.01.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 05.06.2023.

Дознание в органах внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. Ф. К. Зиннурова, А. С. Есиной. 495 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Определены понятие, роль и значение дознания в уголовном судопроизводстве России. Рассмотрены деятельность органа дознания по уголовным делам; особенности и общие условия производства дознания как формы предварительного следствия. Особое внимание уделяется процессуальному положению и полномочиям дознавателя ОВД и его взаимодействию с отдельными участниками уголовного судопроизводства. Раскрыты правовые основы и направления взаимодействия в данной сфере в аспекте международного сотрудничества.

Для студентов, курсантов и слушателей юридических учебных заведений МВД России, а также преподавателей и аспирантов (адъюнктов).

Научная статья

УДК 342.4

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-61-67>

НИОН: 2007-0083-2/23-256

MOSURED: 77/27-005-2023-02-456

Среднеазиатские страны: современное конституционное законодательство

Юлия Александровна Иванова¹, Максим Олегович Долгий²

¹ МИРЭА — Российский технологический университет, Москва, Россия, julia-ivanova-77@yandex.ru

² Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, dolmax10@rambler.ru

Аннотация. Возможность конституционных реформ заложена в самой конституции, так как в ней обычно содержатся положения о субъектах права, имеющих право внести предложение об изменении конституции и принять окончательное решение, а также процедура и пределы конституционной реформы. Будучи урегулированы правом, политические отношения выступают в виде конституционно-правовых (государственно-правовых) отношений. Вместе с тем конституционно-правовые отношения отнюдь не охватывают все политические отношения. С одной стороны, определенная часть политических отношений вообще не регулируется правом, да в этом и нет необходимости, поскольку имеются другие регуляторы политических отношений — этические, религиозные нормы, нормы общественных объединений и т. д. С другой стороны, не все виды политических отношений регулируются исключительно конституционным (государственным) правом.

Ключевые слова: конституционное законодательство, нормы, права, конституция, право, государство, общество, права, обязанности

Для цитирования: Иванова Ю. А., Долгий М. О. Среднеазиатские страны: современное конституционное законодательство // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 61-67. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-61-67>.

Original article

Central Asian Countries: Modern Constitutional Legislation

Yulia A. Ivanova¹, Maxim O. Dolgiy²

¹ MIREA — Russian Technological University, Moscow, Russia, julia-ivanova-77@yandex.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, dolmax10@rambler.ru

Abstract. The possibility of constitutional reforms is inherent in the constitution itself, since it usually contains provisions on legal entities entitled to make a proposal to amend the constitution and make a final decision, as well as the procedure and limits of constitutional reform. Being regulated by law, political relations act in the form of constitutional-legal (state-legal) relations. At the same time, constitutional and legal relations by no means cover all political relations. On the one hand, a certain part of political relations is not regulated by law at all, and there is no need for this, since there are other regulators of political relations — ethical, religious norms, norms of public associations, etc. On the other hand, not all types of political relations are regulated exclusively by constitutional (state) law.

Keywords: constitutional legislation, norms, rights, constitution, law, state, society, rights, duties

For citation: Ivanova Yu. A., Dolgiy M. O. Central Asian Countries: Modern Constitutional Legislation. Criminological journal. 2023. (2):61-67. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-61-67>.

Филиппины долгое время использовались в качестве торгового порта в Азии, и это привело к их колонизации испанцами, а затем американцами. Испанцы

обратили большую часть населения в католицизм, и эта религия остается доминирующей в стране. В течение более чем 300-летнего правления Испании на-

© Иванова Ю. А., Долгий М. О., 2023

ционалистические настроения начали расти среди групп индейцев (именно так испанцы называли филиппинцев), чему в значительной степени способствовали труды национального героя Хосе Рисаля (позже казненного испанскими властями) и других илюстрадо (филиппинцев *intellegensia*). Революция была начата против Испании, и революционеры провозгласили независимость Филиппин в Кавите, Кавите, 12 июня 1898 г. То, что стало известно как Конгресс Малолос, было создано 15 сентября 1898 г., а первая Конституция Филиппин, названная Конституцией Малолос, была утверждена 20 января 1899 г., положив начало так называемой Первой Филиппинской Республике.

К. Акино начала свой срок с отмены многих правил эпохи Маркоса, которые так долго подавляли народ. В марте она издала одностороннюю прокламацию, устанавливающую временную конституцию. Эта конституция предоставила президенту широкие полномочия и большие полномочия, но К. Акино пообещала использовать их только для восстановления демократии в соответствии с новой конституцией. Эта новая конституция была разработана за 133 дня назначенной Конституционной комиссией из 48 членов и ратифицирована народом на плебисците, состоявшемся 2 февраля 1987 г. Она была в значительной степени смоделирована на американской конституции, которая так сильно повлияла на Конституцию 1935 г., но также включала римское, испанское и английское право [4].

Конституция 1987 г. установила представительную демократию с разделением власти между тремя отдельными и независимыми ветвями власти: исполнительной, двухпалатной законодательной и судебной. Существовали также три независимые конституционные комиссии: Комиссия по аудиту, Комиссия по гражданской службе и Комиссия по выборам. В Конституцию был включен полный Билль о правах, который гарантировал основные гражданские и политические права и предусматривал свободные, справедливые и периодические выборы. По сравнению со слабым документом, который дал Маркосу юридическую фикцию, за которой можно было спрятаться, данная Конституция показалась идеальной многим филиппинцам, пережившим 20 лет политических репрессий и угнетения.

Исполнительную власть возглавляет президент и назначаемый им кабинет. Президент является главой государства и главой исполнительной власти, но он подвергается значительным проверкам со стороны других ветвей власти, особенно во время чрезвычайных ситуаций, которые, учитывая историю страны, очевидно, должны были стать гарантией от повторения военного деспотизма Маркоса. Например, в случае чрезвычайного положения в стране Президент все

еще может объявить военное положение, но на срок более 60 дней. Конгресс может отменить это решение большинством голосов или продлить его на срок, определяемый Конгрессом. Кроме того, Верховный суд может пересмотреть декларацию, чтобы решить, были ли достаточные факты для оправдания военного положения. Президент может помиловать и амнистировать. Он также уполномочен предоставлять или принимать иностранные займы. Однако он не может заключать договоры без согласия Сената. Президент и вице-президент избираются большинством голосов прямым голосованием, но президент может занимать должность только один 6-летний срок. Кабинет министров, состоящий из советников президента и глав департаментов, назначается президентом и помогает ему в выполнении его функций управления.

Законодательная власть принадлежит Конгрессу, который состоит из двух палат, Сената и Палаты представителей. 24 члена Сената избираются всенародным голосованием и могут занимать должность не более двух последовательных 6-летних сроков. Палата состоит из 250 избранных членов. Большинство из этих представителей избираются по округам сроком на 3 года, но 20 % от общего числа членов избираются пропорционально представительству партии. Помимо исключительной законодательной власти, одной из важнейших полномочий Конгресса является возможность объявлять войну, для чего он может получить две трети голосов в обеих палатах. Однако даже право издавать законы подлежит проверке исполнительной власти. Президент сохраняет за собой право наложить вето на законопроект, принятый обеими палатами, и Конгресс может отменить это вето только двумя третями голосов в обеих палатах.

Судебная система на Филиппинах осуществляет судебную власть правительства и состоит из Верховного суда и судов низшей инстанции, созданных законом. Верховный суд состоит из 15 членов, назначаемых президентом без необходимости утверждения Конгрессом. Назначение, однако, ограничивается списком кандидатов, представленных президенту конституционно определенным Советом судей и адвокатов. Данный Совет состоит из 7 членов: председателя Верховного суда, министра юстиции, представителя Конгресса, представителя Объединенной коллегии адвокатов, профессора права, члена Верховного суда в отставке и представителя частного сектора.

Первые четверо служат четыре года, профессор права — три, судья в отставке — два, а представитель частного сектора — один год. Судьи Верховного суда могут рассматривать по апелляции любые дела, касающиеся конституционности любого закона, договора или постановления правительства, дела, касающиеся вопросов юрисдикции или судебной ошибки,

или дела, в которых наказание является достаточно серьезным. Он также может осуществлять первоначальную юрисдикцию в отношении дел, связанных с правительственными или международными должностными лицами. Верховный суд также отвечает за надзор за функционированием и администрированием судов низшей инстанции и их персонала [3].

Конституция учреждает три независимые конституционные комиссии. Комиссия по гражданской службе действует как центральное учреждение, отвечающее за государственный персонал. Комиссия по выборам обеспечивает соблюдение и администрирование всех законов и правил о выборах, чтобы гарантировать, что они являются свободными и справедливыми для всех участников. Наконец, Ревизионная комиссия проверяет все фонды, транзакции и имущественные счета правительства и его учреждений. Каждой из данных комиссий предоставлена административная и финансовая автономия от других ветвей власти для обеспечения беспристрастного принятия решений. Все решения, принятые этими комиссиями, могут быть пересмотрены Верховным судом. Для дальнейшего обеспечения этичного и законного функционирования правительства Конституция также создает Офис омбудсмена для расследования жалоб на коррупцию в обществе, незаконное поведение государственных должностных лиц и другие нарушения общественного порядка.

Затем омбудсмен может предъявить обвинение таким ненадлежащим государственным должностным лицам в специальном суде, называемом Сандиганбаян. Омбудсмен также независим в административном и финансовом отношении от других ветвей власти, хотя Президент наделен полномочиями назначать омбудсмена и его заместителей (из списка, также подготовленного Советом судей и адвокатов) на один 7-летний срок. Только Палата представителей имеет право инициировать импичмент президента, членов Верховного суда и нескольких других государственных должностных лиц, пользующихся конституционной защитой, таких как омбудсмен. Затем предполагается, что Сенат рассмотрит дело об импичменте. Каждое из этих вышеупомянутых независимых агентств было создано с целью поощрения морального и этического поведения в правительстве.

Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка расположена на острове, протяженностью около 65 630 км в Индийском океане. Расположенный у юго-восточного побережья Индии, он является домом для 21 млн человек из разных этнических и религиозных групп. Остров борется со своей мультикультурной реальностью, кульминацией которой стала ожесточенная гражданская война между правящими сингальскими и тамильскими сепаратистами, закон-

чившаяся в 2009 г. Экономика острова, сотрясаемая политической и военной борьбой, была вялой и испытывала недостаток иностранных инвестиций. 14 % населения составляют города, а крупнейшим городом является столица Коломбо с населением 680 000 человек. Большинство населения исповедует буддизм, но значительное меньшинство составляют индуисты, христиане и мусульмане.

Политическая система Шри-Ланки была сформирована ее историей как британского колониального владения, начиная с 1801 г. Британцы попытались создать представительное правительство на острове с помощью конституции 1833 г., которая создала законодательный совет. Данный совет был в значительной степени бессилён и ушел в отставку в 1864 г., когда их осуждение британского правительства было проигнорировано. Британцы пытались принять несколько других Конституций, чтобы успокоить население в 1910, 1920 и 1924 г., но эти конституции не предусматривали местного управления коренным населением. Конституция 1931 г., наконец, предоставила больше полномочий избранным представителям коренных народов по внутренним вопросам. В течение следующих 40 лет британцы пытались придать острову больше власти и независимости в надежде передать ему статус доминиона в составе Британской империи. 4 февраля 1948 г. страна провозгласила свою независимость от Великобритании, но осталась содружеством Империи. Только 16 мая 1972 г. страна официально провозгласила себя независимой республикой.

Под британским правлением северные тамилы приобрели влияние благодаря своему непропорциональному доступу к образованию. Таким образом, в первые годы после обретения независимости Шри-Ланки тамилам удалось повлиять на создание новой конституции 31 августа 1978 г. Данная Конституция, действующая до сих пор, была создана для предоставления большей местной автономии и уравнивания этнических групп тамилы и сингалы. За последние 40 лет в Конституцию несколько раз вносились поправки.

Поправки, принятые в 2001 г., были призваны обеспечить большую прозрачность с созданием конституционного совета с представительством исполнительной и законодательной ветвей власти, правительства, политических партий и общественности. Это произошло после неудачной попытки написать новую конституцию, которая прекратилась в 2000 г. Данная конституция была разработана для создания федеральной системы, которая удовлетворяла бы требования тамилы об отдельном государстве.

Существовала надежда, что эта конституция положит конец интенсивной и кровавой гражданской войне между сингальским большинством и тамильским меньшинством, представленным партизанской

группировкой «Тигры освобождения Тамил-Илама» (ТОТИ), но она умерла до голосования из-за политической борьбы.

19 мая 2009 г. Президент Махинда Раджапакса заявил, что сингальское правительство нанесло поражение ТОТИ. На волне своего роста популярности президент внес 18-ю поправку, направленную на расширение и без того обширных полномочий исполнительной власти путем отмены 17-й поправки. Это предложение было принято парламентом в сентябре 2010 г., несмотря на большую народную оппозицию, предоставляя президенту полномочия по назначениям и отменяя ограничения срока его полномочий.

Конституция Шри-Ланки вращается вокруг Президента, наделенного широкими исполнительными полномочиями. Она состоит из 172 статей, признает буддизм государственной религией и гарантирует широкий спектр основных прав. Конституция также устанавливает обязанности государства и гражданина. Задачей государства является создание демократического социалистического государства, обеспечение распределения богатства, надзор за экономическим развитием и повышение образовательных и культурных стандартов. Она также должна взять на себя обязательство по децентрализации правительства и поощрению национальной идентичности путем ликвидации дискриминации. В свою очередь, долг гражданина — способствовать национальному единству, отказываясь от своих личных прав на обеспечение расовой или религиозной гармонии и защиту общественного здоровья и нравственности.

Политическая власть разделена между законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. Наиболее влиятельной из них является исполнительная власть. Президент является главой государства, правительства и Вооруженных сил. Он избирается прямым голосованием народа на 6-летний срок, а в соответствии с 18-й поправкой количество сроков не ограничено. Его полномочия по назначению также очень широки в соответствии с новейшей поправкой. Он может не только назначать премьер-министра, кабинет министров и судей Верховного суда, но и назначать других ключевых должностных лиц. Если ему не удастся назначить должностное лицо, он может просто взять на себя их полномочия, пока не будет найден подходящий кандидат. Например, президент Раджапакса в прошлом занимал должности министров финансов и обороны в дополнение к своим конституционным полномочиям. Его способность назначать правительственные должности позволила ему заручиться поддержкой парламента, в которой он нуждался, чтобы принять поправку в первую очередь. Хотя Президент может

быть привлечен к ответственности совместными усилиями парламента и судебной власти, никто другой не может оспаривать его решения ни в государственном, ни в частном порядке. Премьер-министр и кабинет консультируют президента в его качестве главы правительства и отвечают за руководство и контроль правительства. Они в конечном итоге несут ответственность перед парламентом, назначаются президентом [2].

Законодательный орган Шри-Ланки является однопалатным, с парламентом из 226 членов, избираемых на 6-летний срок прямым голосованием. Затем члены парламента избирают спикера, заместителя спикера и председателя комитетов. Президент может распустить парламент в любое время, что значительно ослабляет его власть по отношению к исполнительной власти. Основной целью парламента является принятие законопроектов и резолюций. Законодательство становится законом после большинства голосов и одобрения Спикера. Однако, если этого потребует Кабинет министров, законопроект может потребовать проведения референдума, который должен одобрить Президент. Ни один суд не может подвергнуть сомнению закон, принятый таким образом [4].

Судебная власть Шри-Ланки состоит из Верховного суда, Апелляционного суда, Высокого суда и других судов, созданных законом. Задачей данных судов является защита и обеспечение соблюдения индивидуальных прав людей. Президент назначает не только Главного судью и членов Верховного суда, но также председателя и судей Высокого суда. Они могут занимать должность только до 65 лет, и хотя их назначение подлежало утверждению Конституционным советом в соответствии с 17-й поправкой, это требование было отменено 18-й поправкой. Верховный суд обладает исключительными полномочиями по пересмотру конституции, и его юрисдикция также распространяется на вопросы, касающиеся основных прав, окончательных апелляций и вопросов выборов. Он также имеет право пересматривать действия членов парламента и может консультировать парламент в законодательном процессе [3].

Расположенная на южной части континента, Южная Африка граничит в северо-западном регионе с Оранжевой рекой, которая отделяет ее от Намибии, в восточном регионе с рекой Лимпопо, которая отделяет ее от Зимбабве и юго-восточной Ботсваны. Это самая многорасовая нация Африки, состоящая из народов африканского, азиатского и европейского происхождения. Она имеет 11 официальных языков и население более 49 млн человек.

Территория современной Южной Африки ранее была британской колонией до обретения независимости в качестве самоуправляющегося доминиона в

составе Британского Содружества в 1910 г. Это было вскоре после того, как британский парламент принял Закон о Южной Африке (1909), объединивший четыре британские зависимости: Капскую колонию, Оранжевое свободное государство, Наталь и Трансвааль.

Хотя целью британцев при объединении зависимых территорий было объединение Южной Африки и консолидация ее империалистических интересов, результатом стало разделение Южной Африки, а население было исключено из участия в политической жизни. Это событие вызвало недовольство и расовый конфликт, которые определяют постколониальную историю страны и историю XX в. Практика политики исключения позже была институционализирована в рамках системы апартеида — крайней формы правовой сегрегации по признаку расы, которая была введена правительством националистической партии в период с 1948 г. по 1994 г.

1994 г. ознаменовался внезапным прекращением правления белого меньшинства, поскольку международное давление, демократические ветры перемен, дующие по всей Африке, и все более неуправляемые и жестокие революционные силы в Южной Африке вынудили правительство националистической партии (НП) Президента Ф. В. де Клерка провести реформы. Данные реформы приведут к созданию конституционной демократии во главе с первым небелым президентом — Нельсоном Манделой — после подавляющей победы его Африканского национального конгресса (АНК) на первых многорасовых выборах в апреле 1994 г. [4].

Конституционную историю и развитие Южной Африки можно разделить на три ключевых этапа: период с 1909 по 1910 г., период с 1910 по 1990 г., период с 1990 г. по настоящее время.

Период с 1909 по 1910 г. охватывает период независимости и, по сути, является генезисом конституционного развития Южной Африки. Этот период характеризовался принятием Британским парламентом Закона о Южной Африке, который учредил независимый союз Южной Африки, включающий территории Капской колонии, Оранжевого свободного государства, Натала и Трансвааля. На самом деле это была конституция независимости Южной Африки.

Вестминстерский статут 1931 г. и Закон о статусе Союза 1934 г. Закон о Южной Африке предоставил независимость Южной Африке только в той мере, в какой британская корона будет оставаться церемониальной главой государства, представленным на местах генерал-губернатором. Следовательно, некоторые акты британского парламента продолжали применяться в Южной Африке. Таким образом, независимость ограничивалась только вопросами внутренних дел. Однако в 1931 г. британский парламент принял

Вестминстерский статут, который снял многие конституционные ограничения со всех британских доминионов, уменьшив роль и присутствие британской короны. Следуя этому Закону, парламент Южной Африки принял Закон о статусе Союза 1934 г. о том, что ни один акт британского парламента не может применяться к Южной Африке, если он не одобрен парламентом Союза [1].

В 1960 г., после разработки новой конституции, избиратели Южной Африки проголосовали на конституционном референдуме за упразднение Южно-Африканского союза, созданного Законом о Южной Африке 1909 г. Вместо нее была создана Республика Южная Африка. Конституция 1961 г., основанная на Законе о Южной Африке, разорвала все связи с Британской империей, поскольку Президент штата сменил корону и генерал-губернатора. Все ссылки на «короля», «королеву» и «короону» были заменены на «государство».

Ключевыми элементами, предусмотренными новой конституцией, были Президент, премьер-министр и исполнительный совет (кабинет), базирующийся в Претории, двухпалатный законодательный орган в Кейптауне и независимая судебная система, заседающая в Блумфонтейне.

Конституция поддерживала доминирование белых в политической жизни посредством дискриминационной избирательной структуры, которая лишала гражданских прав небелых. Закон о власти банту в 1951 г. ограничил участие чернокожих в политической жизни родиной под названием Бантустан. Однако выборочные реформы в 1964 и 1968 г. открыли некоторое политическое пространство для азиатов и цветных, разрешив ограниченное политическое участие в этнических делах. Соответственно, в 1964 г. был создан Представительный Совет цветных людей, а в 1968 г. был создан Совет южноафриканских индейцев.

В 1983 г. серия законодательных реформ привела к принятию новой конституции и реорганизации государственных институтов и власти. Данные реформы были осуществлены в соответствии с Законом о Конституции Южно-Африканской Республики 1983 г. Она предусматривала исполнительную власть, которая распределялась между исполнительным Президентом, избираемым сроком на 5 лет, кабинетом министров, назначаемым парламентом, и Советом министров, также избираемым парламентом. Он учредил трехпалатный парламент с Палатой Собрания для белых, Палатой представителей для цветных и Палатой делегатов для индейцев. Для избрания Президента была создана система коллегий выборщиков из 88 членов, состоящая из 50 белых выборщиков, 25 цветных и 13 индийских выборщиков, которые будут выбраны большинством голосов в их соответствующих палатах.

Трехпалатный парламент был основан на фундаментальной предпосылке конституции 1983 г., разграничении «собственных» дел расовой общины (охватывающих образование, здравоохранение, жилье, социальное обеспечение, местное самоуправление и некоторые аспекты сельского хозяйства) и «общих» дел (охватывающих оборону, финансы, иностранную политику, правосудие, закон и порядок, транспорт, торговля и промышленность, трудовые ресурсы, внутренние дела и общая сельскохозяйственная политика).

Таким образом, законодательство, «затрагивающее интересы» одного сообщества, обсуждалось соответствующей палатой, но законодательство по «общим вопросам», имеющим важное значение для всех рас, рассматривалось всеми тремя палатами парламента. Разногласия между палатами парламента по конкретному законодательству могут быть разрешены Президентским советом, что придаст Палате Собрании, в которой доминирует НП, существенный вес при определении результатов всех законодательных дебатов. Президент подписал все законы, а также нес административную ответственность за дела чернокожих.

Конституция также предусматривала Совет президента, на который он полагался за советом по неотложным вопросам и для разрешения разногласий между палатами парламента. В состав Совета вошли двадцать членов от Палаты Собрании, десять от Палаты представителей, пять от Палаты делегатов, пятнадцать назначенных Президентом и десять назначенных лидерами оппозиционных партий. Эта конституция действовала до упадка апартеида в 1993 г. [2].

В 1990 г. растущее международное и внутреннее давление, а также растущее количество свидетельств и осознание белым политическим классом того, что система апартеида была неустойчивой, вынудили НП демонтировать систему. Первым шагом стала отмена запрета на деятельность политических организаций, в частности Африканского национального конгресса (АНК), и освобождение лидера оппозиции Нельсона Манделы после 27 лет тюремного заключения. За этим последовала отмена законодательства об апартеиде. Между этими событиями и 1993 г. и на фоне интенсивного политического насилия НП, АНК и другие политические организации осуществили серию переговоров под эгидой Конвенции за демократическую Южную Африку (CODESA). Данные переговоры в конечном итоге привели к принятию временной конституции для управления переходом к новой Южной Африке. Это произошло после референдума, на котором более 60 процентов белых проголосовали за абсолютные реформы.

Обнародованный Закон 1993 г. о Конституции

Южной Африки, предусматривал создание правительства национального единства на пятилетний переходный период. Он также предусматривал создание Учредительного собрания, состоящего из объединенного Сената и Национальной ассамблеи, для разработки проекта новой конституции. Именно по условиям этой конституции Мандела должен был стать президентом в мае 1994 г. Данная конституция оставалась в силе до 1996 г., когда была принята нынешняя конституция Южной Африки

Обнародованный как Закон о Конституции Южной Африки, был описан как шедевр постконфликтной конституционной инженерии в эпоху после окончания холодной войны. Разработанная в контексте перехода Южной Африки к демократическому правлению, который начался с освобождения Манделы в феврале 1990 г., конституция полностью изменила политические институты Южной Африки, привнесла новую динамику и преобразующие изменения в ее политический ландшафт. Это фактически положило конец десятилетиям репрессивного правления белого меньшинства [3]. С тех пор в конституцию шестнадцать раз вносились поправки, но она остается основным законом страны.

Список источников

1. Автономов А. С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник. М. : Инфра-М, РИОР, 2012.
2. Иванова Ю. А., Сарбаев Г. М., Федулов В. И., Хадисов Г. Х., Эриашвили Н. Д. Актуальные проблемы международного права: моногр. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2022.
3. Арзамасов Ю. Г. Учебно-методический комплекс по дисциплине Конституционное право зарубежных стран. М. : Москва, 2009.
4. Шашкова А. В. Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов. М. : Издательство Юрайт, 2022.

References

1. Avtonomov A. S. Constitutional (State) Law of Foreign Countries: Textbook. M. : Infra-M, RIOR, 2012.
2. Ivanova Y. A., Sarbaev G. M., Fedulov V. I., Khadisov G. Kh., Eriashvili N. D. Actual problems of international law: monograph. M. : UNITI-DANA, 2022.
3. Arzamasov Y. G. Educational-methodical complex on the discipline of Constitutional law of foreign countries. M. : Moscow, 2009.
4. Shashkova A. V. Constitutional law of foreign countries: textbook for universities. M. : Publishing house Yurite, 2022.

Библиографический список

1. Мишин А. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для вузов. М. : Статут, 2013.
2. Сарбаев Г. М., Иванова Ю. А., Эриашвили Н. Д. Актуальные проблемы экологического права: моногр. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2021.
3. Иванова Ю. А., Эриашвили Н. Д., Грошев И. В. Актуальные проблемы современного экологического права: моногр. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2022.

Bibliographic list

1. Mishin A. A. Constitutional (state) law of foreign countries: textbook for universities. M. : Statute, 2013.
2. Sarbaev G. M., Ivanova Yu. A., Eriashvili N. D. Actual problems of ecological law: monograph. M. : UNITI-DANA, 2021.
3. Ivanova Yu. A., Eriashvili N. D., Groshev I. A. Actual problems of modern environmental law: monograph. M. : UNITI-DANA, 2022.

Информация об авторах

Ю. А. Иванова — доцент кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности» МИРЭА — Российского технологического университета, кандидат юридических наук, доцент;

М. О. Долгий — соискатель Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the authors

Yu. A. Ivanova — Associate Professor of the Department of Legal Support of National Security of the MIREA — Russian Technological University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

M. O. Dolgiy — Applicant of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 18.01.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Основы экономической безопасности. Учеб. пособие. Эриашвили Н. Д. и др. 2-е изд., перераб. и доп. 335 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Дано представление о внутренних и внешних угрозах в экономике Российской Федерации, ее регионов и хозяйствующих субъектах.

Показано, как использовать инструменты и механизмы нейтрализации и предотвращения возникающих угроз, обеспечивать законность и правопорядок в сфере экономики. Изложены основы теории государства, а также ее регулирующей роли в экономике.

Раскрыты сущность теневой экономики, ее истоки и тенденции, намечены подходы к решению проблем теневой экономики.

Для студентов, аспирантов и преподавателей, экономических и юридических вузов, государственных и муниципальных служащих.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-68-71>

НИОН: 2007-0083-2/23-257

MOSURED: 77/27-005-2023-02-457

Кадровая политика государства: некоторые особенности и проблемы современного развития

Таймураз Эльбрусович Каллагов

Горский государственный аграрный университет, Владикавказ, Россия, mail@law-books.ru

Аннотация. Актуальность заключается в необходимости уточнения теоретико-методологического понимания содержания и сущности кадровой политики и кадрового резерва. Автор на примере специальной подготовки для лиц, желающих занять должности судей в городе Москве, проводит исследование некоторых аспектов эффективного формирования кадрового резерва. На сегодняшний день в системе государственной службы России сложилась противоречивая ситуация в подходах к кадровому резерву. С одной стороны, для отечественной теории и практики кадровой работы это довольно известный и апробированный механизм работы с кадрами партийных и советских органов. С другой стороны, теорию и опыт прошлых лет нельзя в неизменном виде переносить в деятельность органов государственной власти, хотя игнорировать их также недопустимо.

Ключевые слова: муниципальная служба, публичная власть, народовластие, местное самоуправление, государственная кадровая политика, конституция

Для цитирования: Каллагов Т. Э. Кадровая политика государства: некоторые особенности и проблемы современного развития // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 68-71. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-68-71>.

Original article

Personnel policy of the state: some features and problems of modern development

Taimuraz E. Kallagov

Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Russia, mail@law-books.ru

Abstract. Relevance lies in the need to clarify the theoretical and methodological understanding of the content and essence of personnel policy and personnel reserve. The author on an example of special training for persons, wishing to take positions of judges in the city of Moscow, conducts research of some aspects of effective formation of personnel reserve. To date, a contradictory situation has developed in the Russian civil service system in approaches to the personnel reserve. On the one hand, for the domestic theory and practice of personnel work, this is a fairly well-known and proven mechanism for working with personnel of party and Soviet bodies. On the other hand, the theory and experience of past years cannot be transferred unchanged into the activities of public authorities, although they are also unacceptable to ignore.

Keywords: municipal service, public power, people's power, local self-government, state personnel policy, constitution

For citation: Kallagov T. E. Personnel policy of the state: some features and problems of modern development. Criminological journal. 2023. (2):68-71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-68-71>.

В последние годы в Российской Федерации в связи с политической и экономической ситуацией большое внимание уделяется формированию новой системы государственного управления. Успешное проведение реформ и строительство подлинно демократического государства напрямую зависит от профессионализма кадрового состава, органов власти. Поэтому, возрастает число руководителей, которые в рамках кадровой политики все больше времени отводят на поиск лучших способов подготовки специалистов [8].

© Каллагов Т. Э., 2023

Совершенствование работы с кадровым составом и его обновление в государственных органах необходимо для того, чтобы подобрать специалистов с гибким мышлением, способных к существенным изменениям.

В процессе развития российского государства и, как следствие, новой системы государственного управления, в Российской Федерации большое внимание уделяется становлению и развитию работы с кадрами в государственных органах власти. В целом, государственная кадровая политика представляет собой комплекс мероприятий по разработке и формированию требований, функций, методов и технологий кадровой деятельности, с учетом прогнозируемых потребностей в кадрах на государственной (муниципальной) службе и уровне развития государственного аппарата в целом [7].

Общепризнано, что кадровым резервом необходимо управлять. Реестр должностей государственной службы — это перечень наименований унифицированных должностей государственной службы без установления иерархии между ними. Вопросы должностного соответствия решаются и в других нормативных правовых актах [9].

Принципы кадровой политики государства в науке классифицируются по множеству различных критериев. Традиционно их разделяют на три большие группы: 1) общие (базисные); 2) специальные; 3) частные. Общие (базисные) принципы придают государственной кадровой политике целенаправленность, целостность и содержательность. Они в целом определяют сущность государственной кадровой политики. К ним относятся: законность; демократизм; реалистичность; гласность; открытость; гуманизм; принцип равенства и т. д. Данные принципы характерны для любого вида деятельности всех сфер работы с кадрами. Специальные принципы отражают содержательную сторону профессиональной деятельности. Они различны для каждой сферы деятельности, отличающейся своим функциональным назначением. Поэтому, по-другому, их называют содержательно-функциональными. К кадровой политике государства применимы принципы:

- подбора кадров исключительно по профессиональным и деловым критериям;
- равного доступа к государственной гражданской службе;
- компетентности и стабильности кадров и т. д.

Содержание системы мировых судей — финансово достаточно затратно для бюджета. В частности, для надлежащей организации канцелярии у мирового судьи (с учетом того, что производство по делам будет осуществляться в общем порядке) необходимо придать ему как минимум двух работников: заведующего канцелярией и секретаря судебного заседания. Расходы на выплату содержания работникам аппарата мирового судьи будут весьма значительными. Кроме

того, здания, занимаемые районными судами, обычно заполнены до отказа, предоставить в них помещения мировым судьям невозможно. Более того, для хотя бы минимального приближения суда к населению необходимо, чтобы мировые судьи осуществляли правосудие в границах своих судебных участков [3].

Только при развитой экономике государство может позволить себе суд присяжных по всем уголовным, содержать полицию и следственный аппарат, формирующий доказательства, способные убедить непредвзятых присяжных, иметь судейский корпус, выносящий независимые решения не в силу «достойной зарплаты», которую можно потерять при неудачном властью решении, а по причине стабильного материального статуса, позволяющего не держаться за должность, а отправлять справедливое правосудие. В таком государстве законы не носят декларативный характер, а реально действуют, будучи обеспеченными достаточным финансированием.

На наш взгляд, количество судебных участков должно зависеть не только от количества проживающих на территории граждан, но и от количества рассматриваемых мировыми участками дел за год, т. е., зависеть от фактической нагрузки мировых судей. Например, в Москве некоторые участки мировых судей (несмотря на примерно одинаковую численность граждан, проживающих на подведомственной мировому суду территории) сильно перегружены, от чего страдает качество работы и скорость рассмотрения мировыми судьями дел. Особенно это важно для Москвы, города-миллионника, в котором зарегистрированы десятки тысяч юридических лиц (банки, страховые компании и пр.), нагружающие судебные участки мировых судей в определенных районах большим количеством дел [5].

В условиях отсутствия специальной подготовки для лиц, желающих занять должности судей, способность лица осуществлять полномочия судьи, его готовность к занятию этой должности определяются зачастую «на глазок». Мировой суд, занимающий нижнюю ступень в судебной системе, за последние годы стал своеобразной «школой», «кузницей кадров» для судей. С другой стороны, ситуация, когда мировые судьи представляют собой не что иное, как нижнее звено единой судебной системы, с неизбежностью влечет за собой ряд весьма неблагоприятных последствий, которые можно назвать отрицательными сторонами введения института мировых судей.

Первое, что необходимо отметить, — содержание системы мировых судей — финансово достаточно затратно для бюджета. В частности, для надлежащей организации канцелярии у мирового судьи (с учетом того, что производство по делам будет осуществляться в общем порядке) необходимо придать ему как минимум двух работников: заведующего канцелярией и

секретаря судебного заседания. Расходы на выплату содержания работникам аппарата мирового судьи будут весьма значительными [6].

Кроме того, здания, занимаемые районными судами, обычно заполнены до отказа, предоставить в них помещения мировым судьям невозможно. Более того, как мы уже указывали ранее, для хотя бы минимального приближения суда к населению необходимо, чтобы мировые судьи осуществляли правосудие в границах своих судебных участков. Поэтому неизбежны расходы на аренду помещений, ремонт, коммунальные платежи, охрану и уборку помещений. Добавим сюда почтовые расходы, связанные с оплатой услуг телефонной связи, покупкой мебели и компьютеров, бумаги и других канцелярских принадлежностей [4].

Следующий момент, на который следует обратить внимание, связан с тем фактом, что с учетом частичного финансирования мировых судей за счет бюджета субъекта РФ, а также в связи с той возможностью дополнительного влияния на мировых судей со стороны органов власти субъекта РФ, о которой уже шла речь выше, независимость мировых судей от воздействия других ветвей государственной власти (и даже органов местного самоуправления) будет, по-видимому, обеспечена в куда меньшей мере, чем для судей федеральных судов. С точки зрения единства судебной системы РФ наличие в ее составе не совсем полноправных судей будет несомненным минусом.

И наконец, нас может ожидать еще одно последствие предложенного законодателем регулирования организации мировых судей, негативное с точки зрения необходимости обеспечения единства всей судебной системы РФ, а также единства статуса судей и отрицательно влияющее на уровень реализации конституционного принципа равенства прав граждан (в том числе, равенства вне зависимости от места их жительства) [1].

Кроме того, негативным следствием будет и серьезное неравенство жителей этих субъектов РФ: в зависимости от места их проживания, от ступени финансового благополучия субъекта РФ одни из них будут иметь право на рассмотрение их дел мировым судьей, а другие — нет.

Другая причина, обуславливающая необходимость появления в России местного суда, связана с характерными особенностями уголовных дел о преступлениях небольшой тяжести. На одно из таких отличий указывалось в отечественной юридической литературе еще в начале нынешнего века [2].

Задачи исполнения целей, стоящих перед уголовным правом, требуют простоты и быстроты производства по делам о преступлениях небольшой тяжести. А это опять-таки лучше всего может быть обеспечено путем поручения рассмотрения таких дел в упрощенном порядке суду, стоящему как можно ближе к насе-

лению, и из собственного опыта знающему наиболее острые проблемы местной жизни, т. е. местному суду. Можно, наконец, указать и еще на одну серьезную проблему, являющуюся в определенной мере следствием двух предыдущих, решение которой также лежит на пути появления и надлежащей организации местной юстиции.

Связана она с тем, что население вообще не видит в суде орган, предназначенный для защиты его нарушенных прав. Суд — это нечто далекое, формальное, непонятное, действующее на основе неизвестных законов. Обращение туда связано со многими проблемами и серьезными материальными затратами. Поэтому в случае возникновения проблем граждане нашей страны предпочитают обращаться куда угодно — только не в суд. В лучшем случае — к участковому инспектору, в милицию, в газету, к мэру или губернатору, наконец, а в худшем — к представителям организованной преступности.

Список источников

1. Алиев Т. З. Проблемы правового регулирования отношений в сфере организации муниципальной службы в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
2. Богатырева И. В. Управление развитием кадрового потенциала муниципальной службы региона в условиях реформы местного самоуправления: дисс. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2010.
3. Вечер Л. С. Государственная кадровая политика и государственная служба. Минск : Вышэйшая школа, 2013. С. 352.
4. Войтович В. Ю. Государственная и муниципальная служба. Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», изд-во Института экономики и управления ФГБОУ ВПО «УдГУ», 2013. С. 122.
5. Знаменский Д. Ю. Государственная и муниципальная служба. М.: Юрайт, 2019. С. 414.
6. Каллагов Т. Э. Правовой режим осуществления муниципальной службы в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М.: Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2008.
7. Каллагов Т. Э. Формирование и развитие муниципальной службы в условиях модернизации местного самоуправления в современной России // Финансовое право и управление. 2014. № 2. С. 32–40.
8. Коковихин А. Ю. Социальное партнерство как механизм реализации государственной кадровой политики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2016. № 3. С. 94–102.

9. Черепанов В. В. Основы государственной службы и кадровой политики. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 279.

References

1. Aliev T. Z. Problems of legal regulation of relations in the organization of municipal service in the Russian Federation: diss. ... Candidate of Legal Sciences. M., 2010.
2. Bogatyreva I. V. Managing the Development of Human Resources Potential of the Municipal Service of the Region in the Conditions of the Local Self-Government Reform: diss. ... Candidate of Legal Sciences. Belgorod, 2010.
3. Vecher L. S. State Personnel Policy and Public Service. Minsk : Vysheyshaya shkola, 2013. P. 352.
4. Voytovich V. Y. State and municipal service. Izhevsk : Udmurtian University, Institute of Economics and Management, UdGU, 2013. P. 122.

5. Znamensky D. Y. State and municipal service. M. : Yurait, 2019. С. 414.
6. Kalagov T. E. Legal regime of the implementation of municipal service in the Russian Federation: autoref. diss. ... Candidate of Legal Sciences. M. : Russian Academy of Public Service under the President of the Russian Federation, 2008.
7. Kalagov T. E. Formation and development of municipal service in the conditions of modernization of local self-government in modern Russia // Financial Law and Management. 2014. № 2. P. 32–40.
8. Kokovikhin A. Yu. Social partnership as a mechanism for the implementation of state personnel policy // Bulletin of South Ural State University. 2016. № 3. P. 94–102.
9. Cherepanov V. V. Fundamentals of Public Service and Personnel Policy. M. : UNITY-DANA, 2017. P. 279.

Информация об авторе

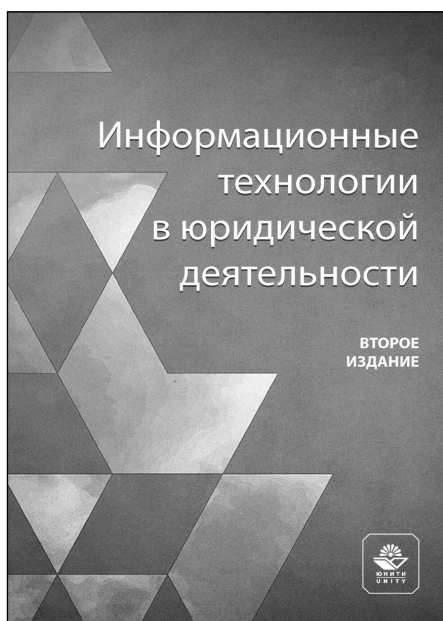
Т. Э. Каллагов — декан юридического факультета Горского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

T. E. Kallagov — Dean of the Law Faculty of the Gorsky State Agrarian University, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 19.06.2023.

The article was submitted 17.02.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 19.06.2023.

Информационные технологии в юридической деятельности. 2-е изд., перераб. и доп. Учебное пособие. Под ред. А. И. Уринцова. 351 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник».

Рассмотрены основные понятия и категории информатики в юриспруденции, программное обеспечение, охватывающие практически все области юридической деятельности. Предложена оригинальная схема направлений информатики в аспекте их изучения в юридическом вузе. Приведены примеры использования в юридической деятельности современных информационных технологий, таких как мультимедиа, экспертные системы и др. Отдельные главы посвящены рассмотрению технологий работы с правовыми информационными системами, структуры, состава и принципов функционирования программного обеспечения информационных технологий.

Изложены основы информационной безопасности и защиты информации в компьютерных системах. Разобраны проблемы защиты информации на персональном компьютере от потери и разрушения, несанкционированного доступа, вопросы восстановления утраченных данных, надежного удаления данных и т. д. Особое место отведено вопросам обеспечения защиты информации в компьютерных сетях.

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-72-75>

НИОН: 2007-0083-2/23-258

MOSURED: 77/27-005-2023-02-458

Административно-правовые основы противодействия коррупции в Российской Федерации

Владислав Игоревич Ковшевацкий¹, Элеонора Викторовна Маркина²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ kovshevatsky@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Аннотация. Анализируется административно-правовое законодательство в сфере противодействия коррупции в Российской Федерации и меры по его усовершенствованию.

Ключевые слова: административное право, государственное управление, меры противодействия, коррупция, полиция, функции, полномочия, нормы права

Для цитирования: Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В. Административно-правовые основы противодействия коррупции в Российской Федерации // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 72-75. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-72-75>.

Original article

Administrative and legal bases of counteraction corruption in the Russian Federation

Vladislav I. Kovshevatsky¹, Eleonora V. Markina²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'

¹ kovshevatsky@yandex.ru

² swin-90@mail.ru

Abstract. Analyzes administrative and legal legislation in the field of combating corruption in the Russian Federation and measures to improve it.

Keywords: administrative law, public administration, counteraction measures, corruption, police, functions, powers, norms of law

For citation: Kovshevatsky V. I., Markina E. V. Administrative and legal bases of counteraction corruption in the Russian Federation. Criminological journal. 2023. (2):72-75. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-72-75>.

Основываясь на анализе коррупционного законодательства России стоит отметить, что меры по противодействию коррупции впервые как объект управления деятельностью системы государственной власти получили правовое

закрепление в 90-х г. XX в. после того, как Президентом России были изданы Указ от 4 апреля 1992 г. № 36141 и Указ от 8 апреля 1997 г. № 30542, которые в 1995 г. были положены в основу Федерального закона от 31 июня 1995 г. № 119 ФЗ-43.

Основной закон по борьбе с коррупцией является Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ [1], который закрепил основы государственной политики в области противодействия коррупции в Российской Федерации.

Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [2], принятый семнадцатого июля две тысячи девятого года, регулирует нормативные основы и направление деятельности

© Ковшевацкий В. И., Маркина Э. В., 2023

проведения экспертизы законодательных актов на наличие в них коррупционную составляющую. В действительности, это первый закон, который полностью регулирует проведение антикоррупционной экспертизы в нашей стране.

Фундаментальная основа современной антикоррупционной политики России заложена в Национальной стратегии противодействия коррупции. Цель политики по противодействию коррупции в России — это устранение факторов, ведущих к коррупции в обществе. Антикоррупционное законодательство является основным инструментом политики по противодействию коррупции и в последнее время бурно развивается и последовательно расширяется на все сферы общественных отношений.

Основополагающие принципы организации антикоррупционной экспертизы нормативных актов и их проектов заключаются в том, что данная экспертиза обязательна и проводится во взаимодействии со всеми органами, уполномоченными ее проводить; оценка одного нормативного документа осуществляется во взаимосвязи с другими правовыми актами; экспертиза должна быть обоснованной, объективной и проверяемой; лица, проводящие проверку, должны быть компетентными.

Коррупционные факторы, которые проверяются при проведении экспертизы — это положения нормативных актов и их проектов, налагающие на правоприменителя неоправданно широкие и свободные полномочия деятельности или предлагают возможность одновременного использования исключений из правил в своих целях, в том числе требования, являющиеся неопределенными, сложными для выполнения и (или) затруднительные для понимания граждан и юридических лиц, которые помогают, создают и реализовывают условия для совершения противоправных деяний коррупционной направленности. Следует отметить, что методология противодействия коррупции, утвержденная постановлением Правительства № 96 от 26 февраля 2010 г. [3], указывает исключительно на факторы, создающие коррупцию, при этом не раскрывая их сущность и основы в полном объеме, поэтому на практике необходима разработанная программа, обеспечивающая реализацию одного из принципов антикоррупционной экспертизы — принципа правомерности, беспристрастности и проверяемости итогов.

Следует признать, что на сегодняшний день принцип проверяемости итогов при проведении антикоррупционной экспертизы законодательных актов и их проектов имеет рекомендательный характер. В сложившейся условиях каждой государственной власти

(федеральная, региональная, муниципальная) приходится решать данную задачу по своему усмотрению, что не позволяет принципам правомерности, беспристрастности и проверяемости итогов реализоваться и воплощаться в действительности.

7 мая 2013 г. были приняты Федеральный закон № 79 ФЗ-49, а также Федеральный закон № 102 ФЗ-50, которые помогают оптимизировать лоббистскую деятельность, укрепить национальную безопасность и увеличить инвестиции в экономику нашей страны. 6 июня 2013 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации № 54651, на основании которого федеральный, региональные и муниципальные служащие должны в обязательном порядке предоставлять точную и достоверную информацию о своем имуществе за пределами России. Данные сведения проверяются специальной комиссией. Если в ходе проверки выявляются, что данные не достоверны, то ставится вопрос о невозможности замещения должности. При проверке сведений проверяющему важно установить намерение госслужащего или претендента на государственную должность скрыть или исказить информацию об имуществе и доходах. Служащий не может находиться на службе, если он предоставит ложную информацию. В результате проведенных проверок, осенью 2013 г., к трем тысячам сотрудников были применены различные меры юридической ответственности (уголовные, административные, дисциплинарные), а двести сотрудников были уволены со службы в связи с утратой доверия.

В 2013 г. был принят закон о парламентском контроле [4], который позволил субъектам данного контроля проверять деятельность естественных монополий. Парламентский надзор необходим для соблюдения и выполнения законов, принятых парламентом, в том числе законов, направленных на противодействие коррупции. 3 декабря 2013 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации, в соответствии с которым при Администрации Президента организовано управление, отвечающее за контроль применения законов, разработку предложений по противодействию коррупции и законодательных инициатив.

В связи с принятием вышеуказанных правовых актов основные усилия всех субъектов власти были направлены на предупреждение коррупционных правонарушений, развитие межведомственного взаимодействия и сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией с институтами гражданского общества, что отразилось в Национальном плане и плане МВД РФ по противодействию коррупции на 2014–2015 г. [5].

Принятая в декабре 2015 г. Стратегия националь-

ной безопасности РФ, утвержденная указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, отнесла коррупцию к числу основных угроз безопасности страны и общества, а ее искоренению уделила особое внимание. Действия подразделений системы МВД РФ определены п. 12 Национального плана противодействия коррупции. На основании положений данного плана был разработан План МВД России по противодействию коррупции на 2016–2017 г. Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г., утвержденная Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 53762, противодействием коррупционным проявлениям рассматривала как важнейшее направление государственной политики, а борьбу с коррупцией как особое политическое и экономическое значение, то же прослеживается и в Указе Президента РФ № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» подписанным 02 июля 2021 г. [6].

Определенную роль в борьбе с коррупцией играют нормативные правовые акты, регулирующие деятельность государственных служащих. Значительная часть вопросов, связанных с предупреждением и предотвращением коррупцией урегулирована Указами Президента России и постановлениями Правительства России.

Таким образом, на каждом историческом этапе развития общества нормы права, в первую очередь, осуществляют защиту государства от различных вмешательств в его интересы. На современном этапе формирования общества, существует опасность развития коррупции на государственном уровне, поэтому в связи с этим принимаются соответствующие неотложные меры по борьбе с ней.

В России разработаны общие антикоррупционные подходы, а также нормативная правовая база в сфере противодействия коррупции, принят ряд антикоррупционных законов, которые значительно повысили потенциал всех государственных институтов.

Антикоррупционное законодательство содержит богатый правовой инструментарий для эффективной борьбы с противоправными посягательствами коррупционной направленности, что создает важные условия для формирования комплексных мер противодействия коррупции. В то же время разнообразие законодательной базы нередко приводит к коллизиям и противоречиям в формулировках.

Список источников

1. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (редакция от 29 декабря 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон «Об антикоррупционной

экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» от 17 июля 2009 № 172-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

3. Постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 (ред. от 10 июля 2017 г.) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон «О парламентском контроле» от 07 мая 2013 г. № 77-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента РФ от 11 апреля 2014 г. № 226 (ред. от 15 июля 2015 г.) «О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Federal law «About counteraction to corruption» from December 25, 2008 № 273-FZ (edition from December 29, 2022) // SPS «ConsultantPlus».
2. Federal Law «About anti-corruption expertise of statutory acts and projects of statutory acts» of July 17, 2009 № 172-FZ // SPS «ConsultantPlus».
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of February 26, 2010 № 96 (ed. from July 10, 2017) «On Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and Projects of Normative Legal Acts» (together with «Rules for Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and Projects of Normative Legal Acts», «Methodology for Anti-Corruption Expertise of Normative Legal Acts and Projects of Normative Legal Acts») // SPS «ConsultantPlus».
4. Federal Law «On Parliamentary Control» of May 7, 2013 № 77-FZ // SPS «ConsultantPlus».
5. Decree of the President of the Russian Federation of April 11, 2014 № 226 (ed. on July 15, 2015) «On the National Anti-Corruption Plan for 2014-2015». (in Russian) // SPS «ConsultantPlus».
6. Presidential Decree № 400 of July 02, 2021 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

В. И. Ковшевацкий — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Э. В. Маркина — доцент кафедры административного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

V. I. Kovshevatsky — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Y. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

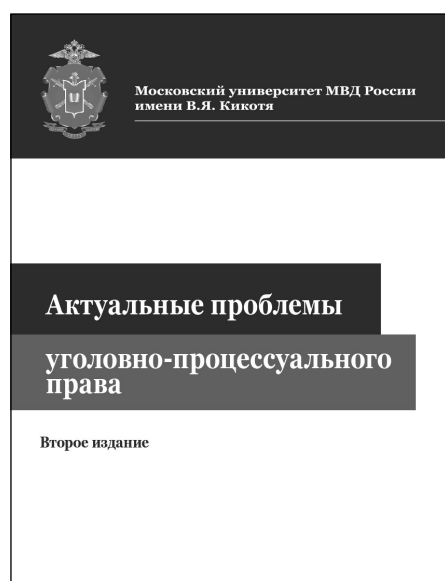
E. V. Markina — Associate Professor of the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Y. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.02.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 19.06.2023.

The article was submitted 16.02.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 19.06.2023.

Актуальные проблемы уголовно-процессуального права. Под ред. О. В. Химичевой, О. В. Мичуриной. 2-е изд., перераб. и доп. 303 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Курс лекций подготовлен в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования для обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», квалификации «магистр».

Цель пособия — вычлнить наиболее актуальные в теоретическом и практическом плане проблемы, требующие более глубокого изучения в отдельном учебном курсе.

Для слушателей (студентов), адъюнктов (аспирантов) и преподавателей образовательных организаций, осуществляющих обучение по направлениям подготовки (специальностям), входящим в укрупненную группу направлений подготовки (специальностей) «Юриспруденция», а также для всех интересующихся проблемами уголовного судопроизводства.

Научная статья

УДК 347.1

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-76-80>

НИОН: 2007-0083-2/23-259

MOSURED: 77/27-005-2023-02-459

Понятие и сущность административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел при противодействии распространению экстремистских материалов в сети Интернет

Александр Викторович Корольчук

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Рязань, Россия, avkorolchuk@mail.ru

Аннотация. Административно-юрисдикционная деятельность должностных лиц на современном этапе развития общества и государства, связанная с поддержанием правопорядка в информационном пространстве открывает ряд проблемных вопросов в рассматриваемой сфере деятельности органов власти. Эти вопросы носят различный характер, в частности можно выделить проблемы с материально-техническим оснащением специализированных подразделений правоохранительных органов, острой нехваткой квалифицированных кадров, недостаточным уровнем разработанности методических рекомендаций, а также ряд проблем правового регулирования административно-юрисдикционной деятельности. Последняя из которых, безусловно, является обстоятельством, затрудняющим противодействие распространению экстремистских материалов. Для ее преодоления требуется выработка, и принятие комплекса мер, направленных на устранения имеющегося правового пробела. В качестве одного из путей ее разрешения видится возможным изменение ст. 4.5, путем увеличения сроков привлечения к административной ответственности за правонарушения экстремистской направленности до 2 лет с момента совершения правонарушения.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, ИТКС Интернет, распространение экстремистских материалов, административная ответственность, административно-юрисдикционная деятельность

Для цитирования: Корольчук А. В. Понятие и сущность административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел при противодействии распространению экстремистских материалов в сети Интернет // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 76-80. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-76-80>.

Original article

The concept and essence of administrative and jurisdictional activities of internal affairs bodies in countering the spread of extremist materials on the Internet

Alexander V. Korolchuk

Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Ryazan', Russia, avkorolchuk@mail.ru

Abstract. Administrative and jurisdictional activity of officials at the present stage of development of society and the state, related to the maintenance of law and order in the information space, opens up a number of problematic issues in the field of activity of authorities under consideration. These issues are of a different nature, in particular, problems with the material and technical equipment of specialized law enforcement units, an acute shortage of qualified personnel, an insufficient level of development of methodological recommendations, as well as a number of problems of legal regulation of administrative and jurisdictional activities can be identified. The latter of which, of course, is a circumstance that makes it difficult to counteract the spread of extremist materials. To overcome it, it requires the development and adoption of a set of measures aimed at eliminating the existing legal gap. As one of the ways to resolve it, it seems possible to amend article 4.5 by increasing the terms of bringing to administrative responsibility for extremist offenses up to 2 years from the moment the offense was committed.

© Корольчук А. В., 2023

Keywords: extremist activity, ITCS Internet, distribution of extremist materials, administrative responsibility, administrative and jurisdictional activities

For citation: Korolchuk A. V. The concept and essence of administrative and jurisdictional activities of internal affairs bodies in countering the spread of extremist materials on the Internet. *Criminological journal*. 2023. (2):76-80. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-76-80>.

Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел является крайне важным элементом деятельности последних. Такая важность обуславливается, прежде всего, большим количеством административных правонарушений среди совокупности правонарушений в целом. Кроме того, как отмечается учеными-административистами, одной из причин большого значения, придаваемого административно-юрисдикционной деятельности правоохранительных органов, является расширение административно-юрисдикционной защиты при сужении сферы регулирования норм уголовного права в России [1, с. 17].

Для формирования более полного понятия и раскрытия содержания категории «административно-юрисдикционная деятельность» необходимо, прежде всего, представить краткую характеристику рассматриваемого феномена.

Начать следует с того, что вопрос формулирования определения рассматриваемого термина не разрешен ни на теоретическом, ни на законодательном или иных уровнях. Уже достаточно продолжительное время в юридическом сообществе ведется непрекращающаяся дискуссия относительно правильности тех или иных предлагаемых формулировок [2, с. 42–45].

Административной юрисдикции как правовому явлению присущи все характерные признаки административного процесса, одновременно, она имеет ряд общих черт с иными видами юридического процесса и юрисдикции.

Следует согласиться с мнением Шергина А. П., который отмечает, что правовую природу административно-юрисдикционной деятельности определяют два основных фактора: с одной стороны, это составная часть исполнительно-распорядительной деятельности органов государственного управления, а с другой это один из видов юрисдикции [3, с. 29–30]. Аналогичного мнения в своих работах придерживается и Бахрах Д.Н., отмечая, что административная юрисдикция, это юрисдикционная деятельность компетентных органов и должностных лиц, основанная на административно-процессуальных нормах права. При этом Бахрах Д. Н. разграничивал административное судопроизводство и юрисдикционную деятельность [4, с. 10].

Правильным будет отметить также то, что ряд отечественных исследователей, в частности Корнев А.

П. рассматривают административно-юрисдикционную деятельность в качестве самостоятельного правоохранительного вида, определяя ее как часть административной деятельности органов по рассмотрению и разрешению дел об административных правонарушениях, а также разрешению жалоб граждан [5, с. 222]. Килясханов И. Ш., поддержав указанную точку зрения, подчеркнул, что административно-юрисдикционная деятельность включает в себя не только стадию рассмотрения административных дел, но и стадию их возбуждения, со всеми присущими ей институтами [6, с. 9].

В рассматриваемой связи определенным интересом представляет точка зрения, высказываемая, Стариловым Ю. Н., указывавшим на наличие существенного противоречия производств по административным делам. Суть позиции Старилова Ю. Н. заключалась в том, что он выступал против единого регулирования производства по делам об административных правонарушениях, настаивая, что указанный вид производства осуществляется одновременно и в рамках судопроизводства, и в рамках административно-юрисдикционной деятельности чего, по его мнению, быть не может и не должно [7, с. 22].

С позицией указанного автора сложно согласиться, поскольку не смотря на существования некоторого теоретического противоречия, в целом, необходимо признать, во-первых, что создание отдельного нормативно-правового акта, регулирующего производство по делам об административных правонарушениях лишь увеличит объем нормативно-правового регулирования данной сфера, а, во-вторых, посредством внесения изменений и дополнений в КоАП РФ законодателем, разъяснениями, даваемыми высшими судебными инстанциями, существующее противоречие может быть преодолено быстрее.

В ходе анализа существующих исследований в рассматриваемой сфере Автор приходит к выводу о необходимости рассматривать административно-юрисдикционную деятельность в широком и узком смыслах. В широком смысле под ней следует понимать установленную нормативными правовыми актами совокупность полномочий, соответствующих государственных или муниципальных органов (и их должностных лиц) регулировать общественные отношения, оценивать действия лица или иного субъекта с

точки зрения их правомерности, разрешать правовые споры и рассматривать дела об административных правонарушениях, совершать иные юридически значимые действия, в том числе и позитивного регулятивного характера.

В узком смысле административно-юрисдикционная деятельность, это деятельность компетентных органов и их должностных лиц, направленная на принятие решения по поводу жалобы, поступившей от гражданина или на разрешение иного (входящего в компетенцию конкретного органа) спора.

Административно-юрисдикционная деятельность правоохранительных органов подразумевает реализацию последними регулятивных, охранительных, нормотворческих и иных правовых функций. Реализация указанных функций может проявляться в различных формах — издание нормативных правовых актов, рассмотрение и разрешение административно-правовых споров, принятие решение по поступающим жалобам и т. д.

Анализируя точки зрения различных ученых-административистов в рамках настоящей научно-исследовательской работы полагаем возможным выделить следующие виды административно-юрисдикционной деятельности: деятельность по исполнению актов (исполнительное производство); деятельность, предполагающая поддержание правопорядка и непосредственное применение мер административно-процессуального принуждения; деятельность по привлечению должностных лиц к дисциплинарной (дисциплинарное производство); деятельность по рассмотрению и разрешению по существу жалоб граждан (производство по жалобам); деятельность по рассмотрению административных материалов (производство по делам об административных правонарушениях); деятельность по изданию нормативных правовых актов (нормотворческое производство); лицензионно-разрешительная деятельность (правонадлительное производство) [8, с. 117].

Наиболее значимыми видами административно-юрисдикционной деятельности является деятельность по расследованию и рассмотрению дел об административных правонарушениях, разрешение административно-правовых споров по существу, а также деятельность по поддержанию правопорядка и непосредственному применению мер административно-процессуального принуждения.

Во-первых, в научном сообществе отсутствует единое или даже господствующее понимание категории «административный процесс» и его содержания. Одни исследователи полагают, что это вся исполнительно-распорядительная деятельность, иные считают, что данное понятие включает только административное судопроизводство.

Во-вторых, административно-юрисдикционная деятельность, как составляющая управленческого процесса, обладает всеми признаками административного процесса. Одновременно, также, как и категория административный процесс, категория административно-юрисдикционная деятельность не имеет легального определения, а предлагаемые различными исследователями определения существенным образом разнятся, что оставляет вопрос формулирования терминологии в данном направлении исследовательской работы открытым.

В-третьих, административно-юрисдикционная деятельность правоохранительных органов имеет ряд особенностей, среди которых, в числе прочих: широкий круг охраняемых общественных отношений, внутриведомственная специализация, широкий круг должностных лиц, задействованных в рассматриваемой деятельности, разнообразная нормативно-правовая база регламентирующая осуществление данной деятельности и др.

В-четвертых, рассматриваемый вид деятельности правоохранительных органов охватывает не только административно-деликтное производство, но и нормотворческое, лицензионное, правоприменительное и производство по обеспечению поддержанию правопорядка и законности в различных сферах.

Одной из таких сфер, безусловно, является информационное пространство, а специализированные подразделения органов внутренних дел осуществляют административно-юрисдикционную деятельность, которая заключается, в том числе, в противодействии распространению экстремистских материалов посредством сети Интернет.

Административно-юрисдикционная деятельность должностных лиц на современном этапе развития общества и государства, связанная с поддержанием правопорядка в информационном пространстве открывает ряд проблемных вопросов в рассматриваемой сфере деятельности органов власти.

Эти вопросы носят различный характер, в частности можно выделить проблемы с материально-техническим оснащением специализированных подразделений правоохранительных органов, острой нехваткой квалифицированных кадров, недостаточным уровнем разработанности методических рекомендаций, а также ряд проблем правового регулирования административно-юрисдикционной деятельности.

Существуют проблемы отсутствия необходимых методических рекомендаций по осуществлению деятельности в информационной среде, непосредственно направленной на противодействие распространению экстремистских материалов.

Следует согласиться с Федотовы В. П., который

утверждает, что при рассмотрении противодействия экстремизму в сети-Интернет, к факторам, определяющим специфику административно-юрисдикционной деятельности необходимо относить: во-первых, особенности сетевого информационного пространства; во-вторых, характеристики объекта взаимодействия, деятельность экстремистских организаций в информационном пространстве [9, с. 88]. Прежде всего, к особенностям сетевого информационного пространства надлежит отнести его трансграничность и внепространственность.

Трансграничность предполагает постоянную и всестороннюю поддержку не только межведомственного характера (т. е. внутри государства), но и на межгосударственном уровне, чего в силу ряда политических факторов добиться практически невозможно.

Внепространственность предопределяет сложности в определении местонахождения информационного объекта правонарушения, а, следовательно, следов совершения такого правонарушения.

Методические рекомендации для должностных лиц должны содержать разъяснения, каким образом на практике необходимо преодолевать рассматриваемые сложности. Устанавливать способы и средства отслеживания и документирования причастности различных пользователей сети к экстремистской деятельности. Кроме того, разъяснять порядок применения конкретных действий по пресечению противоправной деятельности, которая осуществляется установленными субъектами, в том числе, в порядке межведомственного и межгосударственного взаимодействия.

Наконец, существуют и проблемы правового регулирования административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел при противодействии распространению экстремистских материалов в информационном пространстве.

Специфика информационного пространства и особенности его использования субъектами, осуществляющими экстремистскую деятельность, существенно влияют на содержание административно-юрисдикционной деятельности, а также на правовое регулирование последней. Зачастую субъектам правонарушений удается избежать ответственности в связи с наличием пробелов в правовом регулировании.

Так, согласно статистике, в 2021 г. в связи с истечением срока давности привлечения к ответственности прекращено производство 25 % дел, возбужденных по наличию признаков состава правонарушения, предусмотренного ст. 20.3. КоАП РФ, 17 % по ст. 20.3.1. КоАП РФ, 14 % по ст. 20.29. Таким образом, довольно большой процент правонарушителей избегают наказания исключительно в связи с истечением срока давности привлечения их к ответственности.

Согласно действующей редакции ст. 4.5. КоАП РФ, срок привлечения к административной ответственности по ст. 20.3. составляет 3 месяца, по ст. 20.3.1. и 20.3.2. КоАП РФ — 1 год, по ст. 20.29 КоАП РФ — 3 месяца. Одновременно, например, аналогичный срок по ст. 6.1.1. КоАП РФ составляет 2 года с момента совершения правонарушения.

Очевидным является тот факт, что вред публично-правовым и частным интересам наносимый совершением правонарушений экстремистской направленности несоизмеримо выше, нежели наносимый причинением побоев. Следовательно, парадоксальным следует признать столь малый срок привлечения к административной ответственности для правонарушений рассматриваемой категории.

Отмеченная проблема, безусловно, является обстоятельством, затрудняющим противодействие распространению экстремистских материалов. Для ее преодоления требуется выработка, и принятие комплекса мер, направленных на устранения имеющегося правового пробела. В качестве одного из путей ее разрешения видится возможным изменение ст. 4.5, путем увеличения сроков привлечения к административной ответственности для правонарушений экстремистской направленности до 2 лет с момента совершения правонарушения.

Список источников

1. Власенков В. В., Власов В. В., Лозбяков В. П. и др. Административная юрисдикция: курс лекций. М., 1994.
2. Сорокин В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003.
3. Шергин А. П. Административная юрисдикция. М., 1989.
4. Бахрах Д. Н. Нужна специализация судей, а не судов // Российская юстиция. 2003. № 2. С. 10–11.
5. Корнев А. П. Административное право России: учебник. М., 2001.
6. Килисханов И. Ш. Административно-процессуальное право: курс лекций. М., 2004.
7. Стариков Ю. Н. Производство по делам об административных правонарушениях и административный процесс // Актуальные проблемы применения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: материалы Всероссийской научно-практической. Омск: Омская юридическая академия, 2004. С. 12–32.
8. Панова И. В. Административно-процессуальное право России. М. : Норма, 2016.

9. Федотов В. П. Оперативно-розыскное противодействие экстремистской и террористической деятельности в сетевом информационном пространстве: научное издание. Вологда : Полиграф-Периодика, печ. 2014.
5. Korenev A. P. Administrative law of Russia: textbook. M., 2001.
6. Kilyashkanov I. Sh. Administrative and procedural law: a course of lectures. M., 2004.
7. Starilov Y. N. Production on cases of administrative offences and administrative process // Actual problems of application of the Code of the Russian Federation on administrative offences: materials of the All-Russian scientific-practical. Omsk: Omsk Law Academy, 2004. P. 12–32.
8. Panova I. V. Administrative and procedural law of Russia. M. : Norma, 2016.
9. Fedotov V. P. Operative-investigative counteraction to extremist and terrorist activity in the network information space: scientific publication. Vologda : Polygraph-Periodika, 2014.

References

1. Vlasenkov V. V., Vlasov V. V., Lozbyakov V. P. et al. Administrative Jurisdiction: a course of lectures. M., 1994.
2. Sorokin V. D. Legal regulation: subject, method, process (macrolevel). SPb., 2003.
3. Shergin A. P. Administrative jurisdiction. M., 1989.
4. Bakhrakh D. N. We need specialization of judges, not courts // Russian Justice. 2003. № 2. P. 10–11.

Информация об авторе

А. В. Корольчук — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

A. V. Korolchuk — Lecturer in the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 03.02.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 05.06.2023.

Предварительное следствие. Под ред. Д. А. Иванова, А. С. Есиной. 4-е изд., перераб. и доп. Учебник. 575 с. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Процессуально-правовая деятельность, составляющая содержание предварительного следствия, рассматривается с учетом соответствующих положений законов и подзаконных актов, современных достижений теории уголовно-процессуального права, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности. Подробно изложены вопросы, касающиеся специфики организации органов предварительного следствия, процессуальной деятельности, взаимодействия органов предварительного следствия с органами дознания, прокуратурой, судом.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», курсантов вузов системы образования МВД России, а также для практических работников органов предварительного расследования.

Научная статья
УДК 343.241.2
<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-81-85>
НИОН: 2007-0083-2/23-260
MOSURED: 77/27-005-2023-02-460

Отдельные уголовно-исполнительные и иные проблемы правового регулирования и правоприменения реализации профилактических мероприятий при эпидемии в исправительных учреждениях

Александр Александрович Крымов

Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия, krsan@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа ряда законов (Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», «О чрезвычайном положении» и др.) и подзаконных актов (в частности, Приказа Минюста РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы») выявляется ряд проблем регулирования применения к лицам, содержащимся в исправительных учреждениях и иных учреждениях уголовно-исполнительной системы, профилактических мероприятий в случае эпидемии. Формулируется вывод о том, что сегодня как никогда актуально совершенствование уголовно-исполнительного и иного законодательства путем решения вопросов о возможности введения режима особых условий в исправительных учреждениях при возникновении эпидемии, закрепления особенностей полномочий сотрудников уголовно-исполнительной системы и правового положения осужденных, в том числе ограничения их прав и возложении на них дополнительных обязанностей при изоляции и реализации профилактических мероприятий, и т. д.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство, эпидемия, профилактические мероприятия, исправительные учреждения, уголовно-исполнительная система, режим особых условий

Для цитирования: Крымов А. А. Отдельные уголовно-исполнительные и иные проблемы правового регулирования и правоприменения реализации профилактических мероприятий при эпидемии в исправительных учреждениях // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 81-85. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-81-85>.

Original article

Selected penal and other problems of legal regulation and enforcement of preventive measures during epidemics in correctional institutions

Alexander A. Krymov

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia, krsan@yandex.ru

Abstract. Based on the analysis of a number of laws (the Criminal Executive Code of the Russian Federation, «On the detention of suspects and accused of committing crimes», «On the sanitary and epidemiological welfare of the population», «On the state of emergency», etc.) and bylaws (in particular, the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation from July 4, 2022. № 110 «On Approval of the Internal Regulations for Detention Facilities of the Criminal Executive System, the Internal Regulations for Correctional Facilities and the Internal Regulations for Correctional Centers of the Criminal Executive System») reveals a number of problems regulating the application to persons held in correctional facilities and other institutions of the criminal executive system of preventive measures in case of an epidemic. The conclusion is formulated that today, as never before, the improvement of criminal-executive and other legislation is relevant by addressing the possibility of introducing a regime of special conditions in correctional

© Крымов А. А., 2023

institutions in the event of an epidemic, fixing the features of the powers of employees of the criminal-executive system and the legal status of prisoners, including restrictions on their rights and imposing additional obligations on them in isolation and implementation of preventive measures, etc.

Keywords: penal law, epidemic, preventive measures, correctional institutions, penal system, special conditions regime

For citation: Krymov A. A. Selected penal and other problems of legal regulation and enforcement of preventive measures during epidemics in correctional institutions. *Criminological journal*. 2023. (2):81-85. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-81-85>.

В современных условиях уголовно-исполнительное и иное законодательство, на наш взгляд, недостаточно учитывает возможность появления эпидемии среди населения, которая, безусловно, может затронуть и лиц, содержащихся в исправительных учреждениях (далее — ИУ) и других учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее — УИС). Сказанное представляется крайне актуальным ввиду распространения в последнее время эпидемии коронавируса во многих странах мира (что требует анализа зарубежного законодательства [1, с. 74–80; 2, с. 56–61]), в том числе в России.

Осужденных к лишению свободы и подследственных, находящихся в следственных изоляторах (далее — СИЗО), стабильно насчитывается в нашей стране несколько сотен тысяч человек. Как известно, они находятся в закрытых помещениях в условиях изоляции, что при появлении массовых инфекционных заболеваний требует принятия профилактических и (или) санитарно-противоэпидемических мер в целях недопущения распространения инфекции среди основной части содержащихся лиц. В юридической литературе констатируется отсутствие надлежащего уголовно-исполнительного регулирования указанных вопросов [3, с. 151–157; 4, с. 29–33].

Предназначение профилактических мероприятий, направленных на предупреждение факторов риска развития заболеваний и на их раннее выявление, дается в ч. 2 ст. 79 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В указанном федеральном законе не дается определение ни профилактических, ни санитарно-противоэпидемических мероприятий. Вместе с тем ст. 12 данного нормативного правового акта содержит словосочетание «...санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий...», что фактически ставит знак равенства между этими терминами.

Аналогичная позиция закреплена и в ст. 1 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», согласно которому «санитарно-противоэпидемические (профилактические) мероприятия — организационные, административные, инженерно-технические, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на устранение или уменьшение вредного воздействия на че-

ловека факторов среды обитания, предотвращение возникновения и распространения инфекционных заболеваний и массовых неинфекционных заболеваний (отравлений) и их ликвидацию».

Рассмотрим кратко уголовно-исполнительное и иное законодательство, регулирующие основания проведения профилактических мероприятий в отношении осужденных к лишению свободы и подследственных, содержащихся в учреждениях УИС, на примере эпидемий.

Ч. 5 ст. 80 УИК РФ предусматривает, что осужденные, больные разными инфекционными заболеваниями, содержатся раздельно и отдельно от здоровых осужденных. Аналогичное положение предусмотрено в ст. 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», по которой отдельно от других подозреваемых и обвиняемых содержатся, помимо прочего, больные инфекционными заболеваниями или нуждающиеся в особом медицинском уходе и наблюдении. Сказанное подразумевает, что на основании положений законов осужденные, больные инфекционными заболеваниями, изолируются в отдельных помещениях (например, в медицинских частях учреждений УИС) для предупреждения дальнейшего распространения болезней.

Эта профилактическая мера, по всей видимости, эффективна в случае, когда количество таких больных относительно незначительно (например, несколько десятков случаев в учреждении с учетом лимита медицинской части). Однако при эпидемии актуален вопрос о том, куда изолировать большее число заболевших от основной части осужденных, ведь обычно медицинские части УИС не рассчитаны на стационарное лечение такого значительного числа осужденных.

Представляется, что в целом закрепление профилактических (противоэпидемических) мероприятий, ограничивающих права осужденных, должно осуществляться преимущественно на уровне закона, т. е. в УИК РФ. В этом случае актуально надлежащее уголовно-исполнительное и иное регулирование предупреждения распространения эпидемии в ИУ.

Здесь важное значение имеет, на наш взгляд, режим особых условий по ст. 85 УИК РФ, который вводится в случаях стихийного бедствия, введения в рай-

оне расположения ИУ чрезвычайного или военного положения, при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных [5; 6]. В этом случае может быть приостановлено осуществление некоторых прав осужденных (передвижения осужденных без конвоя или сопровождения, их выездов за пределы ИУ, получения краткосрочных и длительных свиданий, получения посылок, передач и бандеролей и т. п.), введен усиленный вариант охраны и надзора, особый порядок допуска на объекты, изменен распорядок дня, ограничена деятельность производственных, коммунально-бытовых, культурно просветительных и иных служб, за исключением медико-санитарных (ч. 2 ст. 85 УИК РФ).

Отдельного внимания здесь заслуживает вопрос возможности риска ежедневного «заноса» инфекции сотрудниками учреждения и соответственно регламентации порядка несения ими службы или выполнения обязанностей работниками.

Конечно, обращает на себя внимание тот факт, что в настоящее время эпидемия не указана в качестве основания для введения режима особых условий в ИУ.

Между тем, регламентация данного вопроса в ст. 48 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» позволила из-за появления инфекции коронавируса в СИЗО г. Москвы ввести еще в 2020 г. режим особых условий. Данный режим заключался в том, что прием подозреваемых, обвиняемых и осужденных осуществлял только один следственный изолятор УФСИН России по г. Москве, а во всех других местах содержания под стражей устанавливались ограничения на допуск адвокатов и других посетителей, приостанавливался прием посылок и передач, вывоз подозреваемых, обвиняемых и осужденных на судебно-следственные действия и т. п. [7].

В соответствии с указанным положением федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (абз. 2 ст. 48), в случаях стихийных бедствий, эпидемий и других негативных обстоятельств может вводиться режим особых условий в СИЗО на срок не более тридцати суток. При введении режима особых условий могут быть ограничены или приостановлены все мероприятия, проводимые с участием подозреваемых и обвиняемых, усиливаются их охрана, пропускной режим и надзор за подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей, прекращается прием посылок и передач, а также принимаются другие меры, предусмотренные законом.

Обращает также на себя внимание тот факт, что в ст. 48 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусматривается возможность принятия других мер, предусмотренных законом. Сказан-

ное означает, что такие меры не могут регулироваться в подзаконных актах, что также подтверждает необходимость их закрепления, в первую очередь, на законодательном уровне.

Более того, правовая основа одного из аспектов деятельности учреждений и органов УИС — по расследованию преступлений — в мирное и «чрезвычайное» время также имеет ряд недостатков: имеются трудности в обеспечении безопасности осужденных, являющихся участниками уголовного судопроизводства, отсутствуют должности дознавателей в УИС и т.п. При этом, очевидно, что в период действия режима особых условий в ИУ проблемы производства следственных действий и уголовно-процессуальной деятельности в целом еще больше усугубляются. [8, с. 220–225]

Другим же основанием установления режима особых условий в ИУ является введение в районе расположения ИУ чрезвычайного положения.

В соответствии с федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении» одним из обстоятельств введения чрезвычайного положения являются чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии (ст. 3).

При введении чрезвычайного положения возможно, в соответствии со ст. 11 и 13 Федерального Конституционного закона «О чрезвычайном положении», установление ряда мер и ограничений: введение карантина, проведение санитарно-противоэпидемических, ветеринарных и других мероприятий; усиление охраны общественного порядка, объектов, подлежащих государственной охране, и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения и функционирование транспорта; и т. п.

В то же время, если по каким-либо причинам чрезвычайное положение не введено, то режим особых условий в ИУ в случае наступления эпидемии среди населения в районе расположения ИУ введен быть не может и установление соответствующих ограничений, а также проведение профилактических мероприятий в отношении осужденных трудноосуществимо. Более того, содержание понятия «карантин» в уголовно-исполнительном законодательстве (ст. 79 УИК РФ) имеет несколько иное значение, нежели общепринятое как административные, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на предотвращение распространения инфекционных заболеваний (ст. 1 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»).

В этом случае на уровне уголовно-исполнительного закона отсутствуют необходимые предпосылки эффективного и оперативного реагирования на рассматриваемые негативные ситуации (что также, требует корректировки ст. 85 УИК РФ — прим. авт.).

При этом очевидно, что, с одной стороны, неприменение соответствующих профилактических мер со стороны руководства территориальных органов УИС и администраций ИУ может приводить к ухудшению эпидемиологической ситуации среди осужденных. С другой стороны, осуществление таких мер может приводить к ограничению прав осужденных и возложению на них дополнительных обязанностей, не предусмотренных уголовно-исполнительным законом. Очевидно, что в обоих случаях это негативно сказывается на нормальной деятельности ИУ, его стабильном функционировании, и конечно на соблюдении прав человека.

Поэтому представляется, что основы проведения профилактических (ограничительных) мероприятий в отношении осужденных к лишению свободы для недопущения дальнейшего распространения эпидемии должны быть закреплены в УИК РФ.

Между тем, в отношении лиц, содержащихся в учреждениях УИС, регулирование основных профилактических мер, в том числе ограничивающих права осужденных и возлагающих на них дополнительные обязанности, отнесено на подзаконный уровень (например, в Приказе Минюста РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы»).

В определенной мере вышеуказанные и иные недостатки уголовно-исполнительного законодательства частично восполняются положениями федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», по ч. 2 ст. 50 которого при угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний должностные лица, осуществляющие федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, имеют право давать гражданам и юридическим лицам предписания, обязательные для исполнения ими в установленные сроки, в том числе о проведении дополнительных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий.

Кроме того, в ст. 1 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» предусмотрены ограничительные мероприятия (карантин); при этом, согласно ст. 31 данного закона, такие мероприятия (но без указания даже их примерного перечня — прим. авт.) реализуются в случае угрозы возникновения и распространения инфекционных заболеваний, что регламентируется санитарными правилами и иными нормативными правовыми актами.

Указанные предписания законодательства еще в 2020 г. реализовывались на уровне ФСИН России путем вынесения Главным государственным сани-

тарным врачом ФСИН России постановления «О введении дополнительных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мер, направленных на недопущение возникновения и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», согласно чему в ИУ и СИЗО был запрещен допуск посетителей и сотрудников УИС с повышенной температурой тела, приостановлено предоставление длительных и краткосрочных свиданий, а также введен ряд иных санитарно-противоэпидемических (профилактических) мер [9].

Представляется, что вышеуказанные нормы федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» лишь создают общую основу в области проведения санитарно-противоэпидемических (профилактических) и иных мероприятий без учета особенностей деятельности различных учреждений УИС.

В итоге по-прежнему открытыми остаются вопросы о правовой основе введения режима особых условий в ИУ при возникновении эпидемии, об особенностях правового положения осужденных, имеющих инфекционные заболевания, полномочий и регламента работы сотрудников УИС и т. п. Представляется, что надлежащее решение рассматриваемых проблем позволит решить целый ряд вопросов, в первую очередь связанных с обеспечением и ограничением прав осужденных и арестованных, возложением на них дополнительных обязанностей при изоляции и реализации других профилактических мероприятий, стабильным функционированием системы исполнения наказаний.

Список источников

1. Салаев Н. С. Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в чрезвычайных условиях в Узбекистане // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16. № 1. С. 74–80.
2. Сиряков А. Н. Режим особых условий в исправительных учреждениях содружества независимых государств // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2018. № 1 (41). С. 56–61.
3. Бутенко Т. П. Реализация основных средств исправления осужденных в условиях пандемии вируса COVID-19 // Уголовно-исполнительное право. 2020. Т. 15. № 2. С. 151–157.
4. Скиба А. П. Профилактика эпидемий среди осужденных к лишению свободы: обеспечение карантина и некоторые иные организационно-правовые проблемы // Юридическое образование и наука. 2020. № 5. С. 29–33.
5. Ефремова И. А., Кашуба Ю. А., Орлов В. Н. и др. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения:

- моногр. / под общ. ред. А. А. Крымова; под науч. ред. А. П. Скибы. М.: Криминологическая библиотека, 2022.
6. Фелелов В. В. Режим особых условий как элемент обеспечения безопасности в исправительном учреждении. Уфа, 2005.
 7. Официальный сайт ФСИН России // URL://http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=503889.
 8. Крымов А. А. Реализация досудебных форм уголовно-процессуальной деятельности при введении режима особых условий в исправительных учреждениях: постановка отдельных проблем // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 454. С. 220–225.
 9. Официальный сайт ФСИН России // URL://http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=502612.
- References**
1. Salaev N. S. Peculiarities of the execution of punishment in the form of imprisonment in emergency conditions in Uzbekistan // *Criminal Executive Law*. 2021. Т. 16. № 1. P. 74–80.
 2. Siryakov A. N. Regime of special conditions in correctional institutions of the Commonwealth of Independent States // *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*. 2018. № 1 (41). P. 56–61.
 3. Butenko T. P. Implementation of the basic means of correction of convicts in conditions of the COVID-19 virus pandemic // *Criminal Executive Law*. 2020. Т. 15. № 2. P. 151–157.
 4. Skiba A. P. Prevention of epidemics among prisoners to imprisonment: provision of quarantine and some other organizational and legal problems // *Legal Education and Science*. 2020. № 5. P. 29–33.
 5. Efremova I. A., Kashuba Y. A., Orlov V. N. et al. Criminal-executive legislation in conditions of natural disasters, introduction of emergency or martial law: monograph / under general ed. by A. A. Krymov; under scientific ed. by A. P. Skiba. Moscow: Criminological Library, 2022.
 6. Fefelov V. V. Special conditions regime as an element of security in a correctional institution. Ufa, 2005.
 7. Official website of Russian Federal Penitentiary Service // URL://http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=503889.
 8. Krymov A. A. Implementation of pre-trial forms of criminal procedure in the introduction of special conditions regime in correctional institutions: statement of certain problems // *Bulletin of Tomsk State University*. 2020. № 454. P. 220–225.
 9. Official website of the Federal Penitentiary Service of Russia // URL://http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=502612.

Информация об авторе

А. А. Крымов — профессор кафедры публично-правовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования.

Information about the author

A. A. Krymov — Professor of the Department of Public Law of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 12.01.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-86-90>

НИОН: 2007-0083-2/23-261

MOSURED: 77/27-005-2023-02-461

Криминологическая характеристика угрозы или насильственных действий в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования

Ле Конг Тхонг

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, leconghong93@gmail.com

Аннотация. Представлен авторский взгляд на криминологическую характеристику угрозы или насильственных действий в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования. Рассматриваются характеристики жертвы и преступника, причины и условия совершения данного преступления. Автор формулирует основные меры профилактики этого преступления.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, криминологический анализ, причины, мотивы, предупреждение, угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования

Для цитирования: Ле Конг Тхонг. Криминологическая характеристика угрозы или насильственных действий в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 86-90. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-86-90>.

Original article

Criminological characteristics of the threat or violent acts in connection with the administration of justice or the production of a preliminary investigation

Le Cong Thong

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, leconghong93@gmail.com

Abstract. The author's view on criminological characteristic of threat or violent actions in connection with administration of justice or proceeding of preliminary investigation is presented. The characteristics of the victim and the offender, the reasons and conditions of committing this crime are considered. The author formulates the basic measures of prevention of this crime.

Keywords: criminological characteristics, criminological analysis, causes, motive, warning, threats or violent actions in connection with the administration of justice or the production of a preliminary investigation

For citation: Le Cong Thong. Criminological characteristics of the threat or violent acts in connection with the administration of justice or the production of a preliminary investigation. Criminological journal. 2023. (2):86-90. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-86-90>.

Криминологическая характеристика является комплексным рассмотрением принципов, оснований, обстоятельств и последствий преступности, а также анализом особенностей личности преступника с целью раскрытия и предупреждения преступлений.

Обычно выделяют следующие элементы криминологической характеристики:

- криминологические значимые признаки пре-

ступления, а именно: причины преступления, объект преступления, личность преступника, мотив, последствия;

- сведения, раскрывающие криминологическую ситуацию: среда совершения преступления, социально-экономические условия;
- признаки, определяющие особенности мероприятий, направленных на предупреждение

© Ле Конг Тхонг, 2023

преступлений: методы и средства профилактики, выбор превентивных мер.

«Краеугольным камнем» любого криминологического исследования является изучение элементов криминологической характеристики преступного деяния, которое обуславливается отсутствием четкой системы мер предупреждения преступлений, совершаемых в отношении лиц, осуществляющих предварительное расследование и отправляющих правосудие. Это связано с пробелами в криминологической характеристике угроз или насильственных действий в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования.

Проблема безопасности судей, прокуроров, дознавателей, адвокатов и прочих участников судопроизводства относится к разряду острых. Попытки оказания давления на судей происходят с пугающей периодичностью. Нередко фиксируются случаи угроз со стороны злоумышленников в адрес судей, прокуроров, их родственников. Случаев покушения на жизнь судей также достаточно много. При попытке убийства судьи происходит посягательство на два объекта: во-первых, жизнь человека, а во-вторых, важнейший институт правового государства — правосудие. Посягательство на жизнь представителя судебной власти является свидетельством неуважения судебной системы в целом, негативного отношения к власти. Находясь в зоне риска и пытаясь себя обезопасить, судьи нередко выносят слишком мягкие приговоры по тяжким составам, пытаясь таким образом обезопасить себя от потенциальной мести подсудимых.

Правовой основой, обеспечивающей безопасность судей и лиц, участвующих в судопроизводстве, выступают следующие нормативные акты:

Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных

лиц правоохранительных и контролирующих органов» (в ред. Федерального закона от 01 июля 2021 г. № 288-ФЗ).

- постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 900 «Об утверждении перечня категорий государственных и муниципальных служащих, подлежащих государственной защите».
- постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 890 «О порядке финансирования и материально-технического обеспечения мер государственной защиты, предусмотренных в отношении судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, денежное содержание которых осуществляется за счет средств Федерального бюджета».
- постановление Правительства Российской Федерации от 27 октября 2005 г. № 647 «О возмещении вреда судьям, должностным лицам правоохранительных и контролирующих органов и членам их семей ущерба, причиненного уничтожением или повреждением их имущества в связи со служебной деятельностью».

В. Н. Кудрявцев отмечал, что наиболее полную криминологическую характеристику преступлений против судей, присяжных, дознавателей и иных участников судопроизводства дает не только количественное изучение данного вопроса, но и такие аспекты, как время совершения преступления, место, способ. Комплексное изучение всех аспектов есть залог успешной разработки превентивных мер.

Случаи нападений, угроз на судей и участников судебного процесса или предварительного расследования преимущественно происходят в зале судебного заседания, в здании суда или на территории суда (рис. 1).

Места совершения преступлений, предусмотренных ст. 296 УК РФ

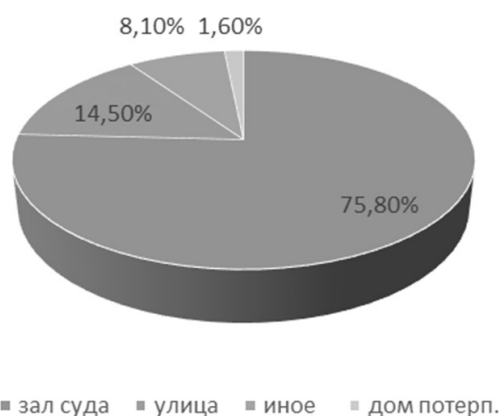

Рис. 1. Места совершения преступлений, предусмотренных ст. 296 УК РФ

Следует отметить, что несмотря на то, что треть преступлений, происходящих на территории России, совершается в состоянии алкогольного опьянения, осужденные по ст. 296 УК РФ в большинстве случаев совершали это деяние без признаков опьянения. Удельный вес преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения по данной статье, составляет всего лишь 13,7 % [1]. Это говорит о том, что подобные преступления готовятся заранее, что указывает на повышенную степень общественной опасности преступника.

Что касается способов совершения преступлений в отношении судей, присяжных заседателей или иных лиц, принимающих участие в отправлении правосудия, а также их близких, то О. Р. Афанасьева отмечает, что наиболее типичные среди них — это нападение без оружия и нанесение ударов руками и ногами и с использованием орудий, а также огнестрельного оружия [2, с. 344].

Рассматривая любое преступление, невозможно обойти стороной анализ личности преступника, благодаря которому выявляется мотивация совершения преступления и становятся возможными разработка мер предотвращения преступности и выявление стереотипов поведения.

А. И. Долгова рекомендует при рассмотрении личности преступника, учитывать только его социальные характеристики [3, с. 203].

В свою очередь, А. Н. Варыгин обращает внимание на следующие социально-демографические факторы: пол, возраст, образования, род деятельности, семейное положение, место жительства и гражданство [4, с. 65].

Подавляющее большинство преступлений, предусмотренных ст. 296 УК РФ, совершается мужчинами. Причины этому кроются в биологических и психологических различиях полов.

Следующей немаловажным элементом криминологической характеристикой является возраст преступника. Статистические данные, представленные А. М. Шуваловой говорят о том, что около 60 % нападений на участников отправления правосудия или осуществления предварительного расследования производятся лицами 30–49 лет [5, с. 104].

Тот же автор приводит следующие статистические данные в отношении уровня образования лиц, совершающих преступления по ст. 296 УК РФ: большинство имеют среднее профессиональное образование, четыре процента имеют лишь начальное образование и полтора процента — высшее образование.

Что касается места жительства преступников, совершивших нападение на судей и иных участников судопроизводства, подавляющее большинство постоянно проживает в той местности, где и были соверше-

ны преступления.

Самым распространенным видом деятельности лиц, осужденных по ст. 296 УК РФ, является торговля, строительство и работа в промышленности. Из этого следует, что большинство рассматриваемых в данной работе преступников трудоустроены и имеют ежемесячный доход.

Что же касается семейного положения преступников, то вопреки устоявшемуся мнению, что семья должна быть сдерживающим фактором в принятии решения преступить закон, лишь незначительные 25 % из рассматриваемой группы нарушителей закона не состоят в семейных отношениях.

Уместно также обратить внимание на то, что подобного рода преступления совершаются чаще в одиночку, нежели группой лиц по предварительному сговору.

Угрозы и насильственные действия в отношении судей, следователей, дознавателей, прокуроров и прочих участников судопроизводства и предварительного расследования, являясь преступлениями, несущими повышенную степень общественной опасности, требуют повышенного внимания. Предупреждение преступлений данного вида в высшей степени актуально в силу того, что безопасность вышеперечисленных лиц гарантирует укрепление основ правосудия и государственной власти.

Случаи нападений на участников судопроизводства и предварительного расследования говорят о недостатке внимания, уделяемого аналитической деятельности, методам предотвращения и пресечения, а также профилактике данного вида преступлений. А. Н. Варыгин объясняет это недостатком единого принципа предупреждения преступности и отсутствием научно обоснованной правовой базы противодействия преступности [6, с. 117].

Основными причинами совершения данного рода преступления являются социальные причины (низкий социальный уровень), нравственные (отсутствие духовных и моральных ценностей), правовые (недостаточная разработка правовых норм, защищающих лиц, отправляющих правосудие).

Отдельно следует рассмотреть такую причину, как конфликт, возникающий между подсудимым и лицами, отправляющими правосудие или предварительное расследование, а также любыми другими участниками судопроизводства вследствие выполнения их профессиональной деятельности. Данная проблема связана с недостатками в вопросах правового регулирования отношений между обвиняемым и представителями органов правосудия или лицами, проводящими предварительное расследование.

Вышеизложенное подчеркивает необходимость совершенствования сложившейся в нашей стране си-

стемы специально-криминологических мер по предупреждению угроз и насильственных действий в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования, а именно:

- введение и реализация программ повышения квалификации для лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование; в этой программе надлежит уделить особое внимание обучению перечисленных лиц психологии, конфликтологии, ибо умение управлять, нейтрализовать и подавлять конфликтные ситуации будет способствовать снижению случаев нападения на работников суда и сотрудников органов предварительного расследования;
- введение и реализация программ по устранению профессиональной деформации представителей судебной власти и прочих участников судопроизводства;
- реализация программ, направленных на усиление защиты лиц, отправляющих правосудие и предварительное расследование;
- создание программ по выявлению и нейтрализации причин и условий совершения преступлений против лиц, отправляющих правосудие и иных участников судопроизводства;
- совершенствование средств обнаружения оружия и взрывных устройств;
- создание программ, направленных на правовое воспитание населения.

Результаты проведенного анализа позволяют сделать некоторые частные выводы, представляющие интерес для настоящего исследования.

Являясь защитником прав и свобод гражданина, лицо, осуществляющее правосудие, играет огромную роль в жизни человека и государства. Угрозы и нападения на судей и иных лиц, отправляющих правосудие, нарушают основы правосудия и государственности.

Количество угроз и насильственных действий в отношении судей и иных лиц, отправляющих правосудие, за рассмотренные пять лет менялось незначительно, что свидетельствует о стабильном состоянии исследуемого вида преступлений.

3. Угрозы и насильственные действия в отношении судей и иных лиц, отправляющих правосудие, чаще всего совершаются лицами мужского пола в возрасте от 30 до 49 лет, имеющими постоянное место проживания и постоянную работу. В большинстве случаев нападения совершают лица, находящиеся в трезвом состоянии. В подавляющем большинстве случаев нападения происходят в зале суда.

4. Основными причинами совершения данного рода преступления являются социальные причины (низкий социальный уровень), нравственные (отсут-

ствие духовных и моральных ценностей), правовые (недостаточная разработка правовых норм, защищающих лиц, отправляющих правосудие), конфликт, возникающий между подсудимым и лицами, отправляющими правосудие или предварительное расследование, а также любыми другими участниками судопроизводства вследствие выполнения их профессиональной деятельности.

5. Мотивами совершения угроз и нападений является несогласие с вынесенным приговором, месть. Нападения происходят в большинстве случаев в одиночку, а не группой лиц.

6. Предупреждение преступлений по ст. 296 УК РФ заключается в целенаправленных действиях правоохранительных органов, совершаемых в отношении субъектов, участвующих в нападениях на судей и прочих лиц, принимающих участие в отправлении правосудия, для предотвращения преступных деяний.

Список источников

1. На основании формы государственного статистического наблюдения «Единый отчет о преступности» (Форма 1-Г) за 2017–2021 г. / Официальный сайт МВД России: статистика и аналитика // URL://<https://мвд.пф/dejatelnost/statistics>.
2. Афанасьева О. Р. Способ совершения преступления: уголовно-правовое значение и способы закрепления в статьях уголовного закона // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2018.
3. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М. : Норма, 2005.
4. Варыгин А. Н., Громов В. Г., Шляпникова О. В. Основы криминологии и профилактики преступлений: учебное пособие. М. : Юрайт, 2019.
5. Шувалова А. М. Насильственные преступления, совершаемые в отношении лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование, и их предупреждение (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис... канд. юрид. наук. Саратов, 2022.
6. Варыгин А. Н. Что делать с преступностью: предупреждать, бороться, воздействовать? // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности: сб. ст. по матер III Всерос. науч.-практ. конф. Саратов, 2018.

References

1. Based on the form of state statistical observation “Uniform Crime Report” (Form 1-G) for 2017–2021 / Official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia: statistics and analytics // URL://<https://мвд.пф/dejatelnost/statistics>.

2. Afanasyeva O. P. The way of committing a crime: criminal legal meaning and ways of enshrining in the articles of the criminal law // Actual issues of combating crime. 2018.
3. Criminology: textbook for universities / under the editorship of A. I. Dolgova. M. : Norma, 2005.
4. Varygin A. N., Gromov V. G., Shlyapnikova O. V. Fundamentals of criminology and crime prevention: a training manual.
5. Shuvalova A. M. Violent crimes committed against persons performing justice or preliminary investigation, and their prevention (criminal-legal and criminological aspects): Ph. Saratov, 2022.
6. Varygin A. N. What to do with crime: to prevent, to fight, to influence? // Saratov, 2018 (in Russian), The role of the criminal-legal impact and its role in crime prevention: collection of articles on the III All-Russian scientific and practical conference.

Информация об авторе

Ле Конг Тхонг — адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

Le Cong Thong — Adjunct of the Faculty of Training of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel of the Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 23.01.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 05.06.2023.

Современные проблемы предварительного следствия. История и вектор развития. Монография. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Представлен многоаспектный анализ вопросов организации работы следователя. Основное внимание уделено проблемам, которые, как правило, остаются "за кадром" исследований, среди них: философско-правовые основания работы следователя; защита от противодействия расследованию преступлений, которое возможно со стороны адвокатов-защитников; преодоление конфликтных ситуаций в следственной практике и др. Уделено внимание вопросам работы следователя с логическими диаграммами, а также возможности использования в уголовном судопроизводстве нетрадиционных методов криминалистических исследований.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-91-95>

НИОН: 2007-0083-2/23-262

MOSURED: 77/27-005-2023-02-462

Криминология профессора Г. А. Аванесова как источник научного развития теории и практики предупреждения преступности и обеспечения общественной безопасности

Семен Яковлевич Лебедев

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина, Москва, Россия, lebesem@yandex.ru

Аннотация. Дается краткая характеристика творческого научного наследия известного ученого-криминолога профессора Аванесова Геннадия Арташесовича, оцениваются его научные взгляды на преступность, ее закономерности, детерминацию, свойства и качества преступников, систему предупреждения преступлений и обеспечение общественной безопасности, создающие прочный научный фундамент развития современной и будущей теории и практики социально-правового контроля над преступностью, имеющие самостоятельное значение для укрепления научных основ национальной безопасности страны, стимулирующие криминологическое сообщество на поиски инновационных ресурсов борьбы с преступностью и обеспечение с их помощью надежной защиты личности, общества, государства от преступных посягательств.

Ключевые слова: криминологическое знание, криминологические исследования, предупреждение преступлений, обеспечение общественной безопасности

Для цитирования: Лебедев С. Я. Криминология профессора Г. А. Аванесова как источник научного развития теории и практики предупреждения преступности и обеспечения общественной безопасности // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 91-95. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-91-95>.

Original article

Criminology of professor G. A. Avanesov as a source of scientific development of the theory and practice of crime prevention and public safety

Semyon Ya. Lebedev

Russian State University named after A. N. Kosygin, Moscow, Russia, lebesem@yandex.ru

Abstract. A brief description of the creative scientific heritage of the famous criminologist Professor Gennady Artashesovich Avanesov is given, evaluates his scientific views on crime, its patterns, determination, properties and qualities of criminals, crime prevention system and public safety, creating a solid scientific foundation for the development of modern and future theory and practice of socio-legal control over crime, of independent importance for strengthening the scientific foundations of the national security of the country, stimulating the criminological community to search for innovative resources to combat crime and ensure with their help reliable protection of the individual, society, and the state from criminal encroachments.

Keywords: criminological knowledge, criminological research, crime prevention, public safety

For citation: Lebedev S. Ya. Criminology of professor G. A. Avanesov as a source of scientific development of the theory and practice of crime prevention and public safety. Criminological journal. 2023. (2):91-95. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-91-95>.

Как любая наука, отечественная криминология обязана своим существованием выдающимся ученым, силой своего разума создавшим и укрепившим ее теоретический фундамент, открывшим перед новыми поколениями специалистов безграничные перспективы творческого развития системного научного знания о

ретический фундамент, открывшим перед новыми поколениями специалистов безграничные перспективы творческого развития системного научного знания о

© Лебедев С. Я., 2023

преступности и ее предупреждении. В ряду многих, золотом вписанных в историю российской криминологической науки, имен достойнейшее место принадлежит заслуженному деятелю науки Российской Федерации, доктору юридических наук, профессору Геннадию Арташесовичу Аванесову.

Сегодня, спустя восемь лет с момента ухода Геннадия Арташесовича из жизни (13 декабря 2014 г.), еще острее ощущается истинное величие его таланта, глубина научных идей, размышлений, профессиональных новаций, нашедших отражение в огромном числе авторских книг, статей, выступлений. Вспоминая сегодня ученого-криминолога Г. А. Аванесова, связанные за долгие годы пребывания рядом с ним сюжеты дружеского и профессионального общения, от которого в живых сердцах близких ему друзей, коллег, единомышленников до сих пор воскресают чувства истинного человеческого наслаждения, пытаюсь вновь развивать в своем сознании незабываемый по своей интеллектуальной силе контакт с Геннадием Арташесовичем Аванесовым, смею призывать всех, кому небезынтересна криминология, постоянно обращаться к незабвенному научному наследию этого Ученого, обрзцы которого, слава Богу, всегда находятся рядом.

По вполне понятным, объективным, обстоятельствам, мы не можем знать, что в действительности повлияло в ранней молодости на формирование криминологического интереса Геннадия Арташесовича. Однако позволим себе предположить, что индивидуальная ориентация его на познание криминологии жизни во всех ее проявлениях стала, в определенной степени, результатом тяжелейших трудностей, конфликтов и переживаний по их поводу, с которыми пришлось столкнуться будущему ученому-юристу еще в детстве. Наверняка такие сюжеты, всегда выступающие для криминологической науки источниками соответствующего конфликтного и преступного поведения, не могли не вызвать в пытлимом сознании жадного до наук юноши желание самому разобраться в закономерностях такого поведения, его причинах, предпосылках социальной превенции. Всем этим составляющим предмет науки криминологии явлениям, отчасти, были посвящены ранние работы Г. А. Аванесова.

Уже в своей кандидатской диссертации, защищенной в середине 60-х годов прошлого века, посвященной проблемам совершенствования условий содержания осужденных в местах лишения свободы, как гарантии недопущения совершения ими в будущем новых преступлений, Геннадий Арташесович обосновал именно криминологические основы уголовных наказаний и их исполнения. Отстаиваемая им идея реализации прогрессивной на тот момент системы воздействия уголовным наказанием на личность осужденного, основанная на индивидуализации и дифференциации

применения к лицу, содержащемуся в местах лишения свободы, предусмотренных режимом мер исправления и перевоспитания, до сих пор не потеряла своей актуальности. И это несмотря на безусловное теоретическое признание таковой специалистами и закрепление ее основ в современном уголовно-исполнительном праве. Думается, что эти ранние, отстаиваемые Геннадием Арташесовичем криминологические идеи, вновь должны стать предметом активных научных изысканий, нацеленных на достижение главной криминологической цели — недопущения совершения преступлений, в том числе лицами, уже испытавшими на себе пресс уголовного наказания.

Это важно еще и потому, что многие из базовых на то время оснований для дифференциации и индивидуализации применения уголовных наказаний претерпели существенные изменения, как собственно и сама уголовно-исполнительная система. Однако вопросы соотношения режима содержания осужденных и индивидуальных особенностей личности каждого осужденного до сих пор лишены какой-либо новой научно обоснованной базы, а потому и соответствующей ей правовой регламентации. О реальном применении такой системы в деятельности современных уголовно-исполнительных учреждений говорить вообще не приходится. Развитие научно аргументированной Геннадием Арташесовичем еще 60 лет назад прогрессивной системы уголовных наказаний, несомненно, будет способствовать сокращению рецидивной преступности.

Как всякий человек, а тем более, ученый, Геннадий Арташесович Аванесов глубоко задумывался о будущем, о перспективах криминологической науки. Идеи будущего криминологии активно позиционировались и обосновывались молодым специалистом в большинстве своих научных работ. Именно они стали основой разработанной им теории и методологии криминологического прогнозирования, без которой представляется немислимым не только познание преступности, ее детерминации и системы предупреждения преступлений, но и развитие самой науки криминологии. Кстати, прогностический аспект, нашедший свое воплощение в защищенной Геннадием Арташесовичем в 1972 г. докторской диссертации, стал логическим продолжением предыдущих его научных изысканий, посвященных познанию будущего индивидуального преступного поведения. Отчасти эти исследования были связаны с уже упомянутым авторским изучением вначале научной карьеры индивидуального восприятия осужденными применяемых к ним мер уголовного наказания и прогнозированием на этой основе возможности и способности совершения ими новых преступлений.

Глубоко познав теорию и методологию социального предвидения, Геннадий Арташесович умело ре-

ализовал и развил ее в криминологической науке и практике предупреждения преступности. Несомненно, каждый из разделов теории криминологического прогнозирования, обоснованный его творческим гением, заслуживает не только пристального внимания современных специалистов, ученых и практиков, организующих деятельность по предупреждению преступности, но и дальнейшего активного научного осмысления этого высокоперспективного направления криминологических исследований. В криминологической науке и сегодня имя профессора Аванесова Геннадия Арташесовича чаще всего ассоциируется именно с криминологическим прогнозированием. Собственно, он по праву признан родоначальником этой криминологической теории.

В связи с этим, нельзя не высказать сожаления по поводу необоснованно скудного применения в сегодняшней антикриминогенной правоохранительной практике разработанного профессором Г. А. Аванесовым прогностического метода познания будущей преступности. Нынешние криминологические прогнозы, на полноту подготовки которых некогда ориентировал научных сотрудников и практиков Геннадий Арташесович, подчас ограничиваются исключительно расчетом динамического статистического тренда показателей будущей преступности, отчасти сопровождаемого экспертными оценками некоторых обстоятельств, способных повлиять на его (тренда) изменения в ту или иную сторону. Кстати (а правильное было бы сказать, — не кстати), при этом за основу прогнозирования берутся, как правило, методические рекомендации по разработке прогнозов преступности, подготовленные много лет спустя без учета их фундаментальности, теоретической и методологической обоснованности, всесторонней методической обеспеченности и многоплановости, всегда предлагаемых и отстаиваемых Геннадием Арташесовичем в качестве необходимых. Потому «Теория и методология криминологического прогнозирования» профессора Г. А. Аванесова должна быть настольной книгой не только всякого криминолога, но любого аналитика, изучающего преступность для разработки и совершенствования соответствующей ее показателям системы социально-правовой превенции.

Вместе с тем, нельзя не обратить профессионального внимания на то, что большинство подготавливаемых сегодня криминологических прогнозов оказываются значимыми, как бы, сами для себя. Они не становятся обязательной основой соответствующего криминологического планирования, на взаимосвязь какового с криминологическим прогнозированием всегда обращал внимание профессор Г. А. Аванесов. Да и планирование предупреждения преступности тоже явно далеко от совершенства. Даже поверхностное знакомство с сегодняшней практикой подготовки

планов предупреждения преступности, в частности, в органах внутренних дел, дает нам примеры весьма примитивных по своему содержанию документов, вряд ли способных объективно сориентировать правоохранительную систему на достижение положительных перспективных результатов деятельности по охране общественного порядка и общественной безопасности. А ведь и в этом вопросе научные труды профессора Г. А. Аванесова открывают довольно прочные и надежные перспективы совершенствования правоохранительной деятельности.

Инновационно эти идеи могут активно развиваться с привлечением стремительно модернизирующихся сегодня IT-технологий, позволяющих существенно переформатировать созданную профессором Г. А. Аванесовым материю криминологического прогнозирования и планирования предупреждения преступности, адаптировать ее к современным стандартам информационного обеспечения правоохранительной деятельности. Более того, такая новая технологически перестроенная система криминологического обеспечения правоохранительной деятельности способна кардинально изменить нынешнюю практику управления в органах внутренних дел.

Кстати, и в научном осмыслении проблемы криминологического обеспечения управления в органах внутренних дел первенство тоже принадлежит профессору Аванесову Геннадии Арташесовичу. Именно он научно обосновал эту идею, вполне логично связав воедино криминологию, прогностику и управление. Одноименная книга вышла в свет из-под его пера в 1975 г. в г. Горьком (ныне Нижний Новгород) и уже тогда, равно как и в случае с «Теорией и методологией криминологического прогнозирования», после издания которой прошло всего три года, произвела фурор в научном и практическом сообществе. Она дала новый импульс развитию отечественной и мировой правоохранительной практики, нацеленной, прежде всего, на сокращение преступности и обеспечение общественной безопасности. Гениальность его и в этом случае продемонстрировала себя новым ярким светом.

Безусловно, этот свет не могли не заметить зарубежные специалисты и связанные с ними творческие организации в нашей стране. Еще в 80-х г. прошлого столетия они инициировали перевод фундаментальных трудов профессора Г. А. Аванесова на многие иностранные языки. В результате мировая юридическая общественность смогла не только познакомиться с его гениальными творениями, но и принять их на свое правоохранительное вооружение. Позже идеи криминологического обеспечения управления в правоохранительной деятельности профессора Г. А. Аванесова подхватывали некоторые его ученики, защищавшие свои кандидатские и даже докторские диссертации.

Однако, к сожалению, в истории с активным раз-

витием системы криминологического обеспечения управления в органах внутренних дел профессора Аванесова Геннадия Арташесовича, так же, как и с криминологическим прогнозированием, сегодня намечилось явное научное и практическое затишье. Поэтому долгом каждого специалиста, знающего и принимающего идеи и научные разработки Геннадия Арташесовича, является активная их пропаганда в научных и практических кругах, поскольку за воплощением их в нашу правоохранительную работу большое будущее.

Можно с уверенностью утверждать, что если бы наши высокие полицейские руководители взяли сегодня за основу предложенную некогда профессором Г. А. Аванесовым систему управления в сфере охраны общественного порядка и общественной безопасности, основанную на криминологическом подходе к формированию его (управления) информационной базы, то адекватность, оптимальность, а вместе с ними, разумеется, и эффективность подобного управления были бы куда более результативными.

Разумеется, к этому должны приложить свои творческие способности и нынешние научные работники, особенно молодые криминологи. Переосмысливая и развивая криминологические идеи профессора Аванесова Геннадия Арташесовича, питая свой разум его научным наследием, мы можем добиться несомненно большего результата в деле предупреждения преступности и обеспечения общественной безопасности. Во всяком случае, в полицейской практике такая перспектива представляется вполне обоснованной. К стати, это перспективно и во всех иных сферах антикриминогенного, по своей сути, социального управления.

И здесь мы, к счастью, снова имеем дело с величайшим криминологическим багажом профессора Аванесова Геннадия Арташесовича. Ведь именно его «Криминология и социальная профилактика» (1980 г.) дает обильную интеллектуальную пищу для расширения границ гуманитарного знания о социально-правовой превенции, ее системном оформлении с помощью, опять-таки, криминологии. Оценивая это очередное талантливое произведение Геннадия Арташесовича, невольно задумываешься о гениальном качестве ученого перевоплощать в криминологию все самое животрепещущее и актуальное, что создавалось и развивалось в недрах других социальных наук. Наверняка, кто-нибудь из современных «критиков от науки» постарался бы формально усмотреть в таком научном подходе некое заимствование. Таковых, к сожалению, было предостаточно и при жизни великого мастера. Неспособность изобрести что-либо свое, они, часто, как водится в таких случаях, исподтишка, компенсировали собственную интеллектуальную ущербность обвинениями профессора Г. А. Аванесова в использовании им идей из других источников. Ну, да Бог

им судья.

Немногие понимали, понимают, а тем паче, способны принять позицию, заключающуюся в том, что наука, тем более направленная на поступательное совершенствование человеческого общества, улучшение качества жизни каждого человека и общества в целом, обеспечение их (личности, общества, государства) безопасности, в самом широком его смысле, только тогда и способна достичь своей цели, когда она выходит за территорию своих интеллектуальных границ, питается достижениями других наук. Об этом часто писал сам Геннадий Арташесович, отстаивая и развивая идею междисциплинарного характера криминологической науки, ее всепроникающей и всепоглощающей, одновременно, миссии, в том числе в многочисленных изданиях его учебника «Криминология».

Как и в любой другой творческой жизни, в профессиональной судьбе профессора Аванесова Геннадия Арташесовича был период отхода от прежней чрезмерно насыщенной, как сказали бы сейчас, «публикационной активности». Это не означало, однако, вообще отхода от научного творчества, поскольку интеллектуальная его активность перекинулась в то время на учеников, количеством и качеством которых тоже может похвастать не всякий ученый. Как известно, под руководством профессора Г. А. Аванесова подготовили свои докторские диссертации более 10, а кандидатские — свыше 150 соискателей. И это тоже великое научное наследие профессора Аванесова Геннадия Арташесовича, в котором проявился его талант ученого, что вместе с этим талантом тоже должно быть оценено по достоинству.

Многим, знавшим Геннадия Арташесовича и его научное творчество специалистам, хорошо известно, что в последние годы профессор Г. А. Аванесов вновь вернулся к активному научному писательскому делу, доказывая всем и, главное, наверное, прежде всего, самому себе то, что «есть еще порох в пороховницах» и разум ученого способен воспроизводить идеи, заслуживающие профессионального внимания и интереса. С таким интересом мы действительно вдумчиво вчитываемся в его не менее значимые, чем в прошлые года, по силе своей научной криминологической убежденности и аргументированности мысли: о криминогенных и антикриминогенных словесных свойствах и качествах российского общества («Преступность и социальные сословия: криминологические рассуждения», 2010 г., «Социальные образования и преступность: криминологические рассуждения и заметки», 2011 г.); о мотивационной стороне преступности и преступного поведения («10 глав о мотивации и мотивах через призму науки криминологии», 2012 г., «Мотивационная криминология и базовые мотивы преступного поведения», 2013 г., «Общество, личность, мотивация», 2015 г.); о значе-

нии криминологической науки для жизни людей и общества («Популярная криминология. Очерки общей части», 2014 г.).

Во всех этих книгах профессор Аванесов Геннадий Арташесович демонстрирует не просто высоко-профессиональное владение теорией, методологией и практикой системно характеризующегося и системно развивающегося научного знания о закономерностях преступности, преступного поведения и предупреждении преступлений, но и талант убеждения читателя в востребованности этого знания для любого (и, прежде всего, российского) общества и государства, для каждого человека. При этом легкость, простота и популярность повествования о специальной научной криминологической материи, каковыми всегда отличались труды Геннадия Арташесовича Аванесова, способны овладевать сознанием многих людей, даже весьма далеких от криминологии. Этим профессор Г. А. Аванесов существенно расширяет границы криминологического знания, помогает ему исполнить функцию научного криминологического просвещения, без которого ни общество, ни государство, ни, опять-та-

ки, обычные люди не достигнут понимания всего, что связано с преступностью и с ее предупреждением, а потому вряд ли будут способны стать оплотом той самой социальной профилактики, теоретические основы которой были созданы гением его научной мысли.

Всему этому мы продолжаем учиться у профессора Г. А. Аванесова. Его приверженность криминологической науке, талант ученого, помогающий легко постигать самому и раскрывать всем ее тайны, сила его интеллекта и умение убеждать по праву снискали ему научный авторитет высочайшей пробы. Несомненно, его творения на долгие годы сохраняют живым образ великого ученого-криминолога Геннадия Арташесовича Аванесова, а созданное им научное знание по праву может и должно носить его имя — «Криминология профессора Г. А. Аванесова».

Чем больше мы будем питаться из живительного источника этого знания, чем больше будем привносить в него частицы своего интеллекта, уважения и благодарности Учителю, тем крепче будет наше научное криминологическое братство, без которого каждый из нас рискует быть предан забвению.

Информация об авторе

С. Я. Лебедев — заведующий кафедрой уголовного права и адвокатуры Российского государственного университета имени А. Н. Косыгина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

S. Ya. Lebedev — Head of the Department of Criminal Law and Advocacy of the Russian State University named after A. N. Kosygin, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 20.01.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-96-104>

НИОН: 2007-0083-2/23-263

MOSURED: 77/27-005-2023-02-463

Московский уголовный розыск: организационно-правовые основы становления и развития до начала 20-х г. XX в.

Елена Владимировна Мельник¹, Алексей Алексеевич Трухачев²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ melnikev@mail.ru

² alexytruhachev@mail.ru

Аннотация. Освещено становление и развитие Московского уголовного розыска. Авторами была поставлена задача на основе изучения архивных материалов, показать сложный процесс поиска путей борьбы с преступностью в условиях гражданской войны и утверждающейся идеологии государства. Авторы делают попытку более объективно взглянуть на события рассматриваемого периода и приходят к выводу о возникшей острой необходимости проведения реформы уголовно-розыскных учреждений в условиях нарастающих угроз для советского государства

Статья рекомендована специалистам в области уголовного права и всем, кто интересуется историей правоохранительных органов.

Ключевые слова: сыск, А. М. Трепалов, МУУР, ВЧК, борьба с преступностью, ОУР, НКВД РСФСР, негласные сотрудники, осведомители, агент уголовного розыска, регистрация преступников, уголовно-розыскные учреждения, школы милиции, секретные части

Для цитирования: Мельник Е. В., Трухачев А. А. Московский уголовный розыск: организационно-правовые основы становления и развития до начала 20-х г. XX в. // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 96-104. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-96-104>.

Original article

Moscow Criminal Investigation Department: organizational and legal foundations of formation and development until the early 20s of the XX century

Elena V. Melnik¹, Alexey A. Trukhachev²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ melnikev@mail.ru

² alexytruhachev@mail.ru

Abstract. The formation and development of the Moscow Criminal Investigation Department is highlighted. The authors set a task based on the study of archival materials to show the complex process of finding ways to combat crime in the conditions of civil war and the ideology of the state being established. The authors attempt to take a more objective look at the events of the period under review and come to the conclusion that there is an urgent need to reform criminal investigation institutions in the face of increasing threats to the Soviet state.

The article is recommended to specialists in the field of criminal law and anyone interested in the history of law enforcement agencies.

Keywords: detective, A. M. Trepalov, Moscow Department of Criminal Investigation, CHEKA, crime fighting, ESD, NKVD of the RSFSR, secret officers, informants, criminal investigation agent, registration of criminals, criminal investigation institutions, police schools, secret units

For citation: Melnik E. V., Trukhachev A. A. Moscow Criminal Investigation Department: organizational and legal foundations of formation and development until the early 20s of the XX century. Criminological journal. 2023. (2):96-104. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-96-104>.

© Мельник Е. В., Трухачев А. А., 2023

Обращение к историческому опыту уголовного розыска продиктовано несколькими соображениями. Во-первых, тем, что в настоящее время по данной проблематике научных исследований явно недостаточно, во-вторых, реалии сегодняшнего дня, связанные с проведением СВО и существенными переменами в мире, заставляют общество по-новому взглянуть на события минувших лет. К этому стоит добавить и то, что многие проблемы, берущие начало с момента становления уголовно-розыскных учреждений, актуальны до сих пор, и поэтому важно проанализировать способы их решения.

Несмотря на то, что Московский уголовный сыск был создан еще в дореволюционной России, особый интерес вызывает период становления Московского уголовного розыска, и соответственно преемственность этих учреждений.

Первая мировая война и революционные события 1917 г. повлекли за собой существенные изменения в обществе и государстве. Отрешение от власти императора и создание Временного правительства имели следствием практически полное уничтожение существовавшей тогда правоохранительной системы. Представители новой временной власти приняли решение «заменить профессиональную полицию на народную милицию с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления» [2]. Были созданы «революционные дружины», «комиссии охраны порядка», «общественная охрана», «рабочая красная гвардия» и т. д., в их задачи входила охрана общественного порядка и борьба с преступностью постоянной службы они не несли, а мобилизовались в случае необходимости для учений, смотров, демонстраций, за что и получали суточные деньги. Однако, люди туда попадали совершенно не подготовленные, а зачастую и с сомнительным прошлым.

Разрушение существовавшей ранее правоохранительной системы, не привело к ликвидации сыска полицией. И это объясняется тем, что перед отрядами рабочей, пролетарской, фабричной и пр. милиции ставились иные, значительно более широкие задачи политического, управленческого, военного характера, а вот сыска полиция сохранялась как основной орган борьбы с преступностью. Московское сысканое подразделение было передано в ведение Министерства юстиции и его пример послужил основанием для повсеместного восстановления сысканых отделений. Позднее сысканые отделения были преобразованы в судебно-розыскную и уголовно-розыскную милицию [11, с. 85], а их кадровый состав сохранился, продолжая текущую работу по преследованию преступлений. В качестве примера можно привести тот факт, что начальник московского сысканого отделения К. П. Маршалк добровольно предложил свои услуги новой власти и тем самым сохранил и свое отделение,

и его кадровый состав. Так как новая власть не сильно доверяла старым сотрудникам, она приставила к Маршалку специального комиссара. Отделение переименовали в управление уголовного сыска и передали в ведение Министерства юстиции. Использование старорежимных сотрудников продолжалось вплоть до середины 20-х г., что, безусловно, свидетельствует о восприятии опыта дореволюционных сыщиков.

Потребность в создании штатного профессионального государственного органа охраны общественного порядка и борьбы с преступностью повсеместно осознавалась настолько остро из-за невероятного роста уровня преступности, что стала предметом обсуждения на Первом съезде председателей губернских советов и заведующих губернскими отделами управления в июле 1918 г.

Состояние преступности этого периода характеризуют данные сравнительной ведомости о деятельности Московского уголовного сыска (розыска) за 1916, 1917, 1918 г. Всего было совершено преступлений за 1916 г. — 3870; 1917 г. — 20628; 1918 г. — 6204 (в этой цифре не сведений за август 1918 г.) [13]. По всем видам преступлений 1917 г. лидирует.

В решении Первого съезда говорилось, что «признавая невозможным всеобщее вооружение всего населения в настоящий момент крайнего обострения классовой борьбы как в городе, так и в деревне и ощущение общей нужды на местах в постоянном аппарате для поддержания революционного порядка, охраны Советской власти и отстояния дорогих завоеваний революции, съезд признает необходимым организацию Советской рабоче-крестьянской милиции. ...» [4, с. 11–12]. В августе 1918 г. было создано Управление РКМ НКВД РСФСР, в октябре преобразованное в Главное управление. Со времени создания штатной государственной профессиональной милиции одним из основных принципов ее строительства стал принцип двойного подчинения: местным органам власти по горизонтали, и вышестоящим органам милиции по вертикали.

Усилиями НКВД и НКЮ РСФСР 12 октября 1918 г. была разработана инструкция «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции» [32]. За неделю до утверждения Инструкции, 5 октября 1918 г., коллегия НКВД РСФСР приняла решение о создании аппаратов уголовного розыска [16]. Спустя несколько дней 9 октября при ГУ РКМ на правах отдела постановлением коллегии НКВД было создано центральное управление уголовного розыска (ЦУУР) [18].

Сложная криминогенная обстановка способствовала установлению новой формы регистрации преступников, которую предложил ЦУУР в октябре 1918 г. — «для устранения такого положения необходимо ... 1) при уголовно-розыскных бюро ввести регистрацию преступников при помощи фотографии и дактилоско-

пии; 2) регистрации могут быть подвергнуты все лица, которые один раз отбывали тюремное заключение за уголовное преступление; 3) в целях установления звания регистрации подвергаются также те задержанные, кои не могут представить достаточных доказательств о своей личности; 4) для производства экспертизы по уголовным делам дактилоскопической съемке могут [быть] подвергнуты все лица, заподозренные в совершении преступления, вне зависимости от того, судились ли они раньше или нет, но если виновность их на суде не будет доказана, то их снимки и оттиски в общую регистрацию не поступают; 5) регистрационный материал имеет секретный служебный характер и за отказ подвергнуться зарегистрированию виновные подлежат ответственности по 29 ст. Устава о наказаниях и могут быть зарегистрированы при помощи силы, о чем составляется особый акт и направляется в местный суд; 6) в случае утверждения в срочном порядке упомянутое положение будет включено в разрабатываемую ныне общую инструкцию учреждениям, ведающим уголовным розыском» [20].

Однако, сведения о деятельности Московской уголовно-розыскной милиции за 1918 г. показывают, что всего за год от населения поступило 11335 заявлений, из которых 3584 уголовных дел было раскрыто. Таким образом, процент раскрытия преступлений составил 32 % [29]. Это невысокий, но очень неплохой показатель для текущего момента. Для сравнения можно привести данные деятельности Московской сыскальной полиции. За 1910 г. у нее была раскрываемость — 45 %; 1911 г. — 38 %; 1912 г. — 40 %; 1913 г. — 42 %; 1914 г. — 41 %; 1916 г. — 34 % [30].

Повсеместно с декабря 1918 г. на местах в уездных городах учреждались уголовно-розыскные или уголовно-следственные столы по уголовным преступлениям, которые ежемесячно должны были отчитываться перед Центроуказом о своей деятельности [35].

Потребность в существовании специальных профессиональных штатных органов охраны общественного порядка и борьбы с преступностью в этот момент была столь велика, что по мере оформления правовых основ их строительства были образованы железнодорожная, речная, промышленная, следственно-розыскная милиция.

При определении критериев исчисления штатов уголовного розыска в основу положили не социально-классовые характеристики обслуживаемого населения, а уровень преступности в том или ином регионе. Было установлено, что нагрузка на сотрудника должна составлять 10 преступлений в месяц [36]. Легко понять, что только в результате введения такого критерия терялся смысл укрывать преступления.

Одним из наиболее важных вопросов этого непростого времени являлся вопрос об образовании и профессионализме работников милиции и уголовного

розыска, который поднимался уже в декабре 1918 г. на съезде заведующих губернских и областных управлений рабоче-крестьянской милиции [18]. «Широкий кругозор, предприимчивость, инициатива и знакомство со всеми отраслями хозяйственной и административной жизни страны должны быть привилегией сотрудников уголовного розыска. Настало время поставить дело сыска на научную высоту...» [38].

Первые милицейские курсы и школы начали функционировать со второй половины 1918 г. Выпускники осваивали программу, включавшую в себя основы советской конституции, текущее законодательство и практику по составлению различных документов. Завершалось обучение сдачей экзаменов. В январе 1919 г. в Москве были открыты курсы ВЦИК при НКВД, на которых в течение 6 недель обучали руководящее звено НКВД и милиции, и в этом же году было открыто отделение уголовного розыска, которое выпустило 982 курсанта [38]. Однако материальное положение, как работников уголовного розыска, так и обучаемых было крайне тяжелым. Вот одно из обращений курсанта к руководству учебного заведения: «Вижу того, что у меня совершенно износилась обувь, так, что я в скором времени лишен буду возможности посещать лекции, а обувь при откомандировании меня в Москву губернской милицией выдана не была, прошу товарища Заведующего распоряжения о выдаче мне таковой, так как приобрести обувь по рыночным ценам я не имею средств» [10]. И таких обращений имелось достаточно много. Условия жизни сотрудников уголовного розыска также оставляли желать лучшего. Так, некая товарищ ШУР, служа в уголовном розыске ЦАУ НКВД 7 месяцев, не имея никакой квартиры, вынуждена была ночевать в камере арестного помещения отдела уголовного розыска [14].

Для популяризации профессии в 1919 г. было положено начало музейному делу, где все желающие могли ознакомиться с экспонатами, касающимися громких преступлений и деятельностью сотрудников Угрозыска. НКВД просил оставить за ним дом № 14 по Пименовскому переулку, который решено было отдать под центральный музей уголовного розыска, кабинет уголовно-розыскной экспертизы и дактилоскопический институт [1].

22 января 1919 г. на совещании в Моссовете были приняты важные решения относительно усиления борьбы с преступностью. Штат московской милиции и уголовного розыска был существенно увеличен и улучшено его снабжение. Для укрепления кадрового состава в МУУР было переведено несколько сотрудников ВЧК. Московский розыск возглавил бывший сотрудник ВЧК А. М. Трепалов. Новый начальник, приступив к своим обязанностям, начал работу с изучения деятельности Московского уголовного сыска (МУС). Разгул преступности в стране требовал от работников

уголовного розыска знаний, опыта и мобильности. А этого как раз не было. Единственное откуда можно было почерпнуть знания и опыт — это из «проклятого прошлого», где было немало высокопрофессиональных специалистов сыскного дела. В условиях непримиримой классово-политической борьбы обращение к опыту прошлого требовало невероятного мужества, и новый начальник его проявил. Перед Трепаловым стояла непростая задача формирования оперативно-розыскной структуры МУРа. Под его руководством была налажена работа с негласным аппаратом, которая позволила создать информационные каналы. Для оперативности уголовного розыска были созданы: боевая дружина, особая группа по борьбе с бандитизмом и летучий отряд по борьбе с карманными кражами.

Имея навыки оперативной работы, Александр Максимович смог за короткий промежуток времени избавить Москву от бандитских шайк и впервые применил оперативный метод внедрения в преступную группу. По его инициативе в структуре МУУРа было создано специальное подразделение по борьбе с бандитизмом. В результате бандитские шайки перекочевали из столицы в регионы, где, как считалось, правоохранительные органы были слабыми.

Сложность обстановки, связанная и с Гражданской войной и разгулом бандитизма, заставляли советское руководство продолжить поиск пути решения этих проблем. В виде опыта в 1920 г. было решено создать единый орган по борьбе с преступностью за счет слияния уголовного розыска и следствия, но пока только в Москве и Петрограде. Исполкомам этих городов было поручено сформировать путем назначения ответственных руководителей с широкими полномочиями и проанализировать их опыт работы [26]. Была учреждена должность заведующего, при нем коллегия, включавшая в себя представителей от управления, милиции, уголовного розыска, отдела принудительных работ, совета народных судей, рабоче-крестьянской инспекции и ЧК. В апреле 1920 г. принято Положение о следственно-розыскной милиции, которое подробно регламентировало деятельность органов борьбы с преступностью уже на территории всей страны [17].

Однако, ухудшение ситуации на фронте способствовало усугублению криминогенного фактора, ответом на который стал приказ от 1 июня 1920 г. «О мерах по усилению борьбы с бандитизмом и дезертирством», который предписывал «для целесообразной и действительной борьбы с дезертирством, кроме общих мер, принимаемых угрозысками, как-то: облавы, обходы, проверка документов и пр. — следует воспользоваться тайной агентурой, для чего необходимо иметь негласных осведомителей из среды дезертиров» [21]. Центроура были приняты меры для усиления борьбы с преступностью, в особенности в прифронтной полосе. Одной из таких мер стала «мобилизация

91 опытных и партийных работников по уголовному розыску для отправки их в формируемые летучие отряды прифронтной полосы для борьбы с уголовной преступностью» [27].

Возможно, в разгар этой борьбы некоторые сотрудники уголовного превышали свои полномочия, что привело к тому, что: «в Центроура стали часто поступать сведения о незаконных действиях и произволе, чинимых на местах некоторыми сотрудниками уголовного розыска...» [22]. Населению впрямь ставилось в обязанность обо всех таких случаях незамедлительно сообщать в центр для принятия мер.

С переходом в 1921 г. к новой экономической политике (НЭП) работы у уголовного розыска не убавилось, поменялся акцент — с бандитских шайк на преступления экономического характера: самогонварение, организация и содержание притонов, фальшивомонетничество, мошенничество и др. Совместно с работниками уголовного розыска этими вопросами стали заниматься сотрудники ОГПУ. Когда советское государство в рамках НЭПа разрешило частную торговлю и предпринимательскую деятельность, то «родились» бесчисленные количества мошеннических схем обогащения отдельных лиц. Слабость существовавшей советской финансовой системы порождала для общества соблазн подделки государственных казначейских билетов. Из рапорта начальнику Центроура от 21 августа 1922 г. следует, что количество преступников растет и пополняется преступный элемент из самых разных слоев населения. Отмечается, что еще недавно честные и мирные труженики, далекие от преступности в настоящее время выброшенные за борт и оставшиеся без куска хлеба, волей-неволей принуждены стать на путь преступлений. «В настоящее время, когда каждый день родит новые кадры преступников и таковые формируются не из профессионалов, а из лиц, попадающих на путь преступления в силу сложившихся неблагоприятных условий контингент преступников поддается регистрации не сразу, а лишь после повторных или многократных случаев...» [28].

Кроме того, в период НЭПа значительно увеличилось число преступлений, связанных с наркоманией и проституцией.

Особо следует отметить голод 1921 г., достигший наибольшей остроты в первой четверти 1922 г., когда именно имущественная преступность поднялась до максимума [9, с. 224]. Максимум на убийства выпадает на первую и вторую четверти 1922 г.

Обращая внимание на статистические данные, заметна загруженность сотрудников уголовного розыска, так цифра зарегистрированных за 1921 г. преступлений выросла до 41127. Так же можно заметить, что преобладающим видом преступлений в первую половину 1921 г. являлись кражи — 57603 преступлений, из них большая часть (около 80 %) на сумму свыше

1 млн руб., около 15 % с взломом, затем грабежи — 3201, убийства — 3071, все остальные — 30844. Цифровые данные о количестве заявленных и раскрытых преступлений доходят до 70 %. Губернии с низким % раскрытий уголовных дел стали подвергаться более энергичным и частым ревизиям и инструктированию из центра [6, с. 32].

В погоне за наибольшей экономией расходов местные исполкомы, еще недавно доказывавшие необходимость увеличения штатов, начали самовольно и бессистемно сокращать таковые, не считаясь ни с ростом преступности, ни с местными условиями работы.

По окончательной ликвидации военных фронтов и их длительном переходе к мирному строительству в качестве ударной задачи было выдвинуто усиление борьбы с развившейся в условиях военного периода и хозяйственной разрухи уголовной преступностью. В этих целях в апреле 1922 г. уголовный розыск был изъят из подчинения и оперативного руководства наружной милиции, и выделен в центре в самостоятельное Управление уголовного розыска республики, подчиненное непосредственно НКВД и на местах в губернские и уездные Управления уголовного розыска, подчиненные губернским и уездным отделам управления. Такая реорганизация полностью оправдала возлагавшиеся на нее надежды, так как в результате организационного оформления принципа самостоятельности уголовного розыска было в ближайшее время достигнуто единство построения органов борьбы с уголовной преступностью, обеспечено укомплектование аппарата подготовленным личным составом и внедрением единообразных научных методов заложен прочный фундамент, на котором строится работа уголовного розыска [31]. В одном из докладов 1923 г. было отмечено, что «опыт слияния милиции с Уголовным розыском, где таковой имеет место, ... дал отрицательные результаты...» [33].

Что касается взаимоотношений уголовного розыска с другими органами, то тут следует сказать, что к этому времени изменилась его компетенция: с упразднением ВЧК функции угрозыска сузились вследствие упразднения железнодорожного и водного розыска, все дела которого перешли к транспортному отделу ГПУ. Однако между ними все равно были сложные взаимоотношения из-за отсутствия твердого разграничения функций [7, с. 23–26]. Милиция и уголовный розыск являются органами, которым «народные следователи, производя следствие, могут поручать исполнение лишь отдельных действий, направленных к раскрытию преступлений, облекая свои поручения в письменную форму» [37].

Касательно взаимоотношений уголовного розыска и милиции, они представляли единую силу борьбы с преступностью. Управление милиции имело две основные части: наружную и уголовно-розыскную. Поэ-

тому отделение уголовного розыска при своих взаимоотношениях к наружной охране координировало свои действия. Несмотря на ряд реорганизаций аппарата уголовного розыска, функции уголовно-розыскных учреждений постоянно уточнялись, и характеризовались неопределенностью взаимоотношений с органами НКЮ и ВЧК.

Немаловажную роль в раскрытии преступлений занимала работа осведомителей и разведки, которые предоставляли информацию, полученную изнутри преступного мира. Секретная часть входила в состав активной части и составляющая с ней одну структурную единицу [34, с. 11]. В штате МУУРа был сформирован целый аппарат негласных сотрудников. Работа осведомителей имела подотчетный характер, они учитывались в оперативных документах, на основании которых существовала смета расходов на их содержание.

В переходный к НЭПу период страна находилась в тяжелой экономической ситуации, и испытывала проблемы с выплатой зарплат работникам уголовного розыска и их материальным обеспечением. С переходом уголовно-розыскных учреждений на местные средства исполкомы повсеместно, в погоне за наибольшей экономией средств сильно урезают расходы на содержание личного состава. С мест постоянно поступают жалобы на плохое обеспечение сотрудников Угрозыска. Несмотря на особо тяжелые условия работы, которые могут быть сравнимы лишь с условиями боевой обстановки, содержание сотрудников Угрозыска обычно ниже содержания, получаемого в других ведомствах. Низкая зарплата не только не позволяла подобрать квалифицированный состав работников, но и наоборот способствовала уходу квалифицированных кадров в другие учреждения [15, с. 205].

В качестве стимулирования работы сотрудников Московского уголовного розыска, в 1922 г. СНК РСФСР издал два Постановления о премировании сотрудников за раскрытие краж путем процентного отчисления с разысканного имущества (10 % с имущества госучреждений и кооперативных предприятий и 15 % с имущества частных лиц) [3, с. 563].

МУУР стремился к развитию своего внутреннего аппарата. Был издан целый ряд руководящих приказов, разъясняющий местам их обязанности, устраняющий произвол, регулирующий формальные и практические стороны розыскной работы. Так в обращении к начальнику УР тов. Визнер от 5 августа 1922 г. давалось пояснение: «в штате количество сотрудников активного отдела 208, исходя из тех соображений, что этот отдел имеет территорией своей деятельности гор. Москву, разбитую на 9 инспекторских районов, во главе каждого из которых стоит инспектор... На секретное отделение возлагаются задания по раскрытию преступлений, совершенных разного рода аферистами, шантажистами и пр., а также наблюдение за

деятельностью сотрудников МУУР. Что же касается общего отдела, подробно разбитого в представленном штате по роду выполняемой работы на отдельные части, то количество сотрудников для этого отдела показано минимальное и лишь такое, какое требуется для правильного и безболезненного выполнения активным отделом возлагаемых на него заданий» [12].

Устанавливалась обязательная периодическая отчетность. Появилось требование обо всех крупных происшествиях уголовного характера в районе деятельности отделения как то: о грабежах, убийствах, террористических актах, поджогах, немедленно сообщать по совершении таковых и доносить в Центро розыск [23].

Осваивались и применялись в центре и на местах новые технологические способы борьбы с преступностью, а именно: формирование карт фотографий, дактилоскопии, освоение химии; организовывалась правильная регистрация преступников и розыск их по спискам.

Справившись с основной задачей по очищению столицы от преступных группировок, работники уголовного розыска смогли заняться повышением своего образовательного уровня. Поскольку преступный мир не стоит на месте, а постоянно прогрессирует, то и борьба с ним не должна уступать по степени развития. Намечается открытие курсов и школ, происходит своего рода ликбез сотрудников МУУРа. В начале 1921 г., милиция уже в середине года создает сеть губернских школ, а к концу года имеет эти школы почти во всех губерниях. Этим школам ставится задача специальной и строевой подготовки низшего состава милиции и эту задачу местные органы, несмотря на крайне тяжелое материальное состояние милиции, выполняют удовлетворительно. С учреждением школ высшего состава милиции, закладывается прочный фундамент подготовки профессиональных милицейских работников. Применительно к уголовному розыску, заметим тенденцию повышения количества набора учащихся в подразделения ОУР. Так губернские (областные) школы милиции готовят агентов уголовного розыска 2-го разряда и других работников низших квалификаций. В каждой губернской (областной) школе выделяется 25 % вакансий для работников уголовного розыска. Открыты курсы высшего состава, которые готовили агентов уголовного розыска 1-го разряда, субинспекторов и дактилоскопистов. На курсах высшего состава выделяется 20 % мест, направляются только по нарядам в Управления уголовного розыска Республики.

В приказе ГУ РКМ РСФСР «О принятии на службу в милицию и уголовный розыск лиц, служивших ранее в полиции и жандармерии» указан порядок, согласно которому тем, кто ранее служил в полиции и жандармерии необходимо было предоставлять справки, удостоверяющие «восстановление их в правах гражданства» [24]. Из этого следует упрощение

процедуры расширения штата уголовного розыска, однако в Московском уголовном розыске дела обстояли иначе. Так приказом по Московскому управлению было установлено, что поступающие в МУУР на службу по активному розыску, зачислялись временно на срок, определяемый начальником в каждом отдельном случае, с предварительным испытанием, честного сознательного отношения к возлагаемым служебным обязанностям [25, с. 19].

И все же работа Московского уголовного розыска на тот первоначальный период своего существования имела невысокую оценку. Процент раскрываемости колебался тогда между 50–52 %. [8, с. 77]. Это, конечно, было более результативно, чем в первые годы существования советской власти, но недостаточно для нормализации криминогенной обстановки. К причинам, повлиявшим на такую работоспособность, были отнесены: слабое денежное снабжение из местных бюджетов, незначительное количество транспортных средств, отсутствие контроля за качеством снаряжений и оружия, маленький штат сотрудников МУУРа, текучесть кадров личного состава аппарата уголовного розыска, отсутствие надлежащей профессиональной подготовки у сотрудников, плохая постановка конспирации и отсутствие связи между уголовно-розыскными учреждениями губерний и республик.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что в период становления уголовно-розыскных учреждений советская власть еще не выработала четкого представления о структуре и организационном построении данных органов. Путем проб и ошибок осуществлялся поиск наиболее оптимальных решений. Из доклада начальника уголовного розыска в 1928 г. следует, что «остатки приемов царского сыска по преемственности перешли во времена керенщины оставили следы этих приемов в милиции советской республики до 1921 г. Начало планомерной организации уголовно-розыскных учреждений и упорядочения его деятельности относится к апрелю 1922 г.» [19]. И с этим нельзя не согласиться.

Список источников

1. В военную секцию центрального земельного отдела 1919 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 6. Д. 11 (4) Л. 542.
2. Декларация Временного правительства о его составе и задачах от 3 марта 1917 г. // URL:// <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5201/>
3. Декрет СНК РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений РСФСР за 1922. № 45. Ст. 563.
4. Доклад товарища Петровского на съезде председателей губернских Советов (30 июля 1918 г. // Вестник Комиссариата внутренних дел. М., 1918. № 21–22 (26 сентября). С. 15–16.

5. Доклад начальника Центро розыска К. Г. Розенталя на съезде заведующих губернскими и областными управлениями рабоче-крестьянской милиции от декабря 1918 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 15. Д. 106. Л. 36–37 об.
6. Доклад «О результатах деятельности ОУР за 1-е полугодие 1921 г.» // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 26. Д. 42. Л. 32.
7. Доклад начальника отдела уголовного розыска начальнику центрального административного управления НКВД от 21 июля 1924 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 59. Д. 8. Л. 23–26.
8. Доклад о работе активных подразделов уголовного розыска за 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 59. Д. 8. Л. 77.
9. Докладная записка в НКВД РФ 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 52. Д. 1. Л. 224.
10. Заявление курсанта уголовного розыска Печенова Михаила, Витебской губернии от 23 сентября 1919 г. в ГУ советской милиции // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 6. Д. 11 (2) Л. 311.
11. История полиции дореволюционной России: Сборник документов и материалов по истории государства и права. М., 1981. С. 37–90.
12. Начальнику УР тов. Визнер 5 августа 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 38. Д. 32. Л. 61.
13. Отчет о деятельности Московской уголовно-розыскной милиции 1918 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 6. Д. 124. Л. 31.
14. Об условиях жизни работников УР // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 66. Д. 9. Л. 1.
15. Письмо в СНК РСФСР 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 52. Д. 1. Л. 205.
16. Положение об организации отделов уголовного розыска от 5 октября 1918 г // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 6. Д. 4. Л. 3–3 об.
17. Положение о следственно-розыскной милиции от апреля 1920 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 23. Д. 5. Л. 41.
18. Председателю Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с Контрреволюцией и Спекуляцией тов. Дзержинскому от 9 октября 1918 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 6. Д. 104. Л. 1.
19. Предложения по докладу начальника отдела уголовного розыска 1928 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 78. Д. 14. Л. 58–61.
20. Предложения Центрального управления уголовного розыска в России Главному управлению Советской рабоче-крестьянской милиции о необходимости установления нового порядка регистрации преступников от 12 октября 1918 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 6. Д. 104. Л. 6–6 об.
21. Приказ ГУРКМ о мерах по усилению борьбы с бандитизмом и дезертирством от 1 июня 1920 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 23. Д. 8. Л. 41 об.
22. Приказ Главного управления Советской рабоче-крестьянской милиции о мероприятиях по борьбе с незаконными действиями работников уголовного розыска от 15 июля 1920 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 23. Д. 9. Л. 4–4 об.
23. Приказ №1 от 9 февраля 1920 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 16. Д. 1 (2) Л. 339.
24. Приказ Главного управления милиции РСФСР «О принятии на службу в милицию и уголовный розыск лиц, служивших ранее в полиции и жандармерии» // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 6. Д. 104. Л. 72.
25. Приказ по Московскому управлению уголовного розыска от 7 сентября 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 38. Д. 32. Л. 19–19 об.
26. Протокол заседания коллегии Народного комиссариата внутренних дел от 2 апреля 1920 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 23. Д. 4. Л. 7.
27. Проект приказа по Главмилиции 1920 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 23. Д. 10. Л. 45.
28. Рапорт начальнику Центро розыска от 21 августа 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 38. Д. 27. Л. 2.
29. Сведения о деятельности Московской уголовно-розыскной милиции за 1 полугодие 1918 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 6. Д. 124. Л. 68–68 об.
30. Сведения о деятельности Московской уголовно-розыскной милиции за 1918 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 6. Д. 124. Л. 42–53.
31. Составлено к докладу об уголовном розыске // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 78. Д. 88. Л. 42–45.

32. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 г. № 75. От 20 октября 1918 г. Отдел первый. Ст. 813 // URL://<https://istmat.org/>
33. Тезисы к докладу 1923 г // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 45 Д. 7. Л. 73.
34. Тезисы к докладу «Об организационной структуре и методах деятельности административных органов от 1928 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 78. Д. 88. Л. 11
35. Циркуляр ГУРКМ всем исполкомам об учреждении уголовно-розыскных столов в губернских управлениях милиции от 12 декабря 1918 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 6. Д. 4. Л. 104.
36. Циркуляр ГУРКМ № 81 от 4 января 1919 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 6. Д. 104. Л. 94–95.
37. Циркуляр НКЮ за №3 о взаимоотношениях между органами следствия и органами милиции и угрозыска № 19 от 17 января 1922 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 37. Д. 19. Л. 10.
38. Циркулярное письмо Главного управления милиции о неотложных мерах по улучшению деятельности уголовного розыска от 25 ноября 1918 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 393. Оп. 6. Д. 4. Л. 74.
7. Report from the Head of the Criminal Investigation Department to the Head of the Central Administrative Directorate of the NKVD dated 21 July 1924 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 59. D. 8. L. 23–26.
8. Report on the work of the active criminal investigation departments in 1922 // State Archive of the Russian Federation. F. 393 Op. 59. D. 8. L. 77.
9. Report to the NKVD of the Russian Federation in 1922 // The State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 52. D. 1. L.224.
10. Statement by the criminal investigation cadet Pechenov Mikhail, Vitebsk province, dated September 23, 1919, to the GU of the Soviet police // State Archives of the Russian Federation. F. 393. Op. 6. D.11 (2). L. 311.
11. The history of the police of pre-revolutionary Russia: Collection of documents and materials on the history of state and law. M., 1981. P. 37–90.
12. To the Head of UR Comrade Vizner on August 5, 1922 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 38. D. 32. L. 61.
13. Report on the activities of the Moscow Criminal Investigation Militia in 1918 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 6. D. 124. L. 31.
14. On the living conditions of the workers of the UR //State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 66. D. 9. L. 1.
15. Letter to the SNK of the RSFSR in 1922 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 52. D. 1. L. 205.
16. Regulations on the organization of criminal investigation departments of October 5, 1918 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 6. D. 4. L. 3–3 vol.
17. Provision on the Investigative Militia from April 1920 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 23. d. 5. L. 41.
18. To the Chairman of the All-Russian Extraordinary Commission for Fighting Counterrevolution and Speculation, Comrade Dzerzhinsky dated October 9, 1918 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 6. D. 104. L. 1.
19. Proposals for the report of the head of the Criminal Investigation Department of 1928 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 78. D. 14. L. 58–61.
20. Proposals of the Central Directorate of Criminal Investigation in Russia to the Main Directorate of the Soviet Workers' and Peasants' Militia on the need to establish a new procedure for registering criminals dated October 12, 1918. // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 6. d. 104. L. 6–6 ob.

References

1. To the Military Section of the Central Land and Housing Department of 1919 // State Archives of the Russian Federation. Ф. 393. Оп. 6. Д. 11 (4) L. 542.
2. Declaration of the Provisional Government on its composition and tasks of March 3, 1917 // URL://<https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5201/>
3. Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 1922 // Collection of Laws of the RSFSR for 1922. № 45. Art. 563.
4. Comrade Petrovsky's report at the Congress of the Chairmen of Provincial Soviets (July 30, 1918) // Bulletin of the Commissariat of Internal Affairs. Moscow, 1918. 21–22 (26 September). P. 15–16.
5. Report by the head of the Central Investigative Service K.G. Rosenthal at the congress of heads of provincial and regional departments of workers' and peasants' militia from December 1918 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 15. D. 106. P. 36–37ob.
6. Report «On the results of ESD activities for the 1st half of 1921» // State Archive of the Russian

21. Order of GCRM on measures to strengthen the fight against banditry and desertion dated June 1, 1920 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 23. D. 8. L. 41 vol.
22. Order of the Main Administration of Soviet Workers' and Peasants' Militia for actions against illegal actions of criminal investigators of July 15, 1920 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 23. D. 9. L. 4–4 vol.
23. Order № 1 of February 9, 1920 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 16. D.1 (2). L. 339.
24. Order of the Chief Directorate of Police of the RSFSR «On the admission to the police and criminal investigation of persons who previously served in the police and gendarmerie» // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 6. D. 104. L. 72.
25. Order of the Moscow Criminal Investigation Department dated September 7, 1922 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 38. D. 32. L. 19–19 vol.
26. Minutes of the Board of the People's Commissariat for Internal Affairs of April 2, 1920 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 23. D. 4. L. 7.
27. Draft order on the Glavmilitsiya 1920 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 23. D. 10. L. 45.
28. Report to the Head of Central Prospector Office dated 21 August 1922 // State Archive Of the Russian Federation. F. 393. Op. 38. D. 27. L. 2.
29. The information about the activities of the Moscow Criminal Investigation Militia in the first half of 1918 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 6. D. 124. L. 68–68 vol.
30. Information about the activities of the Moscow Criminal Investigation Police in 1918 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 6. D. 124. L. 42–53.
31. Compiled to the report on the criminal investigation // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 78. D. 88. L. 42–45.
32. Collection of Laws and Orders of the Government for 1917-1918, № 75. From October 20, 1918. Section one. Art. 813 // URL://https://istmat.org/
33. Theses to the report of 1923 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 45. D. 7. L. 73.
34. Theses to the report «On the organizational structure and methods of activity of administrative bodies from 1928» // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 78. D. 88. L. 11
35. Circular issued by the State Committee for Combating Organized Crime to all executive committees on the establishment of criminal investigation departments at the provincial police departments on December 12, 1918 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 6. D. 4. L. 104.
36. Circular № 81 of the State Mining and Metallurgical Department dated January 4, 1919 // The State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 6. D. 104. L. 94–95.
37. Circular № 3 of NKJ on relations between investigation agencies and police and threatening agencies № 19 of 17 January 1922 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 37. D. 19. L. 10.
38. Circular letter of the Main Police Directorate on urgent measures to improve criminal investigation activities dated November 25, 1918 // State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 6. D. 4. L. 74.

Информация об авторах

Е. В. Мельник — доцент кафедры истории государства и права Московского университета МВД имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

А. А. Трухачев — курсант факультета подготовки сотрудников для оперативных подразделений полиции Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the authors

E. V. Melnik — Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

A. A. Trukhachev — Cadet of the Faculty of Training for Operational Police Units of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 19.06.2023.

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 19.06.2023.

Научная статья
УДК 343.140.02
<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-105-109>
НИОН: 2007-0083-2/23-264
MOSURED: 77/27-005-2023-02-464

Пять ключевых аргументов в пользу информатизации уголовного судопроизводства

Оксана Валерьевна Мичурина

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, okmich@inbox.ru

Аннотация. Обосновывается, что информатизация российского уголовного судопроизводства неизбежное явление, обусловленное современными общемировыми тенденциями. Исследование практики правоприменения дало возможность автору выявить основные направления уголовно-процессуальной деятельности, нуждающиеся в подобной оптимизации. В отстаивание своей позиции взяты на вооружение пять ключевых аргументов. Показаны перспективные направления интеграции в уголовное судопроизводство информационных технологий путем введения электронного документооборота, уведомления участников уголовного судопроизводства с помощью средств технических коммуникаций, расширения процедур удаленного участия. Делается вывод, что информатизация уголовного судопроизводства — это не быстрый процесс, необходимо своевременно реагировать на возникающую необходимость его правового регулирования.

Ключевые слова: информатизация, информационные технологии, видео-конференц-связь, следственные действия, дистанционный порядок, удаленное участие, электронный документооборот, электронные доказательства, электронные носители информации

Для цитирования: Мичурина О. В. Пять ключевых аргументов в пользу информатизации уголовного судопроизводства // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 105-109. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-105-109>.

Original article

Five key arguments in favor of informatization of criminal proceedings

Oxana V. Michurina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, okmich@inbox.ru

Abstract. It is argued that the informatization of the Russian criminal justice system is an inevitable phenomenon due to current global trends. The study of the practice of law enforcement enabled the author to identify the main areas of criminal procedural activity in need of such optimization. Five key arguments are taken into account in defending the position. We have shown promising directions of integration of information technologies in criminal proceedings through the introduction of electronic document management, notification of participants of criminal proceedings by means of technical communications, expansion of remote participation procedures. The conclusion is made that informatization of criminal proceedings is not a quick process, it is necessary to respond in a timely manner to the emerging need for its legal regulation.

Keywords: informatization, information technology, video conferencing, investigative actions, remote order, remote participation, electronic document management, electronic evidence, electronic media

For citation: Michurina O. V. Five key arguments in favor of informatization of criminal proceedings. Criminological journal. 2023. (2):105-109. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-105-109>.

Передовые информационные технологии давно и бесповоротно нашли успешное применение в различных сферах деятельности человека: научных, техни-

ческих, образовательных и даже правовых. Не обошли они стороной и уголовное судопроизводство, о чем свидетельствуют законодательные новеллы последних

© Мичурина О. В., 2023

лет, касающиеся, к примеру, электронной формы доказательств (ч. 4 ст. 81, ст. 81.1, п. 5 ч. 2 ст. 82, ч. 2 ст. 86 УПК РФ), особенностей изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий (ст. 164.1 УПК РФ), порядка использования электронных документов (ст. 474.1 УПК РФ), особенностей производства отдельных следственных действий путем использования систем видео-конференц-связи (ст. 189.1 и 278.1 УПК РФ). Справедливости ради стоит заметить, что термины «информационные технологии» или «информатизация» в уголовно-процессуальном законе напрямую не используются, однако в правовых науках они достаточно распространены именно в аспекте приведенных выше процедур. Вполне традиционно для теории уголовного процесса суждение, что информатизация представляет собой форму выражения поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления и распространения информации с применением информационных технологий, заменяющая указанные процессы в привычном классическом виде [3, с. 206]. Корректировка уголовно-процессуального закона в этом направлении прямое тому свидетельство. Между тем, мы уверены, что останавливаться на достигнутом нельзя, поэтому выскажем уже имеющиеся преимущества и спрогнозируем дальнейшие перспективы, взяв на вооружение пять ключевых аргументов в пользу информатизации уголовного судопроизводства.

Первый аргумент — информационные технологии значительно упрощают и ускоряют уголовное судопроизводство. С развитием глобального информационного обмена возникла необходимость привлечения в практику правоприменения современных технологий, позволяющих передавать информацию, которая могла бы быть использована по уголовному делу, с минимальными временными затратами. Полноценное внедрение электронного документооборота в уголовное судопроизводство решит целый комплекс процедурных проблем, в том числе упростит и ускорит порядок ознакомления как с отдельными процессуальными документами, так и всеми материалами уголовного дела. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. В ч. 2 ст. 474 УПК РФ говорится о возможности выполнения процессуальных документов не только типографским, но электронным или иным способом, а в ст. 474.1 УПК РФ раскрывается порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве. Однако эти нормы относятся к судебному производству, на досудебном этапе производства подобной возможности пока нет, к сожалению.

Нет сомнения, что электронные процессуальные документы имеют преимущества перед их бумажными аналогами. Во-первых, отпадает потребность в бумаге, заправке картриджа, ремонте печатающих устройств и пр. Во-вторых, совершенно очевидны

удобства в компактности их хранения, особенно, если речь идет о многотомных уголовных делах. В-третьих, минимизируются риски утраты и уничтожения документа. В-четвертых, появляется более легкий доступ к документу с одновременной «прозрачностью» работы с ним в рамках уголовного дела. Есть и иные очевидные преимущества электронного документооборота, к примеру, связанные с оптимизацией деятельности самих государственных органов и должностных лиц. Как справедливо отмечают О. В. Качалова и Ю. А. Цветков, уголовные дела в цифровом формате позволяют: усовершенствовать деятельность следователей, дознавателей посредством уменьшения затрат времени на процессуальное оформление действия и решений; проводить удаленное взаимодействие с органами дознания, а также следственными подразделениями, органами прокуратуры; повысить гарантии правового положения личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство; усилить законность процессуальной деятельности; повысить эффективность прокурорского надзора, судебного контроля, ведомственного контроля [1, с. 100].

С практической стороны стоит также заметить, что для обеспечения сохранности электронных процессуальных документов должны быть приняты соответствующие правовые и организационные меры: служебный компьютер на рабочем месте без выхода в сеть общего пользования, сертифицированные средства программного обеспечения, информационная безопасность и пр.

Кроме того, любой официальный документ выполняет не только информационную, но и удостоверяющую функцию. В соответствии с процессуальными требованиями информация должна быть надлежащим образом удостоверена подписью. В ст. 6 Федерального закона от 06 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» закреплено, что электронные документы, подписанные электронной подписью, равнозначны документам на бумажном носителе, подписанным собственноручно [3]. В настоящее время не все участники уголовного судопроизводства могут иметь возможность подписать процессуальный документ с помощью электронной цифровой подписи. Если не брать в расчет должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, адвоката, эксперта или специалиста, то не все потерпевшие, подозреваемые (обвиняемые), свидетели и понятые имеют хоть какой-то из видов электронной цифровой подписи. Пока это направление не будет надлежащим образом отработано на государственном уровне, будущее электронного документооборота в уголовном судопроизводстве так и останется в перспективе.

Совершенно очевидно и то, что использование систем видео-конференц-связи при допросе в суде, а также допросе, очной ставке и предъявлении для

опознания на предварительном расследовании также значительно упрощают и ускоряют уголовно-процессуальную деятельность. Такой формат производства следственных действий дает возможность видеть, слышать, обмениваться сведениями и обрабатывать их в интерактивном режиме. Он приближает дистанционную коммуникацию к реальным условиям живого общения и снимает отдельные проблемы, связанные с невозможностью непосредственного физического участия лица при производстве по уголовному делу. И таких проблем на сегодняшний момент достаточное количество. Особенно остро они обострились в период ограничений, связанных с объявленной пандемией коронавирусной инфекции, и явились серьезным препятствием в соблюдении процессуальных сроков предварительного расследования. Уголовно-процессуальный закон оказался не адаптирован под особые условия функционирования. На чашу весов оказались поставлены установленные законом сроки и порядок производства по уголовному делу, определяющие эффективность и стабильность процессуальной деятельности, а с другой стороны — права и свободы человека и гражданина, обуславливающие смысл и содержание применения требований закона. В условиях жесткой самоизоляции следователю и дознавателю невозможно было обеспечить дистанционное участие лиц в уголовном судопроизводстве, в отличие от суда, уже имевшего на вооружении допрос с помощью систем видеоконференц-связи. Единственное, что могли сделать следователь и дознаватель в тот период — приостановить предварительное расследование по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, когда место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует. Никаких других легитимных процедур, которыми можно было бы воспользоваться в обозначенных условиях, в уголовно-процессуальном законе не было заложено.

Необходимость в дистанционном порядке производства давно назревала, но именно пандемия смогла форсировать этот процесс. Так, в конце декабря 2021 г. законодатель ввел в УПК РФ ст. 189.1, регламентировав для следователя и дознавателя возможность использования систем видеоконференц-связи, пусть пока только для ограниченного количества следственных действий (допрос, очная ставка и предъявление для опознания), но сделав существенный шаг к более эффективному формату их производства. К слову сказать, относительно осуществления видеоконференц-связи в суде, то там так и остается пока одно единственное следственное действие — допрос. И, в отличие, от предварительного расследования, где нет никакого субъектного ограничения, дистанционный допрос в суде возможен только применительно к конкретным участникам и возникающим ситуациям, прямо оговоренным в УПК РФ, а именно: сви-

детелю и потерпевшему (ч. 4 ст. 240, ст. 278.1), подсудимому (ч. 6.1 ст. 241), лицу, содержащемуся под стражей, или осужденному (ч. 3 ст. 376, ч. 2 ст. 389.12, ч. 2 ст. 401.13). Нам видится целесообразность дальнейшего существенного расширения возможностей дистанционных коммуникаций не только в суде, но и на предварительном расследовании. Почему бы не распространить их на другие следственные действия, к примеру, освидетельствование или проверку показаний на месте? Считаем, что иные процессуальные действия при определенных условиях тоже могли бы стать дистанционными, а именно: ознакомление с материалами уголовного дела, подача заявлений, жалоб, ходатайств, уведомление участников уголовного судопроизводства и пр. Что же касается субъектного состава, то он не должен носить исчерпывающего характера. Подход законодателя, когда он не ограничил участников видео-конференции на предварительном расследовании, наиболее разумен.

Помимо обеспечения соблюдения процессуальных сроков, дистанционные процедуры позволяют освободиться от финансовых расходов на явку участников к месту производства процессуальных действий и их проживание там. Речь идет о тех участниках, которые находятся в другом регионе Российской Федерации или даже другой стране. Тем самым существенно сокращаются материальные затраты уголовного судопроизводства, включаемые в процессуальные издержки. Отпадает также необходимость финансирования служебных командировок должностных лиц для выполнения ими процессуальных действий в указанных ситуациях. Отчасти этим обуславливается наш следующий аргумент.

Аргумент второй — информационные технологии оптимизируют взаимодействие между участниками уголовного судопроизводства. Насущная потребность в удаленном взаимодействии участников уголовного судопроизводства обуславливается многими причинами, в том числе и огромной территорией нашей страны. К примеру, дача следователем или дознавателем традиционных письменных поручений о производстве отдельных следственных действий, а также их исполнение уже не отвечают современным реалиям жизни и условиям нормального процессуального функционирования, т.к. требуют дополнительных временных и ресурсных затрат. Особую актуальность обозначенной проблеме придают поручения в компетентные органы иностранных государств, даваемые в рамках запросов о правовой помощи по уголовным делам. Там расстояние еще дальше и, как следствие, временные рамки больше. Исполнение запросов о правовой помощи по уголовным делам в подобной форме составляет, как правило, от шести месяцев до двух лет, а иногда и более. Имеющиеся в настоящее время дистанционные процедуры допро-

са, очной ставки и предъявления для опознания в значительной степени решают проблему. Ведь скорость, способ и удобство коммуникаций в уголовном судопроизводстве, использующем видео-конференц-связь, уже никак не зависит от расстояния. Тем самым, дистанционный формат благодаря своей эффективности оптимизирует взаимодействие между участниками уголовного судопроизводства.

Что же касается электронного документооборота, то его несомненное достоинство, в уже обозначенном выше дистанционном взаимодействии, не менее очевидно. Особенно это важно в ходе процессуального контроля и прокурорского надзора, а также выполнении требований по ознакомлению сторон с материалами уголовного дела. Электронное уголовное дело позволяет размещать информацию с возможностью ее пополнения в режиме реального времени при осуществлении новых следственных и иных процессуальных действий. Подобная система может включать разноуровневый доступ участников к ознакомлению с материалами уголовного дела, проведению контрольно-надзорных полномочий (когда прокурор или руководители сферы дознания и предварительного следствия могут контролировать любое движение по уголовному делу), обеспечению взаимодействия органов дознания со следователем и дознавателем. Тем самым, решается комплекс проблем, касающихся не только единого информационного пространства для эффективного дистанционного взаимодействия, но и надлежащей реализации прав участников уголовного судопроизводства.

Уведомление участников уголовного судопроизводства с помощью средств технических коммуникаций тоже нам видится более перспективным для взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства, чем традиционная письменная форма вызова к следователю и дознавателю бумажной повесткой. Тем более, что в судебных процедурах, несмотря на отсутствие нормативной регламентации в УПК РФ, такой опыт уже успешно апробирован.

Третий аргумент — информационные технологии обеспечивают полноту и достоверность доказательств. Когда следователь или дознаватель, в производстве которого находится уголовное дело, по совершенно объективным причинам перепоручает выполнение следственного действия другому следователю или дознавателю, а нередко и органу дознания, делегируя им свои процессуальные полномочия, он не может быть абсолютно уверен в качестве полученных результатов, т. е. их полноте и достоверности доказательств.

Полнота и достоверность получаемой в ходе производства следственных действий информации зависит не только от соблюдения процессуальной формы, но и от многих других обстоятельств, информированностью о которых обладает только тот, кто принял дело к своему производству и тщательно изучил его.

Например, выполняющий поручение по производству допроса не знает всех нюансов фабулы уголовного дела, не в курсе особенной личности допрашиваемого, не может спрогнозировать дальнейший ход следственного действия и его результаты. По сути он является механическим исполнителем, действующем шаблонно лишь в рамках отдельного поручения. Кроме того, у получившего поручение следователя или дознавателя в производстве имеются свои уголовные дела с истекающими сроками. Применение же средств объективной фиксации, коими можно назвать системы видео-конференц-связи, позволяют должностному лицу, в чьем производстве находится уголовное дело, не делегировать свои процессуальные полномочия, а дистанционно самому провести следственное действие, обеспечив всю полноту и достоверность полученных в ходе него доказательств.

Четвертый аргумент — информационные технологии дают возможность повысить качество уголовно-процессуальной деятельности. Говоря, об ускорении и упрощении уголовного судопроизводства, недопустимо забывать о его качестве, которое по мнению Е.С. Кудряшовой «сочетает всестороннее, полное и объективное исследование фактических обстоятельств уголовного дела с быстротой принятия законного и обоснованного итогового решения, при неуклонном обеспечении прав и законных интересов участников процесса и соблюдении законности» [2, с. 20–21]. Внедрение информационных технологий без всякого сомнения является одним из оптимальных способов повышения качества уголовно-процессуальной деятельности, позволяя ей выйти на более современный уровень, отвечающий стремительно меняющимся реалиям жизни, связанным, в том числе, с появлением новых технических устройств. И не только в плане эффективности деятельности государственных органов и должностных лиц, но и удовлетворенностью участников уголовного судопроизводства в достижении назначения уголовного судопроизводства, а, следовательно, реализации права граждан на быстрый доступ к правосудию.

И наконец, **аргумент пятый — информационные технологии играют существенную роль в обеспечении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.** В ст. 6 УПК РФ закреплено, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод. Следовательно, эффективностью уголовного судопроизводства следует считать его способность к обеспечению защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений и защиты личности от незаконного и необоснованного обвине-

ния, осуждения, ограничения его прав и свобод в максимально короткие сроки, с наименьшими, но в тоже время рациональными, затратами сил и средств участников. Для сравнения предложим сравнить две меры пресечения — помещение под домашний арест с использованием электронного браслета и заключение под стражу в следственном изоляторе. Каждая из этих мер пресечения преследует одну и ту же цель, каждая дает надежную превенцию, чтобы обвиняемый (подозреваемый) не смог скрыться, воспрепятствовать производству по уголовному делу или совершить новое преступление. Безусловно, что домашний арест ограничивает права и свободы личности, наряду с заключением под стражу, но в значительно меньшей степени, чем последняя мера пресечения. Домашний арест благодаря использованию информационных технологий, позволяющих осуществлять своевременный контроль за выполнением его условий, стал эффективной альтернативой заключению под стражу в силу своей мягкости и большей гуманности. Это наиболее цивилизованный подход, когда уголовно-процессуальное принуждение достигает своей цели минимальными негативными воздействиями на личность.

В заключении хотелось бы сделать вывод, что возникающие противоречия между необходимостью совершенствования уголовно-процессуальной деятельности и консервативностью в качестве приоритетного условия сохранения ее стабильности не дают возможности к активной интеграции многих современных информационных технологий. Прогнозируя перспективы внедрения информационных технологий путем введения электронного документооборота (взамен устаревшего бумажного формата), уведомления участников уголовного судопроизводства с помощью средств технических коммуникаций и расширения процедур удаленного участия, следует признать, что процесс этот далеко не быстрый, но начало ему уже положено и нельзя останавливаться, не доведя его до конца. При этом каждый раз необходимо своевременно реагировать на возникающую потребность его правового регулирования, иначе есть риск не получить нужный эффект.

Информация об авторе

О. В. Мичурина — профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

O. V. Michurina — Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 27.01.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 27.01.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 05.06.2023.

Список источников

1. Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело — инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.
2. Кудряшова Е. С. Обеспечение качества дознания в уголовном судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук. Н.-Новгород, 2020.
3. Федорович В. Ю., Химичева О. В., Андреев А. В. Внедрение технологий информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 205–210.

References

1. Kachalova O. V., Tsvetkov Y. A. Electronic criminal case — an instrument of modernization of criminal proceedings // Russian Justice. 2015. № 2. P. 95–101.
2. Kudryashova E. S. Ensuring the quality of the inquiry in criminal proceedings: diss. ... Candidate of Law Sciences. N.-Novgorod, 2020.
3. Fedorovich V. Yu, Khimicheva O. V., Andreev A. V. Introduction of technologies of informatization and artificial intelligence as perspective directions of development of modern criminal proceedings // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2. P. 205–210.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 06 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СПС «КонсультантПлюс».

Bibliographic list

1. Federal Law № 63-FZ of April 06, 2011 «On electronic signature» // SPS «ConsultantPlus».

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-110-114>

НИОН: 2007-0083-2/23-265

MOSURED: 77/27-005-2023-02-465

Преступления коррупционной направленности в сфере экономической деятельности

Татьяна Витальевна Молчанова

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, molcha@yandex.ru

Аннотация. Изучены изменения уровня, структуры и динамики преступлений коррупционной направленности в сфере экономической деятельности.

В качестве эмпирической базы были использованы отдельные формы статистического наблюдения ГИАЦ МВД России, статистические сборники Генеральной прокуратуры Российской Федерации, материалы научно-практической конференции «Антикоррупция в Российской Федерации — современные тенденции».

Отмечен высокий уровень латентности преступлений коррупционной направленности в Российской Федерации в целом и отдельных составов гл. 22 УК РФ, имеющих коррупционные проявления.

Выделена особая категория лиц, сталкивающихся с коррупционными рисками — субъекты предпринимательской деятельности, а также обозначены сферы деятельности, наиболее подверженные коррупции.

Ключевые слова: преступления коррупционной направленности, незаконная предпринимательская деятельность, коррупционные риски, экономическая деятельность, ущерб от коррупционных преступлений, коррупция, динамика преступлений, статистические сведения, ГИАЦ МВД России, Генеральная прокуратура Российской Федерации

Для цитирования: Молчанова Т. В. Преступления коррупционной направленности в сфере экономической деятельности // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 110-114. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-110-114>.

Original article

Crimes of corruption in the sphere of economic activity

Tatyana V. Molchanova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, molcha@yandex.ru.

Abstract. Changes in the level, structure and dynamics of crimes of corruption in the sphere of economic activity were studied.

As an empirical base, separate forms of statistical observation of the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, statistical collections of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, materials of the scientific and practical conference «Anti-Corruption in the Russian Federation — modern trends» were used.

A high level of latency of corruption-related crimes in the Russian Federation as whole and individual compositions of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation with corruption manifestations was noted.

A special category of persons facing corruption risks is identified — business entities, as well as the areas of activity most susceptible to corruption are identified.

Keywords: corruption-related crimes, illegal business activity, corruption risks, economic activity, damage from corruption crimes, corruption, crime dynamics, statistical data, Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Prosecutor General's Office of the Russian Federation

For citation: Molchanova T. V. Crimes of corruption in the sphere of economic activity. Criminological journal. 2023. (2):110-114. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-110-114>.

© Молчанова Т. В., 2023

Сегодня коррупция как в мире, так и в России остается негативным явлением, которая традиционно проявляется себя во многих сферах общественной жизни. Коррупция — это устоявшийся симптом современного общества, включающий в себя множество различных аспектов. Статистически ее сложно и порой невозможно количественно, и качественно измерить.

Имеющиеся статистические данные, представленные в настоящей статье основаны на официальных данных, взятых из форм статистической отчетности ГИАЦ МВД России, которые являются индикатором ее состояния и развития исключительно по материалам складывающейся правоприменительной практики.

Ниже представленная таблица демонстрирует динамические проявления преступлений коррупционной направленности и их долю в структуре всей пре-

ступности в Российской Федерации (Таблица 1). Мы можем наблюдать слишком малые значения их удельного веса, что свидетельствует о их невидимости и высокой латентности. Фактическое состояние их оценивается иными, более значительными количественными параметрами. Подобные фактические оценки поддерживаются всеми специалистами в данной области изучения криминальной коррупции.

Рассматривая вопрос о размере причиненного материального ущерба, отметим, что материальная ответственность является специфической мерой юридической ответственности и наступает за причинение ущерба государственному имуществу лицом, находящимся при исполнении должностных (служебных, трудовых) обязанностей. В содержании статьи проиллюстрированы следующие статистические оценки материального ущерба (Таблица 2).

Таблица 1

Динамика преступлений коррупционной направленности в 2018–2021 г.

	2018	2019	2020	2021
Всего преступлений	1991532	2024337	2044221	2004404
Коррупционной направленности	30495	30991	30817	35051
Удельный вес, %	1,53	1,53	1,51	1,75

Таблица 2

Динамика причинённого и добровольно возмещенного ущерба в 2017–2021 г. (в тыс. руб.)

	2017	2018	2019	2020	2021
Размер причиненного материального ущерба (в тыс. руб.)	39.621.733	65.732.155	55.093.604	58.364.109	63.921.292
Добровольно возмещен материальный ущерб (в тыс. руб.)	4.043.069	10.755.936	4.094.705	4.194.225	15.641.372
Удельный вес, %	10,20	16,36	7,43	7,19	24,47

Представленная таблица позволяет сделать ряд выводов, во-первых, мы наблюдаем неравномерную тенденцию роста по установленному размеру материального ущерба. Это прежде всего связано с положительно формирующейся правоприменительной практикой по уголовным делам данной категории. Во-вторых, отмечается небольшой по величине удельный вес добровольно возмещенного вреда от преступлений коррупционной направленности. Данное обстоятельство как правило связано с тем, что лица, вступившие в коррупционные отношения, в преимущественном

большинстве случаев отрицают свою причастность к созданному конфликту интересов и стараются тщательно его скрывать.

Так, по информации Генеральной Прокуратуры Российской Федерации с начала 2022 года арестовано и изъято имущество на общую сумму 62,2 млрд руб., добровольно возмещен ущерб на 3,5 млрд руб. [1]. Установленный ущерб от коррупционных преступлений в России только в этом году превысил 37 млрд руб., всего же за последние два года он составил более 100 млрд руб.

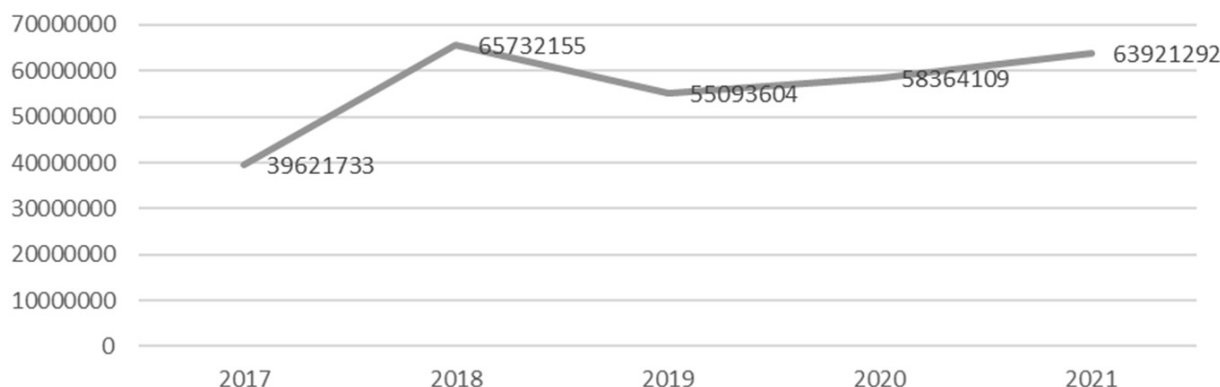

Рис. 1. Динамика причинного ущерба от преступлений коррупционной направленности в 2017–2021 г.

Более точные данные по установленному и возмещенному ущербу отражены в сборниках Генеральной прокуратуры Российской Федерации, а также в статистических формах федерального статистического наблюдения ГИАЦ МВД России [2].

В нашем небольшом исследовании мы бы хотели выделить особую сферу экономической деятельности, которая также охвачена разнообразием коррупционных рисков, которые во многом приводят к криминальным последствиям. Особая сфера коррупционной криминализации — это экономическая деятельность. Коррупционные особенности именно сферы экономической деятельности представляет угрозу экономической безопасности государства.

Следует отметить, что преступления в сфере экономической деятельности, как разновидность экономической преступности стали все более латентными, менее раскрываемы, несмотря на их зафиксированный

рост по материалам правоприменительной практики [3]. Именно эта характеристика преступности наиболее проявляет себя именно в преступных деяниях, предусмотренных гл. 22 УК РФ. Еще более латентны эти преступные деяния в сфере коррупционных проявлений.

Латентность как свойство преступности существенно влияет на ее зарегистрированную составляющую. Зарегистрированная преступность — это преступность, признанная таковой в соответствии с принятой учетно-регистрационной процедурой фиксирования преступности в том или ином государстве. Одновременно с ней существует фактическая (иначе говоря реальная) преступность. Следовательно, нам не представляется возможным оценить фактическое состояние преступлений коррупционной направленности в сфере экономической деятельности, о чем в том числе свидетельствует ниже представленная таблица 3.

Таблица 3.

Сведения об отдельных преступлениях коррупционной направленности, зарегистрированных в 2017–2021 г. [2]

Статья УК РФ	2017	2018	2019	2020	2021
Ст. 170	6	1		-	1
Ст. 174	2	5		3	3
Ст. 174.1	139	210		148	143
Ст. 175	-	1		1	3
ч. 3, 4 ст. 183	17	13		14	12
Ст. 184	1	-		-	-
п.«б» ч.3, ч.4 ст.188	-	-		-	-

Самый значительный удельный вес преступлений коррупционной направленности в сфере экономической деятельности представляет ст. 174.1 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств

или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления». Коррупция и легализация (отмывание) денежных средств всегда взаимосвязанные процессы. Сопоставимые с другими

серьезными преступлениями, коррупционные преступления, как взяточничество и кража, присвоение из государственных фондов, как правило, совершаются в целях получения личной выгоды. Легализация (отмывание) денежных средств — это процесс укрывания незаконных доходов, которые были получены в результате криминальной деятельности. Абсолютное большинство совершаемых преступлений в форме легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества имеет фактор корыстной направленности, что связано со стремлением получить определенную корыстную (материальную) выгоду.

Учитывая сложности, связанные с процедурой легализации (отмывания), коррумпированные должностные лица, часто привлекают посредников для легализации (отмывания) денежных средств. Одной из ключевых проблем коррумпированных лиц становится вопрос придания полученным криминальным доходам законного (легального) статуса их приобретения, введения денежных средств и имущества в законный гражданский оборот.

Ст. 183 УК РФ «Незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну» проявила себя в весьма незначительном виде.

Диспозиция статьи предполагает «собрание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, путем подкупа или угроз, а равно иным незаконным способом», а также «незаконное разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, без согласия их владельца лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе». Указанные действия характеризуются коррупционными признаками, влекут инкриминирование по соответствующим статьям УК РФ, предусматривающих ответственность за коррупционные действия.

Ст. 170 УК РФ предусматривает уголовно-правовую ответственность за регистрацию заведомо незаконных сделок с недвижимым имуществом, умышленное искажение сведений государственного кадастра недвижимости и (или) Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним (далее — ЕГРП), а равно занижение кадастровой стоимости объектов недвижимости. Сам факт регистрации заведомо незаконных сделок, умышленное искажение сведений, занижение стоимости и т. д. потенциально свидетельствует о формировании коррупционных отношений. Данная норма УК РФ трудна в выявлении, регистрации, формировании доказательственной базы и притягивает судебных решений.

Из всех перечисленных в Таблице 3 форм преступных деяний, самое скрытое и скрываемое — это преступление, предусмотренное ст. 184 УК РФ «Оказание противоправного влияния на результат официального

спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса». Несмотря на криминализацию указанного преступного деяния в 1997 г., количество выявленных и привлеченных к уголовной ответственности лиц, совершивших указанные противоправные деяния, составляет минимальное число.

Реализация преступного умысла состоит в передаче лично или через посредника незаконного вознаграждения спортсменам, спортивным судьям, тренерам, руководителям команд и другим участникам или организаторам профессиональных спортивных соревнований, а равно членам жюри зрелищных коммерческих конкурсов с целью оказания влияния на результаты профессиональных спортивных соревнований или зрелищных коммерческих конкурсов, либо в принуждении или склонении указанных лиц к оказанию этого влияния, либо в предварительном сговоре с указанными лицами в тех же целях.

Заметим, что в современных условиях профессионализация спорта и коммерциализация иных зрелищных мероприятий вызывают повышенный интерес к этим видам деятельности как организаторов, так и спортсменов, вкладывающих в них значительные денежные средства. Проблема коррупции при организации спортивных мероприятий и коммерческих конкурсов весьма деликатная тема для последующей практики возбуждения уголовных дел как в мире, так и в России.

Особый вид коррупционной деятельности связан с предпринимательской сферой отношений, которая обладает не меньшей латентностью. Следует отметить, что в 2022 г. 58 % предпринимателей столкнулись с коррупцией. В прошлом году этот показатель был заметно выше — 69 %, пишут авторы исследования «Бизнес-барометр коррупции» Торгово-промышленной палаты России. Примечательно, что 29,8 % заметили сильный рост уровня коррупции после введения новых санкций в отношении России [4].

При этом и сами предприниматели участвуют в провокации должностных лиц, в этой связи в предпринимательской среде налажена особая взаимовыгодная система коррупционных отношений.

Согласно материалам научно-практической конференции «Антикоррупция в Российской Федерации — современные тенденции», проводимой Проектно-учебной лабораторией антикоррупционной политики НИУ ВШЭ 21 декабря 2022 г., наиболее коррумпированными сферами являются: закупки по 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»; расследование уголовных дел, дел об административных правонарушениях в сфере предпринимательской деятельности, соблюдение санитарно-эпидемиологических норм; вывоз ТКО; контроль (надзор) за предпринимательской деятельностью,

взаимодействие с проверяющими органами; получение разрешений, справок, сертификатов, аккредитаций; регистрация сделок с недвижимостью.

В заключении отметим, что коррупционные риски сопровождают различные сферы общественной жизни, одна из особенных — это экономическая деятельность. Важным предполагается, что перспективным направлением изучения преступлений коррупционной направленности в сфере экономической деятельности является их достоверное измерение (в частности при помощи определения показателей уровня латентности), выделение отраслевых сфер экономической деятельности в действительности подверженных коррупционным проявлениям.

Список источников

1. Интервью Игоря Краснова для РБК (9 декабря 2022 г.) «Прокуратура оценила ущерб от коррупции в 2022 году в более 37 млрд руб» // URL://<https://www.rbc.ru/society/09/12/2022/639296d89a7947dce491f2f5>.
2. Сводный отчет по России. Отчет о результатах работы правоохранительных (правоприменительных) органов по борьбе с преступлениями коррупционной направленности. Раздел 3. Сведения о причиненном преступлением коррупционной направленности материальном ущербе и его возмещении / Сведения предоставлены ГИАЦ МВД России. 2017–2021 г.
3. Молчанова Т. В. Преступления в сфере экономической деятельности. Статистическая оценка и возможности прогнозирования: моногр.

Информация об авторе

Т. В. Молчанова — доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

T. V. Molchanova — Associate Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 18.01.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 18.01.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 22.05.2023.

М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2022.

4. 58% предпринимателей столкнулись с коррупцией в 2022 году. Издательство «Деловой мир» со ссылкой на исследование «Бизнес-барометр коррупции» Торгово-промышленной палаты России // URL://<https://delovoymir.biz/58-predprinimateley-stolknulis-s-korrupciey-v-2022-godu.html>.

References

1. Interview with Igor Krasnov for RBC (December 9, 2022) «The Prosecutor's office estimated the damage from corruption in 2022 at more than 37 billion rubles» // URL://<https://www.rbc.ru/society/09/12/2022/639296d89a7947dce491f2f5>.
2. Summary report on Russia. Report on the results of the work of law enforcement (law enforcement) bodies to combat corruption-related crimes. Section 3. Information on material damage caused by corruption-related crimes and its compensation / Information provided by the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017–2021.
3. Molchanova T.V. Crimes in the sphere of economic activity. Statistical assessment and forecasting possibilities: a monogr. M. : UNITY-DANA, 2022.
4. 58% of entrepreneurs faced corruption in 2022. Publishing house «Delovoy Mir» with reference to the study «Business barometer of corruption» of the Chamber of Commerce and Industry of Russia// URL://<https://delovoymir.biz/58-predprinimateley-stolknulis-s-korrupciey-v-2022-godu.html>.

Научная статья

УДК 343.13

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-115-122>

НИОН: 2007-0083-2/23-266

MOSURED: 77/27-005-2023-02-466

Проведение ОРМ с задержанным подозреваемым (ч. 2 ст. 95 УПК РФ): правовой аспект

Вячеслав Владимирович Николюк

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия, nvv56@mail.ru

Аннотация. Проанализировано содержание ч. 2 ст. 95 УПК РФ, показана сложная, смешанная правовая природа регулируемых ею правоотношений, которые в большей степени являются не уголовно-процессуальными, а оперативно-розыскными. Обращено внимание на пробелы в правовой регламентации проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении подозреваемого и обвиняемого, содержащихся под стражей. Сделан вывод о необходимости «очищения» ч. 2 ст. 95 УПК РФ от предписаний оперативного-розыскного характера с перемещением их в Закон об ОРД.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, оперативный сотрудник, следователь, оперативно-розыскное мероприятие, разрешение, согласие

Для цитирования: Николюк В. В. Проведение ОРМ с задержанным подозреваемым (ч. 2 ст. 95 УПК РФ): правовой аспект // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 115-122. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-115-122>.

Original article

Carrying out an operational-search activity with a detained suspect (part 2 of article 95 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation): the legal aspect

Vyacheslav V. Nikolyyuk

All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, nvv56@mail.ru

Abstract. The content of Part 2 of Art. 95 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, shows the complex, mixed legal nature of the legal relations regulated by it, which are to a greater extent not criminal procedural, but operational-search ones. Attention is drawn to the gaps in the legal regulation of the conduct of operational search activities in relation to the suspect and the accused in custody. The conclusion is made about the need for «purification» of Part 2 of Art. 95 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation from orders of an operational-investigative nature with their transfer to the Law on Operative-Investigative Activity.

Keywords: suspect, accused, operational officer, investigator, operational-search activity, permission, consent

For citation: Nikolyyuk V. V. Carrying out an operational-search activity with a detained suspect (part 2 of article 95 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation): the legal aspect. Criminological journal. 2023. (2):115-122. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-115-122>.

Оперативно-розыскной деятельности государством отведена важная роль в борьбе с преступностью. Предупреждение, выявление и раскрытие большинства тяжких и особо тяжких преступлений становится возможным лишь при осуществлении комплекса оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ). Их результаты приравнены законом к поводам и осно-

ваниям возбуждения уголовного дела, используются при подготовке и проведении следственных действий (ст. 11 Закона об ОРД), способствуя установлению доказательств.

В этой связи в основу организационного построения уголовного судопроизводства заложен подход, обеспечивающий сочетание следственных действий

© Николюк В. В., 2023

и ОРМ при решении задач уголовного процесса и тем самым органично встраивающий ОРД в регламент досудебного производства. При определенной «параллельности» предварительного расследования и ОРД, следовательно, вместе с тем, имеет возможность в интересах расследования давать органу дознания поручения о проведении ОРМ, не допуская вмешательства оперативных сотрудников в ход расследования уголовного дела.

Право проводить ОРМ по уголовному делу без поручения следователя прямо разрешено органу дознания только в случае, когда направленное руководителю следственного органа дело было им возбуждено как неотложное и по нему не обнаружено лицо, совершившее преступление. О результатах ОРМ орган дознания обязан уведомлять следователя (ч. 4 ст. 157 УПК РФ).

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Определении от 25 января 2012 г. № 167-О-О, по возбужденному уголовному делу можно проводить ОРМ и без поручения следователя, если есть сведения о причастности подозреваемого к другим преступлениям. «Недопустимость проведения оперативно-розыскных мероприятий по другим законным основаниям, когда отсутствует поручение следователя, — высказался Конституционный Суд РФ, — приводили бы к фактической отмене предусмотренных законом иных оснований для проведения таких мероприятий, блокировали бы реализацию органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, возложенных на них задач» [1, с. 2].

Отдельно в законе (ч. 2 ст. 95 УПК РФ) регулируются ситуации, когда у оперативных сотрудников возникает необходимость проведения ОРМ с задержанным подозреваемым. Чтобы вступить в контакт с ним, оперативный сотрудник должен получить письменное разрешение дознавателя, следователя или суда, в производстве которых находится уголовное дело. При анализе данной нормы и практики ее применения, что и будет являться далее предметом исследования в настоящей статье, возникают вопросы, ответы на которые трудно найти в теории уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности. При чем часть из этих вопросов оказалась в своеобразной «нейтральной зоне», поскольку не имеет четко выраженной правовой природы, уголовно-процессуальной или оперативно-розыскной. В условиях жесткого разделения научных специальностей, следствием чего появилась и демаркационная линия между наукой уголовного процесса и теорией ОРД, вопросы осуществления ОРМ с задержанным подозреваемым ожидаемо оказались вне предмета исследования обеих названных отраслей знаний. Поэтому в методологическом аспекте

изначально представляется целесообразным определить правовую природу возникающих правоотношений при проведении ОРМ в отношении содержащегося под стражей подозреваемого.

1. Правовая природа положений ч. 2 ст. 95 УПК РФ. Сам факт помещения в гл. 12 УПК РФ нормативных положений об условиях проведения ОРМ с задержанным подозреваемым формально указывает на их уголовно-процессуальную природу. Однако для определения правовой природы правовых норм и регулируемой ими деятельности одного критерия, даже столь значимого как источник их нормативного закрепления, явно недостаточно. Должны также учитываться назначение установленных правил поведения и субъекты правоотношений.

Назначение ч. 2 ст. 95 УПК РФ нами определяется с учетом собственно ее содержания, названия ст. 95 УПК РФ и ее структуры, места ее расположения в кодексе. Начнем с последнего.

Как структурная часть гл. 12 УПК РФ «Задержание подозреваемого», ст. 95 «Порядок содержания подозреваемых под стражей» имеет двойное назначение. В ч. 1 ст. 95, которая носит бланкетный характер, оговорено, что порядок и условия содержания подозреваемых под стражей определяются Федеральным законом. Данное предписание не носит уголовно-процессуального характера и является чисто техническим.

Иное содержание и назначение имеют положения ч. 2 ст. 95 УПК РФ. Они касаются сразу нескольких аспектов. Во-первых, ими регулируются отношения дознавателя, следователя и суда (далее — следователь), в производстве которых находится уголовное дело, с оперативными сотрудниками, иницирующими проведение ОРМ с подозреваемым, содержащимся под стражей. Фактически в ч. 2 ст. 95 УПК РФ предусмотрено самостоятельное условие проведения ОРМ в таких случаях — получение оперативным сотрудником письменного разрешения следователя. В ст. 8 Закона об ОРД, перечисляющей условия проведения ОРМ, оно не упоминается.

Во-вторых, оперативный сотрудник обращается к следователю за разрешением встретиться с подозреваемым тогда, когда он уже признал необходимым провести ОРМ. Последние вообще могут осуществляться по другому уголовному делу, расследуемому другим следователем.

В-третьих, разрешение следователя на встречу оперативного сотрудника с содержащимся под стражей подозреваемым для проведения с ним ОРМ имеет мало общего с такой формой взаимодействия следователя и органа дознания как письменное поручение следователя органу дознания о проведении ОРМ по рас-

следуемому им уголовному делу (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). По смыслу ч. 2 ст. 95 УПК РФ кроме выдачи разрешения на встречу с подозреваемым следователь не формулирует оперативным сотрудникам отдельного задания, для выполнения которого необходимо проведение ОРМ. В свою очередь оперативный сотрудник не обязан информировать следователя о результатах встречи с подозреваемым о проведенных ОРМ.

Некоторые исследователи считают, что если ОРМ проводятся по поручению следователя, данному в соответствии с ч. 2 ст. 38 УПК РФ, то дополнительного разрешения на встречи с подозреваемым не требуется [2, с. 289]. Прямо противоположное мнение высказывает А.В. Гриненко, полагающий, что такое поручение не исключает необходимости получения письменного разрешения на встречу с подозреваемым. Оно может быть составлено следователем одновременно с поручением с указанием в нем конкретного оперативного сотрудника, который будет выполнять поручение [3, с. 319].

Представляется, что правовое регулирование рассматриваемых отношений не должно быть избыточным, а сам порядок проведения ОРМ в условиях нахождения подозреваемого под стражей не должен быть излишне забюрократизированным. Поручением указанного вида органу, осуществляющего ОРД, делегируются полномочия по проведению ОРМ по конкретному уголовному делу и в отношении уголовно-преследуемых по нему лиц. Из него логически вытекает право оперативных сотрудников, назначенных исполнителями поручения следователя, лично контактировать с задержанным подозреваемым в связи с осуществлением ОРМ. Никакого дополнительного разрешения от следователя для этого не требуется. Поручение органу дознания о проведении ОРМ исключает вмешательство в его деятельность следователя: начальник органа дознания сам определяет какие ОРМ нужно провести для выполнения указанного в поручении задания и кто их будет проводить.

Совокупность таких признаков, как источник нормативного регулирования, субъекты и целевое назначение деятельности, не позволяет однозначно утверждать о единой правовой природе действий следователя и оперативного сотрудника, регулируемых ч. 2 ст. 95 УПК РФ. Это очень важное положение.

К уголовно-процессуальным можно отнести действия следователя, связанные с оформлением разрешения на встречу оперативного сотрудника с подозреваемым. Их можно рассматривать как иные процессуальные действия следователя.

Проведение в соответствии с Законом об ОРД с подозреваемым ОРМ оперативным сотрудником, не являющимся участником уголовного процесса, имеет

оперативно-розыскную природу. Положения ч. 2 ст. 95 УПК РФ регулируют в большей степени оперативно-розыскные отношения, нежели уголовно-процессуальные. Поэтому анализируемая норма ближе по своей сущности к нормам оперативно-розыскного законодательства. Она безболезненно может быть перемещена в Закон об ОРД, где органично впишется в текст ст. 8 «Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий» [4, с. 74–75]. Однако этим далеко не исчерпывается научно-практическая привлекательность положений ч. 2 ст. 95 УПК РФ. Полагаю целесообразным остановиться на следующих их особенностях.

2. Получение разрешения следователя на встречу оперативного сотрудника с подозреваемым. В законе нет каких-либо указаний относительно порядка обращения оперативного сотрудника к следователю за таким разрешением: должно ли оно быть в письменном виде (например, составляется рапорт) или достаточно просьбы, высказанной устно либо по телефону? Из содержания предложенного В. Ю. Мельниковым бланка «Разрешения на встречу сотруднику органа дознания с подозреваемым» следует, что ходатайство оперативного сотрудника разрешить ему встречу с подозреваемым в месте содержания его под стражей документально (письменно) не фиксируется [5, с. 485]. Вместе с тем для получения разрешения на встречу оперативный сотрудник обосновывает перед следователем необходимость проведения ОРМ. Сделать это он может лишь представив следователю письменное ходатайство или рапорт.

В пользу нашей позиции указывает и следующее обстоятельство. В случае необходимости получить в порядке ч. 2 ст. 95 УПК РФ разрешение суда, в производстве которого находится уголовное дело, трудно представить, чтобы оперативный сотрудник обратился в суд «в рабочем порядке», без письменного оформления такого обращения. В суд представляется соответствующее ходатайство, по результатам рассмотрения которого и выдается разрешение на встречу с подозреваемым.

Поэтому встречающаяся практика составления оперативными сотрудниками указанных документов, играющих роль повода для рассмотрения следователем вопроса о выдаче разрешения на встречу с подозреваемым, нуждается в повсеместном распространении и должна стать универсальной.

Буквальное толкование положений ч. 2 ст. 95 УПК РФ приводит к выводу, что количество встреч оперативных сотрудников с находящимся под стражей подозреваемым в законе не ограничено. Также не определяется и продолжительность отдельно взятой встречи. Здесь могут быть высказаны следующие рекомендации:

а) беседа по аналогии с ч. 3 ст. 164, ст. 187 УПК РФ не может длиться непрерывно более 4 часов, а общая продолжительность опроса в течение дня не должна превышать 8 часов. Перерыв для отдыха не менее часа. В ночное время проведение опроса не допускается;

б) при подготовке и проведении опроса должны соблюдаться правила внутреннего распорядка места содержания под стражей.

В разрешении встретиться с подозреваемым, содержащимся под стражей, оперативному сотруднику может быть отказано. Такой отказ должен быть мотивированным, в нем следователь выражает свое отношение к обстоятельствам, которые, по мнению оперативного сотрудника, указывают на необходимость проведения ОРМ с подозреваемым.

По мнению А. П. Короткова и А. В. Тимофеева, разрешение на встречу с подозреваемым может быть выдано нескольким сотрудникам уголовного розыска. «В этом случае, — пишут авторы, — на каждую такую встречу должно выдаваться единое разрешение, в котором должны быть указаны все сотрудники органа дознания, которым разрешена такая встреча» [6, с. 171]. С формальных позиций, если буквально следовать положениям ч. 2 ст. 95 УПК РФ, подобная точка зрения вполне корректна. Вместе с тем закономерно возникает вопрос: с какой целью в ИВС или СИЗО, где содержится под стражей подозреваемый (обвиняемый), направляется группа оперативников? В ч. 2 ст. 95 УПК РФ обозначена только одна цель встречи с подозреваемым — необходимость проведения ОРМ. С учетом назначения и особенностей каждого из предусмотренных ст. 6 Закона об ОРД ОРМ, в условиях изоляции подозреваемого, при непосредственном контакте с ним оперативных сотрудников, может быть проведено единственное ОРМ — опрос.

Таким образом, в ч. 2 ст. 95 УПК РФ фактически узаконен бригадный метод опроса содержащегося под стражей подозреваемого. Для сравнения отметим, что правила допроса подозреваемого (ч. 4 ст. 92 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 173 УПК РФ) не предусматривают допроса подозреваемого (обвиняемого) сразу несколькими следователями. Бригадный метод опроса оперативными сотрудниками подозреваемого, находящегося в изоляции, уже сам по себе оказывает на него психологическое воздействие, давление. Группе оперативников легче склонить подозреваемого к сотрудничеству с органами расследования, даче ложных признательных показаний, явке с повинной, заключению досудебного соглашения о сотрудничестве. Поэтому разрешение на проведение «бесед» с задержанным подозреваемым сразу нескольким оперативным сотрудникам должно выдаваться с осторожностью и при убедительных доводах, приводимых ими в обо-

снование необходимости осуществления ОРМ.

Следует ли приобщать к материалам уголовного дела копию разрешения следователя либо отказа в разрешении встречи оперативного сотрудника с подозреваемым? На данный вопрос надо дать утвердительный ответ. Названный документ составляется следователем, является процессуальным и должен храниться в уголовном деле. Подобные вопросы могут ставиться оперативными сотрудниками неоднократно. Каждый раз следователем по ним принимаются отдельные решения. Будучи составной частью материалов уголовного дела, письменные разрешения (отказы в разрешении) на встречи с подозреваемым оперативных сотрудников содержат информацию о характере оперативного сопровождения расследования преступлений, которая может указывать на факты злоупотребления правом оперативными сотрудниками.

3. Согласие подозреваемого на встречу с оперативным сотрудником. Законом не предусмотрено получение такого согласия. Однако логико-юридический анализ предписаний ч. 2 ст. 95 УПК РФ подсказывает, что при несогласии подозреваемого контактировать с оперативными сотрудниками принудить его к этому вряд ли возможно. Да и если это организационно-технически осуществимо (при наличии соответствующего разрешения следователя нет никаких препятствий для того, чтобы администрация места содержания под стражей доставила подозреваемого в служебное помещение учреждения, где находятся оперативные сотрудники), фактическое проведение большинства ОРМ с участием подозреваемого трудно реализуемо. Несмотря на масштабность включенного в ч. 2 ст. 95 УПК РФ положения («в случае необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий»), встречаясь с подозреваемым в месте содержания под стражей, оперативный сотрудник из пятнадцати ОРМ, перечисленных в ст. 6 Закона об ОРД, может провести только опрос. Опрос возможен при добровольном согласии лица на беседу, поскольку закон не предусматривает каких-либо мер принуждения при этом.

Получение согласия подозреваемого на встречу с оперативным сотрудником не предполагает формализованной процедуры.

4. Участие адвоката в ОРМ, проводимых с задержанным подозреваемым. На практике распространены случаи, когда задержанный подозреваемый соглашается встретиться с оперативным сотрудником только в присутствии адвоката. Как на это следует реагировать? Должна ли предоставляться квалифицированная юридическая помощь адвоката подозреваемому, в отношении которого проводятся ОРМ в соответствии с ч. 2 ст. 95 УПК РФ? Какой субъект, следователь или орган, осуществляющий ОРД, обязан

обеспечить участие в ОРМ адвоката?

Пробел в Законе об ОРД в части регулирования отношений по поводу обеспечения права на защиту задержанному подозреваемому, в отношении которого проводятся гласные ОРМ (в Законе об ОРД адвокат и защитник не упоминаются), размытость границ, позволяющих выделить в деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений административные, оперативно-розыскные и уголовно-процессуальные процедуры, явно не способствуют реализации конституционного права на квалифицированную юридическую помощь адвоката указанными лицами. В этой связи вполне объяснимо «подключение» Конституционного Суда РФ к разъяснению вопросов реализации права на защиту в условиях ОРД. Выработанные им правовые позиции в интересующем нас аспекте сводятся к следующему:

- закрепляя право на защиту как непосредственно действующее, Конституция РФ не связывает предоставление помощи адвоката (защитника) с формальным признанием лица подозреваемым либо обвиняемым, а, следовательно, и с моментом принятия органом дознания, следствия или прокуратуры какого-либо процессуального акта, и не наделяет федерального законодателя правом устанавливать ограничительные условия его реализации [7];
- право пользоваться помощью адвоката (защитника) гарантируется любому лицу, в отношении которого осуществляется деятельность, направленная на выявление фактов и обстоятельств, уличающих его в подготовке или совершении преступления, а значит лицу, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия в связи с подозрением его в причастности к подготовке или совершению преступления, должна предоставляться возможность воспользоваться квалифицированной юридической помощью адвоката (защитника), если таковая не исключается необходимостью обеспечения режима секретности, соблюдения требований оперативности и конспиративности [8].

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда РФ в полной мере распространяются на ситуации, когда задержанный подозреваемый соглашается встретиться с оперативным сотрудником только в присутствии адвоката. Во-первых, ему должна быть предоставлена возможность реализации права на защиту в форме квалифицированной юридической помощи адвоката. Во-вторых, адвокат может быть приглашен подозреваемым. По его просьбе участие адвоката обеспечивается оперативными сотрудниками, иницииро-

ванными проведение ОРМ в виде опроса.

Как правильно отмечает М. А. Фомин, суды при решении вопроса о допустимости таких представленных стороной обвинения доказательств, как опрос, объяснение, явка с повинной, должны исходить из требований закона о соблюдении процедуры получения таких доказательств, к которым в первую очередь относится право на защиту [9, с. 49–54]. По изложенным причинам трудно согласиться с мнением, что в соответствии с ч. 2 ст. 95 УПК РФ встречи оперативных сотрудников с подозреваемым проводятся для осуществления мероприятий, предусмотренных Законом об ОРД, и участие в них защитника не предусмотрено [6, с. 172].

В специальной литературе обосновывается прямо противоположная точка зрения [10, с. 12]. В научных публикациях последних лет, касающихся анализируемой в статье тематики, обращается внимание на важное значение в достижении задач ОРД обеспечения лицу, являющегося объектом ОРД, права на получение квалифицированной юридической помощи адвоката. О нарушении этого конституционного права при проведении ОРМ ставился вопрос в более чем 13 % жалоб, а отказ в доступе к адвокату у 9 % заявителей стал основным поводом для их обращения в Конституционный Суд РФ. Анализ материалов, приложенных к жалобам, показал, что нарушение права на доступ к адвокату связывается прежде всего с не разъяснением этого права, а также с отказами в предоставлении адвоката при проведении гласных ОРМ, в т. ч. опросов заподозренных в совершении преступления лиц [11, с. 87–92].

Таким образом, реализация положений ч. 2 ст. 95 УПК РФ в части непосредственного проведения ОРМ с участием задержанного подозреваемого предполагает обязательное разъяснение ему права на квалифицированную юридическую помощь и создание условий для его реализации (предоставление возможности связаться с адвокатом по телефону, удовлетворение просьбы о допуске адвоката к участию в проводимом ОРМ). Однако следует иметь в виду, что закон не предусматривает предоставления квалифицированной юридической помощи бесплатно [12, с. 40–41].

В связи с изложенным представляют интерес данные проведенного Е. В. Герасименко опроса 123 оперативных сотрудников из более чем 15 регионов РФ. Около половины респондентов отметили, что считают возможным не допускать адвоката к участию в гласных ОРМ, ссылаясь на отсутствие регламентации его деятельности в Законе об ОРД и приводя в пример УПК РФ, которым предусмотрен механизм реализации рассматриваемого права: дано определение защитника, закреплен порядок его вступления в уго-

ловный процесс, оплаты труда, полномочия и другие элементы правового статуса. Большинство опрошенных респондентов считают, что для обеспечения права на получение квалифицированной юридической помощи при проведении ОРМ также необходимо разработать соответствующий механизм. Правовая регламентация указанного механизма в Законе об ОРД будет залогом правильного использования конституционной нормы, позволит обеспечить возможность ее беспрепятственного осуществления, а также свести к минимуму вероятность нарушений законности со стороны сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [13, с. 36–37].

5. Иные вопросы. При применении предписаний ч. 2 ст. 95 УПК РФ возникают и другие проблемные ситуации. В частности, нет единого понимания как оформлять результаты встречи с подозреваемым. Полагаем, что поскольку в ч. 2 ст. 95 УПК РФ речь идет о проведении ОРМ, то их результаты фиксируются согласно правилам, выработанным для конкретного вида ОРМ. Итоги опроса, например, оформляются объяснением, заявлением, явкой с повинной либо рапортом (справкой) оперативного сотрудника.

Имеются и разночтения в части предоставления оперативными сотрудниками информации следователю о результатах встречи и проведенных ОРМ. В литературе высказана рекомендация, согласно которой до следователя должна доводиться значимая для него информация. Однако характер такой информации не раскрывается [6, с. 172]. Можно догадываться, что критериям «значимости» информации соответствуют, например, полученные оперативными сотрудниками сведения о готовности подозреваемого дать признательные показания, сделать заявление о явке с повинной.

Анализ литературных источников, авторы которых анализировали содержание положений ч. 2 ст. 95 УПК РФ, не позволил прояснить вопрос: в каких же случаях для встречи оперативного сотрудника с подозреваемым требуется разрешение суда? Скорее всего здесь подразумеваются ситуации, когда после направления уголовного дела в суд с обвинительным заключением у оперативного работника возникает необходимость в целях решения задач ОРД опросить обвиняемого, числящегося за судом (включая сроки содержания под стражей). Разрешение на встречу оперативному сотруднику с обвиняемым может дать суд, рассматривающий данное уголовное дело.

Из-за ограниченного объема статьи не представилось возможным подробно рассмотреть все аспекты правоприменения, связанные с проведением ОРМ в отношении задержанного подозреваемого. Однако изложенного достаточно для следующих выводов.

1. В ч. 2 ст. 95 УПК РФ закреплены положения,

создающие условия оперативным подразделениям для проведения ОРД с лицами, задержанными по подозрению в совершении преступлений и взятыми под стражу. Правовая природа указанных нормативных положений смешанная, возникающие при их реализации правоотношения имеют в большей степени оперативно-розыскную природу.

2. Нормы ч. 2 ст. 95 УПК РФ востребованы на практике, основными их «пользователями» выступают оперативные сотрудники. Несмотря на большую значимость правовых предписаний ч. 2 ст. 95 УПК РФ для выявления фактов и обстоятельств, уличающих подозреваемого в подготовке или совершении преступления, они характеризуются чрезмерной лаконичностью, что привело к серьезным пробелам в нормативном регулировании ОРМ, осуществляемых в условиях изоляции подозреваемого.

3. Недоработки законодательства в рассматриваемой части создают предпосылки для злоупотребления правом оперативными сотрудниками и вмешательства в процесс расследования уголовного дела, оказания давления на подозреваемого. Возникла парадоксальная ситуация: стремясь оградить подследственного, содержащегося под стражей, от неконтролируемых контактов с ним оперативных сотрудников, законодатель фактически вывел из-под контроля проведение в отношении него ОРМ, формально возложив его на заинтересованного следователя.

4. Разрешение следователя на встречи в ИВС или СИЗО оперативного сотрудника с задержанным подозреваемым (арестованным обвиняемым) носит исключительно формальный характер. Получая письменное разрешение на встречу с подозреваемым, оперативный сотрудник не обременен обязанностью письменно обосновывать необходимость осуществления ОРМ. Их общее количество и частота не ограничены законом. При проведении ОРМ в местах содержания под стражей не создаются условия для реализации подозреваемым права на получение квалифицированной юридической помощи адвоката.

5. Предписаниями ч. 2 ст. 95 УПК РФ допускается «бригадный» метод опроса содержащегося под стражей подозреваемого. Группы оперативников часто целенаправленно работают на склонение подозреваемого к сотрудничеству с органами расследования, получение ложных признательных показаний, вынуждают заявлять о явке с повинной, заключать досудебное соглашение о сотрудничестве. Для выдачи разрешения на проведение «бесед» с задержанным подозреваемым сразу нескольким оперативным сотрудникам должны быть приведены убедительные доводы с отражением их в материалах уголовного дела.

6. Сложная, смешанная правовая природа возникающих правоотношений при проведении ОРМ с

участием задержанного подозреваемого диктует необходимость вывести нормативное регулирование рассмотренных вопросов на новый уровень. Следует определиться, должны ли оставаться в УПК РФ рассмотренные нормы, обслуживающие ОРД. Вряд ли можно согласиться с тем, что оперативные сотрудники, не являющиеся участниками уголовного процесса, при проведении ОРМ, т. е. осуществляя непроцессуальную деятельность, руководствуются нормами, помещенными в УПК РФ. Тем самым разрываются внутренние связи норм оперативно-розыскного законодательства, снижается их регулятивный потенциал, а правоприменителю приходится прибегать к применению уголовно- процессуального закона по аналогии.

Список источников

1. Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2012 № 167-О-О // СПС «Консультант-Плюс».
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Смирнова. (Автор комментария гл. 12 УПК РФ К. Б. Калиновский). СПб. : Питер, 2003.
3. Гриненко А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий. М., 2018.
4. Чечетин А. Е. Оперативно-розыскные мероприятия и права личности: монограф. Барнаул, 2006.
5. Мельников В. Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М., 2006.
6. Коротков А. П., Тимофеев А. В. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ. М., 2004.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // URL:// <http://www.consultant.ru/>
8. Определение Конституционного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 1419-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козлова Дмитрия Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 части первой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также пунктом 15 статьи 5, частью третьей статьи 46 и частью первой статьи 285 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL:// <http://www.consultant.ru/>
9. Фомин М. А. Обеспечение реализации права

на защиту в условиях оперативно-розыскной деятельности // Адвокат. 2015. № 12. С. 49-54

10. Вагин О. А., Чечетин А. Е., Шахматов А. В. Практика применения Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: учеб.-практ. пос. СПб., 2012.
11. Шатохин И. Д., Чечетин А. Е. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности : монография. Барнаул, 2020.
12. Гусев В. А. Проблемы реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи в сфере оперативно-розыскных правоотношений // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск : Омская академия МВД России, 2022. С. 40–41.
13. Герасименко Е. В. Обеспечение права на получение квалифицированной юридической помощи при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск : Омская академия МВД России, 2022. С. 36–38.

References

1. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25.01.2012 № 167-О-О // SPS «KonsultantPlus».
2. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation / ed. by A. V. Smirnov. (Author of the commentary of chapter 12 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation K. B. Kalinovsky). SPb. : Peter, 2003.
3. Grinenko A. V. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: article-by-article scientific and practical commentary. M., 2018.
4. Chechetin A. E. Operative-investigative activities and the rights of the individual: monograph. Barnaul, 2006.
5. Melnikov V. Y. Ensuring the rights of citizens during pre-trial proceedings. M., 2006.
6. Korotkov A. P., Timofeev A. B. 900 answers to questions of prosecutors and investigators on the application of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. M., 2004.
7. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27 June 2000, No 11-P «On case of verification of constitutionality of the provision of part one of article 47 and part two of article 51 of the Criminal Procedural Code of RSFSR

- in connection with the complaint of citizen V. I. Maslov» // URL://http://www.consultant.ru/
8. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 27, 2017 № 1419-О «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Dmitry Yuryevich Kozlov on violation of his constitutional rights by paragraph 8 of part one of article 6 of the Federal law «On operational-search activity» as well as paragraph 15 of article 5, part three of article 46 and part one of article 285 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation» // URL://http://www.consultant.ru/
 9. Fomin M. A. Ensuring the realization of the right to defense in the context of operational-search activity // Lawyer. 2015. № 12. P. 49–54.
 10. Vagin O. A., Chechetin A. E., Shakhmatov A. V. Practice of application of the Federal Law «On Operative-Investigative Activity» in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation: tutorial. SPb., 2012.
 11. Shatokhin I. D., Chechetin A. E. Principle of respect and observance of human and citizen's rights and freedoms in operational-search activity: monograph. Barnaul, 2020.
 12. Gusev V. A. Problems of realization of the constitutional right to qualified legal assistance in the sphere of operational-search legal relations // Constitutionalization of operational-search activity: proceedings of the international scientific-practical conference. Omsk : Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, 2022. P. 40–41.
 13. Gerasimenko E. V. Maintenance of the right to the qualified legal aid at carrying out operatively-search actions // Constitutionalization of operatively-search activity: matli-nar. nauk. conf. Omsk : Omsk academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. P. 36–38.

Информация об авторе

В. В. Николюк — главный научный сотрудник научно-исследовательского центра № 5 ВНИИ МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Information about the author

V. V. Nikolyuk — Chief Researcher of the Research Center № 5 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 20.01.2023 approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-123-128>

НИОН: 2007-0083-2/23-267

MOSURED: 77/27-005-2023-02-467

Языковые средства обеспечения публичности уголовного судопроизводства

Александр Викторович Победкин^{1,2}

¹ Академия управления МВД России, Москва, Россия, apobedkin71@mail.ru

² Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Освещены вопросы обеспечения публичности отечественного уголовного судопроизводства. Публичность рассматривается как широкая категория, которая зиждется на убежденности населения страны в том, что уголовное судопроизводство способно защитить как каждого жителя от преступных проявлений, так и права и законные интересы участников процесса. Особое внимание обращается на доверие жителей к органам, осуществляющим уголовный процесс, как на ключевой фактор обеспечения публичности. Обосновывается вывод, что язык закона — значимый элемент системы такого обеспечения. Доказывается, что сегодня уголовно-процессуальный закон, исходя как из формы, так и из содержания не способен вызвать доверия граждан.

Ключевые слова: публичность уголовного судопроизводства, нравственные начала уголовного судопроизводства, язык закона, национальная безопасность, справедливость

Для цитирования: Победкин А. В. Языковые средства обеспечения публичности уголовного судопроизводства // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 123-128. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-123-128>.

Original article

Linguistic means of ensuring the publicity of criminal proceedings

Alexander V. Pobedkin^{1,2}

¹ Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, apobedkin@mail.ru

² Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia

Abstract. The issues of ensuring the publicity of domestic criminal proceedings are highlighted. Publicity is considered as a broad category, which is based on the conviction of the country's population that criminal proceedings are capable of protecting both every resident from criminal manifestations and the rights and legitimate interests of participants in the process. Particular attention is paid to the residents' trust in the bodies carrying out criminal proceedings as a key factor in ensuring publicity. The conclusion is substantiated that the language of the law is a significant element of the system of such provision. It is proved that today the criminal procedure law, based on both the form and the content, is not able to arouse the trust of citizens.

Keywords: publicity of criminal proceedings, moral principles of criminal proceedings, the language of the law, national security, justice

For citation: Pobedkin A. V. Linguistic means of ensuring the publicity of criminal proceedings. Criminological journal. 2023. (2):123-128. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-123-128>.

Уголовно-процессуальное право — публичная отрасль права. По крайней мере, в России, где жители страны неравнодушно относятся к ходу и результатам уголовного судопроизводства, в котором не участвуют, однако в котором видят воплощение справедли-

вости или несправедливости и на который надеются как на действенное средство защиты от преступности, которая угрожает не только каждому человеку, и национальной безопасности [14].

К сожалению, законодатель в Уголовно-процес-

суальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК) не посчитал нужным подчеркнуть публичный характер уголовного процесса, отказавшись от формулировки целей, задач уголовного судопроизводства и ограничившись аморфным «назначением», в статье о котором (ст. 6 УПК) ни единым словом не обмолвились о публичном назначении уголовного процесса.

Случайно ли решение законодателя? Очевидно, что нет.

Прежде всего, УПК пусть и не прямое, но все же следствие пресловутой Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. [13], в которой ее авторы призывали отказаться от спекуляций на «любви к отеческим гробам» и прямо указали ориентиры — западные страны, прежде всего США, Германия. Выраженный буржуазный характер Концепции наложил на яростное отрицание почти всех достижений советского уголовного судопроизводства и сервильность перед западными ценностями. Учитывая, что в дальнейшем инициативу в руководстве реформой уголовного судопроизводства перехватили США (известно, что на окончательном этапе подготовки УПК проект курировался Американской ассоциацией юристов), разработчики уголовно-процессуального законодательства России и ориентировались на англо-американскую концепцию судопроизводства. Она, как известно, состоит, прежде всего, в удовлетворении сторон.

Нельзя забывать и прямые объяснения причин отсутствия в УПК целей и задач, характерных для советского уголовного процесса. Отдельные разработчики проекта УПК заявляли, что «стремление к объективной истине оправдывает любые беззакония» [1, с. 81], «уголовно-процессуальный закон же должен быть ориентирован на истинность не результата, а только способов его получения [1, с. 83]; быстрое раскрытие преступлений «именуемое в теории как борьба с преступностью» [1, с. 79], — это ничто иное как «борьба с классовыми врагами», «врагами народа», «преступниками-обвиняемыми» [1, с. 79]. Итак, советские цели и задачи оказались неприемлемы по политическим, а не юридическим соображениям. Обратим, между тем, внимание, на то, что цели и задачи, обеспечивающие публичность уголовного судопроизводства (удовлетворение социальной потребности и правильном установлении обстоятельств по уголовному делу и принятии справедливого решения) [2, с. 110–118] признак не столь советского уголовного процесса. Известно, что на установление истины был направлен и процесс, урегулированный Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., да и сегодня далеко уже не советские страны, ориентируют судопроизводство именно на эти ценности. Так, например, в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан, принятом в 2014 г. (ч. 1 ст. 8), задачами уголовного судопроизводства названы «пресечение, беспристрастное, быстрое и полное рас-

крытие, расследование..., изобличение и привлечение к уголовной ответственности..., справедливое судебное разбирательство и правильное применение уголовного закона, защита лиц, общества и государства от уголовных правонарушений».

Наконец, само содержание УПК, предусматривающего соглашательские процедуры, требование ограничить которые прозвучало на уровне Президента Российской Федерации [3], — явно не российского генезиса, а прямое свидетельство приоритета материального над духовным, индивидуального над коллективным, а прагматизма перед истиной и справедливостью. Напомним, что в одном из последних документов стратегического планирования, направленном на сохранение и укрепление российских духовно-нравственных ценностей таковыми в числе других названы высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм [15].

Итак, УПК содержательно не направлен на обеспечение социальной потребности в установлении истины, принятии справедливых решений, т. е. отказывает уголовному судопроизводству в публичном характере.

Следствие такого положения весьма опасно. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации из года в год доводит угрожающую статистику. В 2020 г. 45 % респондентов были уверены, что выносимые судами приговоры чаще несправедливые, и только 35 % полагали, приговоры справедливы [4]. В 2021 г. ситуация лучше неамного: соответственно — 43 % и 29 % [5]. Народ не верит в правосудие, основанное на чуждых ценностях.

Мало того, весьма затруднительно поверить в справедливость решений, которые принимаются помимо народа и на которые он совершенно не в состоянии повлиять. УПК вытеснил народ из сферы уголовного процесса, отказавшись от народных заседателей, общественных обвинителей, общественных защитников. Люди не влияют на формирование судебного корпуса, уровень их доверия судьям никак не определяет служебную судьбу последних, никаких отчетов населению они не дают. Правосудие и вообще уголовное судопроизводство ошибочно рассматривается как дело исключительно профессионалов. Конечно, определенные юридические процедуры должны выполнять исключительно профессионалы, однако, оценка доказательств — процесс не правовой, он — нравственный и мыслительный. Это дело в основном совести, знания жизни, ощущения справедливости, в основе которой «живая совесть и живая любовь к человеку» [6, с. 17–18].

Парадокс, однако, даже правосудные, справедливые решения не несут должного заряда обеспечения доверия населения к органам, осуществляющим уго-

ловный процесс, если не задействованы средства, прямо направленные на обеспечение такого доверия.

Народ, чуждый судопроизводству, вряд ли в него поверит. Важно наглядно показать жителям страны, что государство видит в них не только участников отправления правосудия (собственно, Конституция Российской Федерации недвусмысленно определяет право граждан на участие в отправлении правосудия), но субъекта, на защиту которого направлен публичный уголовный процесс. Иначе говоря, уголовный процесс должен стать понятным населению не только по содержанию, но и по форме. Уголовно-процессуальному закону надлежит стать средством, стимулирующим людей на защиту своих прав и законных интересов, создавать чувство уверенности, что человек сможет надежно и эффективно защитить их.

По большому счету в УПК нет норм, не касающихся не только невластных участников процесса, но и лиц, вообще не вовлеченных в конкретные процессуальные отношения. Человеку свойственно проецировать на себя судьбы других, ставить себя на место другого, оценивать в разных возможных ситуациях свое поведение, свои шансы, переживать не только за других, но и за себя, своих близких, оказавшихся в условиях, в которых сегодня — другой. «Не переживай о том, что еще не случилось, а может и не случится», — это же только модная рекомендация: каждый и без нее прекрасно знает, что лучше об этом не переживать, вот только для людей с нормальной психикой переживания подобного рода — неизбежны. К тому же именно для россиян соперничество — национальный черта.

Публичность — она же не только в убежденности, что государство найдет и накажет преступника, который исправится и перестанет быть угрозой для жителей страны. Публичность — и в уверенности, что процессуальные гарантии надежны для любых участников конкретного процесса. Каждому по русским пословицам хорошо известно, от чего не следует зарекаться. Этой второй стороне публичности и не придается должного значения, внимание ей уделяется по остаточному принципу. Напрасно. Надежность закона как средства обеспечения законных интересов каждого, кто вступил в конкретные правоотношения, должна быть очевидна для всех, включая и тех, кто в них еще и не вступил.

Конституционный Суд Российской Федерации, хотя и признает, что в отдельных случаях необходимая степень определенности правового регулирования может быть достигнута только посредством выявления сложных взаимосвязей правовых предписаний, основным правилом все же считает ясность участникам правоотношений механизма действия закона из конкретных правовых предписаний [16].

Увы, сегодня язык уголовно-процессуального за-

кона не обеспечивает доверия населения к судопроизводству, а значить не позволяет реализовывать публичное его назначение. Считать, что УПК писан не для народа, а только для тех, кто участвует в производстве, тем более для профессиональных юристов — большая и принципиальная ошибка.

«Признать необходимым установление строжайшего наблюдения за более понятным для крестьянской массы изложением законов», — прямо требовала советская власть [17]. Верно и политически и юридически. Любое право всегда защищает определенные социальные и в первую очередь экономически господствующие слои. В этой связи и буржуазное право защищает не основную массу населения, а экономически властную элиту, потому оно и запутано. Материально обеспеченные участники процесса всегда найдут возможность обратиться к помощи юристов-профессионалов, существование касты которой также во многом обусловлено нарочитой путанностью закона. Советское право, ориентированное на защиту трудящегося населения, основывалось на иных приоритетах. Ясность, простота, доступность и главное — возможность самостоятельно действовать, руководствуясь таким правом. Язык закона как особая форма литературного языка не может быть классово нейтрален. Это язык, на котором государственная власть разговаривает с гражданами, который отражает политические цели государства [7, с. 9], и по которому граждане судят о государстве, которому доверили представлять и защищать свои интересы. Непонятный гражданам язык закона вызывает чувство беспомощности, опустошенности, бессилия перед государственной машиной судопроизводства, в которой никому ничего не удастся доказать и невозможно себя защитить. Особенности такого процесса тонко схвачены Ф. Кафкой в бессмертном «Процессе». Обвиняемый, попавший в сети процесса, доведен до казни, хотя ни судей, ни доказательств виновности, ни даже обвинения не видел. «Дело в том, что все судопроизводство является тайной не только для общественности, но и для самого обвиняемого, разумеется только в тех пределах, в каких это возможно, но возможности тут ограниченные», — говорит один из героев произведения несчастному обвиняемому.

Основные требования к закону сформулированы еще Гегелем — доступность, ясность и непротиворечивость, простые и понятные для народа определения и терминология на родном языке, с отчетливо и понятно сформулированными принципами [8, с. 262]. Только такой закон вызовет уважение граждан, стремление его соблюдать, а значит, позволит верить в государство и его органы.

Советская юриспруденция не зря гордилась, например, свободой кассационного обжалования как одной из основных черт кассационного производства.

Ее суть состояла не только в обязанности суда кассационной инстанции рассмотреть кассационную жалобу в заседании суда кассационной инстанции (без установки каких-либо дополнительных фильтрующих процедур), но и в отсутствии формальных требований к кассационной жалобе (не только по форме, но и по содержанию!). Порядок подачи кассационной жалобы позволял любому участнику процесса, наделенного правом обжалования судебного решения, легко воспользоваться одним из основных средств защиты своих прав и законных интересов. Заметим, что право на пересмотр приговора вышестоящим судом имеет сегодня конституционный уровень, а значит, предполагает создание понятного, действенного и максимально простого механизма реализации права, каким и был механизм, установленный последним советским уголовно-процессуальным законом. Направленность данной нормы, как и всего УПК РСФСР 1960 г., просматривалась более чем ясно — обеспечить максимальную защиту большинства населения страны, обыкновенного труженика, человека с любым достатком, который имел возможность самостоятельно не только ознакомиться со своими правами, но и понять их, и главное — реализовать. Теперь такой черты нет ни в кассационном, ни в апелляционном производстве. К кассационным (апелляционным) жалобам законодателем выставлены жесткие требования. «Сплошная кассация», к которой законодатель вроде бы пытался вернуться, вновь резко ограничена шести месячным сроком и предшествующим обжалованием приговора в апелляционном порядке.

Нормативный акт, конечно, может содержать специальные термины, однако, если он направлен на регулирование поведения конкретных специалистов, чаще — технических работников [7, с. 21]. Однако уголовно-процессуальный закон — акт иного уровня. В уголовном процессе нет технических работников, а УПК не инструкция [9, с. 101–111], он регламентирует особую сферу общественных отношений, в рамках которых решаются вопросы человеческих судеб. Для человека далеко не безразличны гарантии обеспечения законности, обоснованности и справедливости даже тех процессуальных решений, которые обеспечиваются правоотношениями субъектов — должностных лиц, ведущих процесс, между собой.

Все нужное — просто, — говорил выдающийся конструктор стрелкового оружия М. Калашников, — это правильный подход не только для создания вооружения или техники, но и права.

УПК грешит употреблением неразъясненных или негодно разъясненных терминов (законодателю, например, вполне по силам снять вопрос о содержании термина «следственные действия», четко разграничить дознавателя как должностное лицо и как участника уголовного судопроизводства и др.), тавто-

логичностью («изымаются документы, изъятые из обращения», и др.), неоправданными длиннотами [10, с. 58–62]. Примеров множество. Изменения в ст. 6.1 УПК [18], к примеру, включают предложение, содержащее более 90 слов и разобраться в нем — тяжелый труд даже для квалифицированного юриста. Или ч. 8.2 ст. 109 УПК, которая в одном предложении содержит более 140 слов и 13 отсылок к другим статьям УПК (в формате 84 x 108 1/32, т. е. в формате привычного кодекса сплошь и рядом встречающегося в продаже, предложение занимает 15 строк). Суть же нормы прямо не озвучена, а она в том, срок содержания под стражей на досудебном производстве может быть продлен свыше сроков, предусмотренных ч. 1 ст. 109 УПК.

К сожалению, в УПК допускается не только неоправданное многословие, но и очевидные нелепости, в том числе опасные для прав и законных интересов граждан. Так, запрещая использовать результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве, если они не преобразованы в доказательства (ст. 89 УПК), законодатель многократно смешивает оперативно-розыскную и процессуальную деятельность. Он не к месту употребляет такие термины как неопределенные в нем термины «оперативно-розыскные мероприятия», «должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность», «полномочия по осуществлению оперативно-розыскной деятельности». На уровне законодателя (п. 24 ст. 5 УПК) признано, что органы дознания — государственные органы и должностные лица, наделенные правом осуществлять именно процессуальную деятельность. До каких же пор УПК будет требовать давать поручения о производстве оперативно-розыскных мероприятий органу дознания, а не подразделению, наделенному соответствующими полномочиями законодательством об оперативно-розыскной деятельности? С подозреваемым также встречается сотрудник органа дознания, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность» (ч. 2 ст. 95 УПК). Если переложить эту фразу в точные формулировки получаем: «сотрудник органа, уполномоченного осуществлять процессуальную деятельность, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность». Не странно ли?

Дошло до того, что результаты оперативно-розыскной деятельности и доказательства с точки зрения значения для доказывания прямо отождествляются в п. 21 ч. 2 ст. 75 УПК, согласно которому предметы, документы и сведения, входящие в производство адвоката по делам его доверителей, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности (!) и следственных действий, являются недопустимыми доказательствами. Это при том, что законодатель, если ничего иного он в виду не имел, сам же убеждает читателя УПК, что результаты оперативно-розыскной деятель-

ности доказательствами вообще не являются (ст. 89 УПК).

Язык закона пожирает сам закон: меняет смысл процессуальных норм, искажает дух права, рождает многовариантность правоприменения.

Отрадно, что в среде законотворцев проблему видят. Я. Лантратова (первый заместитель председателя комитета Государственной Думы Российской Федерации по просвещению) отмечает, что «ценностью является как раз умение говорить понятным языком для людей, на которых мы работаем — тех на кого эти законы и нововведения направлены. Однако в России документы пишутся сложным для восприятия канцелярским языком, из-за чего может возникнуть путаница в их толковании и, как следствие, правоприменении. ... От ... синтаксической сложности теряется мысль» [11]. Мало того, правительственная комиссия по законопроектной деятельности разработала методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов. Начиная с названия, законопроект должен быть простым и понятным. П. Крашениников надеется, что этот документ послужит защите прав и законных интересов граждан [12]. Надежда, конечно, есть.

Список источников

1. Мизулина Е. Б. О технологической теории уголовного процесса // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие). Сборник статей и материалов. М. : Юристъ, 2006.
2. Победкин А. В. Содержание уголовно-процессуального права как выражение объективной социальной потребности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 3 (26). С. 110–118.
3. Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 19 марта 2019 г. // URL://http://www.kremlin.ru.
4. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 г. // URL://https://ombudsmanrf.org/content/doclad2020.
5. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2021 г. // URL://http://old.ombudsmanrf.org/ombudsman/document/ezhegodnye_doklady.
6. Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Поющее сердце. О сопротивлении злу силою. М. : Издательство АСТ, 2020.
7. Боголюбов С. А., Казьмин И. Ф., Локшина М. Д. и др. Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. М.: «Юридическая литература», 1990.
8. Гегель. Философия права. М. : Мысль, 1990.
9. Победкин А. В. Уголовно-процессуальный кодекс: форма «живого» права или бездушная инструкция // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. № 3 (32). С. 101–111.
10. Марфицин П.Г. Некоторые аспекты совершенствования языка уголовно-процессуального закона // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1 (26). С. 58–62.
11. Рокоссовская А. Польских чиновников научат писать документы простым языком // Российская газета. 2021. № 286 (8637).
12. Куликов В. Пишите проще // Российская газета. 2021. № 60.
13. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 ноября 1991 № 1801 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44.
14. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2019 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности гостиположения абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина О. В. Сухова» // СПС «КонсультантПлюс».
17. Декрет СНК РСФСР от 6 февраля 1925 г. «Об установлении работы центра с низовым аппаратом» // СУ РСФСР. 1925. № 9. Ст. 64.
18. Федеральный закон от 5 декабря 2022 г № 476-ФЗ «О внесении изменений в статью 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Mizulina E. B. On the technological theory of criminal proceedings. On technological theory of criminal procedure // Lessons of criminal justice reform in Russia (on materials of the Interdepartmental Working Group on monitoring the Criminal Procedure Code of the Russian

- Federation and in connection with the five-year anniversary of its adoption and enactment). Collection of articles and materials. M. : Jurist, 2006.
2. Pobedkin A. V. The content of the criminal procedural law as an expression of objective social need // Library of criminalist. Scientific journal. 2016. № 3 (26). P. 110–118.
 3. Speech of the President of the Russian Federation V. V. Putin at the extended meeting of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation on March 19, 2019 // URL://<http://www.kremlin.ru>.
 4. Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2020 // URL://<https://ombudsmanrf.org/content/doclad2020>.
 5. Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2021 // URL://http://old.ombudsmanrf.org/ombudsman/document/ezhegodnye_doklady.
 6. Ilyin I. A. The Singing Heart. The Book of Silent Contemplation // The Singing Heart. On resistance to evil by force. M. AST Publisher, 2020.
 7. Bogolyubov S. A., Kazmin I. F., Lokshina M. D. et al. Language of the law / ed. by A.S. Pigolkin. M. : «Legal literature», 1990.
 8. Hegel. Philosophy of Law. M. : Thought, 1990.
 9. Pobedkin A. V. Criminal Procedure Code: a form of «living» law or a soulless instruction // Criminalist's Library. Scientific journal. 2017. № 3 (32). P. 101–111.
 10. Marficin P. G. Some aspects of improving the language of the criminal procedure law // Bulletin of the Omsk Law Academy. 2015. № 1 (26). P. 58–62.
 11. Rokossovskaya A. Polish officials will be taught to write documents in simple language // Rossiyskaya Gazeta. 2021. № 286 (8637).
 12. Kulikov V. Write in plainer language // Rossiyskaya gazeta. 2021. № 60.
 13. Resolution of the RSFSR Supreme Soviet of November 24, 1991 № 1801 «On the Concept of the Judicial Reform in the RSFSR» // Bulletin of the Congress of People's Deputies and the RSFSR Supreme Soviet. 1991. № 44.
 14. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».
 15. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, № 809 «On approval of the Fundamentals of state policy to preserve and strengthen traditional Russian spiritual and moral values» // SPS «ConsultantPlus».
 16. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 18, 2019 № 29-П «On the case of checking the constitutionally important provision of paragraph 1 of paragraph 1 of article 2 of the Federal Law «On Advocacy and the Bar in the Russian Federation» in connection with the complaint of citizen O. V. Sukhov» // SPS «ConsultantPlus».
 17. Decree of the Council of People's Commissars RSFSR of February 6, 1925. «On establishing the work of the center with the grassroots apparatus» // SU RSFSR. 1925. № 9. Art. 64.
 18. Federal Law of December 5, 2022, № 476-FZ «On Amending Article 6.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

А. В. Победкин — начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

A. V. Pobedkin — Head of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 03.02.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 05.06.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-129-132>

NIJON: 2007-0083-2/23-268

MOSURED: 77/27-005-2023-02-468

Следственные действия VS негласные приемы установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются тенденции, связанные с постепенным внедрением в сферу уголовно-процессуального регулирования негласных познавательных процедур, направленных на досудебное установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. При этом обосновывается вывод об их несоответствии национальным подходам к концепции построения досудебного производства в целом, а также сущности и нормативно-правовому регулированию следственных действий в частности.

Ключевые слова: контроль и запись переговоров, негласные следственные действия, получение информации о соединениях, следственные действия, собирание доказательств

Для цитирования: Россинский С. Б. Следственные действия VS негласные приемы установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 129-132. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-129-132>.

Original article

Investigative actions VS tacit techniques to establish the circumstances relevant to the criminal case

Sergey B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, s.rossinskiy@gmail.com

Abstract. The tendencies associated with the gradual introduction into the sphere of criminal procedural regulation of tacit cognitive procedures aimed at the pre-trial establishment of circumstances relevant to the criminal case are considered. The conclusion about their inconsistency with national approaches to the concept of pre-trial proceedings as a whole, as well as the essence and normative-legal regulation of investigative actions in particular, is substantiated.

Keywords: control and recording of conversations, covert investigative actions, getting information about connections, investigative actions, collecting evidence

For citation: Rossinskiy S. B. Investigative actions VS tacit techniques to establish the circumstances relevant to the criminal case. Criminological journal. 2023. (2):129-132. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-129-132>.

Стремление к формированию максимально эффективных и пригодных к практическому применению правовых механизмов, обеспечивающих успешное достижение цели и решение задач досудебного производства по уголовному делу, постоянно подталкивает к совершенствованию имеющихся в арсенале органов дознания и предварительного следствия познавательных-удостоверительных приемов, направленных на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания и, таким образом, лежащих в основу итоговых и текущих правоприменительных актов. Причем наибольшие усилия законодателя и

ученых-процессуалистов в данном сегменте уголовно-процессуального регулирования вполне ожидаемо связаны с развитием системы следственных действий как основных способов накопления полезных сведений и собирания (формирования) соответствующих доказательств в ходе предварительного расследования уголовного дела.

В настоящее время развитию системы следственных действий присущи сразу несколько тенденций, связанных с общими изменениями в жизнедеятельности российского общества, с имплементацией в законодательство несвойственных для прежней (со-

ветской) правовой системы постулатов и ценностей, с научно-техническим прогрессом, «бумом» цифровых технологий и многими другими факторами. И одна из таких тенденций, вне всяких сомнений — это явное стремление к пополнению совокупности «традиционных» процессуальных способов собирания доказательств негласными познавательными приемами, осуществляемыми не самими дознавателями и следователями, а по их поручению сотрудниками оперативных, в частности специальных технических, подразделений правоохранительных органов.

Так, в связи с принятием Уголовно-процессуального кодекса РФ органы предварительного расследования получили легальную возможность инициировать прослушивание (контроль) и запись телефонных или иных приговоров с признанием полученных фонограмм полноценными доказательствами (ст. 186 УПК РФ), тогда как ранее проведение подобных мероприятий фактически находилось в «серой» для уголовного процесса зоне оперативно-розыскного регулирования. А несколько позднее, в 2010 г. следственно-дознавательский инструментарий пополнился еще одним «закулисным» приемом — негласным получением информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ).

За прошедшее время данные новшества получили множество как позитивных, так и негативных оценок. Причем основные недостатки указанных процессуальных инноваций как правило связывались и продолжают связываться с недопустимостью проникновения негласных познавательных приемов в сложившуюся систему следственных действий. В целом ряде научных публикаций, в том числе принадлежащих перу известных ученых, «титанов» уголовного процесса и криминалистики, не без оснований отмечается, о неприемлемости производства следственных действий в «закулисном» режиме, исключающем надлежащий уровень юридических гарантий доброкачественности получаемых познавательных продуктов (досудебных доказательств) и, как следствие, вытекающую из смысла УПК РФ возможность их приравнивания к познавательным продуктам, полученным в судебном заседании (к судебным доказательствам) [1, с. 38; 3, с. 33; 7, с. 14–16].

Отрицать всю очевидность и логичность подобных негативных откликов достаточно сложно. Тем более, сложно это делать автору настоящей статьи, уже неоднократно обращавшему внимание на особый характер российской системы досудебного производства, претерпевшей за последние 100 лет сильные изменения в сторону административизации, попадания в ведение органов исполнительной власти полицейского и параполицейского типа, но еще в чем-то сохраняющей свою исконную судебно-следственную («наполеоновскую») природу, предполагающую возможность получения полноценных доказательств, уже изначально (по умолчанию) пригодных к использованию для обоснования приговоров либо иных пра-

воприменительных актов [4, с. 21–46]. Вместе с тем и полностью согласиться с указанными доводами тоже достаточно сложно. Ведь содержание алгоритмов, предусмотренных ст. 186 и 186.1 УПК РФ не сводится только к негласным познавательным технологиям оперативно-розыскного характера. Они включают и соответствующие гласные фрагменты сугубо следственного характера: осмотр (в части контроля и записи переговоров — прослушивание) поступающих материалов и их юридическое введение в уголовный процесс, т. е. приобщение к уголовному делу как полноценных (допустимых) средств доказывания (ч. 7–8 ст. 186, ч. 5–6 ст. 186.1 УПК РФ). Именно на этом, завершающем этапе результаты контроля и записи переговоров либо получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами соответствующие материалы и становятся доказательствами. Т. е. данные материалы все равно приобретают свойство допустимости и включаются в общий массив средств доказывания посредством процессуальной деятельности следователя (дознавателя), сохраняющего как роль основного субъекта-познавателя, так и роль субъекта-распорядителя. Тогда как оперативные, в том числе специальные технические, подразделения правоохранительных органов лишь содействуют в технической фиксации переговоров либо истребовании сведений о соединениях. К слову, в последнем случае (при получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами) подобное содействие вообще не требуется, поскольку по смыслу закона соответствующие материалы подлежат представлению оператором связи непосредственно в орган предварительного расследования (ч. 4 ст. 186.1 УПК РФ). Думается, что роль оперативных сотрудников во всех подобных ситуациях скорее сопоставима с ролью специалиста, поскольку сводится к содействию в обнаружении, закреплении и изъятии некой информации путем умелого использования специальных знаний, позволяющих работать на современном «полицейском» оборудовании.

Иными словами, процессуальные технологии, предусмотренные ст. 186 и 186.1 УПК РФ не подлежат полному исключению из единой системы следственных действий, равно как и не могут и признаваться ее типичными элементами. Они предполагают комбинированный характер, синтетическую природу, выраженную в сочетании процессуально-познавательных и непроцессуально-познавательных приемов, в интеграции элементов следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. К слову, схожая комплексность присуща еще одной предусмотренной уголовно-процессуальным законом технологии — наложению ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотру и выемке (ст. 185 УПК РФ). Поэтому, как уже отмечалось в публикациях автора настоящей статьи, все эти познавательные приемы подлежат включению в систему следственных действий, но лишь в части работы следователя (дознавателя), пред-

полагающей возможность получения доказательств. Т. е. существование таких приемов в целом не входит в диссонанс с теорией следственных действий и не способно повлиять на разрушение их системы.

Гораздо хуже другое — вполне реальная возможность введения в сферу уголовного-процессуального регулирования полностью негласных следственных действий, т. е. процессуальной легализации оперативно-розыскных мероприятий. Ведь именно по этому пути пошли многие постсоветские государства: Украина, Грузия, Казахстан, Молдова, Латвия, Литва, Эстония и др. Тем более что в последнее время такие идеи активно поддерживаются в целом ряде «инновационных» публикаций. Самыми рьяными сторонниками подобных подходов вполне ожидаемо являются представители и последователи так называемой нижегородской школы («Aleksandroff & Co»), которые уже не первый заявляют о себе посредством научного популизма, научных провокаций, в частности активно выступают за вестернизацию досудебного производства как единственно правильный вектор развития уголовной юстиции «по пути к свободе и демократическим ценностям». Вместе с тем, такую точку зрения можно обнаружить и в более серьезных публикациях, предполагающих более трезвые суждения, пронизанных разумным консерватизмом и общим стремлением сохранить базовые подходы к национальной модели уголовного процесса, а предложения, связанные с введением подобных новшеств, обусловлено желанием расширить познавательный инструментарий органов дознания и предварительного следствия, предоставить им дополнительные возможности, направленные на формирование доказательственной базы [2; 6]. Хотя для справедливости, все же необходимо отметить, что такие «инновационные» взгляды пока еще не получили серьезного распространения; многие другие авторы придерживаются противоположной точки зрения, весьма негативно оценивают подобные предложения, считая их противоречащими основанным на многолетних традициях национальным подходам к порядку досудебного производства по уголовному делу [5; 8].

Именно последняя точка зрения представляется гораздо более разумной, подлежащей использованию при определении дальнейшего вектора развития уголовно-процессуального правотворчества и соответствующей правоприменительной практики. Тогда как идеи, связанные с расширением совокупности познавательных приемов за счет пополнения системы следственных действий негласными формами работы правоохранительных органов, не только не отвечают общим подходам к построению досудебного производства, но и противоречат самой сущности предварительного расследования в традиционном для национальной доктрины судебно-следственном («наполеоновском») понимании этого феномена. Конечно, «прогрессивный» опыт других постсоветских государств — это очень важно (хорошо бы при этом осознавать подлинные причины, по-

будившие наших «соседей» к таким экспериментам, а также не сомневаться в должном понимании этих проблем инициаторами подобных предложений). Однако «закулисная» природа любых негласных приемов сильно усложняет возможность их обеспечения надлежащими юридическими гарантиями, обуславливающими правовую доброкачественность и прозрачность соответствующих познавательных продуктов.

Автору настоящей статьи не хотелось бы в очередной раз подвергать критике «независимую» правотворческую политику Украины, Грузии, Казахстана, Молдова, стран Прибалтики и других бывших союзных республик, подвергая негативным оценкам используемые в там механизмы предварительного расследования уголовных дел. Эти страны уже более четверти века развиваются по собственному пути, который в силу целого ряда факторов не может и не должен полностью совпадать с вектором развития досудебного производства в РФ (последний медленно, очень болезненно, но все-таки постепенно нащупывается и, по всей вероятности, в обозримом будущем приобретет вытисненные контуры).

Намного важнее другое — полное несоответствие негласных познавательных приемов национальным подходам к концепции построения досудебного производства в целом, а также сущности и нормативно-правовому регулированию следственных действий в частности. По всей видимости, авторы подобных «прогрессивных» идей, желая слепо перенять всем известный и активно обсуждаемый зарубежный опыт, по каким-то причинам не принимают во внимание или вообще не осознают различия между системами досудебного производства России и других государств, придерживающихся «немецкой» или «англосаксонской» моделей организации деятельности, направленной на обеспечение возможности формирования позиции государственного обвинения — той самой уголовно-правовой претензии («уголовного иска»), которая в дальнейшем становится предметом судебного разбирательства. Ведь, невзирая на возложение обязанности по проведению следственных действий на правоохранительные органы полицейского либо параполицейского типа, они (следственные действия), по сути, остаются действиями судебно-следственного характера и продолжают ассоциироваться с французской доктринальной категорией «actes d'instruction» — обеспечивают возможность получения и «консервации» для дальнейшего исследования в судебном заседании изначально пригодных к употреблению, априорно юридических доброкачественных доказательств, равных по юридической силе доказательствам, полученным самим судом. И, следовательно, предъявляемые к производству следственных действий требования по уровню правовых гарантий надежности предполагаемых результатов должны не только не уступать требованиям, предъявляемым к работе с доказательствами в судебном заседании, но и с учетом внесудебного («полицейского») характера

предварительного расследования даже превалировать над ними. Кстати, именно в этой связи разработчики советских уголовно-процессуальных законов в свое время и стали придавать формализации следственных действий повышенное значение — подобным способом они рассчитывали «компенсировать» внесудебный характер получаемых познавательных продуктов, чем обеспечить их доброкачественность в условиях действия советской модели уголовного процесса.

Думается, что имплантированные в УПК РФ подходы к сущности следственных действий — это бесспорное благо российской системы предварительного расследования, это «противовес», позволяющий обеспечить хотя бы частичное нивелирование проблем и противоречий досудебного производства. Свойственная для правового режима следственных действий жесткая процессуальная форма, которая предоставляет заинтересованному субъекту активно участвовать в их проведении (заявить ходатайства, задавать вопросы, высказывать возражения, знакомиться с соответствующими протоколами, вносить в них замечания, пользоваться иными правами), а суду — проверять и оценивать доброкачественность полученных познавательных продуктов — последний шанс сохранить какую-либо внятную и логичную концепцию собирания доказательств.

Список источников

1. Баев М. О., Баев О. Я. УПК РФ 2001 г.: достижения, лакуны, коллизии; возможные пути заполнения и разрешения последних: учеб. пособие. Воронеж : Воронежский госуниверситет, 2002.
2. Волинский А. Ф., Волинский В. В. Новый УПК Украины — ответ на вызовы современной преступности или...? // Российский следователь. 2013. № 5. С. 39–43.
3. Кальницкий В. В. Вопросы правовой регламентации следственных действий на современном этапе // Законы России, опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 76–86.
4. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М.: Норма, 2021.
5. Семенцов В. А. К вопросу о пополнении системы следственных действий негласными позна-

вательными приемами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 48–57.

6. Статкус В. Ф. Следователь по особо важным делам / под общ. ред. И. Н. Кожевникова. М. : ИнтерКрим-пресс, 2007.
7. Шейфер С. А. Трансформация правового регулирования и научных представлений о системе следственных действий // Вестник Самарского госуниверситета. 2014. № 11/1 (122). С. 11–22
8. Шейфер С. А. Система следственных действий: каковы пути ее развития // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 5–16.

References

1. Baev M. O., Baev O. Y. Criminal Procedure Code Of The Russian Federation 2001: achievements, lacunas, collisions; possible ways of filling and resolving the latter: textbook. Voronezh : Voronezh State University, 2002.
2. Volynsky A. F., Volynsky V. V. New Ukrainian Code of Criminal Procedure — an answer to the challenges of modern crime or...? // Russian investigator. 2013. № 5. P. 39–43.
3. Kalnitsky V. B. Issues of legal regulation of investigative actions at the present stage // Laws of Russia, experience, analysis, practice. 2015. № 2. P. 76–86.
4. Rossinsky S. B. Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of gathering evidence. M. : Norma, 2021.
5. Sementsov V. A. To the issue of replenishing the system of investigative actions with tacit cognitive techniques // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2016. № 4. P. 48–57.
6. Statkus V. F. Investigator in Especially Important Cases / ed. by I. N. Kozhevnikov. M. : InterKrimpress, 2007.
7. Sheifer S. A. Transformation of legal regulation and scientific ideas about the system of investigative actions // Vestnik of Samara State University. 2014. № 11/1 (122). P. 11–22
8. Sheifer S. A. System of investigative actions: what are the ways of its development // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2015. № 2. P. 5–16.

Информация об авторе

С. Б. Россинский — главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

S. B. Rossinskiy — Chief Researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 19.06.2023.

The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 19.06.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-133-138>

НИОН: 2007-0083-2/23-269

MOSURED: 77/27-005-2023-02-469

К вопросу об использовании сотрудниками правоохранительных органов и ведомств специальных средств, установленных на спецтранспорте: административно-правовой аспект

Николай Викторович Румянцев^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, rumyantsev.n.v@ya.ru,

ORCID: 0000-0002-0958-8539

² Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются организационные и правовые вопросы применения и использования специальных средств, таких как световых и звуковых сигналов, установленных на спецтранспорте в правоохранительных органах (МВД, ФСИН, ФСБ России и др.) и ведомствах (МЧС, Скорая медицинская помощь и т.д.). Исследуется состояние устройств специальных световых и звуковых сигналов (далее — УССЗС), устанавливаемых на транспортных средствах, оснащение и методическое обеспечение порядка их использования сотрудниками, анализируются проблемы, возникающие при применении УССЗС на служебном транспорте и предлагаются пути по их решению. Рассматриваемое совершенствование организационных и нормативно-правовых форм и методов по повышению эффективности использования сотрудниками правоохранительных органов и ведомств УССЗС, установленных на специальных автомобилях, направлено на обеспечение безопасности дорожного движения и решение неотложных служебных задач.

Ключевые слова: правоохранительные органы, органы внутренних дел (ОВД), уголовно-исполнительная система (УИС), спецтранспорт, устройства специальных световых и звуковых сигналов (УССЗС)

Для цитирования: Румянцев Н. В. К вопросу об использовании сотрудниками правоохранительных органов и ведомств специальных средств, установленных на спецтранспорте: административно-правовой аспект // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 133-138. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-133-138>.

Original article

On the issue of the use by law enforcement officers and agencies of special means installed on special vehicles: administrative and legal aspect

Nikolay V. Rumyantsev^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, rumyantsev.n.v@ya.ru

² Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

Abstract. Considered the organizational and legal issues of the use and application of special means, such as light and sound signals installed on special vehicles in law enforcement agencies (Ministry of Internal Affairs, Federal Penitentiary Service, Federal Security Service of Russia, etc.) and departments (Ministry of Emergency Situations, Ambulance, etc.). The condition of devices of special light and sound signals (hereinafter — DSLSS), installed on vehicles, equipment and methodological support of the order of their use by employees, the problems arising when using DSLSS on official transport are analyzed and ways to solve them are proposed. The considered improvement of organizational and regulatory forms and methods to improve the efficiency of the use by law enforcement officers and departments of DSLSS installed on special vehicles is aimed at ensuring road safety and solving urgent service tasks

© Румянцев Н. В., 2023

Keywords: law enforcement agencies, internal affairs bodies, the penal enforcement system, special vehicles, devices of special light and sound signals

For citation: Rumyantsev N. V. On the issue of the use by law enforcement officers and agencies of special means installed on special vehicles: administrative and legal aspect. *Criminological journal*. 2023. (2):133-138. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-133-138>.

Выполнение неотложных служебных задач и решение проблем, возникающих в практической деятельности сотрудников правоохранительных органов и ведомств, вызывает необходимость разработки алгоритма их действий в случаях вынужденных нарушений правил дорожного движения с использованием УССЗС при осуществлении специальных перевозок и является одной из актуальных научных и практических задач по их реализации. Специальными световыми и звуковыми сигналами, установленными на спецтранспорте, реализующих необходимые оперативные задачи, оснащены автомобили: МЧС, МВД, ФСИН, аварийных и медицинских служб и другие. На транспортные средства оперативных служб, с информационными надписями «Госавтоинспекция», «ДПС», «Военная автоинспекция», «ВАИ», дополнительно к проблесковым маячкам со световыми сигналами синего цвета могут устанавливаться проблесковые маячки со световыми сигналами красного цвета [1].

Рассмотрим основания использования устройств для подачи специальных световых и звуковых сигналов, устанавливаемых на транспортные средства правоохранительных структур и ведомств.

Так, к примеру, в уголовно-исполнительной системе одной из приоритетных задач является создание надлежащих условий содержания подозреваемых, обвиняемых и осужденных, поддержание их в состоянии, соответствующем требованиям российского и международного законодательства и безопасное этапирование. Для обеспечения безопасного и своевременного перемещения лиц, находящихся под стражей (Указ Президента РФ от 19 мая 2012 г. «Об упорядочении использования устройств для подачи специальных световых и звуковых сигналов, устанавливаемых на транспортные средства») [2], специальные оперативно-служебные транспортные средства ФСИН России оборудуются устройствами для подачи специальных световых и звуковых сигналов (далее — УССЗС). Спецтранспортом, оборудованным цветографическими схемами и УССЗС, предоставляется ряд преимуществ, изложенных Правительством РФ 23 октября 1993 г. (ПДД) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2022 г.) [3].

Несоблюдение установленных правил использования указанных устройств нередко влекут определенные негативные последствия, в числе дорожно-транспортные происшествия.

Установлено, что в отдельных случаях при ДТП сотрудниками транспортных средств ФСИН исполь-

зовались УССЗС. Данные факты свидетельствуют о несоблюдении водителями транспортных средств при приближении служебного автомобиля с включенным проблесковым маячком синего цвета и специальным звуковым сигналом, в нарушение требований ПДД (п. 3.2), дорогу не уступили.

При исследовании материалов о дорожно-транспортных происшествиях с участием автомобилей специальных подразделений УИС выявлены ряд проблемных вопросов, требующих теоретического осмысления.

Так в соответствии с утвержденными ФСИН России от 8 февраля 2021 г., «Методические рекомендации...» [4], в специальных подразделениях УИС по конвоированию с 2021 г. систематизировано применение световых и звуковых сигналов. На их основании произведены организационные мероприятия по обучению водителей-сотрудников и старших машин, разработаны памятки по использованию рассматриваемых устройств, в которых закреплен порядок их применения. Вместе с тем, отсутствие единого алгоритма применения и перечня оснований, при которых возможно их использование дает для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения.

Важным при анализе ДТП, совершаемых с участием автомобилей специальных подразделений УИС с применением УССЗС, рассмотрении и решении проблем, возникающих в практической деятельности указанных подразделений, является разработка предложений по повышению эффективности использования сотрудниками данных подразделений спецсигналов, установленных на специальных автомобилях. При этом необходимо провести анализ методического обеспечения порядка использования сотрудниками УССЗС, изучить проблемные вопросы, возникающие при их использовании и предложить пути их решения.

Рассматривая некоторые аспекты методического обеспечения порядка использования сотрудниками оперативных служб автомобилей с УССЗС и технические характеристики спецсигналов, следует отметить, что Росстандартом от 7 февраля 2019 г. № 25-ст (ред. от 31 июля 2019 г.), специальным звуковым сигналом признается устройство, предназначенное для подачи в условиях дорожного движения специальных звуковых сигналов определенного спектрального состава [5]. Данное устройство не является штатным составным элементом конструкции транспортного средства в качестве звукового сигнала, отличаясь от него спектральным составом издаваемых звуков и

устанавливается на транспортное средство дополнительно. Специальный световой сигнал (проблесковый маячок) — это устройство, предназначенное для подачи в условиях дорожного движения проблесковых световых сигналов, установленного цвета, частоты мигания и продолжительности свечения. Указанное устройство не является штатным составным элементом конструкции транспортного средства в качестве внешнего светового прибора и устанавливается на него дополнительно.

Следует отметить, что административная ответственность наступает и за самовольную установку УССЗС на транспортное средство, для подачи специальных звуковых и световых сигналов и влечет принудительное демонтажное устройство.

Технические параметры (характеристики) УССЗС, их использование и применение, позволяют отметить, что оснащение ими специальных подразделений УИС просты и доступны при применении их в пути следования, однако, отдельные случаи применения требуют дополнительного рассмотрения.

Спецавтотранспорт, оборудованный УССЗС, согласно положениям ПДД имеет определенный приоритет на дорогах, заключающийся в разрешении водителям транспортных средств с включенным проблесковым маячком отступать от требований ПДД при выполнении неотложных служебных заданий. При приближении транспортного средства с включенными проблесковым маячком синего цвета и специальным звуковым сигналом, водители обязаны уступить дорогу для беспрепятственного проезда. Автомобили с включенными УССЗС, имеющие цветографические схемы [6], обгонять запрещается, а приближаясь к стоящему транспортному средству с включенным проблесковым маячком синего цвета, водитель должен снизить скорость, чтобы в случае необходимости прекратить движение. Воспользоваться приоритетным правом водитель спецтранспорта может только в случаях, когда он убежден в безопасном проезде.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (п. 14), предусматривает непредоставление преимущества в движении маршрутному транспортному средству (раздел 18 ПДД), транспортному средству с одновременно включенными проблесковым маячком синего цвета и специальным звуковым сигналом образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.17 КоАП РФ. А в случае непредоставления преимущества в движении транспортному средству, имеющему нанесенные на наружные поверхности специальные

цветографические схемы, надписи и обозначения, с одновременно включенными проблесковым маячком синего цвета и специальным звуковым сигналом (п. 3.2, 3.3, 3.5 ПДД), предусматривается административная ответственность по ч. 2 ст. 12.17 КоАП РФ.

В соответствии с указанием ФСИН России от 8 февраля 2021 г. № исх-9-7087 (Методические рекомендации) в подразделениях произведены организационные мероприятия, связанные, как указано в статье, с обучением водителей, разработкой памятки и т. д., но вместе с тем, в тексте рассматриваемых методических рекомендаций не приводятся указания для должностных лиц специальных подразделений УИС по конвоированию о разработке единой инструкции, закрепляющей основания применения УССЗС.

Как показывают проведенные научные исследования, отсутствие единого алгоритма использования УССЗС неоднократно указывалось в качестве проблемных вопросов, возникающих при использовании сотрудниками специальных подразделений УИС УССЗС, установленных на специальных автомобилях, а также (по мнению сотрудников УИС) неуважительное отношение участников дорожного движения к спецавтотранспорту, использующему включенные УССЗС.

В целях повышения эффективности использования УССЗС полагаем целесообразным рассмотреть причины, по которым возникает необходимость разработки инструкции, а также выработки единого перечня оснований применения данных устройств.

Указанные в законе нормы, разрешающие отступать водителям спецтранспорта с включенным УССЗСЧ при выполнении неотложных служебных заданий, нередко приводят к возникновению споров, так как определение понятия «неотложное служебное задание», отсутствует. Рассмотрим судебные решения по применению УССЗС на примере различных ведомств, использующих спецсигналы при управлении спецтранспортом.

Так, в апреле 2020 г. привлечен к административной ответственности по ч. 2 ст. 12.13 КоАП РФ водитель скорой помощи, за то, что не уступил дорогу легковому автомобилю (хотя в материалах дела была приведена информация о включенных световых и звуковых сигналах на автомобиле скорой помощи). Как известно спецсигналы правомерно использовать для оперативного доставления в лечебные учреждения пострадавших лиц [7]. Указанные выше обстоятельства судья Тимирязевского районного суда г. Москвы посчитал факты установленными и подтвержденными материалами дела, в связи с чем, пришел к выводу о законности и обоснованности вышеуказанного постановления инспектора ОБ ДПС ГИБДД УВД по САО г. Москвы. Однако Московским городским судом постановление инспектора ОБ ДПС ГИБДД УВД по САО г.

Москвы и решение судьи Тимирязевского районного суда г. Москвы от 19 октября 2020 г. по делу об административном правонарушении по ч. 2 ст. 12.13 КоАП РФ в отношении «С» признаны недействительными. По данному делу доказательствами явилась видеозапись, подтверждающая включение УССЗС, и показания истца и свидетеля о том, что на автомобиле скорой помощи они «направлялись в больницу с пациентом, находящимся в тяжелом состоянии с подозрением на «ковидную пневмонию» и следовали с включенными специальным звуковым и световым сигналами. Перед подъездом к перекрестку водитель снизил скорость движения, дополнительно усилив специальный звуковой сигнал, проследовал через перекресток, однако не избежал столкновение с легковым автомобилем.

Примером из судебной практики является постановление ФАС (Уральский округ) от 22 февраля 2011 г. по делу № А50-9244/2010. В материалах дела представлена информация о ДТП, произошедшем 21 августа 2009 г. Автомобиль ГАЗ-2705А3, управляемый сотрудником ОВД «К» (батальон обеспечения конвоирования УВД г. Перми) при движении с включенным проблесковым маячком синего цвета и специальным звуковым сигналом, произвел столкновение с легковым автомобилем, двигающимся на разрешающий сигнал светофора. Из объяснения водителя «К», необходимость применения УССЗС состояла в оказании срочной ветеринарной помощи служебной собаке. Однако каких либо доказательств оказания ветеринарной помощи материалами дела представлено не было. Также было установлено, что решение на использование УССЗС было принято водителем самостоятельно по просьбе кинолога. По мнению суда, применение УССЗС при указанных обстоятельствах являлось не обоснованным, так как у водителя и кинолога не было соответствующих полномочий для самостоятельного решения по использованию служебной автомашины.

Следует остановиться на том, что, несмотря на достаточно подробную нормативную регламентацию прав и обязанностей участников движения при применении транспортных средств, имеющих цветографическую раскраску и УССЗС, до настоящего времени не дана юридическая оценка возможности реализации института крайней необходимости в части возможности оставления места ДТП.

Объективную сторону состава административного правонарушения (Постановление Пленума Верховного Суда РФ), предусмотренного ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ, составляют действия, направленные на умысел невыполнения участником ДТП обязанностей оставаться на месте происшествия до выполнения административных процедур по его документальному оформлению. Кроме того, следует аналогично квалифицировать и деяния, связанные с невозвращением водителя, участника ДТП к месту его совершения по-

сле доставления пострадавшего в лечебное учреждение [8].

Таким образом, возникает обоснованный вопрос: имеет ли право водитель специального транспорта, выполняя неотложное служебное задание по конвоированию (этапированию) подозреваемых (обвиняемых, осужденных), покинуть место ДТП, участником которого он являлся в силу необходимости обеспечения личной безопасности сотрудников УИС, исключения фактов насильственного освобождения таких лиц или своевременного их доставления к месту проведения следственных действий, судебного заседания или отбытия наказания? К сожалению однозначного ответа на него не содержится ни в нормативных-правовых актах ни в судебной практике. Изученные судебные акты позволяют констатировать, что в основе привлечения водителей спецтранспорта к административной ответственности по ч. 2 ст. 12.27 КоАП РФ чаще всего лежат факты использования специальных звуковых и световых сигналов во внеслужебных целях или отсутствии обоснованной необходимости покинуть место ДТП [9; 10]. Оставление рассматриваемой проблематики на внутреннее убеждение суда видится не в полной мере обоснованным и разумным. В связи с этим полагаем необходимым устранить существующий правовой пробел путем нормативной регламентации действий водителей спецтранспорта ФСИН России ставших участниками ДТП в период конвоирования (этапирования) подозреваемых (обвиняемых, осужденных). Так, по нашему мнению, видится возможным наделение их правом оставления места дорожно-транспортного происшествия при наличии достаточных оснований полагать наличие реальной угрозы личной безопасности или безопасности конвоируемых лиц, иной крайней необходимости, препятствующей выполнению требований, закрепленных в ПДД. Одновременно с этим целесообразно возложение дополнительной обязанности незамедлительно уведомлять органы внутренних дел о факте оставления места ДТП и в возможно короткие сроки являться в подразделение Госавтоинспекции для документального оформления происшествия и установления иных обстоятельств, для полного, объективного и всестороннего рассмотрения дела.

Таким образом, практика использования УССЗС как в УИС, так и в иных органах и ведомствах подтверждает довод о том, что при их использовании необходимы объективные материалы, подтверждающие выполнение неотложного служебного задания.

Правовые положения использования УССЗС регламентируются значительным количеством нормативных правовых актов федерального значения, разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации, а также ведомственными указаниями ФСИН России. Существующее состояние, оснащение и применение

на специальном автотранспорте УССЗС позволяет применять их в пути следования, однако разъяснения по конкретным основаниям применения УССЗС, установленных на спецтранспорте специальных подразделений, как в УИС, так и других органах и ведомствах, требуют конкретизации и уточнений, а не ограничением лишь формулировкой «неотложное служебное задание». Указанные обстоятельства и предопределяют разработку перечня оснований использования сотрудниками УССЗС, установленных на специальных автомобилях.

Список источников

1. Постановление Правительства РФ от 30 августа 2007 г. № 548 (ред. от 25 ноября 2016 г.) «Об утверждении требований к транспортным средствам оперативных служб, используемым для осуществления неотложных действий по защите жизни и здоровья граждан» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2012 г. № 635 (ред. от 4 ноября 2020 г.) «Об упорядочении использования устройств для подачи специальных световых и звуковых сигналов, устанавливаемых на транспортные средства» // СПС «Гарант».
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2022 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Указание ФСИН России от 8 февраля 2021 г. № исх-9-7087 «Методические рекомендации по использованию устройств для подачи специальных световых и звуковых сигналов, установленных на спецавтомобилях типа «АЗ», при выполнении неотложных служебных задач»
5. Федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 162-ФЗ «О стандартизации в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Назаров С. В., Севастьянов А. В. Основные особенности применения устройств подачи специальных звуковых, световых сигналов // *Дневник науки*. 2018. №5.
7. Ильин Ю. И., Силантьев В. В. Порядок использования устройств для подачи специальных световых и звуковых сигналов водителями автомобилей МВД России // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки». 2018. №9 (25).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных

правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Решение Московского городского суда от 8 июля 2015 г. по делу № 7-7208/15 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение Московского городского суда от 4 февраля 2011 г. по делу № 33-2923 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation of August 30, 2007 № 548 (ed. from November 25, 2016) «On approval of requirements for the vehicles of operational services used to carry out urgent actions to protect the life and health of citizens» // SPS «ConsultantPlus».
2. Decree of the President of the Russian Federation of May 19, 2012 № 635 (ed. from November 4, 2020) «On the order of the use of devices for special light and sound signals installed on vehicles» // SPS «ConsultantPlus».
3. Government Decree of the Russian Federation of October 23, 1993 № 1090 «On the Rules of the Road» (with amendments and additions, in force from 1 January 2022) // SPS «ConsultantPlus».
4. Instruction of the Federal Penitentiary Service of Russia from February 8, 2021, № ich-9-7087 «Methodological recommendations for the use of devices for giving special light and sound signals installed on special «AZ» type vehicles, when performing urgent official tasks».
5. Federal Law № 162-FZ of June 29, 2015 «On Standardization in the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».
6. Nazarov. S. V., Sevastyanov A. V. The main features of the application of devices for special sound, light signals // *Diary of Science*. 2018. № 5.
7. Ilyin Y. I., Silantiev V. V. The order of use of devices for special light and sound signals by drivers of cars of the Ministry of Internal Affairs of Russia // «Scientific and practical electronic journal Alley of Science». 2018. №9 (25).
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 25, 2019 № 20 «On some issues arising in judicial practice when considering cases on administrative offences provided for by chapter 12 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences» // SPS «ConsultantPlus».
9. Decision of the Moscow City Court of July 8, 2015 on case № 7-7208/15 // SPS «ConsultantPlus».
10. Definition of the Moscow City Court on February 4, 2011 in case № 33-2923 // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

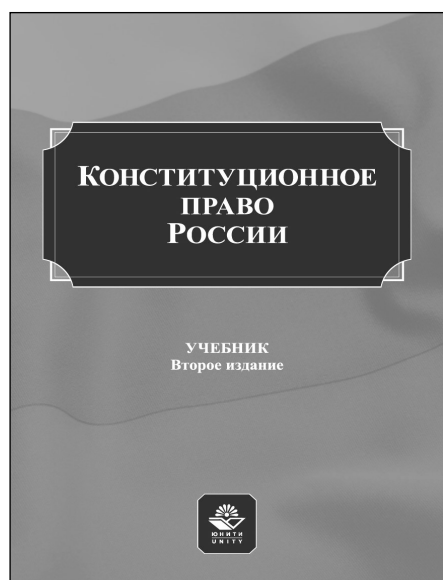
Н. В. Румянцев — профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

N. V. Rumyantsev — Professor in the Department of Administrative Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 19.06.2023.

The article was submitted 07.02.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 19.06.2023.

Конституционное право России. Учебник. Под ред. Г. А. Гаджиева, Б. С. Эбзеева ; под общ. ред. П. А. Кучеренко, Н. М. Чепурновой, Л. Т. Чихладзе. 2-е изд., перераб. и доп. 479 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Учебник подготовлен с учетом изменений, внесенных в Конституцию Российской Федерации в 2020 г., а также изменений, внесенных в законодательство Российской Федерации в связи с конституционной реформой.

Дан комплексный анализ основных конституционно-правовых институтов, раскрыта их правовая природа. Рассматриваются наиболее актуальные современные теоретические разработки конституционно-правовой науки и правоприменительной практики.

Исследованы новые для конституционных норм понятия, проанализировано изменение правового статуса органов публичной власти.

Для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция».

Научная статья

УДК 342.9

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-139-143>

НИОН: 2007-0083-2/23-270

MOSURED: 77/27-005-2023-02-470

Совершенствование законодательства об административной ответственности за нарушение тишины и покоя граждан

Сергей Александрович Сойников^{1,2}

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, SSojnikov@mail.ru

² Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия

Аннотация. Представлены правовые основы, регламентирующие обеспечение прав граждан на тишину и покой. Указываются проблемы правоприменительной практики. Сформулированы предложения, направленные на совершенствование законодательства об административной ответственности за нарушение тишины и покоя граждан.

Ключевые слова: шум, тишина и покой граждан, охрана здоровья, санитарно-эпидемиологическое благополучие, административная ответственность

Для цитирования: Сойников С. А. Совершенствование законодательства об административной ответственности за нарушение тишины и покоя граждан // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 139-143. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-139-143>.

Original article

Improvement of the legislation on administrative responsibility for violation of silence and peace of citizens

Sergey A. Sojnikov^{1,2}

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, SSojnikov@mail.ru

² All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

Abstract. Presents the legal framework governing the rights of citizens to peace and quiet. The problems of law enforcement practice are indicated. Proposals are formulated aimed at improving the legislation on administrative responsibility for violating the peace and quiet of citizens.

Keywords: noise, peace and quiet of citizens, health protection, sanitary and epidemiological well-being, administrative responsibility

For citation: Sojnikov S. A. Improvement of the legislation on administrative responsibility for violation of silence and peace of citizens. Criminological journal. 2023. (2):139-143. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-139-143>.

В Конституции Российской Федерации закреплены права каждого на отдых (ч. 5 ст. 37), жилище (ч. 1 ст. 40), охрану здоровья (ч. 1 ст. 41), благоприятную окружающую среду (ст. 42). Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17). Права и сво-

боды могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для защиты здоровья, прав и законных интересов других лиц (ч. 3 ст. 55). Следует иметь в виду, что в совместном ведении РФ и субъектов РФ, находится обеспечение законности и правопорядка (п. «б» ст. 72), а также ад-

министративное и административно-процессуальное законодательство (п. «к» ст. 72) [1].

Реализацию конституционных прав граждан на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду обеспечивает Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (ред. от 4 ноября 2022 г.) [2], в ст. 1 которого указано, что шум относится к физическим факторам среды обитания, оказывающим воздействие на человека и состояние здоровья будущих поколений. Граждане имеют право на благоприятную среду обитания, которая не оказывает вредного воздействия на человека (ст. 8), при этом они обязаны не нарушать указанные права других граждан (ст. 10). По уровню шума жилые помещения должны соответствовать санитарно-эпидемиологическим требованиям, обеспечивающим безопасное и безвредное проживание (п. 1 ст. 23). За нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения и санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации жилых помещений установлена административная ответственность (ст. 6.3. и ст. 6.4. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 5 декабря 2022 г.) [3].

Представляя собой физический объект, многоквартирный дом включает совокупность объектов недвижимости в виде жилых и нежилых помещений. Здание, состоящее из двух и более квартир, признается многоквартирным домом (ч. 6 ст. 15 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ) от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 7 октября 2022 г.) [4].

В ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 17 и ч. 4 ст. 30 ЖК РФ указано о недопустимости нарушения прав и законных интересов соседей. За их систематическое нарушение наниматель и (или) проживающие совместно с ним члены его семьи в судебном порядке могут быть выселены без предоставления другого жилого помещения (ч. 1 ст. 91 ЖК РФ). К примерам систематического нарушения прав соседей и их законных интересов относится превышение в ночное время допустимой громкости в результате прослушивания музыки, использования телевизора, игры на музыкальных инструментах, а также нарушение тишины и покоя граждан в процессе ремонтных, строительных работ и др. (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении ЖК РФ») [5].

Соблюдение прав и законных интересов жителей многоквартирных домов приобрело особую актуальность в связи с пандемией COVID-19 и введенным режимом самоизоляции, когда люди были вынуждены продолжительное время находиться дома.

Являясь с физиологической точки зрения, неблагоприятно воспринимаемой совокупностью непериоди-

ческих звуков различной интенсивности, шум можно классифицировать по природе возникновения, источникам, частоте, спектру и его характеру. Шумом является всякий неприятный, нежелательный звук или совокупность звуков, мешающих восприятию полезных сигналов, нарушающих тишину, оказывающих вредное или раздражающее воздействие на организм человека, снижающих его работоспособность. Он подразделяется на ударный, структурный и воздушный [6]. В зависимости от расположения относительно здания с помещениями источник шума может быть внутренним и внешним. Различают постоянный и непостоянный шум. Непостоянный шум подразделяется на: колеблющийся, прерывистый, импульсный [7]. Являясь одним из главных экологических факторов риска для здоровья, шум в окружающей среде представляет собой серьезную проблему общественного здравоохранения. При этом долгосрочное воздействие шума оказывает более неблагоприятные последствия для здоровья, по сравнению с краткосрочным воздействием, и может оказывать негативное влияние на продолжительность жизни человека.

Максимальные уровни звука проникающего шума в жилые комнаты квартир установлены в Постановлении Главного государственного санитарного врача РФ от 28 января 2021 г. № 2 «Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 1.2.3685-21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания» и составляют с 7 до 23 ч. — 55 дБА, а с 23 до 7 ч. — 45 дБА.

Законодательно на уровне субъектов РФ на совершение действий, нарушающих тишину и покой граждан, установлен запрет. За совершение данных правонарушений определена административная ответственность. При этом анализ результатов правоприменительной практики указывает на определенные проблемы в этой связи.

Так, у собственника есть право предоставлять на основании гражданско-правового договора в пользование третьему лицу принадлежащее ему жилое или нежилое помещение. Помещение может передаваться арендатору или нанимателю с различной периодичностью, в том числе по несколько раз в течении суток. Если третье лицо нарушает права соседей у собственника, предоставившего такому лицу помещение, нет обязательств по пресечению указанного деяния. Кроме того, частая смена арендатора или нанимателя значительно затрудняет привлечение их к ответственности, ввиду сложности идентификации ответчика. Т. е. существует проблема возложения обязательств по пресечению деяний, в результате которых были нарушены права соседей, непосредственно на собственника соответствующего жилого или нежилого помещения.

Еще одним проблемным аспектом является различный подход субъектов Российской Федерации в части установления защищаемых территорий и объектов, а также элементов объективной стороны рассматриваемых правонарушений. В значительной степени это относится к времени совершения определенного деяния. Также у субъектов Российской Федерации различный подход в части установления исключений и санкций. Рассмотрим на примере трех субъектов Российской Федерации — г. Москвы, г. Санкт-Петербурга и Московской области.

Так, согласно закону города Москвы от 12 июля 2002 г. № 42 (ред. от 14 ноября 2016 г.) «О соблюдении покоя граждан и тишины в городе Москве» в столице нельзя шуметь на защищаемых территориях и помещениях в период с 23 ч. до 7 ч., а также, при переустройстве, перепланировке и иных ремонтных работах в периоды с 19 ч. до 9 ч. и с 13 ч. до 15 ч., в выходной (воскресенье) и нерабочие праздничные дни. Для нарушителей (граждан, должностных и юридических лиц), законом города Москвы от 21 ноября 2007 г. № 45 (ред. от 8 июня 2022 г.) установлена административная ответственность (ст. 3.13.).

В ст. 8 закона Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. № 273-70 (ред. от 10 ноября 2022 г.) определен перечень запрещенных действий с указанием соответствующих объектов, на которых запрещено шуметь с 22 ч. до 8 ч. (ночное время). Также установлены дополнительные ограничения на шум с 8 ч. до 12 ч. в многоквартирных домах в выходные (суббота, воскресенье) и праздничные дни.

В Московской области тишина и покой граждан в квартирах, домах, определенных помещениях и территориях, а также на территории ведения гражданами садоводства и огородничества обеспечивается законом Московской области от 7 марта 2014 г. № 16/2014-ОЗ (ред. от 1 июня 2021 г.). В зависимости от вида запрещенных действий установлены различные временные интервалы: с 21 ч. до 8 ч., а также с 13 ч. до 15 ч. в рабочие дни; с 22 ч. до 10 ч., а также с 13 ч. до 15 ч. в выходные (субботу, воскресенье) и праздничные дни. Законом Московской области от 4 мая 2016 г. № 37/2016-ОЗ (ред. от 5 декабря 2022 г.) установлена административная ответственность (ст. 3.1.).

При всех отличиях, анализ установленных законодательством указанных субъектов РФ санкций за соответствующие правонарушения позволяет сделать вывод о едином подходе в части регламентации альтернативного вида административного наказания в виде предупреждения или административного штрафа для граждан, а также установления относительной величины административного штрафа для граждан, должностных и юридических лиц. Из трех субъектов РФ минимальный размер административного штрафа для граждан составляет пятьсот руб. (г.

Санкт-Петербург), а максимальный составляет пять тыс. руб. (г. Санкт-Петербург). Для должностных лиц минимальный размер административного штрафа составляет четыре тыс. руб. (г. Москва), а максимальный пятьдесят тыс. руб. (г. Санкт-Петербург). Для юридических лиц минимальный размер административного штрафа составляет двадцать тыс. руб. (Московская область), а максимальный двести тыс. руб. (г. Санкт-Петербург).

Также в анализируемых нормативных правовых актах указаны действия, на которые их положения не распространяются. К примеру в п. 3 ч. 6 ст. 8 закона Санкт-Петербурга № 273-70 содержится исключение в виде использования петард, ракетниц и других средств в период с 23 ч. 31 декабря до 4 ч. 1 января.

Важно отметить, что в Санкт-Петербурге отдельно установлена административная ответственность за несогласование с уполномоченным лицом от управляющей компании дома графика проведения в многоквартирном доме шумных ремонтных работ длительностью более 1 ч. в период с 8 ч. до 22 ч., или его несоблюдение (ст. 38 закона Санкт-Петербурга № 273-70). А в Московской области установлено увеличение размера административного штрафа для всех субъектов административного правонарушения за повторное совершение административного правонарушения в течение года, а также в третий и последующие разы.

Следующий проблемный аспект касается привлечения к административной ответственности за рассматриваемые виды административных правонарушений. Так, деяния, содержащие признаки данного административного правонарушения, совершаемые в ночное время, в соответствии с законодательством субъектов РФ должны пресекать уполномоченные должностные лица определенных региональных и муниципальных служб, которые по ночам, как правило, не работают. Одновременно с этим отметим, что должностные лица органов внутренних дел (полиции) могут составлять протоколы об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, установленных законами субъектов РФ, только в том случае, когда заключено определенное ч. 6 ст. 28.3 КоАП РФ соглашение. Такие соглашения есть не во всех субъектах Российской Федерации. Соответственно, подобные противоправные деяния в субъектах, которые не заключили соглашение, могут оставаться без реализации установленных мер административного принуждения.

В качестве решения указанных и иных проблемных аспектов предлагается ряд мер, среди которых установление обязательств по соблюдению прав соседей в многоквартирных домах и закрепление на федеральном уровне ответственности за нарушение тишины. В этих целях подготовлено дополнение ЖК РФ

ст. 17.1 «Обязательства по соблюдению прав соседей в многоквартирных домах» (Проект Федерального закона № 963432-7 «О внесении изменения в ЖК РФ»), а также дополнение КоАП РФ ст. 20.1.1 «Нарушение тишины и покоя граждан в ночное время» (Проект Федерального закона № 97773-8 «О внесении изменений в КоАП РФ в части установления ответственности за нарушение тишины и покоя граждан в ночное время»). Помимо данных законопроектов целесообразно отметить ч. 6 ст. 14.1. проекта КоАП РФ «Нарушение тишины и покоя граждан, в том числе в жилых помещениях, с 23 часов до 7 часов».

С учетом изложенного актуальным представляется анализ используемых терминов и формулировок. Так, в проекте статьи 17.1 ЖК РФ указана формулировка в виде «... обеспечить соблюдение тишины в ночное время».

В проекте ст. 20.1.1 КоАП РФ в наименовании используется формулировка «Нарушение тишины и покоя граждан в ночное время», при этом в содержании статьи используется формулировка «совершение действий, нарушающих тишину и покой граждан с 22 часов до 7 часов». В качестве субъекта административного правонарушения в проекте данной статьи указаны граждане, должностные и юридические лица. Для граждан наказание в виде предупреждения не установлено и предлагается административный штраф от двух с половиной до пяти тыс. руб. Для должностных и юридических лиц от десяти до двадцати тыс. руб. и от пятидесяти до ста тыс. руб. соответственно.

В ч. 6 ст. 14.1 проекта КоАП РФ содержится формулировка «нарушение тишины и покоя граждан, в том числе в жилых помещениях, с 23 часов до 7 часов», в качестве субъекта административного правонарушения указаны граждане, для которых относительная величина административного штрафа предлагается от одной до двух тыс. руб.

Анализ дополнений КоАП РФ и проекта КоАП РФ указывает на практическую схожесть в перечне действий, за совершение которых не последует санкций. Это действия, связанные с выполнением различных неотложных работ, предотвращением нарушений, обеспечением безопасности, совершением не противоречащих законодательству богослужений и церемоний, проведением разрешенных культурно-массовых мероприятий. Вместе с тем изучение дополнений ЖК РФ свидетельствует об ином подходе при перечислении действий, которые не считаются нарушением тишины, при котором помимо звуков, связанных с работами по обеспечению личной и общественной безопасности указаны звуки, источником которых является обычная жизнедеятельность человека.

Исследуя отличия и схожесть терминов и формулировок, можно отметить п. 1.3 Методических указаний МУК 4.3.3722-21, в котором используется

формулировка в виде «... нарушением ими тишины и общественного спокойствия в жилых зданиях и на прилегающей территории». Примечательно, что схожий с указанным в проекте КоАП РФ временной интервал с 23 до 7 ч. определен в таблице 5.35 ранее указанного СанПиН 1.2.3685-21. В этой связи применительно к многоквартирным домам, актуальной представляется формулировка, которая следует из содержания СанПиН 1.2.3685-21, в виде «максимальный уровень звука проникающего шума в жилые комнаты квартир», за превышение которого в результате определенных действий в установленный временной интервал возможно введение административной ответственности.

С учетом изложенного целесообразным представляется однообразный подход в части используемых терминов и формулировок как одного из направлений совершенствования законодательства об административной ответственности за нарушение тишины и покоя граждан, реализация которого будет способствовать улучшению результатов правоприменительной практики в данной сфере.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // URL:// <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (ред. от 4 ноября 2022 г.) // Российская газета. 1999. № 64–65.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Российская газета. 2005. №1.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении ЖК РФ» // Российская газета. 2009. № 123.
6. Словарь терминов: Государственное природоохранное бюджетное учреждение «Мосэкомониторинг» // URL://<https://mosecom.mos.ru/slovari/akustika/>
7. Методические указания МУК 4.3.3722-21 «Контроль уровня шума на территории жилой застройки, в жилых и общественных зданиях и помещениях» // URL://<https://www.rospotrebnadzor.ru>.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with

- amendments approved during the nationwide voting on July 1, 2020 // URL://http://www.pravo.gov.ru.
2. Federal Law «On sanitary and epidemiological well-being of population» of March 30, 1999 № 52-FZ (ed. from 4 November 2022) // Rossiyskaya Gazeta. 1999. № 64–65
 3. Code of the Russian Federation on Administrative Offences from December 30, 2001 № 195-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 2001. № 256.
 4. Housing Code of the Russian Federation of December 29, 2004, № 188-FZ // Rossiiskaya Gazeta. 2005. №1.
 5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF of July 2, 2009 № 14 «On some issues arising in judicial practice in the application of the housing and utilities infrastructure of the RF» // Rossiyskaya Gazeta. 2009. № 123.
 6. Glossary of terms: State environmental budgetary institution «Mosecomonitoring» // URL://https://mosecom.mos.ru/slovari/akustika/
 7. Methodical instructions MUK 4.3.3722-21 «Control of noise level in the territory of residential development, in residential and public buildings and premises» // URL://https://www.rospotrebnadzor.ru.

Информация об авторе

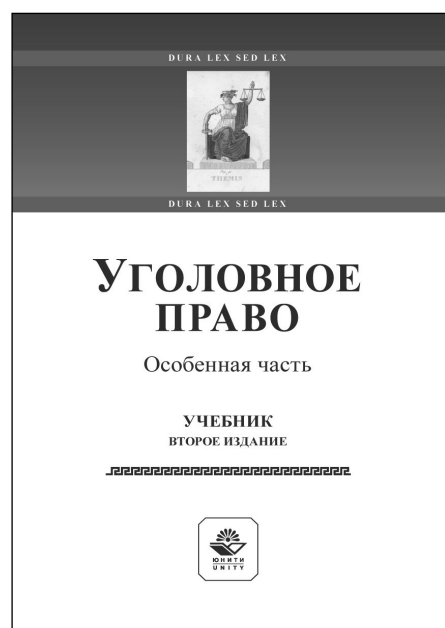
С. А. Сойников — профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, главный научный сотрудник 2 отдела НИЦ № 4 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

S. A. Soynikov — Professor of the Department of Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Chief Researcher of the 2nd Department of the Research Center № 4 of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 19.06.2023.

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 19.06.2023.

Уголовное право. Особенная часть. 2-е изд., перераб. и доп. Учебник. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки. Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Рассмотрены вопросы Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Учебник содержит: общие рекомендации и методические указания по изучению уголовного права; ключевые слова основных тем и разделов; контрольные вопросы и тесты: нормативно-правовую базу и учебную литературу для подготовки к семинарским и практическим занятиям; краткий обзор современной судебной практики.

Для студентов и преподавателей высших учебных заведений.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-144-146>

НИОН: 2007-0083-2/23-271

MOSURED: 77/27-005-2023-02-471

Проблемы функционирования суда с участием присяжных заседателей

Александр Александрович Сумин

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, kafedra2002@gmail.com

Аннотация. Проанализированы основные проблемы, возникающие в деятельности суда с участием присяжных заседателей. Выявлено отсутствие эффективных правовых и организационных гарантий формирования объективной коллегии присяжных заседателей в условиях постоянного роста числа граждан, не толерантных к системе правосудия. Обоснована необходимость дальнейшего исследования корректности вопросов, формулируемых для присяжных заседателей для вынесения ими вердикта. Обоснована целесообразность введения присяжных заседателей в состав суда второй (апелляционной) инстанции при рассмотрении жалоб и представлений на приговоры судов первой инстанции, вынесенных с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, присяжные заседатели, суд первой инстанции, суд второй (апелляционной) инстанции

Для цитирования: Сумин А. А. Проблемы функционирования суда с участием присяжных заседателей // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 144-146. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-144-146>.

Original article

Problems of functioning of a court with the participation of jurors

Aleksandr A. Sumin

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, kafedra2002@gmail.com

Abstract. The main problems arising in the activities of the court with the participation of jurors are analyzed. The lack of effective legal and organizational guarantees for the formation of an objective panel of jurors in the conditions of a constant increase in the number of citizens who are not tolerant to the justice system has been revealed. The necessity of further investigation of the correctness of the questions formulated for jurors for their verdict is substantiated. The expediency of introducing jurors into the composition of the court of the second (appellate) instance when considering complaints and submissions on sentences of the courts of the first instance rendered with the participation of jurors is substantiated.

Keywords: criminal proceedings, jurors, court of first instance, court of second (appellate) instance

For citation: Sumin A. A. Problems of functioning of a court with the participation of jurors. Criminological journal. 2023. (2):144-146. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-144-146>.

Институт судебного разбирательства по уголовным делам судом с участием присяжных заседателей обычно оценивается как высшая форма проявления демократии в уголовном судопроизводстве.

Не отрицая наличие целого ряда положительных аспектов рассмотрения и разрешения уголовных дел таким составом суда, представляется целесообразным отметить некоторые обстоятельства, которые дают

основание констатировать дискуссионность приведенной выше оценки.

Первое из них относится к проблеме формирования объективной коллегии присяжных заседателей. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, только в 2021 г. по уголовным делам осуждены более полумиллиона человек (за вычетом осужденных с общим рецидивом около

© Сумин А. А., 2023

480 тыс. человек) [1]. Таким образом, если предположить, что факт осуждения, как правило, негативно воспринимается родственниками (в особенности близкими) осужденных и не формирует у них доверия к правоохранительной и судебной системам в целом, примерно одинаковые ежегодные показатели судимости, появляется основание констатировать, что ежегодно (при минимальном допущении наличия у осужденных в среднем двух близких родственников), ежегодно появляется как минимум, миллион человек с негативным отношением к органам указанных систем. Если учесть количество лиц, привлекаемых ежегодно в судебном порядке к ответственности за совершение административных правонарушений, а также лиц, «проигравших» иски в порядке гражданского судопроизводства, что также обуславливает достаточную нелояльность к правосудию, то формируется объективное основание к постановке вопроса о таких гарантиях формирования коллегии присяжных заседателей, которые могли бы обеспечить ее достаточную толерантность к правосудию.

Второе обстоятельство связано с формулировкой ст. 339 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее — УПК России). Согласно п. 3 ч. 1 этой правовой нормы, среди прочих вопросов коллегии присяжных заседателей перед удалением их в совещательную комнату предлагается вопрос о виновности подсудимого в инкриминированном ему деянии. Возникает вопрос, а что же присяжные заседатели понимают под термином «виновность»? Если исходить из того, что понятие виновность «носит комплексный характер, в силу ... объединения в себе не только субъективных, но и объективных факторов, с которыми уголовное законодательство связывает наступление уголовной ответственности за совершение общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законодательством» [3, с. 146], то осознание содержания такого «объединения» субъективных и объективных факторов требует определенных юридических познаний в области теории уголовного права и тем самым выводит присяжных заседателей из категории «судей факта» в категорию «судей права»; кроме того, из положений ч. 2 ст. 340 УПК России, устанавливающей содержание напутственного слова председательствующего, можно сделать вывод, что понятие виновности присяжным заседателям не разъясняется. Совокупность рассмотренных факторов ставит под сомнение юридическую корректность формулировки п. 2 ч. 1 ст. 339 УПК России.

Третьим обстоятельством можно считать положение норм УПК России, согласно которым правовой институт присяжных заседателей функционирует в настоящее время только в судах первой инстанции (за исключением мировых судей), между тем, апелляционная инстанция наделена правом отмены приговора

суда первой инстанции и вынесения нового приговора. С одной стороны, принципы немотивированности ее неопровержимости вердикта присяжных заседателей суда первой инстанции обусловил ограничение, согласно которому не допускается апелляционное рассмотрение жалобы на приговор суда первой инстанции, постановленный на основании такого вердикта, по мотиву несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре суда, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции. В случаях, предусмотренных ст. 389.25 УПК России, суд апелляционной инстанции вправе отменить оправдательный приговор суда первой инстанции, однако не имеет полномочия на отмену самого вердикта и он сохраняет юридическую силу. При таких обстоятельствах возникают два вопроса: 1) если предыдущий вердикт, постановленный законно функционирующими судьями (присяжными заседателями) с соблюдением процессуальной формы, не был отменен, то не возникает ли правовая коллизия — правовой конфликт между предыдущим и повторно вынесенным иным составом коллегии присяжных заседателей вердиктами (если они различаются); 2) какие обстоятельства препятствуют введению института присяжных заседателей в состав суда апелляционной инстанции, например, по опыту французского уголовного процесса?

В качестве четвертого обстоятельства можно отметить маловразумительную логику, заложенную в формулировку ст. 348 УПК России по вопросу обязательности для председательствующего вердикта коллегии присяжных заседателей. Представляется, что исходя из смысла введения института присяжных заседателей (хорошо выраженного в латинской поговорке «vox populi vox Dei») как оправдательный, так и обвинительный вердикт должен быть в равной степени обязательен для председательствующего независимо ни от каких других условий и обстоятельств, если не был нарушен процессуальный порядок его вынесения и на поставленные перед присяжными заседателями вопросы даны непротиворечивые ответы.

Список источников

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 г. // URL:// <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121>.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 7 октября 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.
3. Валуйсков Н. В., Бондаренко А. В., Арутюнян А. Д. Понятие вины и виновности в уголовном праве // Балтийский гуманитарный журнал, 2017. Т. 6. № 3 (20).

References

1. Summary statistics on the state of criminal record in Russia for 2021 // URL://http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121.
2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, № 174-FZ (ed. on October 7, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 52. Art. 4921.
3. Valujskov N. B., Bondarenko A. B., Arutyunyan A. D. The concept of guilt and guiltiness in criminal law // Baltic Humanitarian Journal' 2017. T. 6. № 3 (20).

Информация об авторе

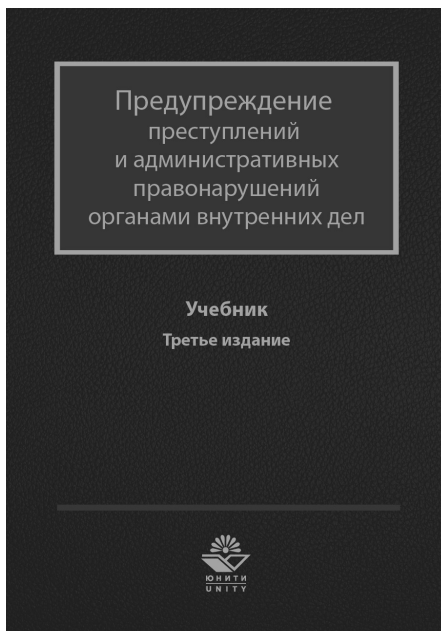
А. А. Сумин — профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Sumin — Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 19.06.2023.

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 19.06.2023.

Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел. 3-е изд., перераб. и доп. Учебник. Под ред. В. Я. Кикотя, С. Я. Лебедева. 639 с. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Раскрыты основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений и административных правонарушений. Показаны ее правовые, организационные и тактические основы, вопросы предотвращения, профилактики и пресечения противоправных деяний, входящие в предупредительную компетенцию органов внутренних дел. Определена полицейская специфика общей, индивидуальной и виктимологической профилактики правонарушений.

Особое внимание уделено предупреждению полицией преступлений и административных правонарушений несовершеннолетних; насильственных преступлений против личности; правонарушений в сфере экономики; рецидивной, профессиональной и организованной преступности; террористической и экстремистской преступной деятельности; преступлений и правонарушений, связанных с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с незаконным оборотом оружия, с миграционными процессами; преступлений и правонарушений коррупционной направленности;

дорожно-транспортных правонарушений и др.

Дана оценка перспективам развития ведомственной системы предупреждения преступлений и административных правонарушений, обоснованы стратегические направления предупредительной деятельности ОВД.

Для курсантов, слушателей, адъюнктов и преподавателей образовательных учреждений МВД России, студентов, аспирантов и преподавателей юридических образовательных учреждений, практических работников правоохранительных органов.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-147-151>

НИОН: 2007-0083-2/23-272

MOSURED: 77/27-005-2023-02-472

Разглашение сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера как нарушение неприкосновенности частной жизни

Таранина Екатерина Игоревна

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, 97ekaterina@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена формирующаяся криминологическая проблема — неприкосновенность частной жизни лиц, предоставляющих сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Авторами обращено внимание, что предоставление сведений, характеризующих имущественное положение лица, с одной стороны, является мерой противодействия коррупции, а с другой стороны, при несоблюдении процедуры обработки и передачи информации, может нарушить неприкосновенность его частной жизни.

Продемонстрировано, что при помощи методик социальной инженерии имеется возможность определить персональные данные должностного лица, чьи сведения на сайтах государственных органов прямо или косвенно не указывают на него.

Отмечается, что с увеличивающейся цифровизацией и информатизацией российского общества возникает необходимость защиты отдельных категорий от незаконного распространения сведений, составляющих личную тайну.

Ключевые слова: неприкосновенность частной жизни, сведения о доходах, декларация о доходах, преступления, связанные с нарушением неприкосновенности частной жизни, нарушение неприкосновенности частной жизни, информация, достоверность информации, распространение информации, персональные данные, сайты государственных органов, противодействие коррупции

Для цитирования: Таранина Е. И. Разглашение сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера как нарушение неприкосновенности частной жизни // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 147-151. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-147-151>.

Original article

Disclosure of information about income, expenses, property and property obligations as a violation of privacy

Ekaterina I. Taranina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, 97ekaterina@mail.ru.

Abstract. Considered the emerging criminological problem — the inviolability of the private life of persons who provide information about income, expenses, property and property obligations.

The authors draw attention to the fact that the provision of information characterizing the property status of a person, on the one hand, is a measure against corruption, and on the other hand, if the procedure for processing and transmitting information is not followed, it may violate the inviolability of his private life.

It is demonstrated that with the help of social engineering techniques, it is possible to determine the personal data of an official whose information on the websites of state bodies does not directly or indirectly indicate him.

It is noted that with the increasing digitalization and informatization of Russian society, there is a need to protect certain categories from the illegal dissemination of information constituting a personal secret.

© Таранина Е. И., 2023

Keywords: privacy, income information, income declaration, crimes related to violation of privacy, violation of privacy, information, reliability of information, dissemination of information, personal data, websites of government agencies, anti-corruption

For citation: Taranina E. I. Disclosure of information about income, expenses, property and property obligations as a violation of privacy. *Criminological journal*. 2023. (2):147-151. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-147-151>.

В стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. даётся оценка коррупции как одной из угроз национальной безопасности (ст. 38). Противодей-

ствии ей рассматривается в качестве одного из главных направлений **государственной** политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности.

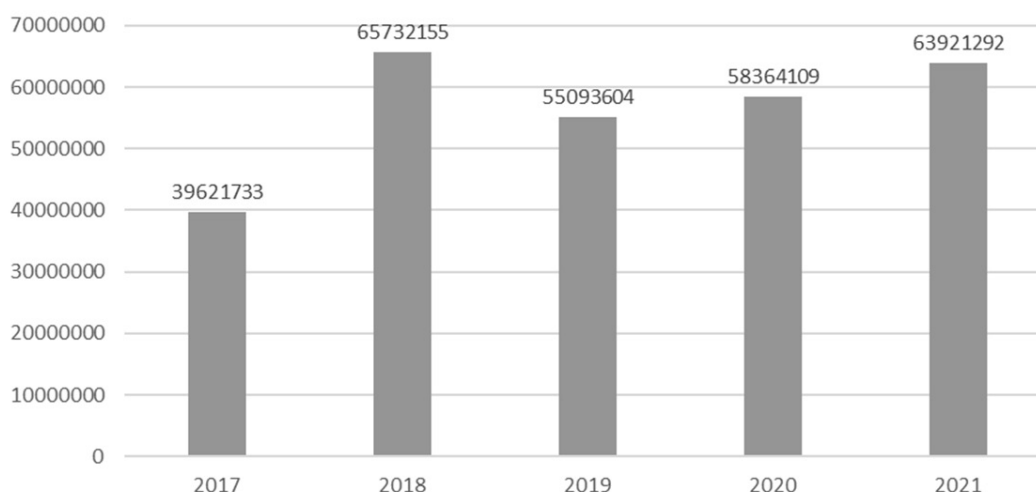

Рис. 1. Динамика материального ущерба от преступлений коррупционной направленности в 2017–2021 г. (в тыс. руб.)

Форма федерального статистического наблюдения «Сводный отчет по России. Отчет о результатах работы правоохранительных (правоприменительных) органов по борьбе с преступлениями коррупционной направленности» [7] демонстрирует увеличение абсолютных показателей материального ущерба, причинённого государству преступлениями коррупционной направленности. Так, ущерб в 2017 г. составил более 39 миллиардов, а в 2021 г. — более 63 миллиардов (Рис. 1).

Не вызывает сомнений, что ущерб от преступлений коррупционной направленности, зарегистрированных в 2021 г., значителен, однако стоит также подчеркнуть, что **защита личности** от противоправных посягательств является первоочередной целью государственной политики.

Указ Президента Российской Федерации от 8 июля 2013 г. № 613 «Вопросы противодействия коррупции» утвердил порядок размещения сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера отдельных категорий лиц и членов их семей на официальных сайтах федеральных государственных органов. Исчерпывающий перечень категорий работников, федеральных государственных

гражданских служащих, сотрудников Министерств, ведомств, государственных учреждений указан в ст. 1 обозначенного выше нормативного правового акта.

Примечательным является то, что сведения подаются как в отношении должностных лиц, так и в отношении членов семей: супруга, супруги, несовершеннолетних детей. Таким образом, в действительности лиц, подающих справки о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера (далее — справка «о доходах...»), тем самым предоставляющих сведения, составляющие личную и семейную тайну, наблюдается большее количество.

С одной стороны, такое ограничение является мерой по противодействию коррупции (ст. 8) [1], а с другой стороны при несоблюдении процедуры обработки и передачи информации, указанной в декларации о доходах, нарушает право гражданина на неприкосновенность частной жизни и попадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ.

В размещаемых на официальных сайтах и предоставляемых общероссийским средствам массовой информации для опубликования сведениях о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера запрещается указывать:

б) персональные данные супруги (супруга), детей и иных членов семьи служащего (работника);

в) данные, позволяющие определить место жительства, почтовый адрес, телефон и иные индивидуальные средства коммуникации служащего (работника), его супруги (супруга), детей и иных членов семьи;

г) данные, позволяющие определить местонахождение объектов недвижимого имущества

В действительности же, персональные данные на сайтах государственных органов не указываются и не позволяют напрямую идентифицировать владельца имущества, однако имеется возможность при помощи открытых источников информации, в частности социальных сетей и мессенджеров, получить дополнительную информацию о лице.

Для достижения этих целей применяются методики социальной инженерии, в частности, OSINT — разведка по открытым источникам информации. Так, например, используя возможности открытого телеграмм канала «Глаз бога», имея только данные в виде фамилии, имени и отчества лица, чьи сведения о доходах должны публиковаться на официальных сайтах, может стать известна информация о:

1. Фамилии, имени и отчестве (данные из телефонных книг других лиц, клички, прозвища);
2. Возможном адресе регистрации с указанием номера квартиры;
3. Государственном регистрационном знаке транспортных средств.
4. Странице в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники»;
5. Адресе электронной почте;
6. Объявлениях, размещенных на интернет-площадках.

Указанная информация может зачастую использоваться в целях, не связанных с решением задач оперативно-розыскной деятельности: клевета, шантаж, вымогательство, подрывание деловой репутации лица и т. д.

Отметим, случаи незаконного получения данных, составляющих частную жизнь лица, возможны не только при осуществлении инициативного поиска (как правило в информационно-телекоммуникационной сети Интернет), но и в случае обработки государственным органом, упреждением или организацией предоставленных сведений.

Процесс предоставления сведений о расходах, доходах и обязательствах имущественного характера состоит из нескольких этапов, на каждом из которых субъекты обработки персональных данных, законодательно наделенные правом проверки сведений, предоставляемых в том числе сотрудниками органов внутренних дел, могут осуществить незаконное собирание и распространение сведений, составляющих частную жизнь лица (ст. 137 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), пре-

вышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ). Важно подчеркнуть, что ст. 7 Федерального закона «О персональных данных» [2] предусматривает обязанность лиц, осуществляющих обработку персональных данных не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных.

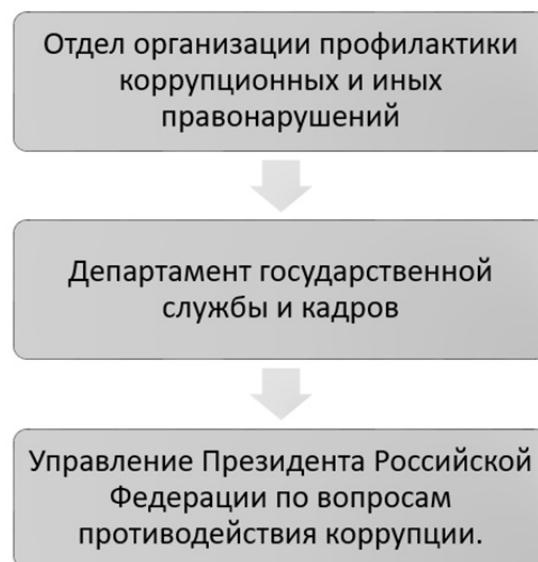

Рис. 2. Процесс предоставления и обработки информации, указанной в справке о доходах, расходах, обязательствах имущественного характера в ОВД

Отметим, что отдельные нормативные правовые акты устанавливают категории информации, которые могут относиться к дефиниции «сведения, составляющие личную тайну». Так, например, под налоговой тайной понимают «любые полученные налоговым органом, органом внутренних дел [...] сведения о налогоплательщике, плательщике страховых взносов» (ст. 102 НК РФ) [3]. Раздел 1 («сведения о доходах»), раздел 2 («сведения о расходах») и раздел 3 («сведения об имуществе») справки «о доходах...» [5] содержат информацию, составляющую налоговую тайну (сведения о виде приобретенного имущества: земельные участки, недвижимое имущество, транспортные средства, ценные бумаги, цифровые финансовые активы и прочее; сведения о доходах: по основному месту работы, от научной и педагогической деятельности и другие), соблюдение которой гарантируется обозначенным выше Федеральным законом. Следует обратить внимание, что перечисленные сведения могут являться общедоступными с согласия налогоплательщика (п. 1 п. 1. ст. 102 НК РФ), в связи с этим, их дальнейшее распространение неорганично и предусматривает использование любыми лицами по их усмотрению, в том числе в противоправных целях.

Важным изменением действующего законодательства является дополнение ст. 102 Налогового Кодекса Российской Федерации пунктом 2.3 [4]. Так, с 1 августа 2022 г. передача третьим лицам сведений о налогоплательщике или плательщике взносов с его согласия не является разглашением налоговой тайны. Согласие, подписанное усиленной квалифицированной электронной подписью, подается в налоговый орган в электронном виде. Сведения, содержащиеся в рассматриваемом документе и добровольно подлежащие исключению из категории «налоговая тайна», отражены в Письме Федеральной налоговой службы от 29 августа 2022 г. [6]. Упрощение процедуры обработки и распространения информации, а также снижение контроля в области защиты данных об имущественном состоянии налогоплательщика, предоставившего согласие, может принести ущерб гражданину, невмешательство в частную жизнь которого гарантируется Конституцией Российской Федерации.

Отдельное внимание стоит обратить на защиту сведений, составляющих банковскую тайну. Так сотрудниками, предоставляющими сведения о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, должен быть заполнен Раздел 4 («сведения о счетах в банках и иных кредитных организациях»). В Постановлении Конституционного суда от 14 мая 2003 г. отражено, что «предоставление банками, иными кредитными организациями и их служащими сведений о счетах и вкладах и операциях по счету, а также сведений о клиентах государственным органам и их должностным лицам) должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе частных и публичных прав и интересов граждан, не затрагивать существо соответствующих конституционных прав» [8]. Стоит отметить, что сведения, подаваемые сотрудниками о банковских счетах и вкладах, информация о кредитных, депозитных, расчетных, валютных и других банковских операциях, также не подлежат распространению третьим лицам.

Как было отмечено ранее, распространение сведений, указанных в справках о доходах, расходах и обязательствах имущественного характера подпадает под признаки преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ. Правоприменительная практика в настоящее время складывается таким образом, что зачастую сотрудники правоохранительных органов осуществляют передачу сведений о материальном положении лица за определенное денежное вознаграждение, в том числе размещая предложения в «темном» сегменте сети Интернет.

К сожалению, достоверно не представляется возможным определить, какое количественное значение преступлений, предусмотренных ст. 137 УК РФ,

связано с распространением сведений, указанных в справках о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. Обозначенная статистическая позиция в формах ГИАЦ МВД России в настоящее время не имеет отражения. Заметим, что правоприменительная практика по данному вопросу только начинает формироваться.

Нами предполагается, что наибольшее количество фактов распространения сведений, содержащихся в справках «о доходах...», составляющих личную и семейную тайну, будет характерно для субъектов Российской Федерации Центрального Федерального округа и городов Федерального значения.

В виду значительного увеличения количества зарегистрированных преступлений, связанных с нарушением неприкосновенности частной жизни в 2017–2021 г. (2017 г. — 440 преступлений, 2021 г. — 918 преступлений) представленное научное мнение позволяет подтвердить актуальность и необходимость дальнейшего исследования проблемы неприкосновенности частной жизни в том числе среди лиц, предоставляющих сведения о доходах, расходах и обязательствах имущественного характера. Отметим, что применение мер превентивного характера, сдерживающих преступность коррупционной направленности на определенном социально-допустимом уровне, должно быть разумным. Процесс собирания, обработки, хранения и передачи информации, указанной в справках о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера как меры противодействия коррупции, не должен способствовать незаконному распространению сведений, составляющих личную и семейную тайну.

Список источников

1. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Налоговый кодекс Российской Федерации часть первая от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 1 мая 2022 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента РФ от 23 июня 2014 г. № 460 «Об утверждении формы справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Письмо Федеральной налоговой службы РФ

- от 29 августа 2022 г. № АБ-4-19/11332 «О рекомендуемом формате Согласия, порядке его направления и порядке предоставления сведений» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Сводный отчет по России. Отчет о результатах работы правоохранительных (правоприменительных) органов по борьбе с преступлениями коррупционной направленности. Раздел 3. Сведения о причиненном преступлениями коррупционной направленности материальном ущербе и его возмещении // Сведения предоставлены ГИАЦ МВД России. 2017–2021 г.
 8. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2003 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 14 Федерального закона «О судебных приставах» в связи с запросом Лангепасского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Federal law «About counteraction to corruption» from December 25, 2008 № 273-FZ // SPS «ConsultantPlus».
2. Federal Law «About Personal Data» dated July 27, 2006 152-FZ // SPS «ConsultantPlus».
3. Tax Code of the Russian Federation Part One from July 31, 1998 № 146-FZ // SPS «ConsultantPlus».
4. Federal Law of May 1, 2022 № 120-FZ «On Amendments to Part One of the Tax Code of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».
5. Decree of the President of the Russian Federation of June 23, 2014 № 460 «On Approval of the Form of Statement of Income, Expenses, Property and Property Obligations and Amendments to Certain Acts of the President of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus».
6. Letter of the Federal Tax Service of the RF of August 29, 2022 № АБ-4-19/11332 «About the recommended format of the Consent, the order of its sending and the order of providing the information» // SPS «ConsultantPlus».
7. Summary report on Russia. Report on the results of law-enforcement (law-enforcement) agencies' work in combating crimes of corruption. Section 3. Information on material damage caused by crimes of corruption and its compensation // Information provided by the SIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017-2021.
8. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 14, 2003, № 8-П «On the case of verification of constitutionality of par. 2 p. 14 of the Federal Law «About Khanty-Mansiysk bailiffs' district» in connection with the decision of the Khanty-Mansiysk municipality» // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторе

Е. И. Таранина — преподаватель кафедры естественнонаучных дисциплин учебно-научного комплекса информационных технологий Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

E. I. Taranina — Lecturer of the Department of Natural Sciences of the educational and scientific complex of Information Technologies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 12.01.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-152-157>

НИОН: 2007-0083-2/23-273

MOSURED: 77/27-005-2023-02-473

Доказывание преступлений, совершенных с использованием криптовалют: следственная и судебная практика в условиях пробелов в правовом регулировании

Ольга Николаевна Тисен

Федеральная служба по финансовому мониторингу, Москва, Россия, kafedra2002@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены особенности доказывания преступлений, совершенных с использованием криптовалют. Автором отмечены ключевые проблемы, с которыми сталкиваются правоприменители при расследовании преступлений с криптовалютой, а также предложены пути их решения.

Ключевые слова: криптовалюта, биткоин, преступность, уголовное дело, доказывание, доказательства, правовое регулирование

Для цитирования: Тисен О. Н. Доказывание преступлений, совершенных с использованием криптовалют: следственная и судебная практика в условиях пробелов в правовом регулировании // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 152-157. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-152-157>.

Original article

Proving crimes committed using cryptocurrencies: investigative and judicial practice in the context of gaps in legal regulation

Olga N. Tissen

Federal Financial Monitoring Service, Moscow, Russia, kafedra2002@gmail.com

Abstract. The features of proving crimes committed with the use of cryptocurrencies. The author notes the key problems that law enforcement officers face when investigating crimes with cryptocurrency, and also suggests ways to solve them.

Keywords: cryptocurrency, bitcoin, crime, criminal case, proof, evidence, legal regulation

For citation: Tissen O. N. Proving crimes committed using cryptocurrencies: investigative and judicial practice in the context of gaps in legal regulation. Criminological journal. 2023. (2):152-157. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-152-157>.

В последние годы незаконный оборот наркотических средств, оружия и боеприпасов, сокрытие похищенных активов, как правило, осуществляется с использованием криптовалют.

Согласно постановлению Пленума ВС РФ № 32, с учетом Рекомендации 15 ФАТФ предметом преступлений, предусмотренных ст. 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем» ист. 174.1 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления» УК РФ,

могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления.

Таким образом, предметом легализации преступных доходов согласно постановлению Пленума ВС РФ являются не криптовалюты, а именно денежные средства, преобразованные из них.

Конструкция изложения абзаца 3 п. 1 постановления Пленума ВС РФ № 32 обусловлена тем, что на момент принятия изменений в Пленум в 2019 г. правовой статус цифровой валюты в Российской Фе-

© Тисен О. Н., 2023

дерации не был определен. Следует отметить, что в 2016–2018 г. прокуроры обращались в суды с исками о признании информации о криптовалюте, распространяемой посредством сети «Интернет», информацией, распространение которой запрещено на территории Российской Федерации, с последующей блокировкой соответствующих ресурсов. В обоснование исковых требований прокуроры указывали, что процесс выпуска и обращения биткоинов полностью децентрализован и отсутствует возможность его регулирования, в том числе со стороны государства, что противоречит Федеральному закону «О Центральном банке Российской Федерации», Федеральному закону Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Суды первой инстанции удовлетворяли такие требования¹. Однако после обжалования решений о блокировке сайтов их владельцами решения были отменены судами апелляционных и кассационных инстанций в связи с нарушением норм гражданского процессуального законодательства, выразившимся в непривлечении владельцев сайтов к участию в делах².

Фактически суды стали рассматривать криптовалюты в качестве предмета преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 УК РФ, еще задолго до внесения изменений в постановление Пленума ВС РФ № 32 в 2019 г. [1; 2; 3] и законодательное закрепление их правового статуса в Российской Федерации³. Фактически в правоприменительной практике криптовалюты рассматриваются как имущество с момента их использования при совершении преступлений [1]. После внесения изменений в постановление Пленума ВС РФ № 32 судебная практика в части рассмотрения судами криптовалюты в качестве предмета преступлений фактически не изменилась.

Чаще всего в преступной деятельности используется криптовалюта Bitcoin, что связано, прежде все-

го, с ее высокой стоимостью по отношению к доллару США. Реже в преступных схемах фигурирует криптовалюта Ethereum.

Для обналичивания денежных средств используются также электронные кошельки, банковские карты, зарегистрированные на лиц, не осведомленных о преступных намерениях фигурантов. В результате совершения различного рода финансовых операций, денежные средства, полученные от реализации наркотиков, дистанцируются от наркоторговцев, а также от времени и места совершения преступления. На биржах криптовалюта конвертируется в рубли и через платежные системы переводится на электронные кошельки. Затем деньги переводятся на банковский счет, откуда в последующем зачисляются на карту. Полученные денежные переводы обналичиваются через банкоматы.

Наркоторговцы используют криптовалюты не только в качестве платы за наркотики, но и для оплаты услуг соучастников преступной деятельности, в том числе «закладчиков». При этом после получения вознаграждения за пересылку / доставку или продажу наркотиков в криптовалюте соучастники преступления в большинстве случаев переводят ее через сайты-обменники в сети «Интернет» на счета банковских карт третьих лиц, а затем обналичивают. Как правило, обналичивание периодически осуществляется одновременно сразу с нескольких карт одним и тем же лицом в одном банкомате.

Следует учитывать, что один только факт использования при совершении преступлений криптовалют не свидетельствует о наличии в действиях лица состава преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, о чем неоднократно указывали суды в оправдательных приговорах⁴.

В каждом конкретном случае нужно с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо совершило финансовую операцию или сделку с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом⁵.

По смыслу уголовного закона ответственность по ст. 174.1 УК РФ наступает тогда, когда лицу, совершившему финансовые операции или другие сделки, было достоверно известно, что денежные средства или иное имущество приобретено преступным путем, а также тогда, когда лицо приобрело денежные средства или иное имущество в результате совершения преступления и использовало их для совершения финансовых операций и

¹ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 13 февраля 2017 г. № 33-2537/2017 по делу № 2-10119/2016; решение Мокшанского районного суда Пензенской области от 20 ноября 2017 г. по делу № 2-443/2017–М-451/2017; решение Ленинского районного суда города Нижнего Тагила от 1 марта 2018 г. по делу № 2-508/2018–М-123/2018 // URL://<https://sudact.ru/>

² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 4 июля 2018 г.); апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 27 февраля 2018 г. № 33а-2050/2018 по делу № 2-1993/2017; определение Верховного Суда РФ от 20 апреля 2018 г. № 78-КГ17-101 // URL://<https://www.vsrif.ru/>

³ Апелляционный приговор ВС РФ от 13 сентября 2018 г. по делу № 127-АПУ18-8; приговор Советского районного суда г. Красноярск от 2 июня 2016 г. по делу № 1-457/2016, от 20 февраля 2017 г. по делу № 1-41/2017 (1-512/2016); приговор Ленинского районного суда г. Воронежа от 14 августа 2017 г. по делу № 1-181/2017; приговоры Ленинского районного суда г. Саранска от 2 мая 2017 г. по делу № 1-87/2017, от 5 июня 2017 г. по делу № 1-100/2017, от 15 июня 2017 г. по делу № 1-102/2017, Приговор Metallургического районного суда г. Челябинска от 15 июня 2017 г. по делу № 1-355/2017; Приговор Октябрьского районного суда г. Саранска от 8 декабря 2017 г. по делу № 1-301/2017; Приговор Советского районного суда г. Челябинска от 16 июня 2018 г. по делу № 1-297/2018; Приговор Ялтинского городского суда Республики Крым от 30 августа 2017 г. по делу № 1-337/2017 // URL://<https://sudact.ru/>

⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 января 2021 г. № 36-УД20-7-К2 // URL://<https://legalacts.ru/sud/>

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июня 2015 г. № 32 (ред. от 26 февраля 2019 г.) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». П. 10 // СПС «КонсультантПлюс».

других сделок¹.

В этой связи в ходе предварительного следствия необходимо доказать, что фигуранту достоверно было известно, что денежные средства или иное имущество, с которыми он осуществляет финансовые операции или сделки, получены преступным путем.

В фабуле обвинения необходимо указывать, в результате какого конкретного преступления приобретено имущество, впоследствии легализованное обвиняемым.

Преступления, предусмотренные ст. 174 и 174.1 УК РФ, относятся к сфере экономической деятельности, их необходимым элементом является цель вовлечения денежных средств и иного имущества, полученного в результате совершения преступления, в легальный экономический оборот. Согласно позиции ВС РФ, для наличия данного состава преступления необходимы не просто финансовые операции и сделки с имуществом, полученным преступным путем, а действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, придание им видимости законных (внесение в уставный капитал организации, на банковский вклад, покупка активов, приносящих доход, покупка и последующая продажа товаров, имущества, выполнение работ, оказание услуг).

В случае использования лицами, осуществляющими преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, в финансовых схемах счетов, оформленных на свое имя, суды, как правило, оправдывают их в части предъявленного обвинения в легализации преступных доходов². При применении в схемах обналичивания счетов третьих лиц, не осведомленных о преступных намерениях наркоторговцев, суды признают факт легализации преступных доходов установленным. Такая позиция обусловлена разъяснениями, содержащимися в п. 10 постановления Пленума ВС РФ № 32, согласно которым совершение финансовых операций и сделок с использованием электронных средств платежа, а также расчетных счетов фирм-«однодневок» и счетов физических лиц, возможно не осведомленных об их преступном происхождении, указывает на придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежным средствам и иному имуществу, полученным преступным путем.

На легализацию дохода, полученного преступным путем, может указывать осуществление финансовых операций по переводу криптовалют в фиатные деньги, их последующему перечислению на счета третьих лиц, прежде всего, неоднократно, а затем обналичиванию.

При этом в ходе ОРМ и предварительного рассле-

дования важно обращать внимание на факты использования фигурантами банковских карт, оформленных на иных лиц, в том числе, зарегистрированных в других субъектах Российской Федерации, периодичность перечисления на них денежных средств взаимосвязанными между собой лицами, а также систематическое обналичивание денег сразу с нескольких карт, неоднократно использованных наркоторговцами, в одном банке в одно и то же время³.

Кроме того, на признаки легализации может указывать использование фигурантами неперсонифицированных счетов в электронных платежных системах для получения вознаграждения за наркотики в криптовалюте, последующий их перевод на счета третьих лиц в банке и обналичивание⁴.

Так, в апелляционном приговоре от 13 сентября 2018 г. № 127-АПУ18-8 Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2018 г. № 127-АПУ18-8 признала законным приговор Верховного Суда Республики Крым от 22 июня 2018 г. в части оправдания А. по п. «а» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ за отсутствием в деянии состава преступления. По приговору суда Абдурахманов признан виновным и осужден за действия, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ при следующих обстоятельствах. Судом установлено, что в январе 2017 г. А. из корыстных побуждений с целью получения материальной выгоды через интернет-сайт вошел в состав ранее организованной неустановленным лицом группы от Интернет-магазина для совершения незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ в городах Республики Крым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет). Согласно отведенной роли А. должен сообщить соучастнику группы личные данные для направления ему посылки с психоактивными веществами, при их получении содержимое расфасовывать на мелкооптовые партии, делать из них закладки, сообщать о месте нахождения отправителям посылок и получать за это расчет через неперсонифицированную платежную систему Bitcoin. При этом оплата А. за преступную деятельность администраторами интернет-магазина начислялась в виде криптовалюты через платежную систему Bitcoin. На биржах криптовалюту А. конвертировал в рубли и через платежную системы «Кики» переводил на электронный кошелек в ОАО «Киви-Банк», привязанный к его абонентскому номеру телефона. Затем деньги переводились на его банковский счет, откуда в последующем переводились на его карту. Полученные денежные переводы А. обналичивал в банкоматах

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 сентября 2015 г. № 67-АПУ15-30 // URL://https://sudact.ru.

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 13 января 2021 г. № 36-УД20-7-К2 // URL://https://sudact.ru.

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 1 августа 2019 г. № 67-АПУ19-8; кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 13 января 2021 г. № 36-УД20-7-К2 // URL://https://sudact.ru.

⁴ Приговор Октябрьского районного суда г. Ставрополя Ставропольского края от 12 мая 2020 г. по делу № 01-2020-000958-69 // URL://https://sudact.ru.

и тратил на личные нужды — оплачивал услуги мобильной связи, приобретал различные продукты питания, иные вещи для личного потребления, на лечение матери. Полученные деньги были его источником существования. Поскольку конечной целью операций было получение на руки денежных средств и их трата для личных нужд, в повседневной жизни, ВС РФ признал обоснованным оправдание А. в легализации преступных доходов¹.

В ряде случаев в обоснование оправдания подследственных в легализации преступных доходов суды указывали на отсутствие сведений о том, на что были потрачены обналиченные денежные средства после совершения указанных финансовых манипуляций. В этой связи в ходе расследования целесообразно устанавливать имущество, приобретенное фигурантами (в т. ч. транспортные средства и недвижимость) на средства, вероятно добытые преступным путем².

Поскольку криптовалюта в России согласно действующему законодательству не является денежным средством, в случае использования ее при совершении финансовых операций (сделок) в целях легализации преступного дохода, и их последующей конвертации в фиатные деньги, целесообразно использовать в обвинительном заключении в отношении установленных операций (сделок) формулировку «с денежными средствами и имуществом, заведомо добытыми преступным путем». При этом термин «имущество» в данном случае применим к криптовалютам, а «денежные средства» — к фиатным деньгам, в которые была конвертирована криптовалюта.

Статус цифровой валюты как имущества уже закреплен для целей применения законодательстве о банкротстве, об исполнительном производстве и о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма³. В настоящее время в Государственной Думе находится законопроект, предусматривающий внесение изменений в УК РФ и УПК РФ в части рассмотрения цифровой валюты в качестве имущества для целей применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Основы правового регулирования цифровой валюты (криптовалюты) заложены в ст. 14 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 259-ФЗ).

¹ Апелляционный приговор Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2018 г. № 127-АПУ18-8 // URL://https://sudact.ru.

² Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24 апреля 2020 г. № 77-445/2020 // URL://https://sudact.ru/

³ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Согласно ч. 5 указанной статьи Федерального закона № 259-ФЗ юридические лица, личным законом которых является российское право, филиалы, представительства и иные обособленные подразделения международных организаций и иностранных юридических лиц, компаний и других корпоративных образований, обладающих гражданской правоспособностью, созданные на территории Российской Федерации, физические лица, являющиеся налоговыми резидентами Российской Федерации, не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги.

Запрет на использование цифровой валюты в качестве средства платежа за товары, работы и услуги является единственным законодательным ограничением оборота цифровой валюты в настоящее время.

Отметим, что в судебной практике имеются факты обжалования стороной защиты обвинительных приговоров по ст. 174.1 УК РФ в связи с применением судом в приговоре термина «денежные средства» в отношении криптовалют⁴.

Кроме того, до вступления в силу Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (вступил в силу с 1 января 2021 г.), в судебной практике встречались факты отмены судами вышестоящих инстанций решений нижестоящих судов в связи с оставлением без внимания в судебных решениях доводов стороны защиты о том, что криптовалюта не признана имуществом для целей применения УК РФ.

Так, определением шестого кассационного суда общей юрисдикции от 9 сентября 2020 г. отменено апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Татарстан от 18 октября 2019 г. в отношении М., П., С.М.АА., С.М.АБ., осужденных за мошенничество с использованием криптовалют. В кассационной жалобе осужденные и их защитники указали, что российское законодательство не содержит норм, регулирующих обращение криптовалют, биткойн представляет собой денежный суррогат, сущность биткойна в законодательстве не определена, он не является платежным средством на территории Российской Федерации и не имеет цены в рублевом эквиваленте. Приведенные доводы апелляционных жалоб об отсутствии в действиях осужденных составов оспариваемых преступлений ввиду неотнесения криптовалюты к имуществу, об оспаривании суммы причиненного потерпевшим ущерба и законности определения его размера, судом апелляционной инстанции оставлены без проверки, каких-либо суждений по данным вопросам в апелляционном определении не приведено. Кассационная

⁴ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14 мая 2020 г. № 77-668/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

инстанция указала, что установление того, относится ли криптовалюта к имуществу, за хищение которого предусмотрена уголовная ответственность, а также размера похищенного имущества является принципиально важным, поскольку от установления данных обстоятельств зависит не только квалификация действий осужденных, но и наличие либо

В целях определения размера дохода в виде криптовалют, полученного преступным путем, на практике правоохранители обращаются к курсам криптовалют, размещенным на интернет-площадках, на день совершения преступления. В случае, если криптовалюта, используемая при совершении преступления, является распространенной, для определения ее стоимости необходимо обратиться к сайту обозревателя блоков. Скриншот с соответствующей информацией необходимо приобщить к материалам уголовного дела. Если криптовалюта приобреталась на конкретной бирже, нужно зайти на ее сайт, ввести дату и время совершения сделки, вид криптовалюты, а затем рассчитать эквивалент стоимости размера преступного дохода в рублях.

Когда криптомонеты получены в результате майнинга, их стоимость можно рассчитать посредством информации, размещенной на общедоступных сайтах об инвестициях.

К материалам уголовных дел рассматриваемой категории целесообразно приобщать выписку из блокчейн-реестра, содержащую в себе историю операций (транзакций) с криптовалютой. В практике имеются случаи признания судами всех перечисленных документов допустимыми и достоверными доказательствами¹.

В гражданском судопроизводстве распечатка транзакции с сайта о переводе с неизвестного счета биткоинов и переписка о принадлежности электронного кошелька истцу также признаются допустимыми доказательствами².

В настоящее время существуют эффективные способы отслеживания операций, совершаемых с использованием криптовалют. В целях выявления, анализа и визуализации операций с криптовалютой Bitcoin, совместно с Физическим институтом имени П. Н. Лебедева РАН разработан аналитический программный инструмент «Прозрачный блокчейн». На основании полученных таким путем сведений о криптобиржах и обменниках инициирован целый ряд проверочных запросов в адрес зарубежных подразделений финансовой разведки на предмет установления владельцев bitcoin-кошельков. Имеются положительные результаты такого взаимодействия с рядом государств³.

Особенности использования в России технологии

¹ Апелляционное определение Самарского областного суда от 30 августа 2018 г. по делу № 33-10148/2018 // URL://<https://sudact.ru/>

² Определение ВС РФ от 10 августа 2021 г. № 305-ЭС21-14094 по делу № А41-4212/2020 // URL://<https://legalacts.ru/sud/>

³ Федеральная служба по финансовому мониторингу. Ежегодный отчет. 2019. с. 48 // URL://<http://www.fedsfm.ru/content/files/documents/2020/%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%2019.pdf>.

распределенного реестра (блокчейн) затронуты в ряде действующих нормативных актов⁴.

В целях установления фактов легализации преступных доходов в ходе ОРД и предварительного следствия необходимо направлять запросы в Федеральную службу по финансовому мониторингу. Порядок взаимодействия правоохранительных органов и Росфинмониторинга в рассматриваемой сфере регламентирован Инструкцией по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем⁵ (далее — Инструкция). Инструкция предусматривает совместную с правоохранительными органами работу не только в рамках выявления и пресечения деяний, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ, но и по предикатным преступлениям.

Описанный механизм широко применяется при расследовании уголовных дел о легализации преступных доходов с использованием цифровых валют.

В настоящее время механизм наложения ареста на криптовалюту и ее конфискации не работает. Поскольку установление ключей к электронным кошелькам на практике проблематично, фактически конфискация криптовалюты, которая находится на них, возможна лишь в случае, если владелец кошелька сообщит шифр ключа правоохранительным органам либо его удастся установить иным способом. Так, иногда владельцы криптокошельков записывают ключи от них на бумажных / электронных носителях, которые сотрудники правоохранительных органов устанавливают при проведении обыска/выемки. Техническая возможность взлома криптокошелька при отказе подозреваемого/обвиняемого от сотрудничества в настоящее время лишь прорабатывается.

При систематическом совершении наркоторговцами однотипных операций в течение длительного времени необходимо рассматривать вопрос о формулировании вывода о совершении преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ, в составе организованной преступной группы/преступного сообщества и легализации всего дохода, полученного от преступной деятельности в установленный

⁴ Постановление СФ ФС РФ от 17 февраля 2021 г. № 47-СФ «О реализации мер налоговой политики, направленных на стимулирование экономического роста» // URL:// <https://pravo.gov.ru/>; Распоряжение Минпросвещения России от 18 мая 2020 г. № Р-44 «Об утверждении методических рекомендаций для внедрения в основные общеобразовательные программы современных цифровых технологий» // URL://<https://legalacts.ru/>; План мероприятий («дорожная карта») Национальной технологической инициативы (приложение № 2 к протоколу заседания президиума Совета при Президенте РФ по модернизации экономики и инновационному развитию России от 24 апреля 2018 г. № 1) // URL://<https://sudact.ru/>.

⁵ Инструкция по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем, утвержденная приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации России № 511, Росфинмониторинга № 244, МВД России № 541, ФСБ России № 433, ФТС России № 1313, СК России № 80 от 21 августа 2018 г. // СПС «Гарант».

период¹.

На основании изложенного, для обоснования связи операций (сделок), совершенных для легализации доходов, полученных в результате совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств/психотропных веществ с использованием криптовалют, в фабуле обвинения рекомендуется приводить следующую формулировку (с изменением ее текста в зависимости от обстоятельств, установленных в ходе предварительного следствия).

«С целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежным средствам и имуществу, полученным в результате незаконного оборота наркотических средств/психотропных веществ, для совершения финансовых операций фигурантом были избраны электронные средства платежа и криптовалюты. При этом фигурант обладал достаточной информацией о том, что операции, совершаемые с применением биткоинов, а также электронные счета (bitcoin-кошельки), создаваемые для их аккумуляции и хранения, обезличены, что позволяет скрыть информацию об их владельце. С целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежным средствам и имуществу, полученным преступным путем, они перечислялись в криптографической валюте «биткойны» на обезличенные электронные счета (bitcoin-кошелек). После этого с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами и имуществу, полученными заведомо преступным путем, пользуясь посредническими услугами различных сайтов — обменников, криптовалюта, полученная в результате сбыта наркотических средств через интернет-магазины конвертировалась в российские рубли и перечислялась через информационно-телекоммуникационную

сеть «Интернет» на банковские карты и электронные счета QIWI-кошелька. Совершенные фигурантами операции (сделки), были направлены на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, придание им видимости законных и сокрытие незаконного происхождения доходов».

Список источников

1. Александров И. С. Некоторые тенденции судебной практики рассмотрения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 174, 174.1 УК РФ, совершенных с использованием криптовалюты // Уголовное право. 2018. № 6. С. 4–9.
2. Клименко Ю. А. Новые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ: виртуальные активы и международные стандарты противодействия отмыванию денег // Уголовное право. 2019. № 4. С. 49–55.
3. Немова М. И. Использование криптовалюты при легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: анализ судебной практики // Уголовное право. 2019. № 4. С. 63–68.

References

1. Alexandrov I. S. Some trends in judicial practice of consideration of criminal cases on crimes provided for in Articles 174, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation committed using cryptocurrencies // Criminal law. 2018. № 6. P. 4–9.
2. Klimenko Yu. A. New clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on cases of crimes under Articles 174 and 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: virtual assets and international standards for countering money laundering // Criminal Law. 2019. № 4. P. 49–55.
3. Nemova M. I. The use of cryptocurrencies in the legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means: analysis of judicial practice // Criminal law. 2019. № 4. P. 63–68.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ Федерации от 28 ноября 2019 г. № 25-УД19-19, определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ Федерации от 09 июня 2020 г. № 25-УД20-4 // URL://<https://legalacts.ru/sud>; приговор Октябрьского районного суда г. Ставрополя Ставропольского края от 12 мая 2020 г. по делу № 01-2020-000958-69, которым Казаков А. Г. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ; приговор Эссентукского городского суда Ставропольского края от 11 апреля 2019 г., которым Герцев Г.В. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30 п. п.«а, г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, ч. 2 ст. 174.1 УК РФ // URL://<https://sudact.ru/>

Информация об авторе

О. Н. Тисен — начальник Юридического управления Федеральной службы по финансовому мониторингу, доктор юридических наук.

Information about the author

O. N. Tisen — Head of the Legal Department of the Federal Financial Monitoring Service, Doctor of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 05.06.2023.

Научная статья

УДК 34.342.9

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-158-162>

НИОН: 2007-0083-2/23-274

MOSURED: 77/27-005-2023-02-474

Сравнительный анализ охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности с помощью применения технологических систем (на примере Российской Федерации и зарубежных стран)

Инна Викторовна Федорова¹, Валерия Сергеевна Егорова², Инга Валерьевна Кокурина³

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ karnavalinna73@mail.ru

² molodaya9918@icloud.com

³ Московское суворовское военное училище Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, i.kokurina@bk.ru

Аннотация. Проведен сравнительный анализ охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности с помощью применения технологических систем на примере Российской Федерации и зарубежных стран; рассмотрены актуальные проблемы охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности и пути решения с помощью применения технологических систем.

Ключевые слова: охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, технологические системы, сравнительный анализ, Российская Федерация, зарубежные страны

Для цитирования: Федорова И. В., Егорова В. С., Кокурина И. В. Сравнительный анализ охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности с помощью применения технологических систем (на примере Российской Федерации и зарубежных стран) // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 158-162. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-158-162>.

Original article

Comparative analysis of the protection of public order and public safety through the use of technological systems (the example of the Russian Federation and foreign countries)

Inna V. Fedorova¹, Valeria S. Egorova², Inga V. Kokurina³

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ karnavalinna73@mail.ru

² molodaya9918@icloud.com

³ Moscow Suvorov Military School of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, i.kokurina@bk.ru

Abstract. A comparative analysis of the protection of public order and ensuring public safety through the use of technological systems on the example of the Russian Federation and foreign countries has been conducted; urgent problems of public order and public safety and ways of solving them through the use of technological systems are considered.

Keywords: protection of public order, ensuring public safety, technological systems, comparative analysis, Russian Federation, foreign countries

For citation: Fedorova I. V., Egorova V. S., Kokurina I. V. Comparative analysis of the protection of public order and public safety through the use of technological systems (the example of the Russian Federation and foreign countries). Criminological journal. 2023. (2):158-162. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-158-162>.

© Федорова И. В., Егорова В. С., Кокурина И. В., 2023

В течение длительного времени в Российской Федерации органы внутренних дел осуществляют деятельность по пресечению преступлений и административных правонарушений, выявлению и раскрытию вышеуказанных деяний, а также обеспечению правопорядка в общественных местах и многие другие задачи. В настоящее время традиционные подходы к осуществлению правопорядка и законности уже не являются гарантийными средствами предупреждения или пресечения преступлений и административных правонарушений. С развитием века технологий и информатизации, усовершенствования технологических процессов, все чаще стали затрагиваться вопросы применения более современных, качественных и ускоренных способов поимки правонарушителей. На данном этапе развития общества вступают в дело технологические системы предупреждения преступлений и правонарушений, способствующие активной и своевременной поимки лиц, их совершивших, например: АБД — автоматизированный банк данных (содержит сведения об особо опасных рецидивах нераскрытых преступлений); АИПС — автоматизированные информационно-поисковые системы, такие как: АИПС «Клеймо» (осуществляет проверку принадлежности к преступлению какого-либо оружия и боеприпасов к нему), АИПС «Насилие» (содержит сведения о раскрытых и нераскрытых тяжких преступлениях, связанных с насилием, направленным против личности), АИПС «Номерная вещь» (содержит данные о похищенных или же изъятых — в связи с совершенными преступлениями — номерных вещах, а также документах и ценных бумагах общего государственного обращения); АДИС «Папилон» — автоматизированная дактилоскопическая информационная система — программно-технический комплекс (предназначена для ведения дактилоскопических учетов и осуществления проверок следов рук, изъятых с мест нераскрытых преступлений, по массивам дактилокарт лиц, состоящих на дактилоскопическом учете; предоставляющая возможность межрегионального взаимодействия автоматизированных учетов, позволяющих установить личности как живых лиц, так и неопознанных трупов), ЭС «Автоэкс» — экспертная система (применяется при расследовании преступлений, совершенных в результате ДТП — возможность восстановить достаточно полную картину противоправного деяния, а именно: определить скорость движения транспортного средства, длину и время тормозного пути; установить техническую возможность предотвращения происшествия; зафиксировать численность значения различных параметров дорожно-транспортных происшествий; определить количество лиц, находящихся в транспортном средстве) и др. [1].

Несмотря на высокий уровень развития информационно-телекоммуникационных технологий в Рос-

сийской Федерации наша страна все еще не входит в десятку самых развитых стран по международному рейтингу. По итогам 2021–2022 г. Россия заняла 14-е место в подготовленном «Ростелекомом» рейтинге стран по уровню технологического развития. В лидерах — Китай, США и Индия [2]. Тем не менее, с положительными результатами наши российские технологии в сфере борьбы с преступностью имеют довольно широкое распространение как внутри страны, так и за ее пределами.

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» в своей деятельности полиция использует достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру. Она применяет различные технические средства, включая средства аудио-, фото- и видеofиксации при документировании обстоятельств совершения преступлений, административных правонарушений, обстоятельств происшествий, в том числе в общественных местах [3].

3 декабря 2014 г. Правительство Российской Федерации утвердило Распоряжение №2446-р «Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город», которое устанавливает единые требования к системам обеспечения городской безопасности, создаваемой в российских регионах [4]. Данное решение сыграло значительную роль для начала движения работы информационных процессов в области обеспечения безопасности, а также расследования, обнаружения и пресечения преступлений и административных правонарушений на различных этапах — начиная от момента совершения деяния и вплоть до поимки лиц, находящихся в розыске продолжительное время.

При проведении 22-х зимних Олимпийских игр, проходящих в г. Сочи с 7 по 23 февраля 2014 г., была использована многоуровневая интегрированная система «Безопасный город», исполнительными органами нашей страны был выявлен высокий уровень эффективности ее применения [5]. Благодаря ее внедрению многие оперативные службы наблюдали за окружающей обстановкой во время проведения Олимпиады в режиме реального времени. При проведении мониторинга были задействованы такие средства системы, как видеоаналитика, способствующая своевременному реагированию различных служб на отклоняющиеся от нормы изменения какого-либо вредоносного характера; устанавливались соединительные датчики экстренного реагирования, позволяющие обеспечить постоянное поддержание связи с пунктами своевременного оказания какого-либо воздействия на изменяющуюся обстановку и т. п. Использование системы «Безопасный город» позволило должным образом обеспечить безопасность на всех ее уровнях —

от прогнозирования и предупреждения возможно возникающих угроз до их полного устранения на ранних стадиях.

Таким образом, после вышеуказанных проведенных Олимпийских игр, Россия предложила Мексике использовать свои технологические средства гражданского назначения — многоуровневую интегрированную систему «Безопасный город» — для противодействия организованной преступности на время проведения Олимпиады в Рио-де-Жанейро 5 августа 2016 г. [6]. К сожалению, иностранное государство технологией так и не воспользовалось. Вместо российской системы Мексика приняла решение воспользоваться израильской компанией International Security&DefenseSystems, которая выиграла тендер на 2,2 млрд долларов. Государственный деятель, бывший глава спецслужбы «Натив» Яков Кедми рассказал следующее: «Выбор пал на израильскую компанию, потому что у Израиля большой опыт в области борьбы со всеми видами террора и обеспечения безопасности объектов. Подобные компании используют опыт сотрудников спецслужб и бывших военных» [7].

Какой бы совершенной сейчас не казалась Российская технологическая система, используемая для предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений, всегда стоит помнить о том, что нет предела совершенству, научные разработки по развитию в данной сфере, не должны стоять на месте. Общество развивается, а вместе с ним эволюционирует и уровень опасности преступных сообществ, так как они также создают достаточно развитые средства, для достижения своих криминальных целей. Именно поэтому технологии в сфере правоохранительной деятельности в первую очередь требуют своего своевременного развития.

В прошлом году в городском округе Сяньяне в провинции Шэньси впервые был установлен гигантский билборд с возникающим на нем изображением лица человека, совершившего правонарушение, подписанного его именем. Экран находился над пешеходным переходом и иллюстрировал фотографию гражданина, перешедшего дорогу в неположенном месте. Данная мера действовала по способу нравственного порицания и, конечно, дальнейшего правового воздействия в виде вынесения штрафа соответствующему идентифицированному лицу.

На этом система не остановилась в своем развитии и совсем скоро в Китае активное применение приобрел способ распознавания лиц, именуемый «SkyNet». Ранее данная установка предназначалась только для идентификации личности, когда в настоящий момент она используется в качестве одного из главных средств, для определения преступников. Активно развитая система позволяет распознать личность гражданина с точностью до 99,8 %, учитывая то, что человек

при этом находится еще и в движении. То, чего раньше общество не могло и представить, в настоящее время используется как обыкновенная доступная программа. SkyNet может сканировать лица и сравнивать их с базой подозреваемых в совершении преступлений со скоростью 3 млрд человек в секунду, а значит, все население Китая может быть проанализировано всего за одну секунду [8]. При этом стоит отметить, что никаких правовых принципов данная система не нарушает, соблюдая принцип неприкосновенности личности, ведь все происходящее наблюдение ведется исключительно в общественных местах.

В Российской Федерации технологии по обеспечению правопорядка не так активно используются. Например, видеорекамеры на улицах нашей страны отлично выполняют свою функцию по запечатлению факта того или иного события, но что касается реальной идентификации личности — такая функция, в настоящий момент, не обеспечивается. Для создания должного технологического обеспечения в сфере предупреждения и раскрытия преступлений и административных правонарушений, в нашей стране необходимо создать и постоянно совершенствовать многоуровневые системы обеспечения безопасности, оказывающие своевременную реакцию на те или иные события всеми службами правоохранительных органов в совокупности. Современные способы связи между правоохранительными органами и другими заинтересованными сторонами позволяют создать эффективную систему обмена информацией о преступлениях и правонарушениях. Разработка такой системы позволит повысить эффективность борьбы с противоправными деяниями.

Кроме того, благодаря усовершенствованию информационно-аналитических систем, возможно, значительно упростить некоторые процедуры в сфере расследования преступлений. К примеру, формирование базы электронных уголовных дел позволит сократить время, используемое как для поиска того или иного документа, так и для самого расследования благодаря заполнению рапортов и докладов по образцу с использованием машинного текста. Также, с помощью применения технологий видеоконференцсвязи возможно проводить отдельные следственные действия удаленно, к примеру, допрос. Для гарантии осуществления вышеперечисленных действий необходимо ввести защищаемую программу электронных подписей лиц, вовлеченных в процесс расследования, исключая возможности получения несанкционированного доступа к такой информации и, ее точного воссоздания иными лицами.

Рассматривая вопрос о системах видеонаблюдения, необходимо усовершенствовать повышение уровня раскрытия преступлений, путем внедрения идентифицирующих личность дополнительных камер в подъезды жилых домов и во дворах; создать си-

стему запечатления лиц с автоматическим внесением их в общую базу данных с камер домофонов зданий и социально важных объектов (больниц, школ и др. учреждений). Вышеуказанное практикуется в рамках нашей страны и действительно работает. Например, в г. Анапа система уличного видеонаблюдения «Купол» впервые помогла задержать иностранца, находящегося в розыске по линии Интерпола, данная информация была отражена в Федеральной газете «Аргументы и Факты» от 23 марта 2023 г. в статье под названием «Всевидящее око. Как умные камеры ловят преступников в России»: «Мужчина во всем черном с задумчивым видом шагает по плиточному тротуару, не обращая внимания на установленную впереди видеокамеру. В этот несчастливый момент своей жизни, который запечатлен на попавшем в СМИ стоп-кадре из Анапы, гость курортного города едва ли догадывается о коварстве смотрящего на него «глаза». К уличным камерам все давно привыкли, при этом далеко не каждый понимает и учитывает их возросшие аналитические возможности. Судя по всему, именно такая недооценка подвела беглого преступника из Армении, о котором идет речь. По сигналу от умной камеры оперуполномоченные уголовного розыска задержали 28-летнего виновника смертельной аварии, произошедшей летом 2019 года в Армении. Этот горе-водитель подался в бега после возбуждения уголовного дела и, как уже понятно, напрасно рассчитывал спрятаться в Краснодарском крае. Теперь его передадут сотрудникам Интерпола для последующей экстрадиции в Армению» [9].

Несмотря на значительные успехи в раскрытии и расследовании преступлений и административных правонарушений с использованием информационных технологий, применение как будущих, так и уже созданных систем имеют свои недостатки: не совершенствование квалифицированных знаний сотрудников полиции в сфере применения технологических средств, сбой оптико-электронных устройств из-за недостаточной их подготовки к окружающим условиям, уязвимость сетей и незащищенность данных, отсутствие слаженной взаимосвязи между различными структурами и подразделениями.

Вышеуказанных проблем можно избежать. В первую очередь, для качественного использования созданных учеными и разработчиками программ, необходимо должным образом подготавливать и обучать сотрудников органов внутренних дел к работе с такими инновациями, ведь только значительно организованный в данной отрасли работник сумеет правильно и быстро применять имеющиеся у него навыки. Далее, что касается использования оптико-электронных устройств — чем чаще всего являются камеры видеонаблюдения — данные устройства необходимо устанавливать с учетом их подготовленности к работе в

той или иной среде, поскольку, достаточно часто, при производстве анализа изображений, снятых с камер на улицах, происходит искаженное видоизменение картинки вследствие погодных и природных условий: запыление объектива посредством прошедшего дождя, посаженное дерево впереди ранее установленной камеры и др. Для исключения подобных случаев необходимо чаще проводить периодические проверки работы камер видеонаблюдения на предмет отсутствия предметов, закрывающих их обзор, а также видовое изменение составных частей камеры на зеркалах, которые будут наименее восприимчивы к погодным условиям. Говоря о некотором отсутствии в данном вопросе взаимодействия подразделений и отделов полиции, необходимо подумать о создании единой системы, доступной всем подразделениям и отделам различных структур, а также бригад скорой помощи, больниц, пожарных и т. д. Такая необходимость в настоящее время выражается в достаточно медленном реагировании иных служб на произошедшие события, в то время как созданная единая организованная система позволит различным подразделениям (и другим вышеуказанным категориям служб) мгновенно реагировать на обстановки, в которых необходимо их неотложное участие. И, наконец, перейдя к самой распространенной проблеме уязвимости и незащищенности данных, стоит сказать о том, что данная недоработка существует. Многие, даже самые секретные ресурсы нашей страны являются недостаточно защищенными. В решение данной задачи необходимо применять не одно какое-либо условие обеспечения безопасности, а целый комплекс многоуровневых систем таких условий. Применение совокупности таких механизмов, как антивирус, двухфакторная идентификация, маскировка информации с использованием кодовых слов и символов, создание изолированных помещений, а также создание ключей, имеющих только у сотрудников, получивших допуск на их хранение и использование. Систематизация и использование таких механизмов в совокупности позволит максимально оградить охраняемую информацию от злоумышленников.

Благодаря новым и хорошо перестроенным старым системам безопасности, правонарушителям и преступникам все сложнее осуществлять свою преступную деятельность и при этом оставаться безнаказанными. Таким образом, несмотря на достойный технологический уровень охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации, системы сохранения правопорядка в обществе необходимо постоянно совершенствовать, при этом возможность обращения внимания на положительный опыт зарубежных стран по развитию систем поиска и выявления преступников и правонарушителей.

В целом Российская Федерация уделяет должное

внимание проблематике борьбы с вышеуказанными преступлениями и правонарушениями, так как понимает важность этого вопроса в контексте обеспечения безопасности граждан, компаний и государства.

Список источников

1. Российская научная электронная библиотека «CYBERLENINKA» // URL://<https://cyberleninka.ru/>
2. Газета «Коммерсантъ» // URL://<https://www.kommersant.ru/>
3. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2014 г. № 2446-р «Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса «Безопасный город» // URL://<https://docs.cntd.ru/document/420238601>.
5. Интернет-ресурс журнала «Системы безопасности» // URL://<https://www.secuteck.ru/>
6. Российское государственное федеральное информационное агентство ТАСС // URL://<https://tass.ru/politika/2230344/amp>.
7. Электронный ресурс «Sputnik» // URL://<https://az.sputniknews.ru/>
8. Информационно-аналитический журнал

RUBEZH // URL://<https://ru-bezh.ru/>

9. Федеральная газета «Аргументы и факты» // URL://<https://aif.ru/>

References

1. Russian scientific electronic library «CYBERLENINKA» // URL://<https://cyberleninka.ru/>
2. Newspaper «Kommersant» // URL://<https://www.kommersant.ru/>
3. Federal Law of the Russian Federation of February 7, 2011 № 3-FZ «On the Police» (last edition) // SPS «КонсультантПлюс».
4. Decree of the Government of the Russian Federation of December 3, 2014 № 2446-r «On approval of the Concept of building and development of the hardware and software complex «Safe City» // URL://<https://docs.cntd.ru/document/420238601>.
5. Internet resource of the journal «Security Systems» // URL://<https://www.secuteck.ru/>
6. Russian state federal news agency TASS // URL://<https://tass.ru/politika/2230344/amp>.
7. Electronic resource «Sputnik» // URL://<https://az.sputniknews.ru/>
8. Information and analytical journal RUBEZH // URL://<https://ru-bezh.ru/>
9. Federal newspaper «Arguments and Facts» // URL://<https://aif.ru/>

Информация об авторах

И. В. Федорова — доцент кафедры административной деятельности ОВД Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

В. С. Егорова — курсант Института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;

И. В. Кокурина — юрисконсульт Московского суворовского военного училища Министерства обороны Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

I. V. Fedorova — Associate Professor of the Department of Administrative Activities of the Department of Internal Affairs of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

V. S. Egorova — cadet of the Institute for the Training of Employees for Preliminary Investigation Bodies of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot';

I. V. Kokurina — legal adviser of the Moscow Suvorov Military School of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.02.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 19.06.2023.

The article was submitted 08.02.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 19.06.2023.

Научная статья

УДК 343.9.01

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-163-169>

НИОН: 2007-0083-2/23-275

MOSURED: 77/27-005-2023-02-475

Личный сыск с использованием информационно-коммуникационных технологий как эффективный метод выявления и раскрытия преступных посягательств против несовершеннолетних

Евгений Николаевич Хазов¹, Анатолий Васильевич Богданов², Минтимир Станиславович Мустафин³

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, evg.hazow@yandex.ru

³ УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве, Москва, Россия, mmustafin10@mvd.ru

Аннотация. Рассматривается использование информационно-коммуникационных технологий, как эффективный метод выявления и раскрытия преступных посягательств против несовершеннолетних. Анализируется применение личного сыска с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, его методы, правовые основания, виды и актуальность необходимости его внедрения в контексте выявления и раскрытия преступных посягательств в отношении несовершеннолетних. Предлагаются новые понятия «метод цифрового личного сыска», «цифровое пространство личности», основанных на использовании современных информационно-коммуникационных технологиях в оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, метод цифрового личного сыска, цифровое пространство личности, несовершеннолетние

Для цитирования: Хазов Е. Н., Богданов А. В., Мустафин М. С. Личный сыск с использованием информационно-коммуникационных технологий как эффективный метод выявления и раскрытия преступных посягательств против несовершеннолетних // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 163-169. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-163-169>.

Personal investigation using information and communication technologies as an effective method of detecting and disclosing criminal assaults against minors

Evgeny N. Khazov¹, Anatoliy V. Bogdanov², Mintimer S. Mustafin³

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, evg.hazow@yandex.ru

³ Department of Internal Affairs for Central Administrative District, Main Department of Internal Affairs of Russia in Moscow, Moscow, Russia, mmustafin10@mvd.ru

Abstract. Is considered the use of information and communication technologies as an effective method of detection and disclosure of criminal offenses against minors. Analyzes the use of personal detective using modern information and communication technologies, its methods, legal grounds, types and relevance of the need for its implementation in the context of detection and disclosure of criminal offenses against minors. New concepts of «digital personal search method», «digital space of personality» based on the use of modern information and communication technologies in operational and investigative activities are proposed.

Keywords: operational investigative activity, the method of digital personal investigation, the digital space of the individual, minors

For citation: Khazov E. N., Bogdanov A. V., Mustafin M. S. Spiritual Bonds of the Russian (Russian) People and the Liberal Strategy (ideology) of Criminal Justice: Dialectics of Spiritual and Moral (concrete) and Liberal (abstract). Criminological journal. 2023. (2):163-169. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-163-169>.

В современных условиях цифровизации и глобализации особую актуальность в контексте оперативно-розыскной деятельности (далее ОРД) представляет оперативно-розыскная работа в глобальной сети Интернет, а также в использующих ее возможности — приложениях, мессенджерах, социальных

© Хазов Е. Н., Богданов А. В., Мустафин М. С., 2023

сетях, видео-хостингах и т. д. в целях выявления и раскрытия преступлений в отношении несовершеннолетних, которые активно пользуются Интернетом и его «содержимым» [1]. В данном случае речь идет о том, что Интернет, в контексте криминальных проявлений, выступает в роли инструмента удаленного воздействия на психику несовершеннолетнего, может являться инструментом, позволяющим «выманить» несовершеннолетнего из безопасного пространства, где несовершеннолетний находится под присмотром родителей и лиц их замещающих. Нередки случаи, когда Интернет используется для доведения несовершеннолетних до самоубийства. Например, так называемые «группы смерти», суть которых заключается в том, что поэтапно несовершеннолетние выполняют различные задания, которые даются им через соцсети, последним заданием такой «игры» является самоубийство несовершеннолетнего [2]. Появление «групп смерти» на территории России в 2015–2017 г. повлекло за собой включение в УК РФ таких статей, как 110.1 (Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства) и 110.2 (Организация деятельности, направленной на побуждение совершению самоубийства) УК РФ. Изучению данного явления посвятили свои исследования Ким В. М. [3], Альбертович К. Е. [4], Сергеев К. А., а также ряд других авторов [5].

В контексте оперативно-розыскной деятельности на данном вопросе внимание не заострялось. В ряде случаев, например, при масс-шутингах, Интернет позволял преступникам сообщить о своих намерениях (о подготовке преступления), а также оставить предсмертную записку в общем доступе. Мы не хотим сказать, что Интернет несет исключительно негативные последствия для общества, так как он несет такие полезные факторы как доступность различного рода информации, расширение возможностей для обучения, является средством общения между людьми, но при этом, в руках злоумышленников является инструментом, позволяющим им облегчить совершение того или иного преступления [6].

Разумеется, от блокировки тех или иных Интернет-ресурсов страдают не столько преступники, сколько законопослушные граждане, которых значительное большинство, поэтому, нами не предлагаются рекомендации по блокированию и запрещению тех или иных ресурсов для неопределенного круга лиц, а предлагаются методы по выявлению и установлению конкретного лица, представляющего оперативный интерес и применению конкретно к нему мер воздействия, позволяющих установить его личность, собрать сведения о его преступных действиях и привлечь его к установленной законом ответственности [7].

Отметим, что воздействие через Интернет оставляет цифровые следы, тем самым давая возможность

правоохранительным органам не только раскрывать преступления, но и при правильном использовании возможностей современных IT-технологий и наличии соответствующих знаний, умений и навыков у сотрудников оперативных подразделений — своевременно выявлять лиц, представляющих оперативный интерес, факты их противоправной деятельности в отношении несовершеннолетних, а самое главное, на наш взгляд, предупредить подготавливаемое преступление, задокументировать такую деятельность и привлечь лицо к ответственности [8].

С нашей точки зрения, следует ввести в оперативно-розыскную деятельность два понятия — «цифровое пространство личности» и «метод цифрового личного сыска». Под «цифровым пространством личности» мы предлагаем понимать всю цифровую информацию о личности лица, его круге интересов (сайты которыми он пользуется, видео на различную тематику, которые он смотрит, статьи, которые он читает на сайтах и т. д.), личных данных (личные фото, видео, переписка и т. п.), которые содержатся в цифровом виде на локальных и в облачных хранилищах цифровой информации с различным доступом. Если же рассматривать «цифровое пространство» как общее понятие, то под ним мы понимаем совокупность всей имеющейся цифровой информации в глобальной сети с различным доступом к ней [9]. То есть, в «цифровом пространстве личности» (далее ЦПЛ) вся цифровая информация имеет отношение и логическую связь с конкретным лицом, в то время как «цифровое пространство» (далее ЦП) в общем понимании является совокупностью цифровой информации, то есть является более широким понятием по отношению к ЦПЛ [10].

Под «методом цифрового личного сыска» мы предлагаем понимать совокупность оперативно-розыскных мероприятий (далее ОРМ), проводимых гласно и негласно, в цифровом пространстве (в цифровом пространстве личности), направленных на инициативный поиск информации о фактах, событиях, лицах, представляющих оперативный интерес, документировании преступных действий и изобличения лиц, подлежащих уголовной ответственности. Не следует «цифровой личный сыск» отождествлять с «мониторингом СМИ» (который проводится подразделениями по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации МВД России) и «мониторингом социальных сетей» (который проводится подразделениями специальных технических мероприятий), так как данные мероприятия более узконаправленные и затрагивают анализ информации, содержащейся в конкретной соцсети или СМИ, тем самым не охватывается информация, содержащаяся в локальных хранилищах, то есть цифровой личный сыск, по своему содержанию, более широкое

понятие, чем оба вышеуказанных [11].

Правовыми основаниями для цифрового личного сыска являются положения Конституции РФ [12], ст. 6, 7, 8, 9 Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 28 Июня 2022 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» [13], а также положения отдельных приказов МВД России, при этом прямого указания на «цифровой личный сыск» нет, однако, они аналогичны общепринятому личному сыску. В тот же момент, не стоит забывать о положениях ст. 11 Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 21 декабря 2021 г.) «О полиции» [14], а также иных положений данного ФЗ, касающихся ОРД, в контексте которых могут быть осуществлены те или иные ОРМ [15].

Цифровой личный сыск условно можно разделить на 2 вида: общий и судебного санкционирования, суть которых можно понять из их названий. При этом общий может проводиться как инициативно оперативным сотрудником, так и по заявлению потерпевших (законных представителей) в рамках материалов КУСП (срок не более 30 суток) или материалов предварительной оперативной проверки, в то время как цифровой личный сыск судебного санкционирования проводится исключительно в рамках заведенных дел оперативного учета (далее ДООУ) или путем производства соответствующих следственных действий вместо ОРМ в рамках уголовного дела [16]. В тот же момент может проводиться цифровой личный сыск по неопределенному кругу лиц в целях выявления фактов подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, для установления местонахождения лиц, представляющих оперативный интерес, а также имущества, подлежащего конфискации (положительный опыт по выявлению имущества, подлежащего конфискации, а также по изобличению должностных лиц в совершении коррупционных преступлений имеется у правоохранительных органов из США [17], которые активно изобличают коррупционеров по фото и видео, на которых изображены предметы роскоши и иного ценного имущества, явно принадлежащие лицу, представляющему оперативный интерес, стоимость которых явно превышает доходы вышеуказанных лиц. Как минимум такая информация является основанием для проверки лица на коррупционные действия и для проверки со стороны налоговых органов), внедрение данной практики может быть эффективна на территории Российской Федерации после апробации [18].

В цифровой личный сыск могут быть включены такие ОРМ как «цифровой» опрос, «цифровое» наблюдение, наведение справок, снятие информации с технических каналов связи, получение компьютерной информации. «Цифровой» опрос подразумевает под собой беседу (гласную, негласную, легендированную) с лицом, представляющим оперативный интерес посредством использования сети Интернет, т. е. в соци-

альных сетях, мессенджерах и прочих приложениях, используемых для общения. В тот же момент, опрос может проводиться по поручению должностного лица третьими лицами в целях сохранения конспирации и получения оперативно-значимой информации не вызывая подозрений, в том числе с использованием аккаунта потерпевшего и от его имени (методика показала эффективность в выявлении и поимке педофилов на практике). Оформляется такой опрос, как правило, рапортом, в дальнейшем, если будет необходимость, деанонимизировав лицо, представляющее оперативный интерес, при физическом присутствии лица, такой опрос оформляется объяснением [19].

«Цифровое» наблюдение подразумевает под собой разновидность электронного наблюдения, выделяемого в теории ОРД, которое заключается в анализе информации, получаемой от того или иного аккаунта в сети Интернет, его активности, в том числе, данных о геопозиции используемого устройства (часто под фотографиями и видеозаписями остаются так называемые «геометки») или метаданных того или иного файла, без непосредственного взаимодействия с таким аккаунтом, т. е. незаметно для него. Результаты такого наблюдения оформляются, как правило, рапортом, реже — справкой оперативного сотрудника [20].

Наведение справок в контексте цифрового личного сыска ничем не отличается от общепринятых теоретических основ, кроме как того факта, что запрашиваемая информация носит технический (цифровой) характер, то есть целью такого наведения справок является получение следующей информации: о привязке аккаунта к абонентскому номеру телефона, а также о принадлежности данного абонентского номера телефона конкретному лицу; об IP-адресе, модели устройства, его IMEI или серийном номере, с которого осуществляется (осуществлялся) выход в сеть; о принадлежности IP-адреса тому или иному оператору связи или провайдеру, фактическом месте нахождения (физическом адресе) точки доступа к Интернету; в ряде случаев, о принадлежности банковских реквизитов тому или иному лицу [21].

Результат данного ОРМ оформляется рапортом с анализом полученной информации и скриншотами, с приложением к нему ответов на запросы. Отличительной чертой данного ОРМ в контексте рассматриваемой темы является то, что источниками интересующей информации могут быть и неофициальные общедоступные ресурсы, например, позволяющие по IP-адресу установить оператора сотовой связи или интернет-провайдера, а также данные из частных информационных систем [22].

Вышеуказанные ОРМ являются общедоступными и не требуют особых условий для своего проведения, являются «инструментами» как выявления, так и раскрытия убийств несовершеннолетних [23].

Рассматривая ОРМ, являющиеся частью цифрового личного сыска, которые требуют наличия ДОУ для своего проведения или наличия уголовного дела и условной замены ОРМ под аналогичные следственные действия и, как правило, применяются уже на этапе раскрытия преступления. ОРМ «снятие информации с технических каналов связи» в контексте рассматриваемого вопроса, в преобладающем большинстве случаев, направлено на получение информации о местоположении при биллинге интересующего мобильного устройства, направлено на установление местоположения лица, представляющего оперативный интерес в целях его дальнейшего задержания. В свою очередь ОРМ «получение компьютерной информации» может использоваться как для получения сведений о переписке между аккаунтами, представляющими оперативный интерес, так и для осуществления переписки от лица потерпевшего с лицом, представляющим оперативный интерес, в случаях, когда доступа к аккаунту потерпевшего (подозреваемого) нет в связи с различными обстоятельствами [24].

Безусловно, вышеуказанные ОРМ, проводимые в рамках цифрового личного сыска затронуты лишь поверхностно и в общих чертах. В свою очередь, метод цифрового личного сыска является эффективным инструментом выявления и раскрытия не только убийств несовершеннолетних, но, как показывает практика, часто данный метод используется при поиске без вести пропавших несовершеннолетних (в том числе самовольно ушедших из места жительства), а также при раскрытии преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и результатов которых достаточно для передачи в следственные органы СК России и привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, что говорит об эффективности данного метода и о возможности его внедрения в теорию и практику ОРД [25].

При дальнейшей проработке данного вопроса можно повысить эффективность данного метода, особенно при исключении из списка категорий сведений, составляющей конфиденциальную информацию — сведений о геопозиции устройства, инициатива о которой была принята и нашла отражение в ч. 7 ст. 8 ФЗ «Об ОРД», однако, на практике оказавшаяся не состоятельной из-за отсутствия эффективного механизма инициации получения такой информации, но и сведений о принадлежности IP-адресов и абонентских номеров для их ускоренного получения правоохранительными органами или открытии доступа к данным сведениям сотрудникам правоохранительных органов посредством внедрения в ИСОД МВД России соответствующего модуля операторов связи и Интернет-провайдеров для оперативного реагирования на сообщения об убийствах или безвестных исчезновениях несовершеннолетних [26].

В тот же момент, данные из анализа Интернет-контента должны чаще, и без исключений (особенно в отношении медийных или должностных лиц и их родственников (близких связей)), являться основанием для проведения процессуальной, налоговой и иной проверки в отношении них. Вышеуказанный метод активно используется в практической деятельности и неоднократно доказывал свою эффективность, его использование полностью соответствует положениям Конституции России [27], ст. 11 ФЗ «О полиции», ФЗ «Об ОРД» и иным нормативным правовым актам, поэтому его активное внедрение в практику должно положительно сказаться на практической деятельности оперативных подразделений полиции [28].

Контроль и регулирование СМИ на территории Российской Федерации осуществляется в полной объеме в текущих условиях. В отличие от СМИ, Интернет (особенно так называемый «даркнет» или «теневого» Интернет) – территория «свободной» информации, менее подвержена цензуре и контролю со стороны соответствующих государственных органов, правдивость сведений, размещенных на его просторах ставится под сомнение и в таких условиях будет трудно осуществлять деятельность по поиску достоверной информации о происшествиях и пресечению совершения правонарушений [29].

Метод цифрового личного сыска концептуально необходим. В нынешних условиях его эффективность не так ярко выражена, однако, при сохранении текущих темпов развития технологий, острая необходимость в его внедрении гарантированно проявится позже.

Список источников

1. Богданов А. В., Хазов Е. Н., Хазова В. Е. Применение информационно-коммуникационных технологий для вовлечения несовершеннолетних в противоправную и преступную деятельность. *Международный журнал конституционного и государственного права*. 2022. № 2. С. 5–12.
2. Михайлова Е. В., Хазов Е. Н. Террористическое молодежное движение «колумбайн»: сущность, причины, предупреждение. *Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики*. 2022. № 1. С. 103–109.
3. Ким В. М. Проблемные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 110, 110.1 и ст.110.2 УК РФ // *Юридический факт*. 2019. № 78. С. 3–11.
4. Альбертович К.Е. Актуальность введения в 2017 году в Уголовный кодекс РФ ст. 110. 1 и ст. 110. 2 // *Вопросы науки и образования*. 2018. № 12 (24).
5. Сергеев К. А. Уголовно-правовые и процессуальные особенности расследования преступле-

- ний, предусмотренных ст. 110, 110. 1 УК РФ // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2020. № 2.
6. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Основные причины и условия, способствующие росту преступности среди несовершеннолетних в Российской Федерации. Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 12. С. 47–51.
 7. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Информационно-телекоммуникационная сеть интернет как один из наиболее востребованных ресурсов в противодействии незаконному обороту наркотиков // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 3. С. 173–179.
 8. Богданов А. В., Комахин Б. Н., Хазов Е. Н. Профилактические мероприятия, проводимые полицейскими подразделениями, по пресечению правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 202–208.
 9. Богданов А. В., Папазова Ю. В., Хазов Е. Н. Роль и значение информационных систем и банков данных в деятельности правоохранительных органов. Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2021. № 2. С. 27–33.
 10. Богданов А. В., Виноградов Е. А., Хазов Е. Н. Телекоммуникационные технологии и компьютерная грамотность как средство профилактики киберпреступлений // Образование и право. 2021. № 8. С. 231–236.
 11. Богданов А. В., Бражников Д. А., Бычков В. В. и др. Оперативно-розыскная деятельность: классический учебник. М., 2023.
 12. Богданов А. В., Зинченко Е. Ю., Исаков В. М. и др. Соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: учебно-методическое пособие. М., 2020.
 13. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 28 июня 2022 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ, 1995. № 33, ст. 3349.
 14. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 21 декабря 2021 г.) «О полиции» // Собрание законодательства РФ, 2011. № 7. ст. 900.
 15. Богданов А. В., Зинченко Е. Ю., Кивич Ю. В. и др. Правоохранительные органы (административно-правовые основы в определениях и схемах): учебно-наглядное пособие для курсантов и слушателей очной и заочной формы обучения системы МВД России, войск национальной гвардии России, обучающихся по направлению правоохранительная деятельность. Новосибирск, 2020.
 16. Климов И. А., Дубоносов Е. С., Тузов Л. Л. и др. Оперативно-розыскная деятельность. Москва, 2016.
 17. Хазов Е. Н., Горшенева И. А., Иванцов С. В. и др. Организация деятельности полиции зарубежных стран: учебно-методическое пособие. Москва, 2017.
 18. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Основные направления деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по выявлению и предупреждению преступлений, связанных с мошенничеством // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 276–279.
 19. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Основные направления взаимодействия оперативных подразделений и органов предварительного следствия полиции, их значение по выявлению и раскрытию преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 11. С. 71–75.
 20. Мустафин М. С., Макошин П. В., Хазов Е. Н. Особенности осуществления оперативно-розыскной деятельности в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства // Социально-гуманитарное обозрение. 2022. № 2. С. 64–69.
 21. Богданов А. В., Панкратьев А. Н., Хазов Е. Н. Особенности документирования налоговых преступлений // Актуальные вопросы оперативно-розыскной деятельности на современном этапе. Сборник научных трудов. Сост. И. А. Завьялов. Москва, 2022. С. 43–51.
 22. Зинченко Е. Ю., Евсеева И. Г., Хазов Е. Н. Конституционно-правовые основы личной безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации. Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 3. С. 140–144.
 23. Богданов А. В., Хазов Е. Н., Комахин Б. Н. Преступность несовершеннолетних: новые решения и новые проблемы // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 4. С. 34–38.
 24. Богданов А. В., Бражников Д. А., Бычков В. В. и др. Оперативно-розыскная деятельность: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». Москва, 2022.
 25. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Основные направления деятельности полиции по профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. С. 158–161.
 26. Хазов Е. Н., Богданов А. В., Мартынюк В. М. Основные направления, проблемы и пути решения организации работы по розыску лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда сотруниками оперативно-розыскных

- подразделений ОВД МВД России на современном этапе // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 10. С. 148–152.
27. Хазов Е. Н., Егоров С. А., Ларина Л. А. и др. Конституционное право России: учебно-методическое пособие для курсантов системы МВД, обучающихся по направлению правоохранительная деятельность и правовое обеспечение национальной безопасности. Москва, 2017.
28. Пауков В. К., Богданов А. В., Зинченко Е. Ю. и др. Соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: учебно-методическое пособие. Москва, 2020.
29. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Пропаганда наркотических средств и психотропных веществ в сети интернет как средство информационной угрозы для несовершеннолетних. Защити меня. 2022. № 1. С. 25–31.
- References**
1. Bogdanov A. V., Khazov E. N., Khazova V. E. Application of information and communication technologies for the involvement of minors in illegal and criminal activity. *International Journal of Constitutional and State Law*. 2022. № 2. P. 5–12.
 2. Mikhailova E. V., Khazov E. N. Terrorist youth movement «columbine»: essence, reasons, prevention. *Criminal proceedings: problems of theory and practice*. 2022. № 1. P. 103–109.
 3. Kim V. M. Problematic issues of qualification of crimes stipulated by art. 110, 110.1 and st.110.2 of the Criminal Code of the RF // *Legal Fact*. 2019. № 78. P. 3–11.
 4. Albertovich K. E. The relevance of the introduction in 2017 to the Criminal Code of the Russian Federation of Art. 110. 1 and Art. 110. 2 // *Voprosy nauki i obrazovaniya*. 2018. № 12 (24).
 5. Sergeev K. A. Criminal-legal and procedural peculiarities of the investigation of crimes stipulated by art. 110, 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // *Bulletin of SUSU. Series: Law*. 2020. № 2.
 6. Bogdanov A. V., Khazov E. N. The main causes and conditions contributing to the growth of juvenile delinquency in the Russian Federation. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015. № 12.
 7. Bogdanov A. V., Ilyinsky I. I., Khazov E. N. Information and telecommunication network of the Internet as one of the most popular resources in countering drug trafficking // *Bulletin of the Moscow University of the Russian Interior Ministry*. 2018. № 3. P. 173–179.
 8. Bogdanov A. V., Komakhin B. N., Khazov E. N. Preventive measures carried out by police units to suppress offenses and crimes among minors // *Bulletin of the Moscow University of the Russian Interior Ministry*. 2016. № 4. P. 202–208.
 9. Bogdanov A. V., Papazova Y. V., Khazov E. N. The role and importance of information systems and data banks in the activities of law enforcement agencies. *Criminal proceedings: problems of theory and practice*. 2021. № 2. P. 27–33.
 10. Bogdanov A. V., Vinogradov E. A., Khazov E. N. Telecommunication technologies and computer literacy as a means of cybercrime prevention // *Education and law*. 2021. № 8. P. 231–236.
 11. Bogdanov A. V., Brazhnikov D.A., Bychkov V.V. et al. *Operative-search activity: a classic textbook*. M., 2023.
 12. Bogdanov A. V., Zinchenko E. Yu., Isakov V. M. et al. *Observance of constitutional rights and freedoms of man and citizen in operational-search activity: educational-methodical manual*. M., 2020.
 13. Federal Law of 12 August 1995 № 144-FZ (ed. from 28 June 2022) «On Operative-Investigative Activity» // *Sobraniye Zakonodatelstva RF*, 1995. № 33, art. 3349.
 14. Federal Law № 3-FZ from February 7, 2011 (ed. from December 21, 2021) «On Police» // *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2011. № 7. art. 900.
 15. Bogdanov A. V., Zinchenko E. Yu. V. et al. *Law enforcement agencies (administrative and legal basics in definitions and schemes): educational and visual handbook for cadets and students of full-time and correspondence courses of the Russian Ministry of Internal Affairs, National Guard troops of Russia, studying in the field of law enforcement*. Novosibirsk, 2020.
 16. Klimov I. A., Dubonosov E. S., Tuzov L.L. et al. *Operative-search activity*. Moscow, 2016.
 17. Khazov E. N., Gorsheneva I. A., Ivantsov S. V. et al. *Organization of police activities of foreign countries: a training manual*. Moscow, 2017.
 18. Bogdanov A. V., Khazov E. N. The main directions of activity of operative divisions of internal affairs bodies on revealing and prevention of crimes related to fraud // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014. № 10. P. 276–279.
 19. Bogdanov A. B., Khazov E. N. The main directions of interaction between operational units and preliminary investigation bodies of the police, their importance in the detection and disclosure of crimes // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2010. № 11. P. 71–75.
 20. Mustafin M. S., Makoshin P. V., Khazov E. N.

- Features of operational-search activity in relation to foreign citizens and stateless persons // Socio-Humanitarian Review. 2022. № 2. P. 64–69.
21. Bogdanov A. V., Pankratiev A. N., Khazov E. N. Features of documenting tax crimes // Topical issues of operatively-search activity at the present stage. Collection of scientific works. Comp. I. A. Zavyalov. Moscow, 2022. P. 43–51.
 22. Zinchenko E. Y., Evseeva I. G., Khazov E. N. Constitutional and legal bases of personal safety of minors in the Russian Federation. Psychology and pedagogy of service activity. 2022. № 3. P. 140–144.
 23. Bogdanov A. V., Khazov E. N., Komakhin B. N. Juvenile delinquency: new solutions and new problems // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 4. P. 34–38.
 24. Bogdanov A. V., Brazhnikov D.A., Bychkov V.V. et al. Operative-search activity: a textbook for students of universities studying in the field of «Jurisprudence». Moscow, 2022.
 25. Bogdanov A. V., Khazov E. N. The main directions of police activities to prevent neglect and delinquency among minors // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 1. P. 158–161.
 26. Khazov E. N., Bogdanov A. V., Martyniuk V. M. The main directions, problems and solutions to the organization of work on the search of persons who hid from the bodies of inquiry, investigation and trial by employees of the operational and investigative units of the Interior Ministry of Russia at the present stage // Bulletin of the Moscow University of the Russian Interior Ministry. 2012. № 10. P. 148–152.
 27. Khazov E. N., Egorov S. A., Larina L.A. et al. Constitutional law of Russia: educational-methodical manual for cadets of the Ministry of Internal Affairs studying in law enforcement and legal support of national security. Moscow, 2017.
 28. Paukov V. K., Bogdanov A. V., Zinchenko E. Yu. et al. Observance of constitutional rights and freedoms of man and citizen in operational-search activity: educational-methodical manual. Moscow, 2020.
 29. Bogdanov A. V., Khazov E. N. Propaganda of narcotic drugs and psychotropic substances in the Internet as a means of information threat to minors. Protect me. 2022. № 1. P. 25–31.

Информация об авторах

Е. Н. Хазов — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор;

А. В. Богданов — доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент;

М. С. Мустафин — оперуполномоченный 1 отделения УВД по ЦАО ГУ МВД России по г. Москве.

Information about the authors

E. N. Khazov — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor;

A. V. Bogdanov — Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

M. S. Mustafin — Police operational officer of the Department of Internal Affairs for Central Administrative District, Main Department of Internal Affairs of Russia in Moscow.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 19.06.2023.

The article was submitted 13.02.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 19.06.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-170-174>

НИОН: 2007-0083-2/23-276

MOSURED: 77/27-005-2023-02-476

Следственные действия: о цифровой трансформации их производства

Ольга Викторовна Химичева

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, olga-him@mail.ru

Аннотация. Проанализировано одно из направлений цифровой трансформации современной уголовно-процессуальной деятельности, состоящее в расширении применения дистанционных процедур при производстве следственных действий на стадии предварительного расследования. На основе анализа предписаний ст. 189.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и правоприменительной практики автор приходит к выводу о пробелах в правовом регулировании дистанционного порядка производства допроса, очной ставки и предъявления для опознания. Предлагая возможные пути совершенствования производства следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи, автор предлагает исходить из базовых положений уголовно-процессуального закона, не снижать при дистанционных процедурах уже установленный уровень гарантий прав участников уголовного процесса, а также избегать загромождения уголовно-процессуальных норм предписаниями, носящими организационный характер.

Ключевые слова: цифровая трансформация, уголовно-процессуальная деятельность, дистанционных порядок производства следственных действий, допрос, очная ставка, предъявление для опознания

Для цитирования: Химичева О. В. Следственные действия: о цифровой трансформации их производства // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 170-174. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-170-174>.

Original article

Investigative actions: about the digital transformation of their production

Olga V. Khimicheva

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, olga-him@mail.ru

Abstract. Analyzed one of the directions of digital transformation of modern criminal procedure, which consists in expanding the use of remote procedures in the conduct of investigative actions at the stage of the preliminary investigation. Based on the analysis of the provisions of Article 189.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and law enforcement practice, the author comes to the conclusion about the gaps in the legal regulation of the remote procedure for interrogation, confrontation and presentation for identification. Suggesting possible ways to improve the production of investigative actions using video conferencing systems, the author suggests proceeding from the basic provisions of the criminal procedure law, not to reduce the already established level of guarantees of the rights of participants in criminal proceedings during remote procedures, and also to avoid cluttering up criminal procedural norms with prescriptions of an organizational nature.

Keywords: digital transformation, criminal procedural activity, remote procedure for the production of investigative actions, interrogation, confrontation, presentation for identification

For citation: Khimicheva O. V. Investigative actions: about the digital transformation of their production. Criminological journal. 2023. (2):170-174. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-170-174>.

В последние годы уже стало общим местом утверждение об ускоренной цифровизации всех сфер государственной и общественной жизни, о проникновении все новых информационных технологий в повседневную жизнь и в правовые отношения. С 2020 г. этот процесс получил яркое и емкое наименование — цифровая трансформация, понятие которого закреплено нормативно. Оно сформулировано в По-

© Химичева О. В., 2023

становлении Правительства Российской Федерации от 10 октября 2020 г. № 1646 [9] и его суть заключается в изменении деятельности государственных органов за счёт, во-первых, использования данных в электронном виде, и во-вторых, внедрения информационных технологий.

Уголовно-процессуальная деятельность, будучи разновидностью деятельности государственных органов, не может не развиваться в этом русле. Это обусловлено, как минимум, двумя факторами. С одной стороны, «цифровизация» преступности, необходимость противодействия преступлениям, совершенным в информационной среде или с использованием информационных технологий, требует использования адекватного процессуального «оружия» должностными лицами при производстве по уголовным делам. С другой, — органы и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, не могут действовать изолированно, а потому внедрение информационных технологий неизбежно для обеспечения их взаимодействия с другими учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами.

При всей очевидной полезности новых технологий для уголовного судопроизводства (устранение рутинных операций и дублирующих процессов, сокращение сроков на производство процессуальных действий, удобство коммуникации между участниками уголовного процесса и др.), нельзя забывать про специфичность этого вида государственной деятельности, предполагающей в связи с совершенным преступлением серьезное вмешательство в повседневную жизнь попадающих в его орбиту участников. Именно поэтому все нововведения, какими привлекательными с позиций упрощения и ускорения процессуальных процедур они ни были, требуют тщательной проработки с целью недопущения необоснованного, чрезмерного ограничения прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

И конечно, было бы неправильным предположить, что цифровая трансформация уголовного процесса приведет к мгновенному решению процессуальных проблем, стоит лишь оцифровать материалы уголовного дела, перевести уголовное производство в электронный вид, проводить следственные и иные процессуальные действия исключительно в дистанционной форме и др.

Профессор Л. В. Головкин очень точно охарактеризовал нынешнюю ситуацию в отечественном уголовном процессе. «Научно-техническая революция XX столетия, сопряженная с фундаментальными качественными преобразованиями, сменилась периодом научно-технической стабилизации, для которого характерно скорее количественное развитие, а также коммерциализация революционных научных дости-

жений прошлого века. ... На самом деле, цифровизация в уголовном процессе — это лишь локальная и достаточно рутинная оптимизация некоторых процессуальных форм и институтов ...» [2, с. 15].

Следует согласиться и с тем фактом, что ученые-процессуалисты советского периода весьма осторожно подходили к внедрению новых технических средств в уголовный процесс, переводя вопросы использования современных технологий в область криминалистики: все понимали колоссальное влияние новейших технологий на уголовный процесс, особенно в стадии предварительного расследования, однако никому не приходило в голову противопоставлять их классической уголовно-процессуальной юстиции [2, с. 16].

Сегодня все чаще звучат самые разные предложения по реформированию уголовно-процессуальной деятельности, в их числе перевод всех материалов уголовных дел в электронный формат, фиксация цифровыми средствами хода и результатов следственных и иных процессуальных действий, замещение «бумажного» документооборота между участниками уголовного судопроизводства электронным [4; 6]; использование инновационных возможностей современных цифровых технологий в доказывании по уголовным делам и переход к новой информационно-технологической стратегии расследования преступлений [3], а даже наиболее радикальные — о том, что существующая система следственных действий устарела и может быть заменена на одно «универсальное следственное действие — получение цифровой информации» [1, с. 80].

Однако внесение в уголовно-процессуальный закон всех инновационных разработок невозможно и件 unnecessary, в связи с этим следует согласиться с учеными научной школы кафедры уголовно-процессуального права МПЮА имени О. Е. Кутафина в том, что трансформация уголовного судопроизводства, в том числе и в цифровой формат, требует четких лаконичных законодательных алгоритмов, лишенных всего лишнего [7, с. 290].

На наш взгляд, в уголовно-процессуальной сфере очевидны два тренда применения цифровых технологий: а) внедрение в доказывание разного рода «электронных документов» и б) развитие дистанционной формы производства процессуальных действий и принятия процессуальных решений. Это следует из парадигмы цифровой трансформации деятельности государственных органов, определенной указанным выше постановлением Правительства Российской Федерации. Очевидно, что оба эти направления, так или иначе, связаны с изменениями привычного нам понимания следственных действий и доказывания в уголовном судопроизводстве, отходом от классической научной доктрины, сложившейся в результате труда не одного поколения ученых-процессуалистов.

Если говорить о первом направлении цифровой трансформации уголовного процесса — об исполь-

зовании в уголовно-процессуальном доказывании «электронных документов», то они вполне укладываются в существующую систему доказательств и могут выступать в качестве иных документов (ст. 84 УПК РФ) или вещественных доказательств (ст. 81 УПК РФ), если обладают соответствующими признаками. Согласно ч. 2 ст. 84 УПК РФ документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и ином виде (в том числе и в электронном).

Исходя из этого, вводить в уголовно-процессуальный закон новые виды доказательств, например, электронное или цифровое доказательство, нет необходимости; прав профессор А. В. Победкин в том, что существующие процессуальные формы позволяют использовать информацию на электронных носителях информации и в качестве вещественного доказательства, или в качестве иного документа [5, с. 47].

Что же касается другого направления — дистанционной формы производства процессуальных действий и принятия процессуальных решений, то представляется, что это весьма многоаспектная деятельность, в перспективе затрагивающая и производство следственных действий, и производство процессуальных действий (например, направление запросов; ознакомление участников с материалами дела), и принятие процессуальных решений (в частности, с использованием систем искусственного интеллекта). Если рассматривать уже существующие процессуальные формы, то внимания заслуживает дистанционный порядок следственных действий.

В этой части цифровой трансформации уголовно-процессуальной деятельности законодатель расширяет использование систем видеоконференц-связи, которое с 2011 г. появилось в судебном разбирательстве (ч. 4 ст. 240, ст. 278.1 УПК РФ), в 2021 г. распространив его не только на судебное производство, но на ряд следственных действий, осуществляемых на стадии предварительного расследования (ст. 189.1 УПК РФ).

Необходимость закрепления в уголовно-процессуальном законе дистанционной процедуры производства следственных действий обсуждалась давно [10], а в период пандемии стала особенно очевидной. Но, к сожалению, правовая регламентация дистанционного порядка, как и многие предшествующие коррективы в направлении цифровой трансформации уголовного процесса, оказалась несистемной и весьма фрагментарной. Новая норма (ст. 189.1 УПК РФ) плохо вписывается в действующее уголовно-процессуальное регулирование. Введенная дистанционная процедура производства следственных действий представляет собой существенное отступление от традиционной процессуальной формы их производства и вызывает ряд существенных вопросов, чреватых признанием недопустимыми полученных доказательств и ничем необоснованным ограничением прав участников уго-

ловного процесса. Вот лишь некоторые из них:

Во-первых, вызывает вопросы сам перечень следственных действий, разрешенных проводить путем использования видео-конференц-связи — допроса, очной ставки, опознания. Замысел законодателя, разрешившего именно эти следственные действия осуществлять в дистанционном формате, вероятно, в том, что они связаны с получением вербальной и визуальной информации от конкретного лица.

Вместе с тем в ст. 189.1 УПК РФ не определены условия, позволяющие использовать на дистанционный формат. Представляется, что одним из таких условий должно быть волеизъявление участника следственного действия (его ходатайство или согласие), что позволит защитить права и законные интересы такого лица, в частности, на личное участие в производстве по уголовному делу и изложение своей позиции.

Определяя лишь саму возможность производства очной ставки, предъявления для опознания с применением систем видео-конференц-связи, специфику этих следственных действий закон не учитывает, например, когда участвующие в них лица находятся в разных местах. Достоверность результатов очной ставки и предъявления для опознания может вызвать сомнения ввиду «разъединения» участников этих следственных действий и невозможности защитника, представителя потерпевшего, адвоката свидетеля присутствовать в каждом месте их производства;

Во-вторых, не ясно, почему законодатель специально обратил внимание в ч. 1 ст. 189.1 УПК РФ на то, что лишь системы ВКС «государственных органов, осуществляющих предварительное расследование» (и каких именно?) могут быть использованы при дистанционных следственных действиях. Вероятно, такое ограничение установлено в целях обеспечения тайны предварительного расследования и исключения вероятности использования различных мессенджеров или программ для организации видеоконференций (типа ZOOM, Skype и др.), не гарантирующих отсутствие утечки информации и ее фальсификации путем несанкционированного доступа. Вполне соглашаясь с необходимостью соблюдения этих условий дистанционного порядка производства следственных действий, вызывает сомнение целесообразность установления этих требований именно в уголовно-процессуальном законе, когда это вполне можно было бы передать в сферу ведомственного регулирования (ведь для допроса свидетеля и потерпевшего в судебном разбирательстве в ст. 278.1 УПК РФ такого ограничения не установлено и в судах система, используемая для организации ВКС, определена ведомственным актом - Регламентом, утвержденным Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации [11]).

В органах внутренних дел России, в частности, повсеместно внедрена и активно функционирует единая

информационно-аналитическая система обеспечения деятельности (ИСОД), одним из сервисов которой является СВКС-м, позволяющая осуществлять видео-конференц-связь между различными территориальными органами. Вопросы эксплуатации данной системы урегулированы в ведомственных актах, в них же возможно прописать порядок ее применения при дистанционном производстве следственных действий. Это, с одной стороны, исключит возможность производства следственного действия посредством использования программного обеспечения, официально не допущенного для применения в служебной деятельности правоприменительного органа, а с другой стороны, разгрузит уголовно-процессуальный закон от несвойственных ему предписаний организационного характера;

В-третьих, представляется, что в ст. 189.1 УПК РФ недостаточно урегулированы полномочия следователя, дознавателя, органа дознания по месту нахождения лица, участвующего в дистанционном следственном действии; не определено, что включает в себя поручаемая «организация» участия лица в дистанционном следственном действии, в частности, позволяет ли она применять меру процессуального принуждения в виде привода уклоняющегося от следственного действия участника процесса.

На эту проблему уже обращали внимание ученые-процессуалисты, в частности, А. В. Победкин считает, что в статьях, регламентирующих полномочия следователя, дознавателя, следует установить, что в случаях производства следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи они вправе давать поручение соответственно следователю, дознавателю, органу дознания по месту нахождения участвующего в следственном действии лица осуществить отдельные процессуальные действия в ходе производства следственного действия, осуществляемого с использованием систем видео-конференц-связи [8, с. 83]. Очевидно, что ограничивать круг этих процессуальных действий нет необходимости, он будет зависеть от конкретной ситуации по делу.

В-четвертых, дистанционный порядок следственных действий не должен содержать каких-либо ограничений прав и законных интересов участников уголовного процесса по сравнению с обычной процедурой. В этой связи не допустимо лишение права участника следственного действия лично ознакомиться с протоколом проведенного с использованием ВКС следственного действия, составляемого по месту производства расследования, а не самого следственного действия. Из ч. 3 ст. 189.1 УПК РФ следует, что протокол следственного действия оглашается следователем, его составившим. Возникает вопрос: сможет ли участник следственного действия воспринять «со слов» записанное в протоколе и как удостоверить ис-

тинность его показаний. Отметим, что общая норма ч. 6 ст. 190 УПК РФ предусматривает предъявление допрашиваемому лицу протокола для прочтения и лишь по просьбе этого лица протокол оглашается следователем. Полагаем, ничто не препятствует следователю, составившему протокол, с помощью технических средств (например, сервиса электронной почты (СЭП), направить проект этого документа следователю, дознавателю по месту нахождения участника следственного действия для его личного прочтения.

Обозначенные проблемы — одни из немногих, на которые можно было бы обратить внимание, но и они показывают, что нужно не только корректировать ст. 189.1 УПК РФ, но и проводить цифровую трансформацию уголовного судопроизводства, не отступая от базовых положений уголовно-процессуального закона.

Список источников

1. Александров А. С. Учение о следственных действиях на пороге «цифрового мира» // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4. С. 80–85.
2. Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
3. Зайцев О. А., Пастухов П. С. Цифровой профиль лица как элемент информационно-технологической стратегии расследования преступлений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 56. С. 281–308.
4. Зуев С. В., Никитин Е. В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 3. С. 587–595.
5. Использование информации, содержащейся на электронных носителях, в уголовно-процессуальном доказывании: учебное пособие / под ред. Ю. В. Гаврилина и А. В. Победкина. М. : Академия управления МВД России, 2021.
6. Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело — инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2 (106). С. 95–101.
7. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию»): моногр. / под ред. Л. Н. Масленниковой. М. : Норма : ИНФРА-М, 2022.
8. Победкин А. В. Производство следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи на досудебном производстве: рамочность процессуальных гарантий // Вест-

- ник Уфимского юридического института МВД России. 2022. №1 (95). С. 77–84.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 октября 2020 г. № 1646 (ред. от 17 февраля 2022 г.) «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов управления государственными внебюджетными фондами» // СПС «КонсультантПлюс».
 10. Законопроект № 764131-6 «О внесении дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части производства предварительного расследования с применением систем видеоконференц-связи)» // URL:// <https://sozd.duma.gov.ru/bill/764131-6>.
 11. Об утверждении Регламента организации применения видео-конференц-связи при подготовке и проведении судебных заседаний: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 28 декабря 2015 г. № 401 (ред. от 30 декабря 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. The use of information contained on electronic media in criminal procedural evidence: a training manual / edited by Y. V. Gavrilin and A. V. Pobedkin. M. : Russian MIA Management Academy, 2021.
 6. Kachalova O. V., Tsvetkov Yu. A. Electronic criminal case — a tool for the modernization of criminal proceedings // Russian justice. 2015. № 2 (106). P. 95–101.
 7. The concept of building criminal proceedings that provide access to justice in the context of the development of digital technologies (GAS «Access to Justice»): monograph. / edited by L. N. Maslennikova. M. : Norm : INFRA-M, 2022.
 8. Pobedkin A. V. Production of investigative actions using video conferencing systems in pre-trial proceedings: framework of procedural guarantees // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 1 (95). P. 77–84.
 9. Decree of the Government of the Russian Federation of October 10, 2020 № 1646 (ed. from February 17, 2022) «On measures to ensure the effectiveness of measures to use information and communication technologies in the activities of federal bodies of executive power and bodies of state extra-budgetary funds» // SPS «ConsultantPlus».
 10. Draft law № 764131-6 «On amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (in part of the preliminary investigation using videoconferencing systems)» // URL:// <https://sozd.duma.gov.ru/bill/764131-6>.
 11. On approval of the Regulation on the organization of the use of videoconferencing in the preparation and conduct of court sessions: Order of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation of December 28, 2015 № 401 (ed. December 30, 2020) // SPS «ConsultantPlus».

References

1. Alexandrov A. S. The doctrine of investigative actions on the threshold of the «digital world» // Legal Bulletin of Samara University. 2017. Vol. 3. № 4. P. 80–85.
2. Golovko L. V. Digitalization in criminal proceedings: local optimization or global revolution? // Bulletin of Economic Security. 2019. № 1. P. 15–25.
3. Zaitsev O. A., Pastukhov P. S. Digital profile of a person as an element of information technology strategy of crime investigation // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2022. № 56. P. 281–308.
4. Zuev S. V., Nikitin E. V. Information technologies in solving criminal procedural problems // All-

Информация об авторе

О. В. Химичева — начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Information about the author

O. V. Khimicheva — Head of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 05.06.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-175-180>

НИОН: 2007-0083-2/23-277

MOSURED: 77/27-005-2023-02-477

Особенности лицензирования фармацевтической деятельности в России

Герман Константинович Чесаков

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, chesackov.german@yandex.ru

Аннотация. В России лицензирование фармацевтической деятельности начало формироваться только с 90-х г. XX в. При этом контроль над данной сферой со стороны государства зарождается еще в период Киевской Руси. Непосредственно лицензирование общественной жизни получает отражение уже в начале XVIII в. в период царствования Петра I, когда была регламентирована необходимость создания оптимальных условий для владельцев аптек.

Между тем, как можем судить на сегодняшний день, в Российской Федерации достаточно активно происходит поиск оптимальных механизмов правового регулирования фармацевтической деятельности.

Констатируется, что административно-правовое регулирование фармацевтической деятельности имеет важную роль для защиты прав граждан по части здравоохранения. Вследствие чего государство для минимизации своей монополии предоставляет право субъектам, заинтересованным в осуществлении фармацевтической деятельности, ей заниматься при наличии всех условий для этого.

Кроме того, нашей стране следует и дальше регулировать фармацевтическую деятельность с помощью лицензирования, так как от выпуска качественных лекарств зависит жизнь и здоровье человека и гражданина, что является основополагающими ценностями в России.

Ключевые слова: фармацевтическая деятельность, лицензирование, лицензирование фармацевтической деятельности, государственный контроль, правовое регулирование

Для цитирования: Чесаков Г. К. Особенности лицензирования фармацевтической деятельности в России // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 175-180. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-175-180>.

Original article

Features of licensing of pharmaceutical activity in Russia

Herman K. Chesakov

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, chesackov.german@yandex.ru

Abstract. In Russia the licensing of pharmaceutical activities began to form only since the 1990s of the XX century. At the same time, the control of this sphere by the state originated in the period of Kievan Rus'. Licensing of public life itself is reflected already at the beginning of the XVIII century during the reign of Peter I, when the need to create optimal conditions for pharmacy owners was regulated.

Meanwhile, as we can judge today, the search for optimal mechanisms of legal regulation of pharmaceutical activity is quite active in the Russian Federation.

It is stated that the administrative and legal regulation of pharmaceutical activity has an important role to protect the rights of citizens in terms of healthcare. As a result, in order to minimize its monopoly, the state grants the right to entities interested in carrying out pharmaceutical activities to engage in it if there are all conditions for this.

In addition, our country should continue to regulate pharmaceutical activities through licensing, since the life and health of a person and a citizen depend on the release of high-quality medicines, which are fundamental values in Russia.

Keywords: pharmaceutical activity, licensing, licensing of pharmaceutical activity, state control, legal regulation

© Чесаков Г. К., 2023

For citation: Chesakov H. K. Features of licensing of pharmaceutical activity in Russia. *Criminological journal*. 2023. (2):175-180. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-175-180>.

Российская Федерация является правовым и социальным государством. Его конституционная обязанность — обеспечение прав и свобод гражданина. Политика такой страны направлена на поддержание достойной жизни и развития населения. Вследствие чего происходит сближение и взаимодействие частных и публичных интересов, которые воплощаются в административно-правовом регулировании оборота медицинских препаратов. Ведь в этом процессе участвует и личность, и общество, и государство, и фармацевтические организации. Их взаимодействие обуславливает регулирование стоимости лекарственных препаратов (публичные интересы) и фискальной составляющей (государственный интерес).

Однако правовое регулирование лицензионной деятельности в России фактически начало формироваться только в 90-е г. XX в., когда от плановой экономики государство стало переходить к рыночной. Это послужило основанием установления государственного управления над создающимися частными организациями через их лицензирование.

Так, лицензирование представляет собой один из методов административно-правового регулирования в том числе и фармацевтической деятельности. Ведь именно с помощью лицензии (при осуществлении, в частности, данной деятельности) происходит обеспечение прав и свобод человека и гражданина относительно сферы здоровья.

Стоит сказать, что лицензирование фармацевтической деятельности имеет по истине многовековую историю. Уже в период Киевской Руси законодательно регламентировалось правовое положение «лещца». Между тем, рассматривая народную медицину, в это историческое время достаточно эффективно применялись для лечения продукты растительного, животного и даже минерального происхождения

В конце XVI — начале XVII в. формируется Аптекарский приказ. В его полномочия входила организация заготовок трав, а также подготовка лекарей, специалистов по приготовлению лекарств и иные обязанности. Аптекарский приказ был тем государственным органом, который осуществлял надзор за лечебным и аптечным делом.

22 ноября 1701 г. выходит Указ Петра I «О заведении в Москве вновь осьми аптек с тем, чтоб в них никаких вин не было продаваемо; о введении оных Посольскому приказу и об уничтожении зелейных лавок». В основе данного указа лежало создание опти-

мальных условий для владельцев аптек. Кроме того, регламентировалось установление государственной монополии на число аптек, а также на продажу лекарственных средств. Все это, в итоге, предполагало получение аптекарями существенных доходов. Вследствие чего подобные законодательные положения гарантировали увеличение числа городских аптек [1].

Однако в современной России лицензирование фармацевтической деятельности непосредственно начало осуществляться только с 90-х г. прошлого века. Именно тогда был принят Закон Российской Федерации от 28 июня 1991 г. № 1499-1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации»¹.

Между тем в настоящее время, как можем судить из статистических сведений, фармацевтическая деятельность достаточно активно развивается. Так, согласно данным RNC Pharma, с третьего квартала 2020 года и до апреля 2022 г. число аптек в нашей стране только росло. Аналитики отметили, что по состоянию на 1 июля 2022 года в России работало почти 72 000 аптек — на 4,5% прирост каждый год. Причем в значительной степени перестают осуществлять свою деятельность небольшие сети аптек².

Вследствие чего нам необходимо определить то, как происходит лицензирование подобной деятельности. Но, первоначально, следует сказать, что в нормативных правовых актах присутствует утверждение, опираясь на которое фармацевтическая деятельность (организация) занимается торговлей³.

Так, именно Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» представляет основополагающий нормативный правовой акт, направленный на регламентацию изучаемой нами сферы общественной жизни. В нем отражены особенности регулирования исполнительной властью обращения лекарственных средств, в т. ч. лицензирования. Причем лицензированию фармацевтической деятельности уделяется достаточно много внимания и

¹ Закон Российской Федерации от 28 июня 1991 г. № 1499-1 «О медицинском страховании граждан в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 27, ст. 920.

² Впервые за два года в России сократилось число аптек // URL://<https://www.retail.ru/news/vpervye-za-dva-goda-v-rossii-sokratilos-chislo-aptek-22-avgusta-2022-219618>/<https://www.retail.ru/news/vpervye-za-dva-goda-v-rossii-sokratilos-chislo-aptek-22-avgusta-2022-219618/>

³ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 28 декабря 2022 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724; Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 19 декабря 2022 г.) «Об обращении лекарственных средств» // СЗ РФ. 2010. № 16, ст. 1815.

в прочих законах¹.

Однако можем отметить, что по настоящее время лицензионная фармацевтическая деятельность урегулирована недостаточно обстоятельно, постоянно происходит совершенствование законодательства. Однозначно, данный процесс неоднократной реформации, судя по анализу нормативных правовых актов, происходит и относительно иных общественных отношений.

Но перейдем непосредственно к изучаемой теме. Так, в прошлом году было принято новое постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 547 «Об утверждении Положения о лицензировании фармацевтической деятельности»².

Ранее касающиеся лицензии изменения были внесены в Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств»³ Федеральным законом от 11 июня 2021 г. № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»⁴. Как было подчеркнута в пояснительной записке к этому Федеральному закону, нововведения коснулись реестра лицензий, возможностей принятия лицензирующим органом решения о предоставлении лицензии в электронном формате, посредством утверждения вносимой в реестр лицензии записи о пре-

доставлении лицензии и т. д.⁵

Причем в Федеральном законе от 04 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» также относительно недавно были отражены реформации⁶. Вводились они посредством Федерального закона от 4 ноября 2022 г. № 427-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷.

Таким образом, это все указывает на то, что сейчас идет формирование (оптимизация) правового регулирования изучаемой нами деятельности. В немалой степени этот процесс обусловлен, как уже было отмечено ранее, взаимосвязью фармацевтической деятельности с жизнью и здоровьем человека.

Однако нельзя не упомянуть имеющую место (по факту минимальную) вероятность того, что фармацевтическую деятельность перестанут лицензировать в ближайшее время [2, с. 37].

Переходя к всестороннему рассмотрению предмета настоящей научной работы, подчеркнем, что официальная трактовка термина «лицензирование» закреплена в ст. 3 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»⁸. Так, под лицензированием подразумевается «деятельность лицензирующих органов по предоставлению лицензий, продлению срока действия лицензий в случае, если ограничение срока действия лицензий предусмотрено федеральными законами, оценке соблюдения соискателем лицензии, лицензиатом лицензионных требований, приостановлению, возобновлению, прекращению действия и аннулированию лицензий, формированию и ведению реестра лицензий, формированию государственного информационного ресурса, а также по предоставлению в установленном порядке информации по вопросам лицензирования».

Между тем вполне логичным представляется указание некоторых исследователей на то, что данная трактовка достаточно пространная. Таким образом, представляется целесообразным рассмотреть этимологию понятия «лицензия». Оно происходит от латинского «licentia», означающего «вольность, свобода

¹ Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 19 декабря 2022 г.) «Об обращении лекарственных средств» // СЗ РФ. 2010. № 16, ст. 1815; Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ (ред. от 4 ноября 2022 г.) // «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СЗ РФ. 2011. № 19, ст. 2716; Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ (ред. от 4 ноября 2022 г.) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1), ст. 6249; Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2008 г. № 797 «О неотложных мерах по ликвидации административных ограничений при осуществлении предпринимательской деятельности» // СЗ РФ. 2008. № 20, ст. 2293; Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 г. № 323 (ред. от 13 октября 2022 г.) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения» // СЗ РФ. 2004. № 28, ст. 2900; Приказ Минздрава России от 19 ноября 2020 г. № 1234н (ред. от 23 декабря 2021 г.) «Об утверждении Порядка ведения единого реестра лицензий, в том числе лицензий, предоставленных органами государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с переданным полномочием по лицензированию отдельных видов деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 547 «Об утверждении Положения о лицензировании фармацевтической деятельности» // СЗ РФ. 2022. № 15, ст. 2469.

³ Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 19 декабря 2022 г.) «Об обращении лекарственных средств» // СЗ РФ. 2010. № 16, ст. 1815.

⁴ Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 170-ФЗ (ред. от 21 декабря 2021 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 24 (Часть I), ст. 4188.

⁵ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 1051647-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ (ред. от 4 ноября 2022 г.) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СЗ РФ. 2011. № 19, ст. 2716.

⁷ Федеральный закон от 4 ноября 2022 г. № 427-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 45, ст. 7672.

⁸ Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ (ред. от 4 ноября 2022 г.) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // СЗ РФ. 2011. № 19, ст. 2716.

делать что угодно» [3, с. 127].

Здесь следует сказать, что в целом термин «лицензия» представляет официальный документ, на основе которого осуществляется контрольная и надзорная функция со стороны государственных органов, а с иной стороны предоставляется право лицу (субъекту экономической деятельности) осуществлять (в том числе фармацевтическую) деятельность.

При этом на доктринальном уровне идет дискуссия по интерпретации слова «лицензия» [2, с. 36; 4, с. 689–692] (как можно судить из анализа юридической литературы, достаточно много терминов, отраженных в законе, вызывают дискуссию относительно правильного технико-юридического изложения, что влияет на особенности интерпретации их в том числе при применении в судебной практике [6–15]).

Однако некоторые авторы отмечают, что можно выделить две основополагающие позиции по определению изучаемого понятия. Так, первое суждение заключается в том, что «лицензия предоставляет право заниматься определенной деятельностью». Вторая позиция предполагает «официальный документ, в котором отражено право на занятие подобной деятельностью» [16].

Между тем лицензирование, с позиции административно-правового регулирования, подразумевает под собой появление правоотношений между государством и субъектом экономической деятельности. Также оно может предусматривать ограничение по ведению какой-либо деятельности (в нашем случае это касается фармацевтической). Тем самым устанавливается государственный контроль и регулируется процесс появления монополии на осуществление определенного рода экономических взаимодействий [17, с. 8].

Таким образом, административно-правовой режим лицензирования является одним из наиболее значимых элементов регулирования экономических правоотношений и способствует исключению из нее недобросовестных субъектов.

В свою очередь, следует упомянуть, что относительно вопроса специфики лицензирования фармацевтической деятельности в административном праве нет единства мнений. При этом имеющиеся публикации по данной теме в предыдущие годы не всегда соответствуют современным правовым реалиям [18].

Вместе с тем можно сделать вывод, что лицензирование фармацевтической деятельности представляет собой «самостоятельную процессуальную деятельность, направленную на закрепление права за субъектами заниматься фармацевтической деятельностью».

В постановлении Правительства Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 547 «Об утверждении

Положения о лицензировании фармацевтической деятельности» у лица, претендующего на получение лицензии на ведение подобной деятельности, должно быть соответствующее помещение и оборудование¹.

Раскрывая данный аспект, выделим, что согласно Федеральному закону от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений»², под помещением подразумевается «часть объема здания или сооружения, имеющая определенное назначение и ограниченная строительными конструкциями».

Так, законодательно подчеркнута необходимость создания определенных условий для лицензирования и дальнейшего функционирования фармацевтических организаций. Вследствие чего лицензирование данной деятельности (с точки зрения административно-правового регулирования) имеет важную роль в вопросах защиты прав граждан в сфере здравоохранения [19, с. 292].

Таким образом, подводя итог настоящей научной статьи, можем отметить следующее:

- лицензирование фармацевтической деятельности предполагает именно реализацию контроля над субъектами, осуществляющими данную деятельность, что гарантирует в той или иной степени предупреждение совершения нарушений;
- государству следует и дальше регулировать фармацевтическую деятельность с помощью лицензирования, так как эта сфера затрагивает жизнь и здоровье человека и гражданина, которые выступают основополагающими ценностями на международном и национальном уровнях.

Список источников

1. Гравченко Л. А., Геллер Л. Н. История фармации: учебно-методическое пособие. Иркутск : ИГМУ, 2014.
2. Крупнова И. В. Лицензирование медицинской и фармацевтической деятельности как гарантия прав и законных интересов граждан и государства // Вестник Росздравнадзора. 2014. № 5. С. 36–39.
3. Загоруйко И. Ю. Правовой аспект государственного управления по вопросам лицензирования в сфере предпринимательства // Творческое наследие Казанских юридических школ и современные тенденции развития юри-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 547 «Об утверждении Положения о лицензировании фармацевтической деятельности» // СЗ РФ. 2022. № 15, ст. 2469.

² Федеральный закон от 30 декабря 2009 г. № 384-ФЗ (ред. от 2 июля 2013 г.) «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» // СЗ РФ. 2010. № 1, ст. 5.

- дической науки. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 127–130.
4. Ючмарова Я. Э. Лицензирование отдельных видов деятельности в РФ // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 11 (27). С. 689–692.
 5. Крупнова И. В. Лицензирование медицинской и фармацевтической деятельности как гарантия прав и законных интересов граждан и государства // Вестник Росздравнадзора. 2014. № 5. С. 36–39.
 6. Осокин Р. Б., Курсаев А. В. О некоторых противоречиях в применении категории «порнография» в Уголовном кодексе РФ и российском законодательстве // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 8 (100). С. 331–336.
 7. Осокин Р. Б. К вопросу о природе чести и достоинства как нравственных категорий // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10 (44). С. 214–217.
 8. Осокин Р. Б. Общественная нравственность: опыт теоретико-инструментального анализа // Образование. Наука. Научные кадры. 2013. № 7. С. 74–78.
 9. Бородин А. В., Осокин Р. Б. Понятие и признаки культурных ценностей // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 4. С. 101–107.
 10. Будник Ю. И., Абдуллаева Э. Н., Махонин Д. Д. Понятие, сущность и признаки юридического факта // Право и государство: теория и практика. 2022. № 7 (211). С. 18–19.
 11. Гурская Е. П. Понятие и признаки предпринимательского договора в российском гражданском праве // Синергия Наук. 2022. № 69. С. 217–224.
 12. Клишков В. Б., Стебенева Е. В., Яковлева М. А. Киберпреступность: понятие, признаки, основные направления противодействия // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 4. С. 106–114
 13. Магомедова А. И., Убайдулаев Р. К. Понятие, признаки рецидива преступлений // Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171). С. 242–244.
 14. Оздоева З. Ш. Понятие правоохранительной деятельности и ее признаки // Гражданин и право. 2022. № 6. С. 40–44.
 15. Ходусов А. А., Акишева Д. М. Транснациональная организованная преступная группа: криминологическое понятие и признаки // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 282–285.
 16. Рудаметкина Н. Н., Беккалиева Н. К. Лицензирование как административно-правовой институт экономической деятельности // Globus: Экономика и юриспруденция. 2019. № 6 (36). С. 20–23.
 17. Маркова И. А. Некоторые проблемы лицензирования как способа защиты прав и законных интересов контрагентов и хозяйствующих субъектов // Актуальные проблемы правоведения. 2019. № 1 (61). С. 7–11.
 18. Горохова И. В. К вопросу о правовом регулировании лицензирования фармацевтической деятельности // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее: сборник статей XIV Международной научно-практической конференции. Пенза : Наука и Просвещение, 2018. С. 170–172.
 19. Шершакова Е. К., Бондарь Е. О. Лицензирование в фармацевтической сфере как вид административной деятельности // Проблемы совершенствования российского законодательства: сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов / под ред. Ю. В. Анохина. Барнаул : Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2019. С. 291–293.

References

1. Gravchenko L. A., Geller L. N. History of pharmacy: tutorial. Irkutsk : IGMU, 2014.
2. Krupnova I. V. Licensing of medical and pharmaceutical activities as a guarantee of the rights and legitimate interests of citizens and the state // Bulletin of Roszdravnadzor. 2014. № 5. P. 36–39.
3. Zagoruiko I. Yu. The legal aspect of the state administration on licensing in the field of entrepreneurship // The creative heritage of Kazan law schools and modern trends in the development of legal science. Kazan : Kazan University Press, 2016. P. 127–130.
4. Yuchmarova Y. E. Licensing of Certain Types of Activities in the Russian Federation // Alley of Science. 2018. Т. 3. № 11 (27). P. 689–692.
5. Krupnova I. V. Licensing of medical and pharmaceutical activities as a guarantee of the rights and legitimate interests of citizens and the state // Bulletin of Roszdravnadzor. 2014. № 5. P. 36–39.

6. Osokin R. B., Kursaeв A. V. On some contradictions in the application of the category of «pornography» in the Criminal Code of the Russian Federation and Russian legislation // Vestnik of Tambov University. Series: Humanities. 2011. № 8 (100). P. 331–336.
7. Osokin R. B. On the nature of honor and dignity as moral categories // Socio-economic phenomena and processes. 2012. № 10 (44). P. 214–217.
8. Osokin R. B. Public morality: the experience of theoretical and instrumental analysis // Education. Science. Scientific personnel. 2013. № 7. P. 74–78.
9. Borodin A. V., Osokin R. B. The concept and signs of cultural values // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 4. P. 101–107.
10. Budnik Y. I., Abdullaeva E. N., Makhonin D. D. The notion, essence and signs of a legal fact // Law and the state: Theory and practice. 2022. № 7 (211). P. 18–19.
11. Gurskaya E. P. The notion and signs of the entrepreneurial contract in the Russian civil law // Synergy of Sciences. 2022. № 69. P. 217–224.
12. Klishkov V. B., Stebeneva E. V., Yakovleva M. A. The authors of the article are not aware of the fact that the problem of cybercrime is not a problem of the state of the economy, but a problem of the state of the economy. 2022. № 4. P. 106–114
13. Magomedova A. I., Ubaidulaev R. K. The concept, signs of recidivism of crimes // Eurasian Law Journal. 2022. № 8 (171). P. 242–244.
14. Ozdoeva Z. Sh. The concept of law-enforcement activity and its signs // Citizen and right. 2022. № 6. P. 40–44.
15. Khodusov A. A., Akisheva D. M. Transnational organized criminal group: criminological notion and signs // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 5. P. 282–285.
16. Rudametkina N. N., Bekkalieva N. K. Licensing as an administrative and legal institute of economic activity // Globus: Economics and Jurisprudence. 2019. № 6 (36). P. 20–23.
17. Markova I. A. Some problems of licensing as a way to protect the rights and legitimate interests of counterparties and business entities // Actual problems of law. 2019. № 1 (61). P. 7–11.
18. Gorokhova I. V. On the issue of legal regulation of licensing of pharmaceutical activity // Science and education: preserving the past, creating the future: collection of articles of the XIV International Scientific and Practical Conference. Penza: Science and Education, 2018. P. 170–172.
19. Shershakova E. K., Bondar E. O. Licensing in the pharmaceutical sphere as a type of administrative activity // Problems of improving Russian legislation: collection of abstracts of the All-Russian (with international participation) scientific conference of cadets, listeners and students / ed. by Yu. V. Anokhin. Barnaul : Federal State State Educational Institution of Higher Professional Education «Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation», 2019. P. 291–293.

Информация об авторе

Г. К. Чесаков — аспирант кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии.

Information about the author

H. K. Chesakov — Postgraduate student of the Department of Administrative and Municipal Law of the Saratov State Law Academy.

Статья поступила в редакцию 19.01.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 19.01.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-181-184>

НИОН: 2007-0083-2/23-278

MOSURED: 77/27-005-2023-02-478

О соотношении терминов «медицинская помощь» и «медицинская услуга» в Российской Федерации

Артур Аликович Шакиров

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, Artch.mur@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа юридической литературы и законодательства о соотношении терминов «медицинская помощь» и «медицинская услуга» в Российской Федерации обосновано несколько суждений: ввиду высшей юридической силы Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. приоритет должен принадлежать медицинской помощи, причем как правило на безвозмездной основе; формирование рыночных отношений в Российской Федерации предполагает и платную медицинскую помощь; возмездность медицинской помощи необходимо рассматривать как исключение из общих правил деятельности учреждений здравоохранения в Российской Федерации.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, гражданское законодательство, законодательство о здравоохранении, нормативный правовой акт, Конституция РФ от 12 декабря 1993 г., федеральный закон РФ, Гражданский кодекс РФ (часть первая от 21 октября 1994 г.; часть вторая от 22 декабря 1995 г.), медицина, право, медицинское право, медицинская помощь, медицинская услуга

Для цитирования: Шакиров А. А. О соотношении терминов «медицинская помощь» и «медицинская услуга» в Российской Федерации // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 181-184. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-181-184>.

Original article

About the correlation of the terms «medical care» and «medical service» in the Russian Federation

Artur A. Shakirov

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, Artch.mur@yandex.ru

Abstract. On the basis of analysis of legal literature and legislation on the relationship of the terms «medical care» and «medical service» in the Russian Federation, several judgments are substantiated: due to the supreme legal force of the Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993, priority should belong to medical care, and as a rule on a non-import basis; the formation of market relations in the Russian Federation also involves paid medical care; the retribution of medical care should be considered as an exception to the general rules of health care institutions in the Russian Federation.

Keywords: Russian Federation, legislation, civil legislation, legislation on healthcare, regulatory legal act, Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993, Federal Law of the Russian Federation, Civil Code of the Russian Federation (Part One of October 21, 1994; Part Two of December 22, 1995), medicine, law, medical law, medical care, medical service

For citation: Shakirov A. A. About the correlation of the terms «medical care» and «medical service» in the Russian Federation. Criminological journal. 2023. (2):181-184. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-181-184>.

© Шакиров А. А., 2023

Предметом данной статьи являются термины «медицинская помощь» и «медицинская услуга», а также их соотношение.

Первоначально о состоянии теории.

Так, С. И. Помазкова исследование посвятила анализу законодательных актов международного и национального права стран — бывших союзных республик, на предмет соотношения понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга» («Подводя итог анализу законодательства, регулирующего охрану здоровья граждан и защиту их прав как потребителей, следует сделать следующие выводы: в законодательных актах, региональных (на постсоветском пространстве) и национальных (стран, сотрудничающих в сфере здравоохранения), «медицинскую помощь» и «медицинскую услугу» следует понимать как понятия тождественные; необходимо разработать региональное законодательство о защите прав потребителей, распространив его действие и на всех граждан, получающих медицинскую помощь как на возмездной основе, так и бесплатно») [1].

И. В. Тимофеев «с онтологических позиций» рассмотрел «конституционно-правовые и организационные основы терминов «медицинская помощь» и «медицинская услуга» («Таким образом, «медицинская помощь» и инновационное для нашего здравоохранения понятие «медицинская услуга» представляют собой разные, но во многом пересекающиеся понятия. Каждое из них отражает определенную семантическую, историческую, медико-организационную и правовую особенности применения современных знаний в общественных отношениях, связанных с медициной. По нашему мнению, медицинская помощь выступает как объективная конституционно-правовая категория, которая является первичной основой для всех видов медицинских вмешательств и невмешательств и иных предусмотренных законодательством мероприятий. В определенном смысле понятие «медицинская помощь» является родовым по отношению к понятию «медицинская услуга». Исторически в правовом и организационном регулировании в России доминировало понятие «медицинская помощь», а за рубежом, наоборот, «медицинская услуга». Отсюда в ментальном и профессионально-моральном плане пока трудно воспринимается как пациентами, так и особенно медицинскими работниками сведение всей медицинской помощи к услугам. При этом то, что в частном секторе здравоохранения оказываются именно медицинские услуги, ни у кого не вызывает сомнений. Проблемной темой является оценка медицинской помощи, оказываемой в рамках программ государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи, а также других, в том числе оплачиваемых из бюджета, ее вариантов. Кроме того, в медико-организационном плане в составе медицинской помощи имеются как вме-

шательства, так и правомерные невмешательства, а также иные предусмотренные законодательством мероприятия. При этом особенностью является то, что понятие «медицинская услуга» не касается медицинских невмешательств. Очевидно, что в финансово-экономическом плане для оценки, контроля и даже прогноза деятельности медицинского работника удобнее использовать подход через «медицинскую услугу» как явление, имеющее определенное юридическое содержание и стоимостное выражение. По нашему мнению, в конституционно-правовом смысле «медицинская помощь», как текстуально включенная в состав конституционного права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, имеет различные характеристики, в том числе и финансово-экономические. Понятие «медицинская услуга» недавно получило свое правовое содержание в развивающемся Конституцию РФ законодательстве. Тем не менее очевидно, что между этими понятиями имеется различие в публично-правовых и частноправовых подходах, а также, наоборот, сходство в том, что медицинская помощь, как и медицинская услуга, предоставляется человеку по соответствующим договорам (ОМС, оказания возмездных услуг и др.)») [2].

В. Н. Сидорова рассмотрела медицинский и правовой аспекты понятий «медицинская помощь», «медицинская услуга» и «медицинская работа» в традиционной медицинской деятельности («Изложенное позволяет сделать вывод о том, что проблема соотношения понятий «медицинская помощь» (ст. 41 Конституции РФ), «медицинские услуги» (гл. 39 ГК РФ) и «медицинские работы» (гл. 39 ГК РФ с учетом ст. 783 ГК) нуждается в дальнейшем теоретическом исследовании. Однако не менее очевидным представляется и вывод о том, что отсутствие в понятийном аппарате действующего законодательства дефиниции, т. е. официального юридического определения медицинской помощи, приводит к сложностям в регулировании отношений в сфере охраны здоровья. В частности, сегодня это позволяет законодателю без достаточных формально правовых оснований плавно переводить бесплатную медицинскую помощь (п. 1 ст. 41 Конституции РФ) в сферу платных медицинских услуг (работ)») [3]. Здесь лишь обратим внимание на ошибочность названия структурного элемента статьи Конституции РФ (таковые состоят не из пунктов, а из частей) [4]. Относительно приоритетности возмездности медицинских услуг в литературе высказываются и иные мнения [5].

Неоднозначность результатов научных изысканий предопределяет и несовершенство законодательства о соотношении терминов «медицинская помощь» и «медицинская услуга» в Российской Федерации [6].

В первую очередь обращаемся к нормативному правовому акту с наивысшей юридической силой на

территории Российской Федерации. Таковым является Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. [7] («1. Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. 2. В Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты» — ст. 7; «1. Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений. 2. В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию. 3. Сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом» — ст. 41).

Положения Конституции РФ детализированы в нормативных правовых актах с меньшей юридической силой, в том числе и в гражданском законодательстве [8] (Гражданский кодекс РФ: часть первая от 21 октября 1994 г. [9]; часть вторая от 22 декабря 1995 г. [10]).

Таким образом, исследования относительно соотношения терминов «медицинская помощь» и «медицинская услуга» в Российской Федерации необходимо продолжать.

Во-первых, ввиду наивысшей юридической силы Конституции РФ от 12 декабря 1993 г. приоритет должен принадлежать медицинской помощи, причем как правило на безвозмездной основе.

Во-вторых, формирование рыночных отношений в Российской Федерации предполагает и платную медицинскую помощь.

В-третьих, возмездность медицинской помощи необходимо рассматривать как исключение из общих правил деятельности учреждений здравоохранения в Российской Федерации.

Список источников

1. Помазкова С. И. О значении соотношения понятий «медицинская помощь» и «медицинская услуга» для реализации права граждан на охрану здоровья // Юридический мир. 2012. № 11.
2. Тимофеев И. В. О понятиях «медицинская помощь» и «медицинская услуга». Медицинское знание и медицинская практика как предпосылка для нормативного регулирования отношений медицинской помощи // Медицинское право. 2021. № 1.
3. Сидорова В. Н. Соотношение понятий «медицинская помощь», «медицинская услуга» и «медицинская работа» как проблема гражданского законодательства // Медицинское право. 2012. № 4.
4. Галузо В. Н. Возможно ли комплексное правоприменение при отсутствии официальной систематизации в Российской Федерации? // Государство и право. 2018. № 6. С. 76–81.
5. Галузо В. Н. Об оказании платных услуг в медицинском учреждении в городе федерального значения — Москве (опыт правоприменения) // Международный научный журнал «Актуальные исследования». 2019. № 2. С. 29–34.
6. Галузо В. Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именованного государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119–123.
7. Галузо В. Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. 2014. № 11. С. 98–102.
8. Эриашвили Н. Д., Галузо В. Н. О некоторых проблемах институционализации гражданского права в Российской Федерации // Международный журнал гражданского и торгового права. 2017. № 3. С. 71–74.
9. Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; ...; 2022. № 16. Ст. 2601.
10. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410; ...; 2021. № 27 (часть I). Ст. 5123.

References

1. Pomazkova S. I. On the meaning of the correlation between the concepts of «medical care» and «medical service» for the realization of the citizens' right to health care // Juridical World. 2012. № 11.
2. Timofeev I. V. On the concepts of «medical care» and «medical service». Medical knowledge and medical practice as a prerequisite for normative regulation of medical care relations // Medical Law. 2021. № 1.
3. Sidorova V. N. The correlation of the concepts of «medical care», «medical service» and «medical work» as a problem of civil law // Medical Law. 2012. № 4.

4. Galuso V. N. Is complex law enforcement possible in the absence of official systematization in the Russian Federation? // State and law. 2018. № 6. P. 76–81.
5. Galuso V. N. On the provision of paid services in a medical institution in the city of federal significance — Moscow (law enforcement experience) // International Scientific Journal «Actual Studies». 2019. № 2. P. 29–34.
6. Galuso V. N. Constitutional and legal status of Russia: the problem of naming the state // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 5. P. 119–123.
7. Galuso V. N. Is it possible to ensure uniform execution of legislation in the absence of its systematization? // State and Law. 2014. № 11. P. 98–102.
8. Eriashvili N. D., Galuso V. N. On some problems of institutionalization of civil law in the Russian Federation // International Journal of Civil and Commercial Law. 2017. № 3. P. 71–74.
9. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301; ...; 2022. № 16. Art. 2601.
10. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 5. Art. 410; ...; 2021. № 27 (part I). Art. 5123.

Информация об авторе

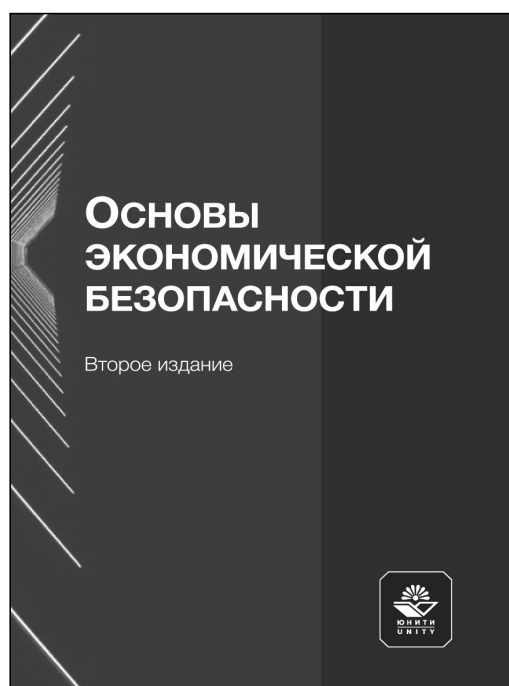
А. А. Шакиров — соискатель Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the author

A. A. Shakirov — Applicant of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 25.01.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 05.06.2023.

Основы экономической безопасности. Учеб. пособие. Эриашвили Н. Д. и др. 2-е изд., перераб. и доп. 335 с. Гриф НИИ образования и науки. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф МНИЦ Судебной экспертизы и исследований.

Дано представление о внутренних и внешних угрозах в экономике РФ, ее регионов и хозяйствующих субъектах.

Показано, как использовать инструменты и механизмы нейтрализации и предотвращения возникающих угроз, обеспечивать законность и правопорядок в сфере экономики. Изложены основы теории государства, а также ее регулирующей роли в экономике.

Раскрыты сущность теневой экономики, ее истоки и тенденции, намечены подходы к решению проблем теневой экономики.

Для студентов, аспирантов и преподавателей, экономических и юридических вузов, государственных и муниципальных служащих.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-185-190>

NIJON: 2007-0083-2/23-279

MOSURED: 77/27-005-2023-02-479

Размышления о нравственном характере оперативно-розыскной деятельности

Александр Васильевич Щеглов

Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия, av_shcheglov@mail.ru

Аннотация. Применительно к реалиям современного общества систематизировано изложены нравственные и профессионально-этические основы оперативно-розыскной этики, рассмотрены ее содержание, сущность и принципы, а также нравственные границы допустимости в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскная этика, нравственные нормы и принципы, нравственный характер оперативной работы, профессиональная этика, моральный облик оперативного сотрудника

Для цитирования: Щеглов А. В. Размышления о нравственном характере оперативно-розыскной деятельности // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 185-190. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-185-190>.

Original article

Reflections on the moral character of operational investigative activity

Alexander V. Shcheglov

Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia, av_shcheglov@mail.ru

Abstract. Applied to the realities of modern society systematically outlined the moral and professional-ethical foundations of operational and investigative ethics, considered its content, the essence and principles, as well as the moral boundaries of admissibility in professional activity.

Keywords: operational investigative activity, operational-investigative ethics, moral norms and principles, the moral nature of operational work, professional ethics, the moral character of an operational employee

For citation: Shcheglov A. V. Reflections on the moral character of operational investigative activity. Criminological journal. 2023. (2):185-190. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-185-190>.

Отличительной чертой оперативно-розыскной деятельности является то, что ее содержание составляют преимущественно негласные мероприятия, как имеющие нейтральный характер, так и включающие некоторые элементы принуждения, и действия, которые ограничивают конституционные права граждан. Данный вид специфической деятельности уполномоченных государственных органов является ярким подтверждением проявления противоречия между правом и моралью, когда многие оперативно-розыскные мероприятия (наблюдение, прослушивание телефонных переговоров и др.) и использование негласного содействия граждан могут осуждаться населением с нравственных позиций, однако социально необходимы обществу для успешной борьбы с преступностью.

В настоящее время во всех цивилизованных странах практически завершены дискуссии о соответствии оперативно-розыскной деятельности морально-этиче-

ским принципам, принятым в обществе. Например, в США граждане считают своим личным долгом сообщить полиции сведения о готовящихся преступлениях, а бывший руководитель ЦРУ А. Даллес полагал, что негласная работа является по своей сущности нравственной [4].

В России впервые необходимость соблюдения морально-этических требований в сфере оперативно-розыскной деятельности была высказана учеными в 60–70-х г. прошлого столетия (А. И. Алексеев, Р. С. Белкин, Д. В. Гребельский, А. Ф. Возный, И. И. Карпец, А. Г. Лекарь, Г. К. Синилов), которые указывали на необходимость соблюдения оперативными сотрудниками профессиональной морали. Интерес к данной проблеме был не случаен, поскольку неукоснительное соблюдение законности, защита прав человека и гражданина, вопросы профессиональной деформации сознания оперативных сотрудников в значительной

© Щеглов А. В., 2023

мере зависят от теоретической разработки морально-этических проблем профессиональной деятельности сотрудников.

Известно, что поведение людей в обществе регулируется правом. Право отражает интересы членов общества и его нравственность. Так, поведение преступника противоречит праву, и, следовательно, противоречит и общественной нравственности, ибо посягает на интересы членов общества. Итак, если преступление совершено и остается нераскрытым, нарушенным (серьезно ущемленным и попраным) следует считать не только уголовное право, что очевидно, но и нравственность, поскольку в этом случае, равно как и право, попраными и нереализованными оказываются нормы общественной морали.

Общечеловеческие нравственные чувства всегда были связаны с утверждением добра и победой над злом, именно поэтому, в ст. 1 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» указаны нравственно-положительные цели ОРД — защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств. Никакие иные цели не могут быть основанием для проведения оперативно-розыскных мероприятий (ст. 5 ФЗ). Оперативно-розыскная деятельность проводится в исключительных случаях, когда нет возможности решить задачи борьбы с преступностью иными средствами.

Признание той или иной деятельности законной, еще не делает её нравственно-допустимой, поэтому закон может оцениваться в общественном сознании как безнравственный. В истории борьбы с преступностью было немало случаев, когда мораль осуждала какие-либо действия человека, а закон молчал, также и наоборот, мораль на определенные действия смотрела снисходительно, а законы ужесточались. Думается, что тактика проведения оперативно-розыскных мероприятий не регулируется только нормами права, а в основе их действий лежат определенные моральные предписания. Так, без конкретных оперативно-розыскных мероприятий невозможно раскрыть законспирированное преступление, и это является единственным способом получения положительного результата, а поэтому оперативно-розыскная деятельность является средством нравственного совершенствования общества. Поэтому в отдельных случаях оперативно-розыскные мероприятия могут быть важным средством получения положительного результата. Именно с этой точки зрения оперативно-розыскная деятельность соответствует морально-этическим нормам, существующим в цивилизованном правовом обществе.

Совершенно правильно в специальной литературе указывается, что значительная часть тяжких преступлений раскрывается благодаря оперативно-розыскным мероприятиям, такая деятельность является эффективным средством утверждения в обществе моральных норм. Это вновь доказывает, что оперативно-

розыскная деятельность способствует *утверждению в обществе справедливости.*

Вместе с тем, достижение благородных целей средствами ОРД в некоторых случаях может носить негативный характер. Так, в ходе оперативно-розыскных мероприятий оперативные сотрудники вторгаются в частную жизнь, потому что ими осуществляется и допускается прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи и другие мероприятия. Вместе с этим, следует учитывать и то, что оперативно-розыскная деятельность оказывает не всегда положительное влияние на лиц, осуществляющих эту деятельность, а также на граждан, оказывающих конфиденциальное содействие.

Так, в связи с этим у них может сформироваться установка на признание законным и допустимым любого воздействия на личную жизнь граждан, а также использование тезиса о том, что с преступностью нельзя бороться в «белых перчатках», а также — цель оправдывает средства, как считают отдельные оперативники. Это не может вызывать сомнения в деятельности оперативных сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскные мероприятия.

Вместе с тем, закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» не допускает сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни проверяемого лица, если это не связано с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, а также выявлением, установлением лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших с другими задачами и основаниями оперативно-розыскной деятельности.

Фактически, что при проведении оперативно-розыскной деятельности наблюдается конфликт двух нравственных норм. Первое — это необходимость обеспечения безопасности, личности, общества и государства силами и средствами ОРД, в второе — это когда осуществляется вторжение в среду личной свободы человека и таким образом поучается компромиссная норма, разрешающая такое вмешательство, но в строго определенных пределах и при соблюдении определенных условий. Именно поэтому в ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплено положение о том, что при защите жизни и здоровья, их граждан конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение минимального вреда или ущерба.

Таким образом, в каждом конкретном случае необходимо учитывать обоснованность их применения. Совершенно правильно применительно к оперативно-розыскной деятельности известный немецкий философ Г. Гегель писал, что «суды, войны не только имеют право убивать людей, но это их долг, однако при этом точно определено, по отношению к какому типу людей и при каких обстоятельствах это дозволено и является долгом» [6].

Полагаем, что нравственно допустимыми оперативно-розыскное мероприятие или средство ОРД может считаться в том случае, если их проведение и использование повлекло за собой меньшие физические, нравственные и иные материальные издержки, если оперативно-розыскная деятельность окажется по своему значению выше, чем возможный нанесенный ущерб.

Кто-то, возможно, считает, что для оперативно-розыскной деятельности нравственные, этические категории не имеют большого значения, или вообще не присущи. Так ли это на самом деле? Непосредственное значение нравственных норм, категорий и институтов для оперативно-розыскной деятельности проявляется в следующем.

Во-первых, в обществе мораль играет охранительную роль, способствуя формированию общественного мнения, основанного на вполне справедливом осуждении противоправных действий, создании обстановки нетерпимости к антиобщественному поведению, активном противодействии преступной и любой антиобщественной деятельности. Так, органы, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности, имеют возможность привлекать в помощь для борьбы с преступностью лиц, оказывающих им содействие, представителей государственных, общественных, коммерческих организаций, отдельных граждан, в том числе и на конфиденциальной основе.

Во-вторых, поскольку мораль играет в обществе воспитательную роль, постольку использование сложившихся в обществе нравственных положений (правил, традиций) в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий позволяет органам — субъектам ОРД — оказывать воспитательное воздействие на лиц, конфиденциально содействующих органам в борьбе с преступностью, а также воспитательно-профилактическое воздействие на лиц, от которых, судя по их поведению, можно ожидать совершения противоправных действий.

В-третьих, господствующая в обществе мораль, что немаловажно, оказывает влияние на формирование нравственного сознания самих оперативных работников, привнося тем самым нравственное богатство общества в сферу практической оперативно-розыскной деятельности. Этими нравственными нормами оперативный работник руководствуется (соотносит замыслы и действия) при исполнении служебных обязанностей (в том числе при проведении оперативно-розыскных мероприятий), при оценке намерений, действий лиц, попадающих в сферу ОРД, а также в ходе делового общения.

Тем не менее, отметим, что декларирование полного соответствия содержания оперативно-розыскной деятельности принципам и нормам общественной морали было бы упрощением и даже примитивизацией весьма сложной проблемы. Совершенно очевидно, что для общечеловеческой морали вряд ли приемлемы такие средства достижения цели, как насилие, ложь, обман, предательство и т. п. В то же время хорошо из-

вестно, что в своей работе оперативный сотрудник в той или иной степени пользуется методом принуждения и даже насилия (постановка лица на учет, задержание, захват, обезвреживание преступника), дезинформирует проверяемое лицо (легенда в оперативной комбинации), морально маскируется сам (при личном сыске) или побуждает к этому другого человека (например, лицо, оказывающее конфиденциальное содействие) и т. д. Поэтому правомерно поставить вопрос, имеется ли таким средствам объяснение или оправдание с позиций этики, или они должны быть определены как аморальные и потому — недопустимые для достижения цели?

Прежде всего, нужно подчеркнуть, что основополагающими этическими началами оперативно-розыскной деятельности отвергается известный принцип «Цель оправдывает средства». Вместе с тем нельзя не принять во внимание диалектический характер оперативно-розыскной деятельности, носящий характер борьбы, противоборства, с одной стороны, органов — субъектов ОРД, а с другой — объектов этой деятельности: лиц, подготавливающих или совершающих противоправные действия. Поэтому самой спецификой оперативно-розыскной деятельности оперативные работники поставлены перед необходимостью применять приемы, которые не всегда бывают «корректными», но, более того, зачастую носят активный, наступательный, жесткий и даже агрессивный по своему содержанию характер. При этом следует помнить, что агрессивность субъектов оперативно-розыскной деятельности направлена в этих случаях только по отношению к лицам, подготавливающим или совершившим преступления.

В ходе противоборства субъектами оперативно-розыскной деятельности нередко реализуются приемы, составляющие основу тактики оперативно-розыскных мероприятий: противодействие противной стороне, проведение упреждающих действий, умышленное введение в заблуждение, использование фактора внезапности и т. п.

Какой вывод напрашивается? Оперативно-розыскная деятельность не противоречит одному из фундаментальных положений этической теории о том, что нет заранее определенных «добрых» или «злых» средств, а есть средства вынужденные. При этом оперативно-розыскные мероприятия следуют принципу: «Цель определяет (а не оправдывает) средства». И хотя по отношению к определенным лицам (преступникам, правонарушителям) и даже к целым контингентам (преступным) оперативно-розыскная деятельность (как, впрочем, и уголовный процесс) не является социальным благом, она выступает средством вынужденным и необходимым для достижения добра в широких общественных масштабах. Поэтому, осуществляя оперативно-розыскную деятельность, оперативному работнику, как и каждому умному, думающему человеку, приходится, по выражению Гегеля, выдерживать «напряжение противоречий». Оказываясь в проблемной ситуа-

ции, оперативному работнику, принимая проблемное решение, приходится ориентироваться на нравственные идеалы, что еще раз подчеркивает непреходящее значение общих моральных норм в сфере ОРД.

В целом же, правило выбора средств, адекватных цели, состоит в следующем: целесообразно и нравственно то средство, которое необходимо и достаточно для достижения нравственно-положительной и высшей цели и не изменяет их нравственного характера.

Нравственным отношениям в сфере оперативной работы присущи характерные черты, которые обусловлены объективной необходимостью действовать не только гласными, но и тайными методами против скрытых действий преступников, воров, убийц, наркоторговцев и др. Поэтому оперативному сотруднику, прямо или непосредственно связанному со своей агентурой и задействованному в проведении операции (оперативного задания), необходимо поддерживать правильное равновесие между требованиями безопасности и эффективностью операции.

Условия безопасности давно известны и разработаны поколениями оперативников. 1. Личная безопасность: соблюдение требований конспирации везде и во всем. Встречаются люди, которые с удовольствием окунаются в атмосферу таинственности и приключений, не свойственную обычному образу жизни. Но все должно выглядеть естественно. Никакой крайности, фанатизма и авантюризма. 2. Уверенность в себе: хотя от агента ожидается строгое соблюдение легенды, это еще не означает, что он является абсолютно послушным орудием в руках. Самоуверенность и тщеславие могут привести к разрыву отношений между агентом и оперработником. 3. Эмоциональный контроль. Эмоционально-психологическая устойчивость. Здесь, пожалуй, без комментариев. Нервы есть у каждого, но личный нервный срыв недопустим, это — путь к провалу. 4. Осторожность и скрытность: это относится к месту проживания агента, и к местам (точкам) контактных встреч. Нет такого агента и тайника, который было бы нельзя обнаружить. Меры обеспечения безопасности и конспирации должны быть предельно простыми [1, с. 94].

В связи с этим представляют не только исторический интерес (прошло сто лет) рекомендации к деловому стилю оперативного состава, выработанные Ф. Э. Дзержинским в бытность нахождения им на посту председателя ВСНХ СССР. Вот они:

1. Начиная с себя, с требований к себе, с культуры собственной работы.

2. Будь компетентен, принципиален, способен правдиво и честно объяснить свои неудачи, а также до конца отстаивать свои предложения.

3. Не допускай всезнайства. Оно чуждо, как коммунанство. Умей учиться у подчиненных. Учись и ищи.

4. В рамках своих прав и обязанностей решай, делай и отвечай, не трата ни одной лишней минуты, не допуская лишних инстанций.

5. Имей свою схему калькуляции и оценки соб-

ственной неорганизованности на рабочем участке, бесхозяйственности, расточительности и т. д. для того, чтобы по этой схеме давать анализ критики, а не восхваления.

6. Не допускай бахвальства при оценке результатов своей работы, критически относись к положению дел на своем участке [1, с. 96].

Оперативно-розыскные мероприятия проводятся в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод личности, собственности, безопасности общества и государства от преступных посягательств.

Тем не менее, при оценке ряда методов оперативной работы с точки зрения общепризнанной морали непосвященному они могут показаться похожими на те методы, которые, свойственны преступнику — особе заведомо безнравственной. Достаточно перечислить методы и приемы оперативной работы по раскрытию совершенных и выявлению готовящихся преступлений, такие ее специфические черты, как: конспиративность (скрытность);

- оперативная комбинация (ложь, дезинформация);
- моральная маскировка (притворство);
- вербовка (склонение к законспирированному сотрудничеству);
- скрытое наблюдение и разведка (негласное получение необходимых сведений);
- внедрение в преступную группу (скрытое выведывание чужого замысла под личиной участника).

За последние годы на территории нашей страны и за рубежом широкий масштаб приобретает, так называемый, — религиозный экстремизм [2]. Применительно к нему и к его адептам совершенствуется и оперативная работа специально подготовленных сотрудников [3]. Хотя эффективность их работы в известной мере зависит от бдительности граждан и умения распознавать и не попадаться в ловко расставленные религиозными экстремистами и террористами капканы [5].

Как известно, оперативная работа основывается на конституционных принципах законности, уважения прав и свобод личности, конспирации, сочетания гласных и негласных начал (ст. 3 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации»).

Один из основных принципов оперативно-розыскной деятельности — уважения прав и свобод личности, является глубоко нравственным по своему содержанию и выражается в следующих положениях (на основании содержания ст. 5 Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации»).

1. Лицо, полагающее, что действия органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, привели к ограничению его прав и свобод, может обжаловать эти действия в вышестоящий орган, прокурору или в суд.

2. Лицо, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке и которое располагает фактами, что в от-

ношении его проводились оперативно-розыскные мероприятия, и полагает, что при этом были нарушены его права, вправе потребовать от органа, их осуществляющего, сведения о характере полученной в отношении его информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключающих разглашение государственной тайны. При отказе в предоставлении запрошенных сведений или получении их не в полном объеме данное лицо вправе обжаловать эти действия в судебном порядке.

3. Полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий материалы в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, хранятся один год, а затем уничтожаются, если исполнение служебных обязанностей или правосудие не требует иного.

4. Запрещается разглашать сведения, затрагивающие неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан, которые стали известны в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

5. Органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается предпринимать действия в интересах какой-либо политической партии; принимать негласное участие в работе органов представительной или судебной власти, а также общественных объединений или религиозных организаций, зарегистрированных в установленном законом порядке, с целью оказания влияния на характер их деятельности.

6. При нарушении прав и законных интересов физических и юридических лиц вышестоящий орган, прокурор или судья обязаны принять меры к восстановлению этих прав и законных интересов, возмещению причиненного вреда в соответствии с законодательством Российской Федерации.

7. Оперативно-розыскная деятельность, осуществляемая с нарушением настоящего Закона, влечет за собой ответственность, предусмотренную российским законодательством.

Важно помнить закрепленное законом положение о том, что оперативно-розыскные мероприятия проводятся только тогда, когда иным путем невозможно обеспечить выполнение задачи.

Этичным по своему характеру является разрешение использовать в оперативной работе только такие информационные системы, как видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, а также другие технические средства, которые не причиняют вреда жизни, здоровью личности и окружающей среде (ст. 6 вышеназванного Закона РФ).

Принцип уважения прав и свобод личности находит свое четкое воплощение в запрещении нарушать охраняемые законом тайну переписки, телефонных и иных переговоров, телеграфных сообщений, право на неприкосновенность жилища, за исключением случаев сбора информации о лицах, подготавливающих или покушающихся на тяжкие преступления, уклоняю-

щихся от уплаты налогов или скрывающих доходы от налогообложения в особо крупных размерах и только с санкции прокурора (ст. 8 вышеназванного Закона РФ).

Одним из основных положений, определяющих нравственную сущность оперативной работы, выступает принцип, гласящий, что во всех случаях используемое средство должно быть адекватно цели. Пояним этот этический принцип.

Во-первых, необходимо, чтобы с помощью выбранного средства в пределах разумной достаточности можно было успешно, эффективно решить поставленную задачу и, следовательно, достигнуть нравственно положительной цели. Иными словами, наряду с деловой целесообразностью здесь одновременно решается проблема морального выбора.

Во-вторых, применение выбранного средства должно исключать необходимость использования других средств, поскольку это может привести к излишнему ограничению прав проверяемого, что с нравственной точки зрения будет неоправданным.

В-третьих, выбранное средство, необходимое для достижения поставленной цели, не должно умалять нравственный характер более высокой цели — утверждения социальной справедливости.

Настоящим правилом (выбора оперативных средств) следует руководствоваться, если при выборе средств достижения цели возникает ситуация морального конфликта, когда применение нравственно безукоризненных средств заведомо не приносит положительного результата, а применение оперативных средств представляется моральным злом. Отсюда возникает проблема выбора «меньшего зла» в соответствии с критериями рассмотренной выше нормы — меры.

Фактически проблема «меньшего зла» является не чем иным, как компромиссным выбором в ситуациях, требующих осознанной жертвы теми или иными моральными ценностями во имя сохранения ценностей более высокого порядка.

Будет вполне оправдано и тем более не является преступлением (или же иным аморальным деянием) причинение вреда охраняемым законом интересам, если без этого не могла быть достигнута существенная общественно полезная цель, например, предотвращение тяжких преступлений, представляющих повышенную общественную опасность.

Нравственный характер оперативно-розыскной деятельности заключается также в том, что главной обязанностью органов, ее осуществляющих, является принятие всех необходимых мер для защиты охраняемых законом прав и свобод личности, собственности, безопасности общества и государства.

Список источников

1. Дроздов Ю. И. Вымысел исключен. Записки начальника нелегальной разведки. I и II ч. М. : ООО «Артстиль-полиграфия», 2009.
2. Щеглов А. В., Горохова В. В., Эриашвили Н. Д. Религиоведение и основы противодействия ре-

лигиозному экстремизму: учеб. Пособие. М. : ЮНИТИ-Дана, 2019.

3. Щеглов А. В. Истоки и содержание идеологии религиозного экстремизма // Право и образование. 2016. № 11.
4. Щеглов А. В. ФБР изнутри // Войсковой вестник: Сборник учебно-методических материалов. 2001. № 3. С. 62–73.
5. Щеглов А. В. Противодействие методам вербовки в религиозные экстремистские организации // Вестник экономической безопасности. М. : ЮНИТИ-Дана, 2016. № 2.
6. Гегель Г. В-Ф. Философия права. М. : Мысль. 1990.

References

1. Drozdov Y. I. Fiction excluded. Notes of the Head of Illegal Intelligence. I and II ch. М. 1. 1. Drozdov Y.I. Conspiracy Excludes Fiction, Part I and Part II. М. : Artstil-Polygraphy Ltd, 2009.
2. Shcheglov A. V., Gorokhova V. V., Eriashvili N. D. Religious Studies and the Basics of Countering Religious Extremism: textbook. М. : UNITI-Dana, 2019.
3. Shcheglov A. V. Origins and content of the ideology of religious extremism // Law and education. 2016. № 11.
4. Shcheglov A. V. FBI from the inside // Troops Bulletin: Collection of educational and methodical materials. 2001. № 3. P. 62–73.
5. Shcheglov A. V. Countering Recruitment Methods in Religious Extremist Organizations // Vestnik of Economic Security. М. : UNITI-Dana, 2016. № 2.
6. Hegel G. V-F. Philosophy of law. М. : Thought. 1990.

Библиографический список

1. Щеглов А. В. Профессионал в экстремальных условиях: психология выживания и тактика действий // Войсковой вестник: Сборник учебно-методических материалов. 2002. № 1. С. 62–80.
2. Щеглов А. В. Ложь в законе // Социально-гуманитарное обозрение. Межд. журнал. М. : ЮНИТИ-Дана, 2022. № 1. С. 75–89.
3. Щеглов А. В. Кафедра идеологической работы: краткий очерк пятнадцати доблестных лет // Образование. Наука. Научные кадры: Журнал. М. : ЮНИТИ-Дана, 2020. № 3. С. 236–243.
4. Щеглов А. В. Этюды в краповых тонах // Социально-гуманитарное обозрение: межд. журнал. М. : ЮНИТИ-Дана, 2021. №1. С. 58–70.

Bibliographic list

1. Shcheglov A. V. Professional in Extreme Conditions: Psychology of Survival and Tactics of Actions // Voyskoy Vestnik: Collection of Training and Methodological Materials. 2002. № 1. P. 62–80.
2. Shcheglov A. V. Lies in the law // Socio-Humanitarian Review: Int. magazine. М. : UNITI-Dana, 2022. № 1. P. 75–89.
3. Shcheglov A. V. Department of ideological work: a brief sketch of fifteen valiant years // Education. Science. Scientific personnel: Journal. М. : UNITI-Dana, 2020. № 3. P. 236–243.
4. Shcheglov A. V. Etudes in speckled shades // Socio-Humanitarian Review: Int. magazine. М. : UNITI-Dana, 2021. № 1. P. 58–70.

Информация об авторе

А. В. Щеглов — кандидат педагогических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД.

Information about the author

A. V. Shcheglov — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs.

Статья поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 19.06.2023.

The article was submitted 07.02.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 19.06.2023.

Научная статья

УДК 336.225

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-191-194>

ИИОН: 2007-0083-2/23-280

MOSURED: 77/27-005-2023-02-480

Особенности налоговых преступлений на современном этапе

Елена Анатольевна Сафохина

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, saf-ea@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются факторы, способствующие совершению налоговых преступлений. В процессе исследования установлены признаки налоговых преступлений, а также определены способы их совершения. Сделан вывод, что налоговые преступления характеризуются наличием умысла, совершаются путем включения в налоговую декларацию заведомо ложных сведений, целью налоговых преступлений является неуплата налогов в бюджет. Отмечено, что одной из причин налоговой преступности является недостаточное их осуждение в обществе, а также незначительность наказания.

Ключевые слова: налоговые преступления, факторы, признаки, способы, налоговые органы, умысел

Для цитирования: Сафохина Е. А. Особенности налоговых преступлений на современном этапе // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 191-194. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-191-194>

Original article

Features of tax crimes at the present stage

Elena A. Safokhina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, saf-ea@yandex.ru

Abstract. Consideration of factors contributing to the commission of tax crimes. In the course of the study, signs of tax crimes were established, as well as ways to commit them. It is concluded that tax crimes are characterized by the presence of intent, committed by including deliberately false information in the tax return, the purpose of tax crimes is non-payment of taxes to the budget. It is noted that one of the reasons for tax crime is their insufficient condemnation in society, as well as the insignificance of punishment.

Keywords: tax crimes, factors, signs, methods, tax authorities, intent

For citation: Safokhina E. A. Features of tax crimes at the present stage. Criminological journal. 2023. (2):191-194. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-191-194>.

Основой финансового благополучия и экономической безопасности любого государства является наличие законопослушных налогоплательщиков, которые в полном объеме и своевременно уплачивают установленные законодательством налоги и сборы и своевременно предоставляют в налоговые органы достоверные налоговые декларации.

В современной России обеспечение правопорядка в сфере налоговых отношений, участниками которых являются налогоплательщики, налоговые агенты с одной стороны, а с другой стороны им «противостоят специально созданные органы исполнительной власти, обладающие значительными полномочиями, — налоговые

органы» [1], является одной из главных задач, стоящих перед органами государственной власти и управления.

Однако в практике всех государств во все времена отмечается, что отнюдь не все граждане готовы соблюдать требования законодательства в области налогов и сборов и сознательно идут на нарушения предписаний налоговых правовых норм, что приводит к совершению правонарушений с целью сокращения налоговых платежей. Нарушения правовых норм субъектами налоговых отношений порождают правонарушения, наиболее общественно опасный вид которых — преступления, влекущие непоступление денежных средств в бюджетную систему РФ. Так, по

мнению заместителя председателя Следственного комитета генерал-полковника Е. Е. Леоненко, из-за налоговых преступлений российский бюджет ежегодно теряет более 58 млрд руб. Характеризуя динамику налоговой преступности в целом, Е. Е. Леоненко отмечает, что с 2016 по 2020 г. она «находится на относительно стабильном уровне, за исключением небольшого снижения» [2].

Стремления налогоплательщиков уплатить как можно меньше налогов были во все времена и во всех странах, вопросам налоговой оптимизации и минимизации посвящено много научных работ, статей. Юридические и консалтинговые компании постоянно проводят мероприятия, на которых дают разного рода рекомендации. В той степени, в которой минимизация и оптимизация носит законный характер, она допустима, однако отечественные налогоплательщики зачастую превышают пределы дозволенности и в этом

случае деяния уже носят преступный характер.

Анализируя факторы, способствующие совершению налоговых преступлений на современном этапе (рис. 1), следует отметить, что за последнее время мало что изменилось. Так, налогоплательщики говорят о высоком налоговом бремени и стараются так или иначе, применяя различные методы налоговой оптимизации, его сократить. В этом им оказывают активную помощь налоговые консультанты, налоговые адвокаты. Большое количество юридических фирм, специализирующихся на налоговом праве, предлагают услуги в этой области, в том числе и по защите налогоплательщиков при проведении выездных налоговых проверок, а также во избежание выездных проверок. Нельзя не отметить тот факт, что в таких компаниях-помощниках многие сотрудники ранее работали в налоговых или правоохранительных органах, имеют опыт, специальные знания и связи.

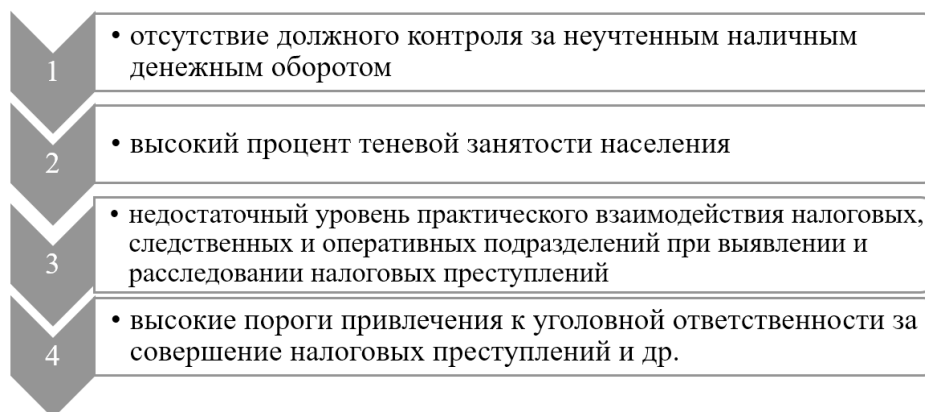

Рис. 1. Факторы, способствующие совершению налоговых преступлений

Таким образом, тенденция налогоплательщиков «по возможности меньше заплатить государству налогов» находит поддержку в виде разработки различных схем и пр., причем содействие в этом нередко оказывают высококвалифицированные специалисты. С другой стороны, постоянно идут жалобы на то, что проверяющие органы не дают работать, что в свою очередь приводит к тому, что в обществе говорят о давлении на бизнес и налоговые органы должны, сокращая объемы проведения контрольных действий в отношении экономических субъектов, обеспечить повышение их эффективности и результативности.

Еще одной причиной существования налоговой преступности можно назвать в дополнение к отсутствию общественного осуждения и несерьезность наказания, а во многих случаях и его отсутствие. За все годы рыночной экономики в России практически нет реального осуждения в обществе такого явления, как налоговая преступность, уклонение от уплаты на-

логов. Информация об осуждении лиц за налоговые преступления не представляется широко в средствах массовой информации, т. е. практически отсутствует гласность. За все годы широко известным стало только осуждение М. Б. Ходорковского по делу «Юкоса». Следственный комитет, в подследственности которого в настоящее время находятся налоговые преступления, информацию по итогам переданных в суды дел, представляет на своем интернет-сайте в очень незначительном количестве.

Спецификой налоговых преступлений являются объект и предмет преступления. Так, объектом налоговых преступлений являются общественные отношения в сфере налоговых платежей, взносов в государственные внебюджетные фонды. Предметом налоговых преступлений являются непоступившие в бюджетную систему Российской Федерации денежные средства, соответственно, потерпевшей стороной является государство, т. е. Российская Федерация.

Указанная специфика обусловлена экономической сущностью налога как части ВВП, который изымается государством с целью дальнейшего перераспределения через бюджетную систему.

Признаки налоговых преступлений можно представить следующим образом (Таблица 1).

Способы совершения налоговых преступлений некоторым образом видоизменяются с учетом как изменения налогового и иного законодательства, так и с учетом роста информатизации и цифровизации как самих налогоплательщиков, так и налоговых и иных государственных органов.

Таблица 1.

<i>Признак</i>	<i>Сущность</i>
Общественная опасность	Непоступление денежных средств в бюджет
Противоправность	Несоответствие деяния предписаниям норм права
Винность	Наличие вины в действиях лиц
Наказуемость	Угроза применения наказания при нарушении норм уголовного законодательства

К способам совершения налоговых преступлений можно отнести:

- не составление или уничтожение документов бухгалтерского учета;
- фальсификация сведений о реально заключенных сделках;
- использование «фирм-однодневок»;
- использование аффилированных организаций для совершения налоговых преступлений;
- осуществление взаиморасчетов в наличной форме и безналичной форме;
- противодействие функции налогового контроля, выражающееся в не предоставлении документов налоговой отчетности и игнорирования общения с органами налогового контроля. При этом данный список далеко не исчерпывающий и существует тенденция к постоянному совершенствованию способов, разработке схем уклонения от уплаты налогов и представленный перечень в современных условиях информационных технологий уже не является актуальным во многом благодаря цифровизации и информатизации налоговых органов, а также новациям законодательства.

Следует отметить, что уклонение от уплаты налогов и (или) сборов возможно только с прямым умыслом с целью полной или частичной их неуплаты.

Вопросы умысла были также затронуты и в межведомственных методических рекомендациях [3]. Относительно умысла и его доказывания в экономической прессе было высказано много мнений, например, об умисле упоминают С. С. Кислов [4], Л. А. Козырева [5], Ю. М. Лермонтов [6], Р. Н. Шишкин [7] и другие

ученые и практики.

Налоговым преступлениям посвящены ст. 198–199.4 УК РФ, соответственно суды, рассматривая уголовные дела о налоговых преступлениях по указанным статьям, руководствуются понятиями налогов, сборов, страховых взносов, содержащимися в налоговом законодательстве.

Рассматривая вопрос о налоговых преступлениях важно отметить позицию представителя ГУ ЭБиПК МВД России А. Н. Панкратьева, который к налоговым преступлениям относит также преступления, связанные с незаконным возмещением налога (налоговые мошенничества), квалифицируемые по ст. 159 УК РФ [8].

Таким образом, рассмотрев сущность, понятие и признаки налоговых преступлений, а также причины возникновения налоговых преступлений, можно отметить, что налоговые преступления характеризуются в первую очередь наличием умысла, т. е. это хорошо спланированные, причем во многих случаях с участием различных консалтинговых структур, налоговых адвокатов и консультантов, деяния, совершаемые топ-менеджментом. Как правило, налоговые преступления совершаются путем включения в налоговую декларацию заведомо ложных сведений. Причинами совершения налоговых преступлений является нежелание налогоплательщиков уплачивать в бюджет налоги, причитающиеся в соответствии со спецификой деятельности организации, т. е. целью налоговых преступлений является неуплата налогов в бюджет. Именно для этого разрабатываются многочисленные схемы, направленные на уклонение от уплаты налога на прибыль, НДС, иных налогов. При этом одной из причин налоговой преступности является недостаточ-

ное их осуждение в обществе, а также незначительность наказания.

Список источников

1. Тютин Д. В. Налоговое право: курс лекций // СПС «КонсультантПлюс».
2. В СК подсчитали потери бюджета из-за налоговых преступлений // URL://https://ria.ru/20200725/1574897169.html.
3. Письмо ФНС России от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650@ «О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов)» (вместе с «Методическими рекомендациями «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)», утв. СК России, ФНС России) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кислов С. С. Комментарий к Постановлению АС ДВО от 22 мая 2019 г. № Ф03-1683/2019 // Строительство: акты и комментарии для бухгалтера. 2019. № 7. С. 60–65.
5. Козырева Л. А. Умысел в совершении налогового правонарушения // Промышленность: бухгалтерский учет и налогообложение. 2017. № 9. С. 59–68.
6. Лермонтов Ю. М. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет. 2020. № 1. С. 30–38; № 2. С. 30–38.
7. Шишкин Р. Н. Налоговая выгода при дроблении бизнеса: позиция налоговых органов и судебных инстанций // М. : Редакция «Российской газеты». 2019. Вып. 3.

8. Панкратьев А. Н. Статистическая характеристика налоговых преступлений (2016–2019) // Закон и право. 2020. № 11. С. 187–197.

References

1. Tyutin D. V. Tax law: a course of lectures // SPS «ConsultantPlus».
2. In IC calculated budget losses due to tax crimes // URL://https://ria.ru/20200725/1574897169.html.
3. Letter of the Federal Tax Service of Russia of July 13, 2017 № ED-4-2/13650@ «On sending methodological recommendations to establish during tax and procedural audits the circumstances indicating intent in the actions of taxpayer officials aimed at non-payment of taxes (fees)» (together with "Methodological recommendations «On investigation and proving the facts of intentional non-payment or partial payment of tax (fee) amounts», approved by the IC of Russia, FTS Russia) // SPS «ConsultantPlus».
4. Kislov S. C. Commentary on the Decision of the AC of the Far Eastern Federal District of May 22, 2019 № F03-1683/2019 // Construction: acts and comments for the accountant. 2019. № 7. P. 60–65.
5. Kozyreva L. A. Intent in committing a tax offense // Industry: Accounting and taxation. 2017. № 9. P. 59–68.
6. Lermontov Y. M. Commentary to the Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 26, 2019 № 48 «On the practice of the courts of law on liability for tax crimes» // Financial Herald: Finance, Taxes, Insurance, Accounting. 2020. № 1. P. 30–38; № 2. P. 30–38.
7. Shishkin R. N. Tax benefit in business splitting: the position of tax authorities and courts // M. : Editorial Board of Rossiyskaya Gazeta. 2019. Vol. 3.
8. Pankratiev A. N. Statistical characteristics of tax crimes (2016-2019) // Law and Law. 2020. № 11. P. 187–197.

Информация об авторе

Е. А. Сафохина — доцент кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат экономических наук, доцент.

Information about the author

E. A. Safokhina — Associate Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Economic Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.02.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 19.06.2023.

The article was submitted 20.02.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 19.06.2023.

Научная статья

УДК 334.021

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-195-202>

ИИОН: 2007-0083-2/23-281

MOSURED: 77/27-005-2023-02-481

Концептуальная модель устойчивого развития организации

Александр Николаевич Литвиненко¹, Михаил Сергеевич Сутягин²

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия, lanfk@mail.ru

² Международный банковский институт имени Анатолия Собчака, Санкт-Петербург, Россия, 9922244@gmail.com

Аннотация. Предлагается концептуальная модель организации на примере страхового бизнеса. Автором раскрывается назначение и структура концептуальной модели развития страховой организации. Предложены направления реинжиниринга бизнес-процессов при помощи посреднических организаций в рамках проактивного подхода.

Ключевые слова: страховая организация, концептуальная модель, элементы модели, проактивный подход

Для цитирования: Литвиненко А. Н., Сутягин М. С. Концептуальная модель устойчивого развития организации // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 195-202. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-195-202>.

Original article

Conceptual model of sustainable development of the organization

Alexander N. Litvinenko¹, Mikhail S. Sutyagin²

¹ St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, lanfk@mail.ru

² International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak, St. Petersburg, Russia, 9922244@gmail.com

Abstract. A conceptual model of organization on the example of the insurance business is proposed. The author reveals the purpose and structure of the conceptual model of the development of an insurance organization. The directions of reengineering of business processes with the help of intermediary organizations within the framework of a proactive approach are proposed.

Keywords: insurance company, conceptual model, model elements, proactive approach

For citation: Litvinenko A. N., Sutyagin M. S. Conceptual model of sustainable development of the organization. Criminological journal. 2023. (2):195-202. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-195-202>.

На сегодняшний день страховая отрасль России находится в состоянии цифровой трансформации. Использование информационных систем взамен традиционных каналов предоставления и распространения страховых услуг кардинально меняет инфраструктуру страхового рынка, выводит взаимоотношения всех субъектов на совершенно другой уровень. Для страховых организаций это период отличных возможностей нарастить объемы продаж, повысить эффективность и маржинальность бизнеса, снизить издержки, для страхователей повышается качество предоставляемых услуг, появляется разнообразие, снижается стоимость.

При этом нельзя не отметить существующие сложности, такие как значительные финансовые расходы на

инновации, увеличение конкуренции, а также некоторые нормативно-правовые и инфраструктурные барьеры.

Формирование страховой модели организации непосредственно зависит от тех условий хозяйствования, в которых существует организация. На уровне государства страховое дело условно выделяет три базовые модели государственную; негосударственную (частную), и смешанную.

Понимание преимуществ и недостатков вышеуказанных моделей лежит в основе формирования смешанных моделей (Таблица 1). Рыночный базис негосударственного страхования и решение социальных задач государства посредством страховых механизмов обуславливает популярность такого консенсуса.

Таблица 1.

Сравнительная характеристика моделей страхования

<i>Модель</i>	<i>Государственная</i>	<i>Частная</i>	<i>Смешанная</i>
Конкуренция	нет	есть	есть
Качество услуг	низкое	высокое	высокое
Характер услуг	социальный	рыночный	смешанный
Массовость страхования	принудительная	добровольная	добровольная
Стоимость услуг	зависит от качества госуправления	зависит от уровня конкуренции и антимонопольной политики	зависит от уровня конкуренции, антимонопольной политики и качества госуправления
Надежность страховой защиты	высокая	средняя	средняя
Набор страховых услуг	ограниченный	развитый	развитый
Регулирование со стороны государства	возможны манипуляции	беспристрастное	возможны манипуляции
Обеспечение безопасности собственности и интересов	ответственность государства	ответственность юридических и физических лиц	распределение ответственности между государством, юридическими и физическими лицами

Переход от государственного к частному и смешанному страхованию меняет ценностное отношение общества к данному процессу, приходит понимание личной ответственности за собственность, жизнь и здоровье, происходит цифровая трансформация отрасли, которая в большей степени является инструментом, и идет смена модели предоставления услуг.

В результате на смену традиционной продуктоориентированной модели государственного страхования приходят готовые к жесткой конкуренции современные клиентоориентированные страховые компании. В текущей рыночной парадигме страховщики готовы предлагать конкретные продукты под каждый финансовый запрос с таким уровнем риска [1].

В тоже время для полноценного завершения данного перехода необходимо провести реинжиниринг бизнес-процессов от компенсации расходов страхователей к управлению рисками страхователя. Сегодня уже есть возможность взаимодействия страховщиков и страхователей на одной платформе, появилась регулярная обратная связь. Данные факторы ускоренно развивают страховые продукты, формируют рынок микрострахования, ситуативного страхования.

Переходный период предполагает как внедрение новых технологий, так и поддержание традиционных каналов продаж. Консервативная часть населения может негативно относиться к цифровизации экономики, не доверять страховым компаниям, неготовности

разбираться в продуктах, предлагаемых в цифровой среде.

Критериями успешности эффективности и конкурентоспособности бизнес-модели страховщика должны стать всевозможные клиентские индексы и рост числа продуктов на каждого клиента.

Цифровизация страхового рынка представляет собой использование технологий информационных систем и коммуникаций для улучшения процессов страхования и повышения качества обслуживания клиентов и включает в себя процессы интернетизации, индивидуализации и дигитализации (Далее — ИИД-процессы) [4].

Назначение и структура концептуальной модели развития страховой организации

Воробьевым А. А. разработана концептуальная модель устойчивого развития организации [2]. На основе данной модели разработаем модель развития страховой организации и выделим для нее основные элементы:

1. Элементы внешней и внутренней среды страховой организации.
2. Страховые продукты.
3. Источники прибыли
4. Стратегия развития.
5. Цели ИИД — развития.

6. Ключевые финансовые и нефинансовые показатели деятельности.

7. Улучшение, перестройка и реинжиниринг бизнес-процессов.

8. Система управления рисками.

9. Взаимодействие с заинтересованными сторонами и обеспечение соблюдения требований к деятельности компании.

10. Внутренний контроль и аудит.

11. Отчетность.

Отдельные элементы модели развития страховой организации

1. Элементы внешней и внутренней среды страховой организации.

Внутренняя среда страховой организации представляет собой совокупность элементов, обеспечивающих функционирование организации и факторов, способствующих эффективности бизнес-процессов (Рис. 1).

Персонал	Организационно-правовая среда
Ресурсы	Финансовая среда
Продукты	Маркетинговая среда
Информация	Технологическая среда
Бизнес-процессы	Культурно-историческая среда

Рис. 1. Элементы внутренней среды страховой организации

Разработка стратегии страховой организации должна учитывать также внешние факторы и условия, оказывающие влияние на ее деятельность и результаты работы. Они включают в себя следующие элементы (Рис. 2):

Клиенты	Партнеры	Акционеры	Конкуренты
Страховой рынок		Нормативно-правовое регулирование	
Социально-культурная среда		Экономическая среда	Технологические изменения

Рис. 2. Элементы внешней среды страховой организации

2. Страховые продукты.

В основе бизнес модели каждой страховой ком-

пании лежит возможность застраховать несколько объектов и предметов. Ценность объекта (предмета) страхования увеличивает популярность соответствующего вида страхования среди клиентов.

1. Страхование жизни. Размер страхового взноса определяется в зависимости от состояния здоровья и истории болезни человека.

2. Медицинское страхование. Здоровье человека и возможность получить качественное своевременное медицинское обслуживание имеют первостепенное значение. Счета за медицинские процедуры оплачиваются страховой компанией за счет денег клиента в качестве страхового взноса.

3. Страхование имущества. Ответственность за сохранность частной собственности, в том числе от пожаров, землетрясений, воровства лежит на владельцах, поэтому минимизация данных рисков требует страхования.

4. Автострахование. Обособленно от другого имущества идут транспортные средства. Страхование автомобилей на случай поломок, угона или ДТП, позволит уменьшить риски владения для собственника. Размер страхового взноса определяется техническими характеристиками автомобиля, а стажем вождения и безаварийности водителя.

Бизнес-модель страховых компаний строится на аккумулировании рисков плательщика и последующего перераспределения этого риска по более широкому портфелю. При этом страховая компания обязуется компенсировать убытки при наступлении страхового случая, с которыми столкнулось застрахованное лицо. Выручка формируется за счет сбора премии за страховое покрытие и реинвестирования в другие классы активов.

3. Источники прибыли.

1. Доход от андеррайтинга представляет собой разницу между страховыми премиями и возмещениями требований. Это основа деятельности страховой компании. Если финансовые потоки от андеррайтинга по результатам определения конкурентоспособных страховых премий по всем страховым продуктам отрицательные, возникают вопросы об эффективности бизнеса. Таким образом, андеррайтинг в страховании — процесс анализа предлагаемых на страхование рисков, принятия решения о страховании риска и определения адекватной риску тарифной ставки и условий страхования.

2. Инвестиционный доход. Страховые организации не хранят наличные деньги и деньги на счетах, а вкладывают в более доходные проекты. Прибыль от этих инвестиций является источником дохода для страховых компаний. Эти компании предпочитают инвестировать в сектор с низким уровнем риска, где они получают определенные выгоды.

3. Прекращение покрытия представляет собой пе-

риод страхования без возмещений. Эти перерывы в покрытии работают в пользу страховщика. Если клиент в течение некоторого времени остается без выплаты страхового взноса, полис становится неактивным, и страховщик может извлечь из этого выгоду. Если срок действия полиса истекает без предъявления каких-либо претензий, страховщик получает финансовую прибыль. Это значительный источник дохода для страховых компаний.

4. Аннулирование наличной стоимости возникает, при желании страхователя расторгнуть договор страхования и получить обратно часть уже уплаченной страховой премии за оставшийся период страхования. В этом случае происходит аннулирование наличной стоимости. Страховая компания возвращает только ту сумму, которая представляет собой процент, который они заработали от инвестиций, сделанных за счет премии, которую они взяли с клиента. Страховые взносы, уплаченные клиентом, остаются у страховщика, что дает им возможность для получения финансовой прибыли.

4. Стратегия развития страховой организации

Деятельность любой компании невозможна без планирования и прогнозирования. Бизнес-модель страховой организации предполагает охват миссии, стратегии, бизнес-процессов и процедур с учетом внешних и внутренних факторов. Для упорядочивания целей, задач, ресурсов, рисков и возможностей следует сформировать стратегию развития в виде отдельного документа, описывающего планы и сценарии развития компании.

Принимаемые стратегические решения по управлению развитием страховой компании следует конкретизировать в плановых показателях деятельности подразделений и сотрудников, во взаимосвязи с системой стимулирования и вознаграждения, с отражением в учете и отчетности. Стратегия развития страховой организации может включать в себя:

- Анализ рынка: провести исследование потенциальных клиентов, конкурентов и тенденций в отрасли.
- Разработка продуктов: создать конкурентоспособные продукты для удовлетворения потребностей клиентов, а также учесть местные законы и нормативы.
- Реклама и маркетинг: разработать маркетинговые стратегии, чтобы привлечь новых клиентов, сохранить текущих и улучшить имидж компании.
- Инвестиции: инвестировать в технологические инструменты, которые помогут автоматизировать процессы и повысить эффективность деятельности организации.
- Управление рисками: применять рискованные

стратегии для управления рисками и ограничения потенциальных убытков.

- Обучение персонала: обеспечить обучение сотрудников, чтобы повысить качество обслуживания и расширить компетенции.
- Инновации: установить программу инноваций, чтобы улучшить уровень сервиса и разработать новые продукты.
- Развитие каналов продаж: расширить каналы продаж и дополнительные услуги, чтобы привлечь больше клиентов.
- Меры по сокращению затрат: снизить затраты организации, оптимизировав деятельность и улучшив производительность.
- Планирование на будущее: разработать долгосрочную стратегию для развития организации, включая расширение географического охвата и разработку новых продуктов.

5. Цели стратегического развития.

Одним из важнейших элементов стратегии развития организации являются ее цели. Должна быть обеспечена взаимосвязь целей стратегического развития страховой организации с тенденциями и нормативами страхового рынка, а также внутренними бизнес-процессами, проектами и мероприятиями. Цели стратегического развития страховой организации представлены на рисунке 3.

6. Ключевые финансовые и нефинансовые показатели деятельности.

Стратегия развития организации, ее цели и задачи необходимо формализовать и выразить количественно. Для этого следует определить ключевые финансовые и нефинансовые показатели деятельности, отражающие результативность и эффективность основных бизнес-процессов. Сюда можно отнести показатели, отражающие участие подразделений и персонала компании в достижении корпоративных целей стратегического развития, прогресса, цифровизации и ИД-показателей. Необходимо разработать систему критериев, показателей и индикаторов, позволяющих анализировать динамику и регулярно проводить оценку соответствия результатов деятельности запланированным ключевым показателям.

7. Система управления рисками страховой организации

В компании должны быть процедуры идентификации, управления и контроля рисков. Необходимо разработать механизмы оценки воздействия деятельности компании на страховой рынок, социальную сферу и экономику в целом. На регулярной основе должна производиться оценка и анализ влияния рисков на операционную деятельность компании и инвестиционные проекты, оценка и переоценка рисков и возможностей, определяться стратегия управления на основе

мониторинга данных посредством интерактивных инструментов визуализации [5].

Система управления рисками страховой организации — это комплекс мероприятий, направленных на минимизацию возможных убытков, связанных с осуществлением страховых операций. Она является неотъемлемой частью организации и обеспечивает достижение ее целей и задач в области страхования.

Идентификация рисков. Сотрудники страховой организации должны проводить регулярный анализ деятельности компании, выявляя потенциальные риски.

Оценка рисков. Необходимо определить уровень влияния каждого риска на бизнес-процессы страховщика и вероятность его возникновения.

Планирование мероприятий по управлению рисками. Определение оптимальных стратегий по снижению рисков.

Реализация мероприятий. Определение масштаба, сроков и ответственных лиц.

Контроль и анализ эффективности реализованных мероприятий. Регулярный анализ эффективности контролер и ревизия системы управления рисками в целом.

Таким образом, система управления рисками страховой организации позволяет снизить возможные финансовые потери и повысить конкурентоспособность на рынке страховых услуг.

8. Улучшение, перестройка и реинжиниринг бизнес-процессов.

Среди способов изменения действующих бизнес-процессов можно отметить такие: улучшение, перестройка, реинжиниринг. Эти способы отличаются философией, масштабностью, временем и выигрышем применения, стоимостью и рисками [3].

Концептуальная идея реинжиниринга бизнес-процессов страховой организации заключается в том, чтобы пересмотреть и оптимизировать все бизнес-процессы в организации для повышения ее эффективности и конкурентоспособности на рынке страховых услуг. Конечная задача реинжиниринга бизнес-процессов состоит в том, чтобы обеспечить оптимальное использование ресурсов и повысить качество услуг, что обеспечивает устойчивый рост и развитие компании.

9. Взаимодействие с заинтересованными сторонами и обеспечение соблюдения требований к деятельности компании.

Для организации идентификации и учета обязательных требований к деятельности страховой компании и добровольно принятых ею обязательств следует сформировать систему управления, которая обеспечивает выполнение всех соответствующих требований, таких как законодательные, экологические, безопасности и т. д. Кроме того, компании могут проводить аудиты, проверки и обзоры ее деятельности, чтобы гарантировать соблюдение всех требований. Важно

не только идентифицировать различные направления цифровой трансформации деятельности страховой компании, но и установить взаимосвязи между ними, а также с финансовыми и нефинансовыми показателями деятельности компании.

Для эффективного взаимодействия с заинтересованными сторонами, следует наладить соответствующую коммуникацию, выработать стратегию общения, обеспечить прозрачность, открытость и обратную связь в отношениях с заинтересованными сторонами. Кроме того, компании следует придерживаться социальной ответственности и учитывать интересы всех заинтересованных организаций, включая защиту окружающей среды и поощрение устойчивого развития. Такой подход позволит компании сохранять свою репутацию и устанавливать долгосрочные партнерские отношения со всеми заинтересованными сторонами.

10. Внутренний контроль и аудит.

Внутренний аудит страховой организации — это систематический процесс, который осуществляется внутренними аудиторами организации с целью оценки эффективности функционирования внутреннего контроля и управления рисками страховой компании. Необходима система мероприятий и процедур, направленных на обеспечение соблюдения законодательства и внутренних правил страховой компании в процессе ее деятельности. Также требуется контроль за рисками, деловой этикой, защитой интересов клиентов и противодействием финансовым преступлениям.

11. Нефинансовая отчетность.

Результаты работы страховой организации по реализации ИД-проектов целесообразно отражать в финансовой отчетности и нефинансовой информации для заинтересованных сторон. Отчетность по ИД-проектам должна раскрывать информацию по социальным и управленческим вопросам, соблюдению регуляторных требований и законодательства, необходимую для понимания развития используемой бизнес-модели. Заинтересованными сторонами в получении результатов внедрения ИД-проектов являются акционеры, инвесторы, клиенты и партнеры.

Визуализация концептуальной модели страховой организации

Для эффективной практической реализации концептуальной модели страховой организации следует формализовать взаимосвязи между структурными элементами и отобразить их наглядно на схеме (Рис. 3). Представленная концептуальная модель ориентирована на упорядочивание деятельности страховых компаний на базе стратегического развития в условиях трансформации бизнеса на основе цифровизации бизнес-процессов.

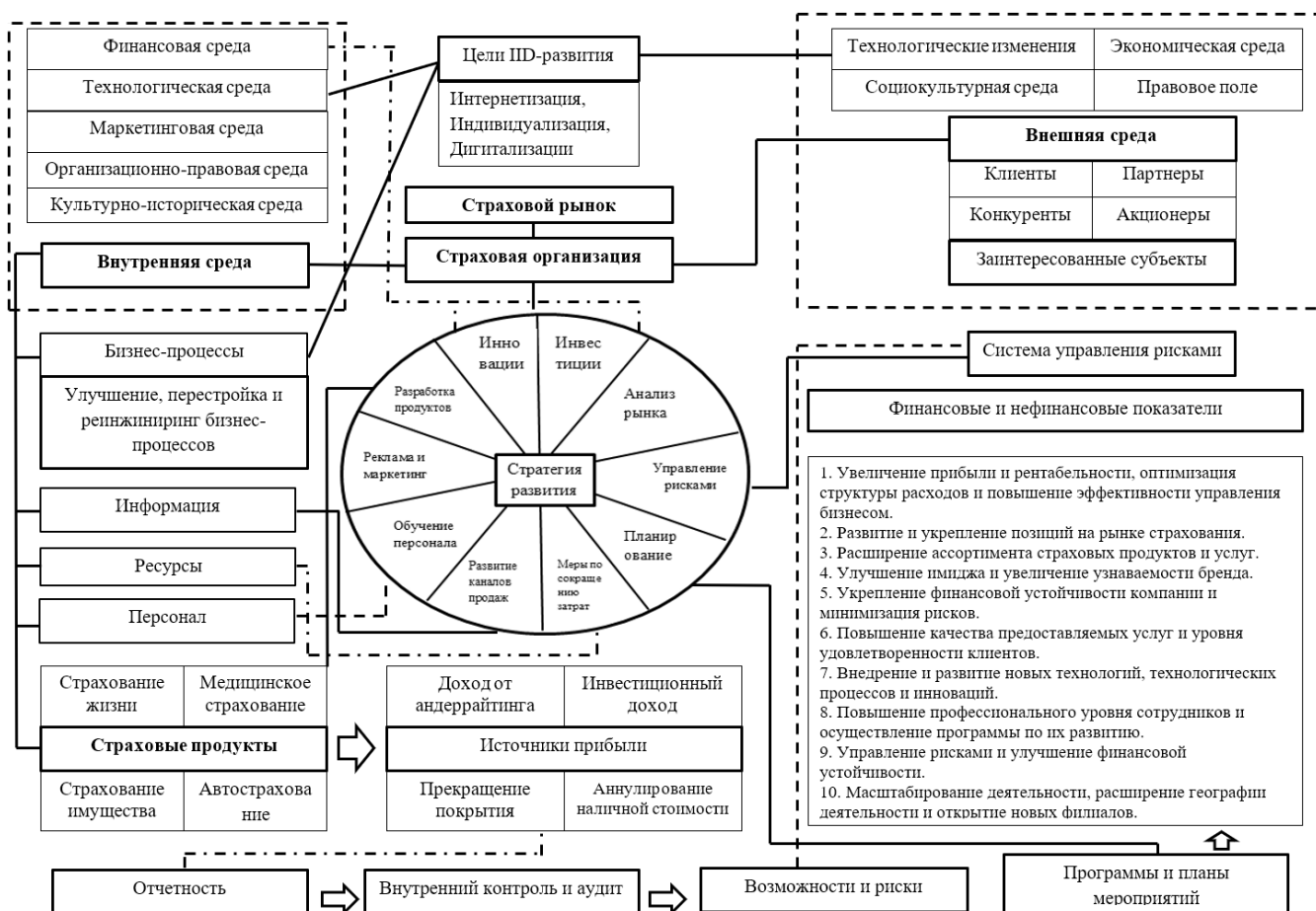

Рис. 3. Концептуальная модель страховой организации

Проактивные направления реинжиниринга бизнес-процессов при помощи посреднических организаций

Основной задачей субъектов страхового дела является предоставление качественных услуг на рынке страхования. Основой страхового рынка являются отношения страховщиков и страхователей. Роль остальных субъектов заключается в обеспечении надлежащего качества услуг, повышении эффективности деятельности всех заинтересованных субъектов. Реинжиниринг бизнес-процессов направлен на ускорение оказания услуг без потери качества и снижение уровня затрат. В этой связи важную роль играют посреднические организации, такие как страховые агенты и страховые брокеры (Рис. 4).

Традиционными функциями страховых агентов были продажи страховых полисов, заключением договоров страхования, оформление документации и инкассация страховых премий. Это избавило клиентов от необходимости посещения офисов страховщиков.

Страховой брокер ведет посредническую деятельность по страхованию в интересах страхователя или страховщика. Такая деятельность позволяет найти оптимальные решения для обеих сторон, увеличивает количество контактов, повышает количество заключенных договоров. Следующей etapом развития страховой отрасли должен стать рост неклассических страховых компаний, а страховых агрегаторов и маркетплейсов.

Серьезная конкуренция на рынке страховых услуг определила два разнонаправленных вектора развития, первый из которых централизация экспертизы и технологий у крупных страховщиков, второй — проактивный, основанный на стремительном росте медиаресурсов и мобильных платформ, находящихся под контролем, в первую очередь, страховых агентов.

Проактивные страховые агенты могут создавать медиаресурсы, строить свою ИТ-инфраструктуру, разрабатывать приложения для клиентов, и как результат, предложить необходимую им информацию и разнообразные каналы обслуживания, но и новые модели взаимодействия и оплаты.

Рис. 4. Субъекты страхового дела

Также традиционные страховщики начинают чувствовать конкуренцию со стороны экосистем, создаваемых крупнейшими компаниями, преимущественно из сферы финтеха и ИТ. Для противостояния с такими серьезными конкурентами страховщикам необходимо не конкурировать с посредниками, а строить собственную экосистему в качестве полноценных insurtech-компаний. Развитие ИТ-проектов, а также проактивные организационные решения, такие как «страхование по требованию», «подписка» на услуги, облачные технологии и блокчейн-технологии предоставления услуг максимально быстрого предоставления услуг, и варианты максимально быстрого возмещения убытков.

Трансформация страховой отрасли на основе проактивности станет ответом на запрос на интеграционные модели взаимодействия со стороны крупных игроков страхового рынка и приведет к реинжинирингу бизнес-процессов страховых агентов и брокеров за счет усиления клиентоориентированности и цифровизации продавца.

Список источников

1. Аксютин С. В. Трансформация страхования: инновационные продукты и технологии // Экономика, предпринимательство и право. №2. 2020. С. 395–410.
2. Воробьев А. А. Формирование концептуальной модели устойчивого развития органи-

зации: стратегия и перспективы развития // Стратегические решения и риск-менеджмент / Strategic Decisions and Risk Management. № 13 (3). 2022. С. 175–280.

3. Никулина Н. Н. Бизнес-процессы в страховом предпринимательстве: сущность, классификация и способы их моделирования // Страховые организации: бухгалтерский учет и налогообложение. 2014. №1. С. 25–37.
4. Сплетухов Ю. А. Информационные технологии на российском страховом рынке: возможности развития // Финансовый журнал. 2020. № 1. С. 105–116.
5. Цыганов А. А., Брызгалов Д. В. Цифровизация страхового рынка: задачи, проблемы и перспективы // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. С. 111–120.

References

1. Aksyutina S. V. Transformation of insurance: innovative products and technologies // Economics, entrepreneurship and law. № 2. 2020. P. 395–410.
2. Vorobiev A. A. Formation of the conceptual model of sustainable development of the organization: strategy and development prospects // Strategic Decisions and Risk Management. № 13 (3). 2022. P. 175–280.
3. Nikulina N. N. Business processes in insurance entrepreneurship: the essence, classification and

- methods of modeling // Insurance organizations: accounting and taxation. 2014. №1. P. 25–37.
4. Splotukhov Y. A. Information technologies in the Russian insurance market: development opportunities // Financial Journal. 2020. № 1. P. 105–116.
5. Tsyganov A. A., Bryzgalov D. V. Digitalization of the insurance market: tasks, problems and prospects // Economics. Taxes. Law. 2018. № 2. P. 111–120.

Информация об авторах

А. Н. Литвиненко — профессор кафедры экономической безопасности и управления социально-экономическими процессами Санкт-петербургского университета МВД России, доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ;

М. С. Сутягин — аспирант Международного банковского института имени Анатолия Собчака.

Information about the authors

A. N. Litvinenko — Professor of the Department of Economic Security and Management of Socio-Economic Processes of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Economist of the Russian Federation;

M. S. Sutyagin — Postgraduate student of the International Banking Institute named after Anatoliy Sobchak.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.02.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 19.06.2023.

The article was submitted 09.02.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 19.06.2023.

Налоговое право. 8-е изд., перераб. и доп. Учебник. Гриф МО РФ. Гриф МУМЦ "Профессиональный учебник". Гриф НИИ образования и науки.

Рассмотрены теоретические основы налогового права, механизм установления и правового регулирования налоговых отношений. Дана общая характеристика налоговой системы и ее составных частей, системы налогов и сборов Российской Федерации, отдельных видов федеральных, региональных и местных налогов. Особое внимание уделено проблемам осуществления налогового контроля, правонарушениям в области налогообложения и мерам ответственности за них. Изложен порядок выполнения международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения и взаимной административной помощи по налоговым делам.

Для студентов юридических факультетов, аспирантов и преподавателей вузов, практических работников финансовых органов, судов, прокуратуры.

Научная статья

УДК 339.3

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-203-210>

НИОН: 2007-0083-2/23-282

MOSURED: 77/27-005-2023-02-482

Борьба с незаконным импортом как способ повышения экономической безопасности страны

Андрей Владимирович Минаков

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, minakov-info@yandex.ru

Аннотация. Современный этап развития, характеризуется высоким уровнем турбулентности, это касается и внешнеэкономических отношений и внутриэкономического состояния страны. Жесткая санкционная политика зарубежных стран ставит под угрозу экономическую безопасность России. Являясь сдерживающим фактором развития мировой логистики и разрушающим фактором для экономики, оказывает влияние на импортные потоки и, тем самым, увеличивает разрыв между спросом и предложением, что в конечном итоге приводит к нехватке товара, росту цен, закрытию предприятий и безработице, тем самым провоцируя рост незаконных схем международной торговли. Целью исследования выступает поиск мер защиты потребителей, их жизненного уровня, и платежеспособности государства посредством борьбы с незаконным импортом с целью обеспечения экономической безопасности. Среди основных задач: раскрыть теоретический подход к пониманию незаконного импорта как фактора влияния на экономическую безопасность страны и осуществляемым мерам государства в данном направлении, с отражением показателей такого импорта и возможностью выявления проблем и основных перспектив в направлении дальнейшей борьбы с целью обеспечения экономической безопасности. Написание статьи основано на применении общенаучных методов исследования в данной ситуации речь идет о логическом анализе и статистическом анализе, также используются и специально-научные методы. Область применения результатов: понимание правильности мер принимаемых государством в отношении политики импорта за счет существующих тенденций. Выводы: происходящие изменения в рамках международных отношений требуют анализа принимаемых мер, возможности их корректировки с учетом изменений, а также поиска и проработки новых мер как способа повышения экономической безопасности страны.

Ключевые слова: незаконный импорт, нелегальный импорт, «серый» импорт, параллельный импорт, экономическая безопасность

Для цитирования: Минаков А. В. Борьба с незаконным импортом как способ повышения экономической безопасности страны // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 203-210. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-203-210>.

Original article

Fighting illegal imports as a way to improve the economic security of the country

Andrey V. Minakov

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Moscow, Russia, minakov-info@yandex.ru

Abstract. The current stage of development is characterized by a high level of turbulence, this also applies to foreign economic relations and the internal economic state of the country. The harsh sanctions policy of foreign countries threatens economic security. Being a deterrent to the development of global logistics and a destructive factor for the economy, it affects import flows and, thereby, increases the gap between supply and demand, which ultimately leads to a shortage of goods, price increases, closure of enterprises and unemployment, thereby provoking the growth of illegal international trade schemes. In this situation, the main purpose of the study is to search for measures to protect consumers, their living standards, and the solvency of the state by combating illegal imports in order to ensure economic

© Минаков А. В., 2023

security. Accordingly, among the main tasks: to reveal a theoretical approach to understanding illegal imports as a factor of influence on the economic security of the country and the measures taken by the state in this direction, reflecting the indicators of such imports and the possibility of identifying problems and main prospects in the direction of further struggle to ensure economic security. The writing of this article is based on the application of general scientific research methods in this situation we are talking about logical analysis and statistical analysis, special scientific methods are also used. The scope of the results: understanding the correctness of the measures taken by the state in relation to the import raft due to existing trends. Conclusions: the ongoing changes in the framework of international relations require an analysis of the measures taken, the possibility of their adjustment taking into account the changes, as well as the search and elaboration of new measures as a way to improve the economic security of the country.

Keywords: illegal import, «gray» import, parallel import, economic security

For citation: Minakov A. V. Fighting illegal imports as a way to improve the economic security of the country. *Criminological journal*. 2023. (2):203-210. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-203-210>.

В условиях глобализации и роста интеграционных процессов торговля становится инструментом ускорения экономического роста стран, приобретая форму обширных торговых цепей, становясь основным звеном внешнеэкономических отношений. В тоже время санкционная политика зарубежных стран, стала фактором, нарушившим мировые логистические цепочки, за счет нарушения импортных потоков. Это в значительной мере сказалось на экономике, тем самым создавая угрозу экономической безопасности страны, находя свое отражение в росте неудовлетворенного спроса в отношении некоторых товаров и продукции, что становится следствием роста цен и прекращением деятельности предприятий [1, с. 17]. Растущая потребность в импорте некоторых товаров (запчасти, микросхемы, электроника и другое) приводит к росту использования схем незаконного импорта. Происходящие процессы на уровне геополитики затрагивают интересы, как граждан, так и самого государства, что в свою очередь требует от последнего принятия определенных мер.

В рамках исследования, приведем различные подходы к пониманию импорта и его видов. Термин «импорт» находит свое отражение в рамках внешнеэкономической деятельности, точнее в законодательстве о такой деятельности, включая и законодательство других отраслей, таких как: налоговая, таможенная, внешняя торговля и других. Зачастую понятие «импорт товаров» рассматривают как «ввоз товаров» [1, с. 17].

Часть авторов, в отношении тождества данных понятий, предлагают обратить внимание на часть правовой трактовки импорта, а именно про отсутствие обязательств об обратном вывозе, предполагая, что импорт, в данной ситуации не только ввоз товара в рамках определенной таможенной территории. В тоже время импорт помимо ввоза предполагает правовой статус, который ему придает процедура прохождения таможи, дающие право на его дальнейшее использование, право на свободную реализацию [2, с. 5]. В данной ситуации речь идет о законном импорте.

Ввоз товаров из-за рубежа (импорт товара), предполагает наличие у данного товара индивидуальный товарный знак, или бренда, соответственно это опре-

деленное свойство товара и качество, что относит такой товар к интеллектуальной собственности, объекту такой собственности, это может быть творческая деятельность, умственная и иная другая с «правовой охраной», предоставлением такой охраны. Это, в свою очередь, в соответствии с законодательством требует документального подтверждения. Соответственно в качестве незаконного импорта является ввоз товаров с нарушением таких прав [1, с. 17].

В целом можно отметить, что импорт товаров, ранее рассматривался в рамках двух направлений [3]:

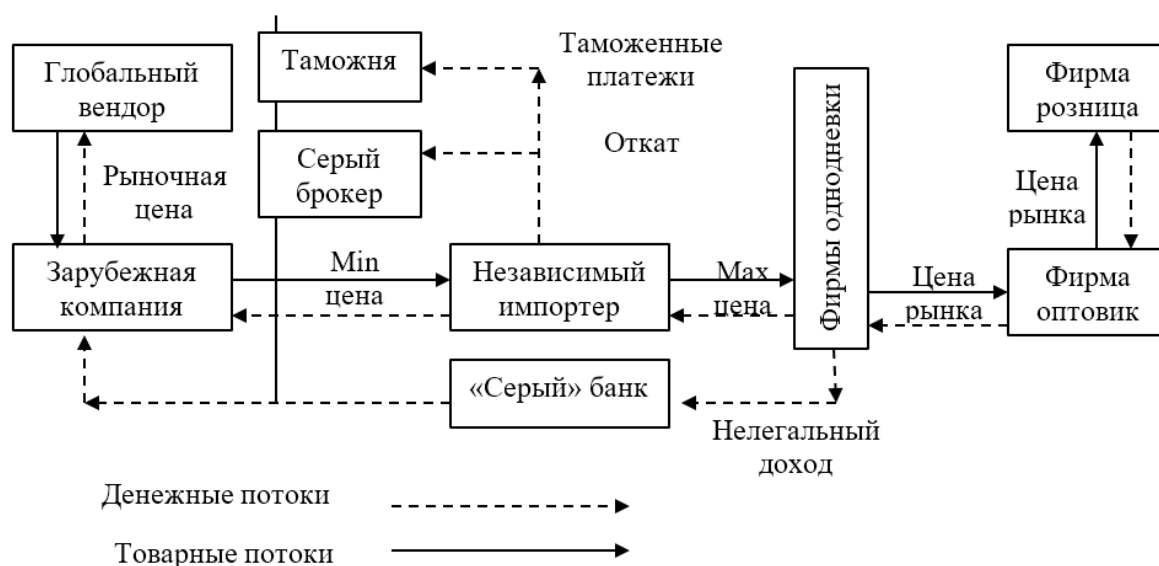
- законный (ввоз производителем товарной марки разрешен), до 2022 г. данный вид импорта считался единственно разрешенным, легальным;
- незаконный (существуют ограничения ввоза товаров, либо ввоз не разрешен производителем товарной марки, отсутствие разрешительных документов, неуплата таможенных пошлин и другое).

Что касается незаконного импорта, если рассматривать импорт в тождестве пониманию ввоз товаров на таможенную территорию, а именно его перемещение (раскрывается в таможенном законодательстве и иных отраслях права) [4], то под таким незаконным перемещением понимается ввоз таких товаров иными путями, минуя установленные для этого места (таможенная территория), либо сокрытие товара и некоторые другие действия. В целом это достаточно объемная категория, вмещающая в себя множество нарушений.

На практике существует использование неофициальных терминов относительно импорта. «Белый» импорт — представляет собой законный, легальный импорт, без нарушений перемещения товара. «Серый» импорт — в данной ситуации ввоз товаров осуществляется с предоставлением недостоверной информации о товаре (объемах, цене). Такой импорт можно рассматривать как незаконный. Основной целью такого импорта является уклонение от пошлин и налогов, акцизов, а также их уменьшение. Здесь используются так называемые «серые» схемы, которые реализуются

как при помощи физических лиц (с помощью них осуществляется перемещение товаров в объеме, не тре-

бующем документального оформления), при помощи аффилированных лиц, пример представлен на рис. 1.

**Рис. 1. Серая схема
с использованием аффилированных лиц
Источник: составлено автором на основе [5, с. 65]**

Помимо этого в рамках серых схем используются сотрудники таможенных служб (коррупцированные), которые занимаются подменой документов.

«Серый» импорт считался контрабандой с 2002 г., когда в рамках гражданского законодательства было внесено изменение относительно правообладания в отношении товара (пункт о том, что товар может ввозиться в страну самим правообладателем или с его согласия). При нарушении, товар уничтожался, а правообладатель получал компенсацию.

«Черный» импорт — в основном рассматривается в качестве контрабанды, это может быть ввоз запрещенных товаров, полное отсутствие документального оформления с целью неуплаты пошлин налогов [5].

Можно отметить отличительные черты законного и незаконного импорта.

Законный импорт предполагает: оригинальность товара (товар от официального производителя товарного знака); гарантию обслуживания (гарантийные обязательства); в отношении установления цен монополия находится у поставщика; в отношении поставок, существует зависимость от одной компании.

Незаконный импорт в отличие от законного: товар может оказаться не оригинальным; отсутствие гарантийных обязательств; ценообразование свободное (от официального дилера нет зависимости); зависимость от одной компании поставщика отсутствует (соответственно по объемам поставок нет зависимости).

На современном этапе, с учетом сложившихся от-

ношений между странами, постоянным обновлением санкций в отношении ввоза отдельных категорий товаров на территорию России и параллельно растущей потребности в этих товарах, а также медленный переход страны в направлении импортозамещения товаров, попавших под запрет и ограничения — явились фактором роста незаконного импорта, который в свою очередь увеличивает угрозу экономической безопасности страны, оказывая негативное влияние на ее экономику.

В данном контексте можно говорить об ущербе, это касается рыночных отношений и всех участников таких отношений, конечных потребителей и государства. В отношении первых, можно говорить о наличии, при росте незаконного импорта, недобросовестной конкуренции, а также потери доли продаж. Незаконный импорт приводит к потере потребителей для некоторых брендов и переключению на другие торговые марки. Что касается государства, то в данной ситуации можно говорить о высоких издержках в отношении борьбы с незаконным импортом. По большей части незаконный импорт связан с уклонением от уплаты пошлин, платежей, налогов, акцизов, что влечет потери бюджета. В данной ситуации можно говорить о прямых угрозах экономической безопасности страны, которые наносит рост незаконного импорта.

В тоже время существует и косвенное влияние в данной ситуации речь идет об экономике страны в целом, поскольку рост незаконного импорта приводит к

снижению ее привлекательности для инвесторов, также в отношении новых продуктов их разработки, что влияет на производство, соответственно уменьшение рабочих мест, в данной ситуации можно говорить об ослаблении легального сектора экономики, при этом нелегальный сектор не может компенсировать такого влияния.

Все перечисленное и в тоже время с учетом сложившейся ситуации в России, в условиях жесткой санкционной политики в 2022 г. было принято решение о легализации параллельного импорта [6; 7]. В данной ситуации рассматривается ввоз отдельных видов товаров (перечень товаров утвержден Минпромторгом России) [7] без разрешения правообладателя. Ввоз таких товаров и товарных групп в отношении исключительных прав, теперь не рассматривается как нарушение [8]. В этот перечень включены множество групп, например, одежда и обувь, фармацевтическая продукция, автомобильные масла и другое. Кроме того, в данный документ включены знаменитые бренды производителей автомобилей марок Toyota, BMW, и др., и запчасти к ним, также производители электроники Apple, Samsung, Sony, и различное отраслевое оборудование и другое [1].

Итак, под параллельным импортом понимается ввоз товара правообладателя товарного знака (оригинал), без получения его согласия [9].

В тоже время в отношении импорта есть такое понятие как исчерпание права, соответственно на данной территории товар был введен правообладателем в оборот, и было согласие правообладателя на его использование [1, с. 17]. Гражданский кодекс РФ устанавливает в отношении исчерпания права национальный режим, который действует в России [10].

Важно отметить, что легализацию параллельного импорта использовали некоторые страны Евро Союза и США, в данной ситуации Россия становится не первой страной в отношении использования такого инструмента.

Можно отметить наличие нескольких типов принципа исчерпания исключительного права, который заключается в продаже товара на территории, подразумевается свободная продажа такого товара, при условии, что этот товар на другой территории начал продаваться официально. Соответственно можно рассматривать международный, региональный, национальный принцип.

Первый — международный — предполагает свободную продажу товара с учетом отсутствия разрешения правообладателя в случае, когда первая продажа уже произошла на любой из территорий в мире (именно только первая продажа должна быть с разрешения правообладателя).

Второй — региональный — предполагает свободную продажу товара в определенной стране с уче-

том отсутствия разрешения правообладателя, если ранее даны товар продавался с разрешения правообладателя в другой стране, являющейся членом союза. Данный принцип ранее действовал на территории России.

Третий — национальный — предполагает, что первая продажа в рамках территории страны (любой) является моментом, когда происходит исчерпание исключительных прав. Данный принцип, также действовал в России.

Законный импорт предполагает, что на территории России часть зарубежных компаний имели дистрибьюторов или дилеров, действующих официально, при этом для каждой страны осуществляется установление цен на которую идет наценка для конечных потребителей.

Соответственно законный импорт предполагает продажу товаров производителя на территории другой страны через официального представителя.

Параллельный импорт осуществляется через альтернативных поставщиков. Когда компания производитель осуществляет продажи компаниям на своей территории, которые, в свою очередь, могут осуществлять продажи в другие страны, другим компаниям. Соответственно параллельный импорт идет в обход прямых поставок.

Параллельный импорт позволяет избежать дефицита и повышенного спроса на товары зарубежного производства.

В рамках исследования важно отметить, что проведение анализа незаконного импорта, не представляется возможным, такие попытки предпринимались Центральным Банком РФ, где рассматривалось сравнение экспорта из страны в Россию и импорта из этой же страны в Россию. В тоже время, по мнению многих экспертов, доля незаконного импорта в стране достаточно велика [5, с. 57].

В тоже время можно создать определенное представление о сложившемся положении в отношении импорта в Россию, посредством проведения анализа структуры импорта по группам стран и ее изменения, также рассмотреть структуру импорта по основным странам взаимодействия для отражения воздействия санкционной политики. В результате, которой и происходит прирост доли незаконного импорта с целью удовлетворить растущую потребность на товары зарубежных производителей. Создать определенное представление в отношении параллельного импорта и его влияния на экономическую безопасность страны, как одного из факторов борьбы с незаконным импортом.

Основным периодом исследования выступает временной промежуток 2020–2022 г. за январь (для равнозначного сравнения периодов).

Экономико-статистический метод исследования базируется на данных Федеральной таможенной

службы России, Федеральной службы государственной статистики и Аналитического рейтингового агентства Акра.

Важно отметить, что санкционная политика части зарубежных стран негативным образом сказалась на импорте (рис. 2).

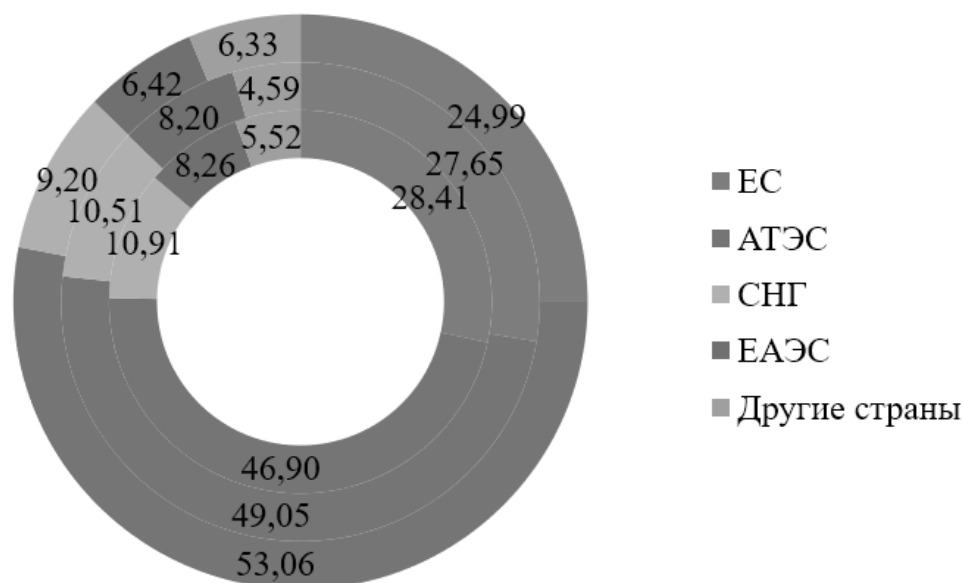

Рис. 2. Структура импорта по основным группам стран за январь 2020, 2021, 2022 г., %
Источник: составлено автором на основе [11; 12]

Внутренний круг представляет период январь 2020 г., средний круг — период январь 2021 г., внешний круг — период январь 2022 г.

Наблюдается снижение доли стран ЕС в импорте на январь 2022 г. В тоже время, как следует из статистики стран — торговых партнеров России, импорт из отдельных стран сейчас снижается весьма существенно (рис. 3).

Так, в стоимостном выражении импорт из Германии снизился, в том числе наблюдается некоторое снижение по таким странам как Италия, США. В тоже время важно отметить, что значительная часть импорта (более половины) приходится на машины и оборудование. Именно эта товарная группа попала под значительные ограничения санкционной политики, именно в данной товарной группе есть значительные потребности, в том числе в различных секторах экономики.

В этой связи достаточно актуальным становится новый инструмент, запущенный Правительством РФ и Минпромторгом России (последний разработал перечень товаров параллельного импорта с кодами для каждой группы), основной целью которого стало смягчение негативного влияния ситуации с импортом.

Экспертами был проведен анализ перечня товаров, который позволил прийти к выводу, что данный перечень охватывает порядка 36 % импорта товаров, при этом на основные коды товарной номенклатуры — «оборудование, механические устройства», код

84 (в том числе вычислительные машины, двигатели, краны, насосы) и «электрические машины и оборудование и их части», код 85 (в том числе телефоны, мониторы) — приходится около 31 и 28 % параллельного импорта соответственно [13].

Параллельный импорт становится новым инструментом постепенно адаптируясь к новым условиям, в этой ситуации можно отметить, что потенциальными бенефициарами такого импорта могут стать Турция, Казахстан, Китай и Армения. При этом, например, для Армении эффект от параллельного импорта может быть значительным из-за низкой базы (доли совокупного импорта России) [13].

Можно отметить увеличение поставок импорта по приведенным в таблице странам. Так, экспертами отмечено, что основную долю в параллельном импорте составляют поставки из стран ЕАЭС — около 30 %. Так, из Армении поставки товаров оказались практически в два раза выше прошлогодних. При этом статистическое бюро Армении опубликовало данные, на основании которых в саму Армению импорт также значительно вырос [14]. Рост импорта после января 2022 г. обозначился и по другим странам [13; 14], так в можно отметить Германию и КНР и ряд других стран. Аналогичная ситуация наблюдается и в Казахстане. Турецкий институт статистики свидетельствует, что в Россию из Турции было ввезено товаров на 42,5 % больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [14].

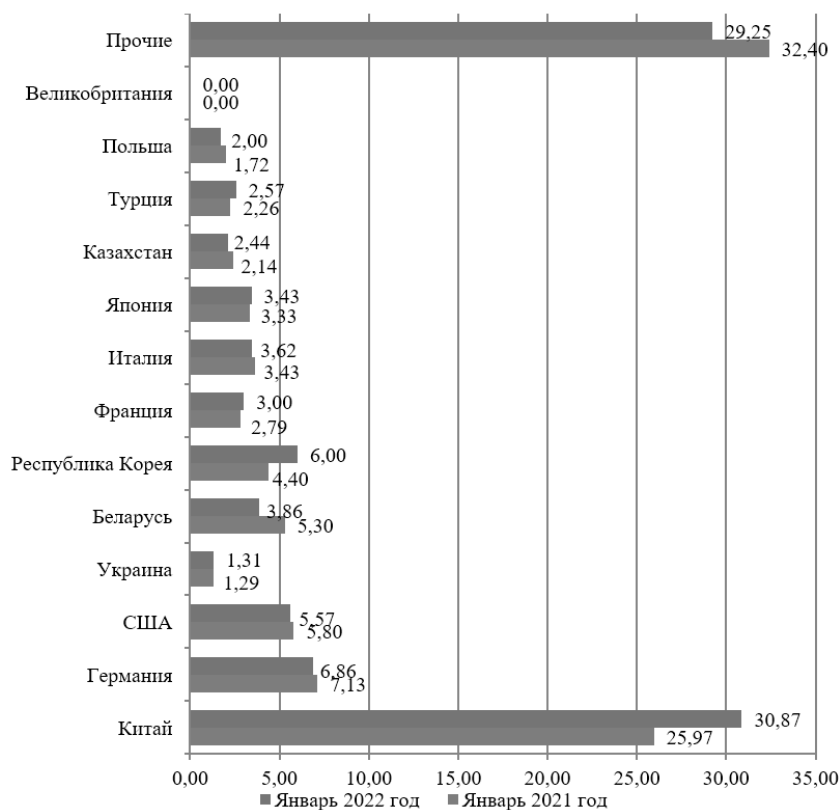

Рис. 3. Структура импорта по основным странам партнерам за январь 2020, 2021, 2022 г., %
Источник: составлено автором на основе [12; 13]

В таблице 1 приведена динамика импорта из стран СНГ за январь 2021, 2022 г.

Таблица 1

Динамика импорта из стран СНГ за январь 2021, 2022 г., млн долл.

Страны	Ввоз товаров за январь	
	2021 год	2022 год
Азербайджан	48,1	86,4
Армения	33,8	54,3
Беларусь	933,2	885
Республика Казахстан	413,8	536,3
Кыргызская республика	19,2	18
Республика Молдова	21,5	36
Таджикистан	3,1	5,7
Туркменистан	11	13,6
Узбекистан	82,9	139,6
Украина	226,3	371,4

В новом регулировании многие усматривают риски для эффективной защиты прав. В качестве сложностей можно отметить перестройку международной торговли и логистики, рекордный рост товарооборота с Китаем и увеличение импорта из стран ЕАЭС (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Армения), которые используются в качестве транзитных пунктов [8].

Механизм параллельного импорта позволит сократить часть незаконного импорта, поскольку введение параллельного импорта стало легальным средством в части обхода такого института как «защита объектов интеллектуальной собственности». Это в свою очередь даст возможность избежать дефицита на фоне снижения запасов, хотя цены увеличатся из-за роста транзакционных издержек (в том числе цен на транспорт). В среднесрочной перспективе наращивание параллельного импорта будет способствовать снижению темпов роста цен в экономике, увеличению товарооборота со странами, что положительным образом отразится на экономике страны. Одним из значительных минусов параллельного импорта может стать увеличение контрафакта именно этому вопросу в данном направлении стоит уделить внимание, а именно со стороны контрольных функций, мониторинга «традиционных» точек продажи контрафактных товаров.

Список источников

1. Ахмедзянов Р. Р., Кидяев Н. В., Захарова А. А., Татарченко К. Р. Параллельный импорт как инструмент защиты экономических интересов Российской Федерации // *Economy and Business: Theory and Practice*. 2022. №11-1 (93). С. 17–21
2. Гатаулина О. А. Понятие и содержание импорта как правовой категории в рамках Евразийского экономического союза на современном этапе // *Таможенное дело*. 2018. № 4. С. 3–6.
3. Мустафин И. Параллельный импорт товаров в России: что это и как работает простыми словами // *Информационно-аналитическое Интернет издание Мое дело*. 2022.
4. Крутова Т. А. Нелегальный импорт: статический аспект // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. 2007. Т. 5. № 4. Ч. 2. С. 123–127.
5. Радаев В. В., Бердышева Е. С., Конрой Н. В., Котельникова З. В. Основные формы незаконного оборота продукции на потребительских рынках России и меры противодействия. М. : Издательский дом Высш. шк. экономики, 2017.
6. Постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // URL://<https://base.garant.ru/>
7. Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 19 апреля 2022 г. № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» // URL://<https://base.garant.ru/>
8. Ароникова М., Скоморохова К. Борьба с контрафактом в условиях нового регулирования параллельного импорта // URL://<https://pravo.ru/story/244301/>
9. Васильев Л. Э. Параллельный импорт товаров на территорию Российской Федерации в современных условиях экономических санкций // *Вопросы студенческой науки*. 2022. № 9 (73). С. 96–99.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (часть четвертая) (с изм. от 5 декабря 2022 г.) // URL://<https://base.garant.ru/>
11. Импорт в России // Федеральная служба государственной статистики — 2022 // URL://<https://rosstat.gov.ru/>
12. Итоги внешней торговли РФ // Федеральная таможенная служба — 2022 // URL://<http://stat.customs.gov.ru/>
13. Николаев М. Оценка параллельного импорта и его влияние // URL://<https://www.acra-ratings.ru/research/2689/>
14. Маслов А. Параллельный импорт не стал панацеей для Российской экономики // URL://<https://realnoevremya.ru/articles/266625-parallelnyy-import-ne-stal-panacey-dlya-rossiyskoy-ekonomiki>

References

1. Akhmedzyanov R. R., Kidyaev N. V., Zakharova A. A., Tatarchenko K. R. Parallel import as a tool for protecting the economic interests of the Russian Federation // *Economy and Business: Theory and Practice*. 2022.
2. Gataulina O. A. The concept and content of import as a legal category in the framework of the Eurasian Economic Union at the present stage // *Customs Business*. 2018. № 4. P. 3–6.
3. Mustafin I. Parallel import of goods in Russia:

- what it is and how it works in simple words // Informational and analytical Internet edition Moye delo. 2022.
4. Krutova T. A. Illegal import: static aspect // Economic Journal of Rostov State University. 2007. Т. 5. № 4. P. 2. P. 123–127.
 5. Radaev V. V., Berdysheva E. S., Conroy N. V., Kotelnikova Z. V. The main forms of illicit trafficking of products on the consumer markets of Russia and measures to counteract. М. : Publishing House Higher School of Economics, 2017.
 6. Decree of the Government of the Russian Federation № 506 of March 29, 2022 «On goods (groups of goods) in relation to which certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on protection of exclusive rights to results of intellectual activity expressed in such goods, and means of individualization by which such goods are marked» // URL://https://base.garant.ru/
 7. Order of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation of April 19, 2022 № 1532 «On approval of the list of goods (groups of goods), in respect of which the provisions of subparagraph 6 of Article 1359 and Article 1487 of the Civil Code of the Russian Federation are not applied, provided the specified goods (groups of goods) are put into circulation outside the territory of the Russian Federation by right holders (patent holders), and also with their consent» // URL://https://base.garant.ru/
 8. Aronikova M., Skomorokhova K. The fight against counterfeiting under the new regulation of parallel imports // URL://https://pravo.ru/story/244301/
 9. Vasiliev L. E. Parallel import of goods on the territory of the Russian Federation in modern conditions of economic sanctions // Issues in Student Science. 2022. № 9 (73). P. 96–99.
 10. Civil Code of the Russian Federation of December 18, 2006 № 230-FZ (Part Four) (as amended on December 5, 2022) // URL://https://base.garant.ru/
 11. Import in Russia // Federal State Statistics Service — 2022 // URL://https://rosstat.gov.ru/
 12. Results of foreign trade of the Russian Federation // Federal Customs Service — 2022 // URL://http://stat.customs.gov.ru/
 13. Nikolaev M. Assessment of parallel import and its impact // URL://https://www.acra-ratings.ru/research/2689/
 14. Maslov A. Parallel import has not become a panacea for Russian economy // URL://https://realnoevremya.ru/articles/266625-parallelnyy-import-ne-stal-panacey-dlya-rossiyskoy-ekonomiki.

Информация об авторе

А. В. Минаков — профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, профессор.

Information about the author

A. V. Minakov — Professor of the Department of Economics and Accounting of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Economic Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 16.01.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 16.01.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Научная статья

УДК 004.838.2

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-211-215>

НИОН: 2007-0083-2/23-283

MOSURED: 77/27-005-2023-02-483

Искусственный интеллект, как драйвер цифровой трансформации МВД России

Игорь Анатольевич Кубасов

Академия управления МВД России, Москва, Россия, igorak@list.ru

Аннотация. Актуальность темы статьи обусловлена важностью и сложностью разработки и внедрения искусственного интеллекта для успешной реализации цифровой трансформации МВД России, как составной части цифровой трансформации государственного управления на пути к цифровой экономике страны. Предложены пути решения проблемных вопросов реализации ведомственных проектов в области искусственного интеллекта и обоснована необходимость выполнения ряда мероприятий в отношении ключевого драйвера развития цифровой трансформации МВД России — искусственного интеллекта, внедряемого в сфере внутренних дел.

Ключевые слова: цифровая экономика, искусственный интеллект, цифровая трансформация, драйвер развития

Для цитирования: Кубасов И. А. Искусственный интеллект, как драйвер цифровой трансформации МВД России // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 211-215. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-211-215>.

Original article

Artificial intelligence as a driver of digital transformation of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Igor A. Kubasov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, igorak@list.ru

Abstract. The relevance of the topic of the article is due to the importance and complexity of the development and implementation of artificial intelligence for the successful implementation of the digital transformation of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as an integral part of the digital transformation of public administration on the way to the digital economy of the country. The ways of solving problematic issues of the implementation of departmental projects in the field of artificial intelligence are proposed and the necessity of carrying out a number of measures in relation to the key driver of the development of the digital transformation of the Ministry of Internal Affairs of Russia – artificial intelligence implemented in the field of internal affairs is justified.

Keywords: digital economy, artificial intelligence, digital transformation, development driver

For citation: Kubasov I. A. Artificial intelligence as a driver of digital transformation of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Criminological journal. 2023. (2):211-215. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-211-215>.

Введение

Понятие «цифровая трансформация» часто упоминается рядом с терминами «четвертая промышленная революция» и «Индустрия 4.0». Эти понятия связаны, но не являются идентичными.

Цифровая трансформация, как переходной период к цифровой экономике, характеризуется появлением новых видов ИТ-сервисов, новых типов бизнеса и существенным снижением издержек процессов государственного управления. Результатами цифровой трансформации должны быть:

- появление новых моделей деятельности;
- существенное снижение издержек управления;
- повышение удовлетворенности граждан и бизнеса при взаимодействии с государством.

В отличие от первых трех, четвертая промышленная революция пока лишь является гипотезой. Тем не менее, по мнению многих экспертов, масштаб происходящих изменений в современной экономике страны позволяет утверждать о полноценной промышленной революции, как происходящем факте. Для четвертой промышленной революции ключевой инновацией

© Кубасов И. А., 2023

становится цифровой платформа.

Цифровая платформа — это интегрированная информационная система с цифровым интерфейсом, где все участники цепочки от поставщика до клиента могут взаимодействовать друг с другом, реализовывать товарно-денежные отношения, пользоваться дополнительными сервисами. Концепция «Государство как платформа» в Российской Федерации существует всего несколько лет, но уже масштабно воплощается на практике. В результате реализации этой концепции должно быть достигнуто:

- отсутствие влияния человеческого фактора на процесс оказания государственных услуг;
- исключение ручного выполнения шаблонных действий (все они будут автоматизированы);
- максимальная клиентоориентированность;
- уменьшение нагрузки [1].

Правительством Российской Федерации определены основные стратегические технологии в области цифровой трансформации государственного управления: искусственный интеллект, большие данные и интернет вещей [2]. А в сфере внутренних дел определены два пилотных проекта по разработке и внедрению искусственного интеллекта в деятельности подразделений МВД России: выявление признаков серийных преступлений (далее — проект «Серия») и определение внешних анатомических признаков человека по биологическому материалу, изъятому с мест совершения преступлений (далее — проект «Анатомия») [3, 4].

В настоящей статье исследована роль внедрения искусственного интеллекта на ход цифровой трансформации МВД России и обоснована необходимость выполнения ряда мероприятий в отношении ключевого драйвера развития цифровой трансформации МВД России.

Пилотные проекты цифровой трансформации МВД России

В федеральном проекте «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», как ключевого драйвера изменений, предусмотрено развитие перспективных высокотехнологичных направлений и поддержка отечественных компаний путем:

- выполнения инициатив стратегий цифровой трансформации госсектора до конца 2024 г., включающими в себя автоматизацию с применением элементов искусственного интеллекта;
- появления дополнительных законодательных изменений для поддержания и урегулирования вопросов применения искусственного интеллекта в конечных проектах [3].

Поэтому в Ведомственной программе цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 г. конечными проектами определены два приоритетных на-

правления по разработке и внедрению в деятельности подразделений МВД России искусственного интеллекта: проект «Серия» и проект «Анатомия», а также поставлена одной из задач — ликвидация имеющихся отставаний по вопросам применения технологий искусственного интеллекта [4; 5].

На основе результатов выполнения научно-исследовательских работ «Исследование применимости методов машинного обучения и анализа данных для выявления признаков серийности (сходства) определенных категорий преступлений», шифр «Серия», и «Формирование требований к проведению работ по разработке методов определения индивидуальных фенотипических признаков человека на основе анализа биологического материала, изъятого с мест совершения преступлений», шифр «Анатомия 1», уже можно заключить, что перспективное создание новых сервисов ИСОД МВД России, основанных на применении технологий искусственного интеллекта, позволит существенно повысить эффективность расследования, раскрытия и профилактики преступлений в части установления серийности преступлений, выявления и идентификации личности подозреваемых в совершении преступлений, а также установлении личности неопознанных тел, лиц пропавших без вести, жертв террористических актов, природных и техногенных катастроф [6; 7].

Следовательно, искусственный интеллект, как комплекс технологических решений, основанных на прорывных достижениях естественных и гуманитарных наук, становится ключевым драйвером развития цифровой трансформации МВД России.

При этом следует осознавать, что с появлением новых информационно-телекоммуникационных технологий также возможен рост технического, научного и финансового потенциала преступной среды, усиление угроз экстремизма и терроризма в информационном пространстве [8; 9]. Поэтому в этих условиях с учетом незаконных санкций недружественных стран необходимо особое внимание обратить на проблемные вопросы, способных негативно повлиять на успешность реализации двух ведомственных пилотных проектов.

Проблематика выполнения проекта «Серия» и пути решения

Можно обозначить ряд проблемных вопросов по дальнейшей реализации проекта «Серия».

1. Субъективизм определения исчерпывающего перечня признаков серийности (сходства) определенных категорий преступлений, в силу отсутствия нормативно закреплённого определения термина «серийные преступления».

Так, в ходе интервьюирования соответствующих специалистов МВД России в рамках выполнения НИР «Серия», было установлено, что индивидуальные мнения существенно отличаются по количеству и значи-

мости признаков, позволяющих сделать вывод о наличии серийности. Данное множество индивидуальных взглядов является фактически неограниченным и на основе его не представляется возможным экспериментальным путем установить необходимый и достаточный (исчерпывающий) перечень признаков серийности и критериев отнесения преступлений к той или иной серии.

В связи с этим, необходимо утверждение конечно-го исчерпывающего перечня признаков и критериев по определению серийности (сходства) определенных категорий преступлений.

2. Существенно затрудненный доступ к эмпирическим данным, необходимым для выполнения ОКР «Серия».

Так, в ходе выполнения НИР «Серия» использовались смоделированные данные и небольшая часть обезличенных данных некоторых серийных преступлений, в силу отказов от структурных подразделений МВД России, а также от районных и городских судов в предоставлении какой-либо информации, требуемой для исследований (в том числе материалов уголовных дел, записей телефонных обращений в дежурные части и т. д.). Однако, очевидно, что для создания и внедрения в эксплуатацию ведомственной информационной системы необходимо использовать эмпирические данные, а также фактическую структуру баз данных.

Также представляется целесообразным определение заказчика ОКР «Серия» — заинтересованное подразделение МВД России, располагающего требуемыми информационными ресурсами.

3. Разноформатные ведомственные базы данных учета информации о совершенных преступлениях, а также субъективность в описании преступлений, а именно разрозненное указание криминалистически значимых факторов и использование различной терминологии.

В связи с чем, необходим согласованный структурированный информационный массив учетных данных о преступлениях, а также стандартизованная форма описания совершенных преступлений.

Полагаем, что наиболее эффективным способом разрешения данной проблематики будет являться разработка и внедрение в практическое использование единой электронной формы описания совершенных преступлений, снабженной стандартизованными классификаторами описания, программным контролем качества ее заполнения, а также программными инструментами устранения ошибок. Синхронизация данной электронной формы с соответствующими базами данных обеспечит получение структурированного едино-форматного информационного массива, полностью пригодного для его использования программно-аналитическими алгоритмами.

Более того, полагаем, что наличие подобного ал-

горитма пополнения и хранения информации о совершаемых преступлениях обеспечит платформу и значительно упростит цифровизацию и централизацию процесса ведения материалов уголовных дел — «электронное уголовное дело».

Подобные работы могут выполняться на базе составной части опытно-конструкторской работы по основной тематике, а также в соисполнении с профильными подразделениями МВД России, в том числе в случае внесения изменений в действующую нормативно-правовую базу.

Проблематика выполнения проекта «Анатомия» и пути решения

Также имеется ряд проблемных вопросов, которые необходимо решать для успешной реализации проекта «Анатомия», а именно:

1. Оборудование, использующее технологию полногеномного секвенирования, в настоящее время представлено моделями зарубежных производителей. Используемые реактивы и расходные материалы выпускаются только самими компаниями-производителями оборудования. В условиях существующей санкционной политики в отношении Российской Федерации, использование систем полногеномного секвенирования производства США и Великобритании проблематично.

Для решения данного проблемного вопроса необходимо использовать отечественный секвенатор «Нанофор СПС» производства ООО «Синтол» и ФГБУН Институт аналитического приборостроения РАН. Секвенатор «Нанофор СПС» по своим техническим и пользовательским характеристикам не уступает зарубежным аналогам и способен эффективно решать ряд задач проведения массового параллельного секвенирования, а также осуществлять таргетное секвенирование.

2. Объем и количество генетического материала, получаемого из следов биологического происхождения, изымаемых в ходе оперативных мероприятий полиции, как правило, значительно уступает аналогичным показателям генетического материала, выделенного из образцов биологического материала лиц, отобранных на специальные носители. Практика показывает, что изымаемые следы в большинстве случаев содержат ДНК в низких концентрациях, генетический материал деградирован или содержит следовую информацию от двух и более лиц.

Поэтому для разработки таких технологий необходимо проведение дальнейших НИОКР, результатом которых будет разработка методов и наборов реагентов с учетом необходимости анализа генетического материала из следов биологического происхождения, а также генетического материала от двух и более лиц.

Следует также отметить, что имеется и общая для двух ведомственных проектов «Серия» и «Анатомия»

проблематика, о чем было отмечено ранее [8].

Заключение

Таким образом, интенсивное развитие информационных технологий сформировало предпосылки перехода к новому качеству их применения в государственном управлении, и в частности в оперативно-служебной деятельности подразделений МВД России.

Для обеспечения успешной реализации стартовавшей цифровой трансформации МВД России необходимо учесть отмеченные проблемные вопросы и выполнить ряд мероприятий, прежде всего, в отношении ключевого драйвера развития — искусственного интеллекта, внедряемого в сфере внутренних дел, а именно разработать и принять:

- нормативный правовой акт, регламентирующий применение доверенного искусственного интеллекта в оперативно-служебной деятельности подразделений МВД России;
- административные регламенты применения результатов, полученных с использованием искусственного интеллекта, при выработке процессуальных и управленческих решений;
- глоссарий терминов в области искусственного интеллекта.

При этом важнейшими условиями достижения эффективности данных мероприятий является наличие квалифицированных кадров в области искусственного интеллекта и развитие отечественного искусственного интеллекта в защищенном исполнении, разрабатываемого в рамках дальнейшего выполнения НИОКР [8; 10].

Список источников

1. Кузнецова А. А. Цифровая экономика и ее развитие на современном этапе // Новые подходы к управлению закупками: тенденции и инновации: сборник научных докладов. 2022. С. 46–50.
2. Распоряжение Правительства РФ от 22 октября 2021 г. №2998-р «Стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Паспорт федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Утвержден протоколом заседания президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 23 октября 2020 г. № 23 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Распоряжение МВД России № 1/37 от 11 января 2022 г. «Об утверждении Ведомственной

программы цифровой трансформации МВД России на 2022–2024 годы» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Кубасов И. А. Теоретическое обеспечение реализации федерального проекта «Искусственный интеллект» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в сфере внутренних дел // В сборнике: Искусственный интеллект на службе полиции. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Академия управления МВД России. Москва, 2021. С. 42–51.
6. Отчет о научно-исследовательской работе «Формирование требований к проведению работ по разработке методов определения индивидуальных фенотипических признаков человека на основе анализа биологического материала, изъятого с мест совершения преступлений», шифр «Анатомия 1» // ФКУ НПО «СТиС» МВД России. М., 2021. рег. № 07218956.
7. Отчет о научно-исследовательской работе «Исследование применимости методов машинного обучения и анализа данных для выявления признаков серийности (сходства) определенных категорий преступлений», шифр «Серия» // ФКУ НПО «СТиС» МВД России, М., 2022. рег. № 07218957.
8. Кубасов И. А. Проблемные вопросы применения технологий искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 3. С. 180–186.
9. Кубасов И. А. Инновационные технологии в противодействии экстремизму и терроризму // В сборнике: Информационные и телекоммуникационные технологии в противодействии экстремизму и терроризму. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2021. С. 71–76.
10. Шапкин А. В., Кубасов И. А., Иванов А. И. Развитие отечественного нейросетевого искусственного интеллекта в защищенном исполнении // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2019. № 4. С. 132–144.

References

1. Kuznetsova A. A. Digital economy and its development at the present stage // New approaches to procurement management: trends and innovations: collection of scientific papers. 2022. P. 46–50.
2. Decree of the Government of the Russian Federation of October 22, 2021, № 2998-r «Strategic direction in the digital transformation

- of public administration» // SPS «ConsultantPlus».
3. Passport of the federal project «Artificial Intelligence» of the national program «Digital Economy of the Russian Federation». Approved by the minutes of the meeting of the Presidium of the Government Commission on Digital Development, the use of information technology to improve the quality of life and conditions for business activities on October 23, 2020 № 23 // SPS «ConsultantPlus».
4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia № 1/37 of January 11, 2022 «On approval of departmental program of digital transformation of the Ministry of Internal Affairs of Russia for 2022–2024 years» // SPS «ConsultantPlus».
5. Kubasov I. A. Theoretical support for the implementation of the federal project «Artificial Intelligence» of the national program «Digital Economy of the Russian Federation» in the field of internal affairs // In the collection: Artificial Intelligence in the service of the police. Collection of articles of the International scientific-practical conference. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 2021. P. 42–51.
6. Report on research work «Formation of requirements for work on the development of methods for determining individual phenotypic features of a person based on the analysis of biological material seized from crime scenes», cipher «Anatomy 1» // FKU NGO «STiS» of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 2021. № 07218956.
7. Report on research work «Research of applicability of methods of machine learning and data analysis for revealing signs of seriality (similarity) of certain categories of crimes», cipher «Series» // FKU NGO «STS» of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, 2022. № 07218957.
8. Kubasov I. A. Problematic issues of application of artificial intelligence technologies in the activities of internal affairs bodies of the Russian Federation // Bulletin of the Voronezh Institute of the Russian Interior Ministry. 2021. № 3. P. 180–186.
9. Kubasov I. A. Innovative Technologies in Counteraction to Extremism and Terrorism // In the collection: Information and Telecommunication Technologies in Counteraction to Extremism and Terrorism. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2021. P. 71–76.
10. Shapkin A. V., Kubasov I. A., Ivanov A. I. Development of domestic neural network artificial intelligence in protected version // Bulletin of Voronezh Institute of Federal Penitentiary Service of Russia. 2019. № 4. P. 132–144.

Информация об авторе

И. А. Кубасов — профессор кафедры информационных технологий Академии управления МВД России, доктор технических наук, доцент.

Information about the author

I. A. Kubasov — Professor of the Department of Information Technologies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 20.01.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-216-221>

НИОН: 2007-0083-2/23-284

MOSURED: 77/27-005-2023-02-484

Обеспечение информационной безопасности при утечке, разглашении и торговле персональными данными

Юлия Александровна Куриленко¹, Юлия Геннадьевна Едигарева^{2,3}, Ван Ле Тхи⁴

^{1,4} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ jul.kurilenko@yandex.ru

² Институт международных транспортных коммуникаций Российского университета транспорта (МИИТ), Москва, Россия, ug7575@bk.ru

³ Колледж международных транспортных коммуникаций, Москва, Россия

⁴ levanpn2014@gmail.com

Аннотация. Развивающиеся интернет-технологии позволили человечеству осуществить мобильное общение, передачу данных, дали новый толчок развитию торговли, банковской сферы, медицины, страхования и многих других сфер жизнедеятельности. Во всем мире происходит ежедневное многократное использование персональных данных во всех областях жизнедеятельности, иногда это происходит помимо воли и согласия обладателей личных данных. Неправомерное завладение персональными данными приводит к нарушению прав физических и юридических лиц, наносит материальный и моральный ущерб, а также может повлечь серьезные последствия, в том числе и в части безопасности государств. А потому защита персональных данных и безопасность их использования является на сегодняшний день весьма острой проблемой во всем мире. Авторы статьи проанализировали имеющиеся нормативные механизмы защиты персональных данных в США, Европе, России и Вьетнаме. Данный анализ позволил авторам сделать вывод о возможных дальнейших мероприятиях по защите персональных данных.

Ключевые слова: персональные данные, конфиденциальность, личная информация, информационная безопасность, кибербезопасность, утечка, разглашение

Для цитирования: Куриленко Ю. А., Едигарева Ю. Г., Ле Тхи Ван. Обеспечение информационной безопасности при утечке, разглашении и торговле персональными данными // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 216-221. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-216-221>.

Original article

Ensuring information security in case of leakage, disclosure and trading of personal data

Yulia A. Kurilenko¹, Yulia G. Yedigareva^{2,3}, Van Le Thi⁴

^{1,4} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ jul.kurilenko@yandex.ru

² Institute of International Transport Communications of the Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia, ug7575@bk.ru

³ College of International Transport Communications, Moscow, Russia

⁴ levanpn2014@gmail.com

Abstract. Developing Internet technologies allowed mankind to implement mobile communication, data transfer, gave a new impetus to the development of trade, banking, medicine, insurance and many other spheres of life. Throughout the world there is a daily multiple use of personal data in all areas of life, sometimes against the will and consent of the owners of personal data. Misappropriation of personal data results in violation of the rights of natural and legal persons, causing material and moral damage and may have serious consequences, including in terms of national security.

© Куриленко Ю. А., Едигарева Ю. Г., Ле Тхи Ван, 2023

Therefore, the protection of personal data and security of their use is now a very acute problem worldwide. The authors analyzed the available regulatory mechanisms for the protection of personal data in the United States, Europe, Russia and Vietnam. This analysis allowed the authors to conclude on possible further measures to protect personal data.

Keywords: personal data, privacy, personal information, information security, cybersecurity, leakage, disclosure

For citation: Kurilenko Yu. A., Yedigareva Yu. G., Le Thi Van. Ensuring information security in case of leakage, disclosure and trading of personal data. *Criminological journal*. 2023. (2):216-221. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-216-221>.

Четвертая технологическая революция способствовала развитию информационных технологий и сети Интернет во всем мире, в связи с чем личная информация стала обмениваемым и все более ценным активом. По данным Министерства общественной безопасности, Вьетнам — одна из стран в мире с самым большим процентом пользователей интернет-приложениями, и при этом скорость разработки новых приложений достаточно высока. Число пользователей сети Интернет во Вьетнаме превышает 64 млн, что составляет более двух третей населения (66 %). Вьетнам занял 13-е место в мире по количеству пользователей, в его числе 62 млн учетных записей Google [1]. Наличие в большом количестве персональных данных в интернет-пространстве явилось благодатной почвой для преступников при совершении киберпреступлений и стало одной из актуальных проблем, влекущих за собой множество серьезных последствий для физических и юридических лиц, для безопасности государств.

Определение персональных данных в мире представлено двумя подходами, в частности, в законодательстве США и Европы.

На протяжении многих лет Административно-бюджетным управлением Администрации президента США разрабатывался ряд руководящих принципов для федеральных агентств США, касающихся персональных данных, в том числе определения понятийного аппарата «персональные данные». Меморандум OMB 07-16 относит информацию, определяющую личность, к информации, которая может быть использована, чтобы идентифицировать личность, такой как, к примеру, имя, номер социального страхования, биометрические данные, а также информацию, которая в сочетании с какой-либо другой личной или связанной с личностью информацией дает привязку к конкретному лицу, к примеру, дата и место рождения, девичья фамилия матери и т. д. [2]. Поэтому, для того чтобы гарантировать безопасность персональной информации, необходимо спроектировать управление и защиту данных таким образом, чтобы личная информация человека была труднодоступной и не могла быть объединена.

В Европе «Общий регламент по защите данных» (GDPR), принятый Европейским парламентом и Европейским советом в 2016 г. и вступивший в силу 25 мая 2018 г., определяет персональные данные следующим образом: «...это любая информация, относящаяся к идентифицированному или поддающемуся

идентификации живому лицу. Различные фрагменты информации, собранные вместе, могут привести к идентификации конкретного человека, также являются персональными данными» [3].

GDPR защищает персональные данные вне зависимости от их представления: будь то бумажный вариант, или информационная система, или данные с камер видеонаблюдения, — все они должны быть отсортированы по заранее установленному критерию.

GDPR является самым жестким законом в мире, касающимся безопасности и конфиденциальности. Так, GDPR при нарушении введенных стандартов могут накладываться огромные, порой многомиллионные, штрафы [4].

В России понятие персональных данных закреплено законодательно и имеет следующую трактовку: «персональные данные — любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)» [5]. Также законодатель определяет порядок распространения персональных данных с разрешения субъекта персональных данных кругу лиц путем согласия [5].

В правовой системе Вьетнама персональные данные рассматриваются как «информация о частной жизни, личных тайнах, семейных тайнах» и используется в следующих документах: Конституция 2013 г., Гражданский кодекс 2015 г., «Закон о доступе к информации» 2016 г., «Закон о детях» 2016 г. и многих других юридических документах, таких как указы, циркуляры и др. В частности, ст. 3 «Закон о киберинформационной безопасности» 2015 г. понимает под персональными данными информацию, связанную с идентификацией конкретного человека [6]. Однако до этого Постановление 64/2007/ND-CP от 10 апреля 2007 г. «О применении информационных технологий в деятельности государственных органов» более подробно определяло личную информацию как «информацию, которая достаточна для точной идентификации личности, включая хотя бы одну из следующих сведений: полное имя, дату рождения, профессию, должность, контактный адрес, адрес электронной почты, номер телефона, номер удостоверения личности, номер паспорта. К личной тайне относятся медицинские записи, записи об уплате налогов, номера карт социального страхования, номера кредитных карт и другие личные секреты» [7].

Кроме того, в некоторых правовых отраслях есть свои собственные определения конфиденциальной

информации, такие как «Закон о медицинском осмотре и лечении», «Закон о налоговом администрировании», «Закон о кредитных учреждениях», «Право страхового бизнеса» и т. д.

Что касается права на неприкосновенность частной жизни, то в соответствии со ст. 38 Гражданского кодекса Вьетнама 2015 г., это право понимается как защита закона о трех «неприкосновенных» объектах: частной жизни, личной тайны и семейной тайны [8].

Следует отметить, что во многих странах граница между публичной и конфиденциальной информацией является спорным вопросом. Но есть общепринятый принцип: если человек не защищает информацию, которая относится к его частной жизни, или не принимает соответствующие меры для защиты этой информации, то закон не защитит конфиденциальность его информации. В этой связи ст. 16 Закона о кибер-информационной безопасности Республики Вьетнам также предусматривает принцип, гласящий, что «физические лица защищают свою личную информацию ...» [6].

Из всего вышесказанного очевидно, что личная информация во вьетнамском законодательстве определяется более узко и просто, но все еще есть проблемы, которые необходимо устранить.

Если ввести запрос в поисковую систему Google «купить личную информацию» на вьетнамском языке, перед глазами пользователя появится более 227 млн результатов с серией адресов для продажи, таких как список клиентов, список родителей учеников в школе ABC, информация о людях в провинции ABC, список богатых людей и т. п. Таким образом можно найти сотни настроенных на торговлю групп по продаже личной информации «по чрезвычайно доступным ценам» либо предоставлять ее бесплатно.

Торговля всеми видами данных осуществляется в течение длительного времени, с гарантией точности и достоверности, обязательством обновлять данные и поддержкой экспорта данных по запросу покупателя. Скорее всего, источником исходных данных является внутренняя система агентства, государства или электронная административная система.

В ходе предварительной проверки Министерство общественной безопасности Республики Вьетнам обнаружило более 60 организаций и лиц, причастных к незаконной торговле и использованию информации и личных данных в киберпространстве, в том числе: компании, предоставляющие технологические решения, брокеры по недвижимости, банкиры, государственные учреждения, люди, имеющие доступ к системам электронного правительства в образовании, здравоохранении, ценным бумагам, и другие организации, которые так или иначе связаны с получением соответствующих сведений [1].

Статистические данные свидетельствуют о том, что хакеры продали 17 ГБ данных удостоверений личности почти 10 млн вьетнамцев Raidforum, который в настоящее время является довольно популярным «черным рынком» хакеров с сотнями тысяч участ-

ников со всего мира. Информация и личные данные, представленные здесь, могут относиться к любому пользователю в любой стране: от Великобритании, Италии, США, Польши, Египта до Индонезии, Таиланда, Китая и, конечно же, Вьетнама.

«Черный рынок», такой как Raidforum, — это лишь поверхность большого айсберга в сфере торговой деятельности киберпреступников. Система Dark Web/Deep Web, в которой обычные пользователи сети не видят информацию, не могут ее найти, является настоящим «преступным миром».

В России за последнее время довольно частыми стали скандалы, связанные с утечкой персональных данных клиентов различных банков, интернет-магазинов, сервисов быстрого питания, такси. Все они являются операторами обработки данных, отвечающими за их использование в своих целях, а также безопасное хранение персональных данных клиентов. На системы банков, организаций и компаний могут проводиться хакерские атаки, быть организованы взломы систем и баз данных, а также персональные данные могут быть попросту украдены обычным клерком. В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации при утечке персональных данных операторы обработки не обязаны уведомлять государство о произошедшем. Таким образом, взаимодействие по предупреждению, обнаружению и ликвидации последствий подобных краж и хакерских атак на сегодняшний день не существует [9].

В случаях, если задействованы государственные структуры, речь может идти о таком явлении как коррупция. «Когда общественность видит какие-либо коррупционные действия со стороны государственных чиновников, эти негативные обстоятельства в глазах людей ставят принцип равенства всех граждан перед законом под сомнение. Эти явления могут в будущем привести к массовым недовольствам» [10, с. 44].

В настоящее время в Государственной думе Российской Федерации прорабатывается вопрос о повышении мер ответственности при утечке персональных данных для российских компаний и должностных лиц от штрафов до уголовной ответственности [11].

В последнее время многих людей постоянно беспокоит поступающие телефонные звонки с рекламой продаж от агентств недвижимости, транспортных компаний и других. Причиной тому является несанкционированная продажа личных данных для коммерческой рекламы. Помимо этого, преступники могут использовать полученную личную информацию в целях проведения фишинговых атак [12, с. 96]. Применяя современные технологии, мошенники используют широко известные номера, например, банка, полиции, почтового отделения, с целью введения в заблуждение граждан. Звоня на заданный номер, мошенник представляется родственником, попавшим в затруднительное положение, и просит передать ему денежные средства.

Как показывает практика, мошенники достаточ-

но часто используют чужую личную информацию для получения денежной выгоды. Полицией раскрыто множество случаев мошенничества, подделки документов, выдачи себя за другого человека, чтобы получить кредит онлайн. Преступники пользуются ворованной или купленной личной информацией, принадлежащей другим людям для телефонного мошенничества. Из полученных данных злоумышленники узнают адрес жертвы, номер телефона, род занятий, данные банковских карт или банковского счета.

В настоящее время оформление кредита онлайн через приложения становится очень популярным. Используются быстрые процедуры оформления и предоставления наличных выплат, кредитование без предоставления оригинальных документов, без оценки, просто с предоставлением номера ID/CCCD/CVC. Украденная информация используется злоумышленниками для получения банковских кредитов без дальнейшей их выплаты.

Развитие информационных технологий, помимо неоспоримых преимуществ, имеет также и недостатки. К примеру, использование приложений IoT (Internet of Things) — интернет вещей, которые могут отрицательно сказаться при защите конфиденциальности информации или защите личных данных. Мир IoT — это мир без ограничений, позволяющий в любом месте и в любое время отслеживать и собирать информацию, например, со смартфона, который многие люди всегда носят с собой, или даже с помощью смарт-телевизоров в спальне.

Из фрагментарной информации, собранной с помощью различных приложений, можно полностью идентифицировать личность каждого человека. Такая информация об этих людях сможет храниться вечно в киберпространстве. Человек может даже не знать об этом и не осознавать, что данным образом нарушаются его права на использование личной информации.

Персональные данные клиентов при осуществлении коммерческих онлайн-транзакций также могут быть раскрыты. Личная информация зашифрована и хранится в базе данных веб-сайтов, но если система данных не оснащена защитой безопасности, то высока вероятность, что при взломе хакеров это приведет к утечке данных.

Также в настоящее время актуальной проблемой стал несанкционированный сбор личной информации с помощью вредоносного кода. Его использование для сбора персональных данных через компьютеры и мобильные телефоны становится крайне опасным негативным явлением в интернет-среде. Вредоносное программное обеспечение создается и внедряется в систему для проникновения и уничтожения системы компьютера пользователя или кражи имеющейся информации, нарушения ее конфиденциальности, целостности.

При использовании инструментов социальных сетей для взаимодействия в интернет-пространстве пользователи неосознанно раскрывают свои имена,

должности и другую информацию, родители случайно раскрывают имя своего ребенка, школу и сообщество, когда делятся этим с друзьями. Некоторые пользователи сети забывают удалить конфиденциальную информацию, такую как идентификационные номера, QR-коды при отправке карточек, билетов на поезд и посадочных талонов своим друзьям. Эти детали в социальных сетях могут раскрыть личную информацию для мошенников.

Кроме того, существуют действия, которые могут привести к утечке информации. К ним относится совершение покупок в Интернете, активность в опросах на улице и в онлайн-резюме (большинство людей ищет работу, регистрируются на сайтах), в услугах ксерокопий и типографиях при печати визиток (чтобы получить прибыль, некоторые организации собирают у клиентов информацию, а затем ее перепродать).

Помимо вышеупомянутых объективных причин, существуют и субъективные, основная из которых состоит в том, что осведомленность людей о самозащите личной информации достаточно невысока. Причину низкой правовой культуры граждан эксперты видят в недостаточно зрелой образовательной системе. Люди считают, что любые, даже самые поверхностные вопросы, связанные с правовой системой, в том числе касающейся защиты личной информации, должен решать профессиональный юрист [10, с. 46].

Для обеспечения информационной безопасности при утечке, разглашении и торговле персональными данными могут быть предложены следующие шаги по защите данных:

- необходимо рассматривать личные данные как актив, следовательно, государству необходимо реализовать долгосрочную программу по защите этого ценного актива, исходя из концепций, принципов, институтов и способов защиты личной информации людей и ужесточения санкций за нарушения;
- дополнить систему существующих норм информационной безопасности специальными законами. Действующие правовые нормы, касающиеся личной информации, отстают от практики использования персональных данных, таких как данные о персональных изображениях (технология распознавания лиц, дипфейки), биометрические данные (отпечаток пальца и т. д). Политическое, социально-экономическое развитие государства невозможно без единой нормативно оформленной концепции правотворческой политики [13, с. 24].
- образование повышает осведомленность и понимание права на защиту личной информации и увеличивает возможность принятия важных технологических решений.

Все перечисленные меры будут эффективны только тогда, когда каждый человек осознает необходимость защиты своей личной информации. Люди должны понимать и уважать закон о защите личной

информации и соответствующие международные договоры о правах человека, а долг властей — помочь людям понять, что существует необходимость включить законы о защите личной информации в образовательные программы всех уровней. Каждый человек должен иметь чувство самозащиты личной информации и брать на себя ответственность за предоставление персональных данных, и в то же время каждый обязан уважать личную информацию других, а не разглашать ее и не предоставлять без их согласия.

Применительно к обработке персональной информации, основным пунктом является согласие лица на обработку целевого характера, т.е. лицо, давая согласие на обработку, должно заранее понимать, для каких целей информация берется и каким образом она будет впоследствии обрабатываться [14, с. 73].

Кроме того, государственные и негосударственные организации и компании для защиты личной информации должны дополнять и обновлять современные технологические меры, формы и методы удовлетворения потребностей в шифровании и информационной безопасности.

Список источников

1. Minh Bằng Thông tin cá nhân sẽ không còn mua bán như «cá, tôm rau» / Перевод: Личная информация больше не будет продаваться как «рыба, овощи» // URL://https://laodong.vn/phap-luat/thong-tin-ca-nhan-se-khong-con-mua-ban-nhu-con-ca-mo-rau-881775.ldo.
2. Меморандум OMB 07-16 // URL://https://itlaw.fandom.com/wiki/OMB_Memorandum_M-07-16.
3. What is personal data? / Перевод: Что такое персональные данные? // URL://https://ec.europa.eu/info/law/law-topic/data-protection/reform/what-personal-data_en.
4. Что такое GDPR и действует ли он в России // URL://https://bezlimit.ru/blog/chto-takoe-gdpr-i-deystvuet-li-on-v-rossii/
5. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных» с изм. от 06 февраля 2023 г.: принят государственной Думой 08 июля 2006 г.: одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года. // СПС «Консультант-Плюс».
6. LUẬT AN TOÀN THÔNG TIN MẠNG. № 86/2015/QH13 19.11.2015 / Перевод: Закон о сетевой информационной безопасности. № 86/2015 / QH13 19.11.2015 // URL://https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Cong-nghe-thong-tin/Luat-an-toan-thong-tin-mang-2015-298365.aspx.
7. NGHỊ ĐỊNH ỨNG DỤNG CÔNG NGHỆ THÔNG TIN TRONG HOẠT ĐỘNG CỦA CƠ QUAN NHÀ NƯỚC № 64/2007/ND-CP 10.04.2007 / Перевод: Постановление о применении информационных технологий в деятельности государственных органов № 64/2007 / ND-CP
8. ОТ 10.04.2007 // URL://https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Cong-nghe-thong-tin/Nghi-dinh-64-2007-ND-CP-ung-dung-cong-nghe-thong-tin-trong-co-quan-Nha-nuoc-18234.aspx.
9. BỘ LUẬT DÂN SỰ № 91/2015/QH13 24.11.2015 / Перевод: Гражданский Кодекс № 91/2015 / QH13 от 24.11.2015 // URL://https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Vo-luat-dan-su-2015-296215.aspx.
10. Хинштейн А. // URL://https://t.me/Hinshtein/2080.
11. Едигарева Ю. Г., Морковкин Д. Е., Власов А. В. Государственная антикоррупционная политика: проблемы формирования и реализации // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2020. Т. 19, № 2. С. 41–49.
12. Каверин Д. Хинштейн: закон об утечке персональных данных предусматривает штрафы для должностных лиц // URL://https://www.gazeta.ru/business/news/2022/12/26/19360201.shtml.
13. Агаев М. М., Куриленко Ю. А. Виды фишинговых атак и способы противодействия // Современные информационные технологии в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции, Ростов-на-Дону, 22 апреля 2022 года. Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 95–98.
14. Матвеева М. А. Концепция правотворческой политики: проблема теоретического обоснования // Образование и право. 2017. № 3. С. 24–32.
15. Матвеева М. А. Обеспечение конституционных гарантий на неприкосновенность частной жизни человека в современной практике оказания потребительских услуг (на примере транспортной отрасли) // Транспортное право и безопасность. 2020. № 1 (33). С. 68–76.

References

1. Personal information will no longer be sold as «fish, vegetables»// URL://https://laodong.vn/phap-luat/thong-tin-ca-nhan-se-khong-con-mua-ban-nhu-con-ca-mo-rau-881775.ldo.
2. OMB Memorandum 07-16 // URL://https://itlaw.fandom.com/wiki/OMB_Memorandum_M-07-16.
3. What is personal data? // URL://https://ec.europa.eu/info/law/law-topic/data-protection/reform/what-personal-data_en.
4. What is GDPR and is it valid in Russia // URL://https://bezlimit.ru/blog/chto-takoe-gdpr-i-deystvuet-li-on-v-rossii/
5. Federal Law of July 27, 2006 № 152-FZ «On personal data» with amendments of February 6, 2023: adopted by State Duma on July 08, 2006: approved by the Federation Council on July 14,

2006. // SPS «ConsultantPlus»
6. Network information safety law. № 86/2015 / QH13 19.11.2015. // URL://<https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Cong-nghe-thong-tin/Luat-an-toan-thong-tin-mang-2015-298365.aspx>.
7. Decree on application of information technology in the operation of state agencies № 64/2007 / ND-CP 10.04.2007 // URL://<https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Cong-nghe-thong-tin/Nghi-dinh-64-2007-ND-CP-ung-dung-cong-nghe-thong-tin-trong-co-quan-Nha-nuoc-18234.aspx>.
8. Civil Code № 91/2015 / QH13 24.11.2015 // URL://<https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Quyen-dan-su/Bo-luat-dan-su-2015-296215.aspx>.
9. Hinshtein A. // URL://<https://t.me/Hinshtein/2080>.
10. Yedigareva Y. G., Morkovkin D. E., Vlasov. A. V. State anti-corruption policy: problems of formation and implementation // Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship. 2020. T. 19, № 2. P. 41–49.
11. Kaverin D. Hinshtein: the law on leakage of personal data provides for fines for officials // URL://<https://www.gazeta.ru/business/news/2022/12/26/19360201.shtml>.
12. Agaev M. M., Kurilenko Y. A. Types of phishing attacks and methods of counteraction // Modern information technologies in professional activities of police officers: collection of materials of the All-Russian Scientific-Theoretical Conference, Rostov-on-Don, April 22, 2022. Rostov-on-Don : Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. P. 95–98.
13. Matveeva M. A. The concept of law-making policy: the problem of theoretical justification // Education and law. 2017. № 3. P. 24–32.
14. Matveeva M. A. Ensuring constitutional guarantees for privacy in the modern practice of consumer services (on the example of the transport industry) // Transport Law and Security. 2020. № 1 (33). P. 68–76.

Информация об авторах

Ю. А. Куриленко — заместитель начальника кафедры информатики и математики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук;

Ю. Г. Едигарева — доцент кафедры Международные отношения и геополитика транспорта Института международных транспортных коммуникаций Российского университета транспорта (МИИТ), директор Колледжа международных транспортных коммуникаций, кандидат социологических наук;

Ван Ле Тхи — слушатель факультета подготовки иностранных специалистов Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

Yu. A. Kurilenko — Deputy Head of the Department of Informatics and Mathematics, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Candidate of Legal Sciences;

Yu. G. Yedigareva — Associate Professor at the Department of International Relations and Geopolitics of Transport of the Institute of International Transport Communications of the Russian University of Transport (MIIT), Director of the College of International Transport Communications, Candidate of Sociological Sciences;

Van Le Thi — student in the Department of Foreign Specialists Training of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.02.2023; одобрена после рецензирования 24.04.2023; принята к публикации 19.06.2023.

The article was submitted 07.02.2023; approved after reviewing 24.04.2023; accepted for publication 19.06.2023.

Научная статья

УДК 004

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-222-227>

НИОН: 2007-0083-2/23-285

MOSURED: 77/27-005-2023-02-485

Оптимизация маршрутов полицейских патрульных нарядов при организации противодействия незаконному обороту наркотиков

Владимир Александрович Минаев¹, Максим Анатольевич Гершкович²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ mlva@yandex.ru

² jnxsenpai@yandex.ru

Аннотация. Преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, а также оружия, поддельных денег, ценных бумаг и документов в своей существенной части перешла в анонимный сегмент сети Интернет. При этом наиболее безопасной для криминальных элементов схемой сбыта товаров, запрещенных к обороту, является цепочка «Интернет — торговая площадка — закладка». Одним из эффективных направлений пресечения данной схемы является хорошо отлаженное патрулирование нарядами полиции наиболее рискованных пунктов города. Эффективным направлением оптимизации маршрутов полицейских нарядов выступает математическое моделирование. Приняв во внимание характеристики деятельности полиции на территории обслуживания, меняющуюся дорожную обстановку и выявив из анонимного сегмента Интернет наиболее приемлемые места для закладок, подобраны эффективные инструменты оптимизации маршрутов патрулирования. Моделирование маршрутов патрульных полицейских нарядов проведено на примере конкретного района Москвы с помощью алгоритма Дейкстры. Оптимизированный маршрут позволил сократить время патрулирования рассмотренной территории на 26 %. Делается вывод, что перспективы развития модельного подхода в борьбе с незаконным оборотом наркотиков связаны с применением технологий искусственного интеллекта — машинного обучения, нейросетей и других.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, моделирование, оптимизация маршрутов полицейских нарядов, время патрулирования, алгоритм Дейкстры

Для цитирования: Минаев В. А., Гершкович М. А. Оптимизация маршрутов полицейских патрульных нарядов при организации противодействия незаконному обороту наркотиков // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 222-227. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-222-227>.

Original article

Route optimization police patrol squads in the organization of counteraction to illegal drug trafficking

Vladimir A. Minaev¹, Maxim A. Gershkovich²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ mlva@yandex.ru

² jnxsenpai@yandex.ru

Abstract. Crime in the sphere of illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances, as well as weapons, counterfeit money, securities and documents in its substantial part has moved to the anonymous segment of the Internet. At the same time, the most secure scheme for the sale of goods prohibited for circulation for criminal elements is the chain «Internet — trading platform — storage of prohibited substances and objects». Mathematical modeling is an effective way to optimize the routes of police squads. Taking into account the characteristics of police activity in the service area, the changing traffic situation and identifying from the anonymous segment of the Internet the most

© Минаев В. А., Гершкович М. А., 2023

acceptable places for storages, effective tools for optimizing patrol routes were selected. Modeling of the patrol police squads routes was carried out on the example of the Moscow district using Dijkstra's algorithm. The optimized route made it possible to shorten the patrol time of the considered territory by 26 %. It is concluded that the prospects for the development of a model approach in the fight against drug trafficking are associated with the use of artificial intelligence technologies — machine learning, neural networks and others.

Keywords: drug trafficking, modeling, optimization of police patrol routes, patrol time, Dijkstra's algorithm

For citation: Minaev V. A., Gershkovich M. A. Route optimization police patrol squads in the organization of counteraction to illegal drug trafficking. *Criminological journal*. 2023. (2):222-227. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-222-227>.

Введение

Современный криминалитет ищет все более высокотехнологичные методы для сокрытия своих преступных деяний. Поэтому преступность в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, а также оружия, поддельных денег, ценных бумаг и документов в своей существенной части перешла в анонимный сегмент сети Интернет. Для обеспечения анонимности криминальные элементы, как правило, используют программное обеспечение TOR, виртуальную частную сеть VPN, мессенджер Telegram и другие современные средства.

С развитием браузера TOR множатся торговые площадки, форумы, доски объявлений и прочие ресурсы, помогающие осуществлять преступную деятельность и анонимизировать ее в сегменте сети, называемом Dark Net. Это скрытая сеть, соединения в которой устанавливаются только между доверенными парами с использованием нестандартных протоколов обмена.

Оборот наркотиков, оружия, поддельных денежных средств в «теневого сети» с каждым годом все возрастает, имея ряд преимуществ в сравнении с работой off line. Усложняющиеся методы шифрования обеспечивают наилучшую безопасность, логистические способы позволяют работать по усовершенствованной схеме сбыта указанных товаров, а деятельность в Интернет дает возможность криминальным элементам оптимизировать продажи и охватывать все более расширяющуюся территорию.

На сегодняшний день наиболее безопасной схемой сбыта товаров, запрещенных к обороту, является цепочка Интернет — Торговая площадка — Закладка. Так, например, если наркотики получены через закладку, то максимум, что покупатель может сообщить полиции, — это название площадки, иногда, возможно, номер телефона в каком-либо мессенджере. Курьеры — закладчики работают по такому же принципу. Получают товар в закладке и распространяют его по множеству отдельных точек сбыта.

Одним из направлений пресечения данной схемы может быть хорошо отлаженное патрулирование нарядами полиции наиболее приемлемых для закладок точек города. Как правило, это — подъезды, гаражи,

стройки, парки и территории, где отсутствуют камеры видеонаблюдения.

Эффективным направлением оптимизации маршрутов полицейских нарядов в связи со сказанным является математическое моделирование и актуальность настоящей статьи определяется тем, что к настоящему времени соответствующие модели разработаны слабо и используются мало [1; 2].

Рассмотрим в статье результаты построения оптимальных маршрутов патрульных полицейских нарядов при осуществлении борьбы с незаконным оборотом наркотических средств на конкретной территории мегаполиса. Основными задачами, которые решались при создании соответствующей математической модели, выступили:

- анализ механизма функционирования анонимной торговой площадки и форумов в сети Интернет для получения исходных данных о характеристиках незаконного оборота наркотических средств;
- моделирование механизма незаконного оборота наркотических средств с использованием теневого сегмента сети Интернет;
- разработка оптимальных маршрутов патрулирования территории обслуживания нарядами патрульно-постовой службы полиции с целью противодействия распространению наркотических средств и иных товаров, запрещенных к обороту.

Основная направленность модели заключается в выработке такой схемы движения полицейских нарядов по маршрутам, которая бы позволяла максимально сократить время достижения ими рискованных пунктов, связанных с незаконным сбытом наркотических средств.

Анонимный сегмент сети Интернет как информационная база криминальной среды

Для разработки оптимальных маршрутов полицейских нарядов с целью пресечения преступной деятельности наркокурьеров необходимо понимать принципы работы и иерархию их соподчинения, методы функционирования современных «наркошопов», а также иметь представление о средствах анонимизации в сети Интернет, которыми активно пользуются

криминальные элементы.

К *теневому Интернету* относятся веб-сайты, которые не индексируются и доступны только через специализированные браузеры. Теневой Интернет хорошо замаскирован, поэтому воспользоваться его ресурсами могут лишь немногие посвященные.

Выделяется ряд характеристик теневого Интернета, которые делают его своеобразным пристанищем для пользователей, желающих сохранить анонимность [3]:

- *Отсутствие индексации* страниц распространенными поисковыми системами, которые не отображают по запросу выдачу параметров теневого Интернета и даже не могут зафиксировать их.
- *Туннелирование трафика* при помощи инфраструктуры случайно сгенерированных сетей.
- *Недоступность для обычных браузеров* благодаря уникальным доменам. Кроме того, теневые ресурсы спрятаны еще и при помощи таких мер сетевой безопасности, как сетевые экраны и шифрование.

Как уже говорилось, сегодня самым распространенным способом проникновения в теневую сегмент сети является программное обеспечение TOR. Это — один из лучших инструментов анонимизации обмена информацией для злоумышленников в Интернет, представляющий огромную сеть, состоящую из тысяч связанных компьютеров, распределенных по всему миру.

Данное программное обеспечение затрагивает два типа участников цепи продажи наркотиков и прочих товаров, оборот которых запрещен или ограничен. Этими участниками являются продавец и покупатель. Существуют и другие звенья цепи, но они, как правило, используют иные программные продукты.

Роль продавцов и покупателей в их сетевом взаимодействии можно понять на примере работы ранее существовавшего нелегального сайта теневого Интернета — HYDRA. В 2019 году в «Гидре» насчитывалось около 2,5 млн аккаунтов, из которых почти 400 тысяч — покупатели.

HYDRA обладала огромным штатом сотрудников и даже имела свой департамент информационной безопасности. Покупатели получали доступ к данной торговой площадке через браузер TOR, приобретая товар только за криптовалюту.

На сегодняшний день площадка HYDRA закрыта правоохранительными органами Германии, серверы торговой площадки изъяты. Однако опасность заключается в том, что весь ее пользовательский трафик никуда не исчез, а лишь перераспределился на другие, менее популярные площадки, которые имеют аналогичные схемы продажи, структуру и систему безопасности.

Важно отметить, что продажа запрещенных товаров происходит не только на специализированных

торговых площадках. Большую роль в этом процессе играют мессенджеры, в частности, Telegram, который, как и TOR, активно используется в распространении наркотиков и прочих запрещенных веществ, размещаемых посредством «закладок».

Какие же методы борьбы с «высокотехнологичной» наркопреступностью существуют сегодня, когда взаимодействие субъектов в этой криминальной сфере происходит на анонимной основе таким образом, что получить ключи шифрования чатов для общения не представляется возможным, а оплату полученного зелья нельзя отследить, поскольку она осуществляется криптовалютой?

В частности, одно из направлений противодействия криминальным проявлениям в анонимном сегменте сети Интернет связано с неотъемлемым атрибутом «кладмена» — мобильным телефоном. Даже при отключенном GPS-модуле или использовании старого телефона, правоохранительные органы могут применять метод триангуляции, когда координаты закладок сопоставляются с данными нескольких базовых станций мобильной связи. Если же включены данные о местоположении «закладчика», который отправляет координаты заказчику, применяя GPS-модуль, тогда его поимка — дело техники.

Существуют и иные методы поиска наркокурьеров, но самым распространенным способом пресечением их деятельности остается патрулирование территорий нарядами полиции, а также целенаправленная работа оперативников.

Зарубежный опыт моделирования маршрутов полицейских нарядов

Рассмотрим некоторые результаты исследований в Израиле и США в области моделирования маршрутов патрульных полицейских нарядов с учетом криминальной обстановки на территориях обслуживания.

В работе [4] рассматриваются модели распределения патрулей в Израиле. Они оптимизируют размещение нарядов полиции в зависимости от таких параметров, как скорость оперативного реагирования на вызовы, наличие патрульных в наиболее «горячих точках» территории (учитывая статистику совершенных преступлений) для создания «эффекта ореола», т. е. эффекта постоянного присутствия полиции.

Принимая во внимание эти параметры, необходимо строить маршруты нарядов таким образом, чтобы путь авто патрулей полиции проходил через наиболее рискованные места территории, а дислокация пеших патрулей соответствовала «горячим точкам» для создания «эффекта ореола». Также необходимо обращать внимание на дорожную ситуацию и пропускную способность дорог, поскольку эти факторы напрямую связаны со скоростью реагирования на происшествия.

Американский опыт моделирования маршрутов нарядов полиции [5] подтверждает, что длительное

пребывание патрулей в «горячих точках» имеет эффект постоянного присутствия в них сотрудников полиции, который в итоге снижает уровень преступности в данных местах.

Еще один способ улучшения работы патрульных приводится в [6], где используется тактика «нулевой терпимости», которая в 1990 г. предложена мэром Нью-Йорка Р. Джулиани. Изначально в научной литературе и официальных документах под «нулевой терпимостью» понималась тактика пристрастного отношения правоохранительных органов к участникам преступных группировок, предполагающая назначение максимальных санкций даже за незначительные правонарушения.

Реализация этого способа привела к значительно уменьшению преступности. Так, в США в период с 1991 по 2001 г. уровень убийств снизился с 9,8 до 5,5 (в расчете на 100 тыс. населения), т. е. на 43 %, уровень насильственных преступлений упал на 34 %, имущественных — на 29 %.

С учетом указанных характеристик деятельности зарубежной полиции, а также изменяющейся дорожной обстановки при решении задачи выбора оптимальных маршрутов патрулирования, авторами статьи, кроме того, целенаправленно учитывалась информация, полученная из анонимного сегмента сети Интернет. При этом обращалось внимание на роль территориальных объектов полиции (участковые пункты, здания ОВД и т. п.), которые обладают указанным «эффектом ореола». Учитывались также геометки с сайтов, которые указывали возможную дислокацию нарядов ППС и тоже имели свойства указанного эффекта.

Приняв во внимание вышеназванные характеристики деятельности полиции на территории обслуживания, меняющуюся дорожную обстановку и выявив из анонимного сегмента Интернет наиболее приемлемые места для закладок, авторами статьи подобраны эффективные инструменты оптимизации маршрутов патрулирования

Поскольку ситуация на дорогах постоянно меняется, маршруты с определенной периодичностью обновляются. При этом рискованные точки на них остаются неизменными, сохраняя «эффект ореола», что делает маршруты мало предсказуемыми для злоумышленников.

Оптимизации маршрутов патрулирования в условиях мегаполиса

Моделирование маршрутов патрульных полицейских нарядов проведено авторами на примере такого мегаполиса, как Москва. Оно базируется на основе информации, полученной с портала открытых данных г. Москвы и анонимного источника информации safeklad.com.

Для сбора данных использованы инструменты QGIS и Node.js. QGIS — это географическая информационная система, позволяющая загружать и визу-

ализировать данные с портала открытых данных, а также производить сортировку геометок объектов по нужному району мегаполиса [7]. Это могут быть реестры камер и местоположения отделов полиции. Отсутствующие данные можно добавлять вручную, обратившись к API нужных сервисов. Опции QGIS позволяют сортировать объекты по их геопозиции и менять цвет геометок в зависимости от типа данных.

Главные составляющие для осуществления маршрутизации — это дорожный граф и алгоритм, который рассчитывает оптимальные пути. Дорожный граф включает информацию об участках дорог: географические координаты, направление движения, средняя скорость движения и другие параметры. Каждый фрагмент графа содержит данные о том, как он стыкуется с соседними участками — есть ли в этом месте поворот, возможно ли развернуться в обратную сторону.

Итак, исходя из длины каждого отрезка графа и скорости движения на конкретном участке дороги, необходимо построить оптимальный по времени маршрут движения. Наиболее подходящим для решения этой задачи является алгоритм Дейкстры [8]. Если маршрут строится без учёта пробок, то алгоритм использует среднюю скорость движения на участке. А если необходимо узнать, как быстрее всего добраться до определенной точки с учётом текущей ситуации на дороге, алгоритм учитывает данные о ней.

Специальным инструментом для проведения анализа состояния наркопреступности в районах г. Москвы послужило разработанное авторами программное обеспечение для парсинга анонимного сегмента сети, давшего возможность автоматизированного сбора и систематизации данных о территориальном распространении закладок наркотических веществ. Благодаря парсингу получено представление об интенсивности деятельности закладчиков по районам города. Отметим, что в работе [9] на основе данных парсинга сформирована тепловая карта плотности распределения закладок в городе Москве.

Используя вышеописанные источники информации и инструменты моделирования, авторами настоящей работы построены оптимальные маршруты патрульных полицейских нарядов, основная цель которых — пресечение преступной деятельности в сфере незаконного оборота наркотических средств в конкретном районе г. Москвы.

Для этого на карту моделируемой территории перенесены геометки из анонимного источника сети Интернет, выделены на ней наиболее рискованные участки, построен оптимальный маршрут нарядов полиции (отмечен цифрами 1–12). Оптимизированный маршрут позволил сократить время патрулирования выделенной территории на 26 %. Пример приведен на Рисунке 1.

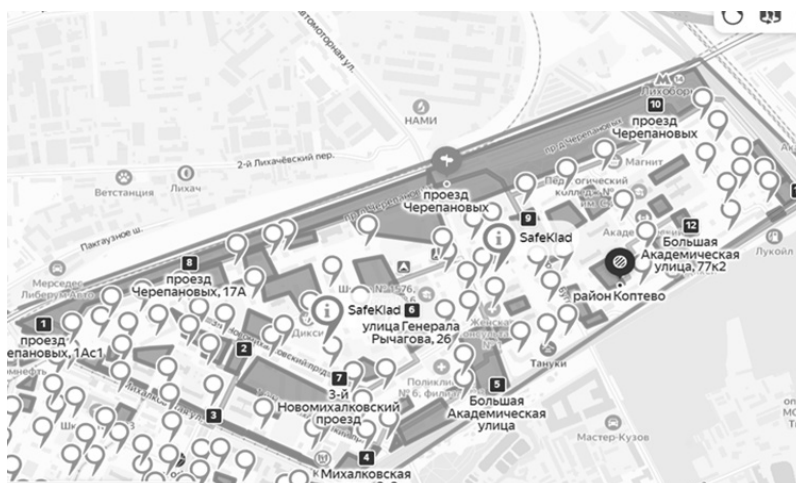

Рис. 1. Оптимизированный маршрут на обслуживаемой территории

Заключение

В статье рассмотрены результаты обслуживания территории района г. Москвы полицией, направленные на усиление противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота веществ, в частности — наркотических.

После определения мест наибольшей активности криминальных элементов использованы современные инструменты для оптимизации маршрутов, которые позволили добиться в среднем до 26 % сокращения времени достижения полицейскими патрулями рискованных точек, характеризующихся высокой вероятностью наркотических закладок.

Полученные результаты моделирования целесообразно применять для обучения сотрудников правоохранительных органов аналитической осведомленности о состоянии данного вида преступности, а также предупреждения преступлений, связанных с анонимным сегментом сети Интернет. Это поможет им лучше понимать ситуацию на территории обслуживания и принимать эффективные меры по предотвращению преступлений.

Результаты исследования показали, что оптимизация маршрутов патрулирования повышает эффективность работы полиции в борьбе с наркотической преступностью и иными направлениями противозаконной деятельности, связанной с распространением криминальных закладок. Для поддержания высокого качества работы необходимо регулярно актуализировать и совершенствовать как модели оптимизации, так и модели данных для проведения расчетов.

Учитывая особую чувствительность результатов моделирования и данных, используемых для модельных расчетов, которые, без сомнения, являются целями устремления криминальных элементов, для защиты указанной информации следует применять такие методы защиты, как шифрование на основе надежных

алгоритмов и ограничение доступа по IP-адресам.

Перспективы развития рассмотренного модельного подхода в борьбе с незаконным оборотом наркотиков, на наш взгляд, связаны с применением технологий искусственного интеллекта — машинного обучения, нейросетей и других. Такие технологии дают возможность прогнозировать преступления в сфере незаконного оборота запрещенных веществ и объектов, а также принимать более эффективные меры по их предотвращению.

Список источников

1. Минаев В. А., Бондарь К. М., Дунин В. С., Скрипко П. Б. Задачи управления силами и средствами органов внутренних дел: математические модели и их приложения: монограф. Хабаровск : ДВЮИ МВД России, 2022.
2. Гершкович М. А. Оптимальное распределение полицейских патрульных нарядов с учетом информации из анонимного сегмента сети Интернет // Сборник статей «Информационные технологии в деятельности органов внутренних дел». М. : МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 242–248.
3. Анонимные сети: что это такое и как они работают? // URL://<https://habr.com/ru/post/437176/>
4. Adler N., Hakkert A., Kornbluth J. Location-allocation models for traffic police patrol vehicles on an interurban network / Перевод: Адлер Н., Хаккерт А., Корнблут Дж. Модели распределения мест для патрульных автомобилей дорожной полиции на междугородней сети // *Annals of Operations Research*. 2014. № 221. P. 9–31.
5. Koper C. Just Enough Police Presence: Reducing Crime and Disorderly Behavior by Optimizing Patrol Time in Crime Hot Spots / Перевод: Копер К. Достаточное присутствие полиции:

Сокращение преступности и беспорядочного поведения путем оптимизации времени патрулирования в «горячих точках» преступности // Justice Quarterly. 1995. № 4. P. 649–672.

6. Fritsch Eric J., Liederbach John, Taylor Robert W. Police patrol allocation and deployment / Перевод: Фритч Эрик Дж., Лидербах Джон, Тейлор Роберт В. Распределение и развертывание полицейских патрулей. New Jersey : Pearson Prentice Hall, 2009. /
7. QGIS // URL://http://www.newart.ru/html/myzavr/mz76.php.
8. Дейкстра Э. Дисциплина программирования. М. : Мир, 1978.
9. Поликарпов Е. С., Толстых А. А., Цимбал В. Н. Обобщенный анализ сайтов сбыта наркотических средств анонимного сегмента сети Интернет // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 174–178.

References

1. Minaev V. A., Bondar K. M., Dunin V. S., Skripko P. V. Tasks of management of forces and means of internal affairs bodies: mathematical models and their applications: monograph. Khabarovsk : Far East Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022.
2. Gershkovich M. A. Optimal distribution of police patrol units taking into account the information

from the anonymous Internet segment // Collection of articles «Information technologies in the activities of internal affairs bodies». М. : Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Y. Kikot', 2022. P. 242–248.

3. Anonymous networks: what are they and how do they work? // URL://https://habr.com/ru/post/437176/
4. Adler N., Hakkert A., Kornbluth J. Location-allocation models for traffic police patrol vehicles on an interurban network // Annals of Operations Research. 2014. № 221. P. 9–31.
5. Koper C. Just Enough Police Presence: Reducing Crime and Disorderly Behavior by Optimizing Patrol Time in Crime Hot Spots // Justice Quarterly. 1995. № 4. P. 649–672.
6. Fritsch Eric J., Liederbach John, Taylor Robert W. Police patrol allocation and deployment. New Jersey : Pearson Prentice Hall, 2009.
7. QGIS // URL://http://www.newart.ru/html/myzavr/mz76.php.
8. Dijkstra E. The Discipline of Programming. М. : The World, 1978.
9. Polikarpov E. S., Tolstykh A. A., Tsimbal V. N. Generalized analysis of drug sales sites of the anonymous segment of the Internet // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4. P. 174–178.

Информация об авторах

В. А. Минаев — профессор кафедры специальных информационных технологий Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор технических наук, профессор.

М. А. Гершкович — Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.

Information about the authors

V. A. Minaev — Professor of the Special Information Technologies Department of the Moscow University of the Internal Affairs Ministry of Russia named after V. Ya. Kikot', Doctor of Technical Sciences, Professor.

M. A. Gershkovich — Moscow University of the Internal Affairs Ministry of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 03.02.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 05.06.2023.

Научная статья

УДК 003

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-228-230>

НИОН: 2007-0083-2/23-286

MOSURED: 77/27-005-2023-02-486

Развитие шифровального дела в России

Виталий Михайлович Смирнов¹, Дарья Олеговна Кривоногова²

^{1,2} Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ smirnov.v.m.002@gmail.com

² krivonogovadara7@gmail.com

Аннотация. Рассматривается история криптографии в России с момента открытой публикации государственного стандарта ГОСТ 28147-89 в 1989 г. Автор анализирует, какие изменения произошли в криптографической деятельности России с того времени и до настоящего момента.

Ключевые слова: шифровальное дело, криптография, ГОСТ 28147-89, кибербезопасность, законодательные нормы, частные фирмы, защита информации

Для цитирования: Смирнов В. М., Кривоногова Д. О. Развитие шифровального дела в России // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 228-230. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-228-230>.

Original article

Development of encryption business in Russia

Vitaly M. Smirnov¹, Daria O. Krivonogova²

^{1,2} Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia

¹ smirnov.v.m.002@gmail.com

² krivonogovadara7@gmail.com

Abstract. Examines the history of cryptography in Russia since the open publication of the state standard GOST 28147-89 in 1989. The author analyzes what changes have taken place in the cryptographic activity of Russia from that time to the present.

Keywords: encryption, cryptography, GOST 28147-89, cybersecurity, legal regulations, private firms, information protection

For citation: Smirnov V. M., Krivonogova D. O. Development of cryptography in Russia. Criminological journal. 2023. (2):228-230. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-228-230>.

Шифровальное дело — это область криптографии, которая занимается разработкой и применением методов защиты информации путем шифрования (преобразования исходного текста в неразборчивый вид) и расшифровки (восстановления исходного текста). Шифрование используется для защиты конфиденциальной информации от несанкционированного доступа и предотвращения ее утечки. Однако шифрование также может использоваться для скрытой передачи информации и для ведения тайной корреспонденции, что может стать объектом интереса правоохранительных органов. В своей работе Н. А. Базеева, определяет криптографию как науку, которая направлена на решение двух главных задач, это — обеспечение кон-

фиденциальности и целостности информации [1, с. 2].

Шифровальное дело имеет большую актуальность в свете современных технологий и возможностей шифрования информации. С одной стороны, шифрование позволяет обеспечить конфиденциальность переписки и защитить данные от несанкционированного доступа, что является важным аспектом в сфере бизнеса, научных исследований, политических действий и других областей.

Однако, с другой стороны, шифрование может быть использовано для сокрытия преступной деятельности, такой как терроризм, киберпреступления, наркоторговля и другие. Это создает проблемы для правоохранительных органов и спецслужб, которые

© Смирнов В. М., Кривоногова Д. О., 2023

могут столкнуться с трудностями в обнаружении и пресечении таких преступлений.

В связи с этим, вопросы шифрования и расшифровки информации являются актуальными для государства и общества в целом. В России, например, национальная безопасность и борьба с терроризмом и киберпреступлениями являются приоритетными задачами, поэтому шифровальное дело имеет особое значение.

Целью данной статьи является анализ развития шифровального дела в России. Однако стоит учесть тот факт, что периодизация этапов генезиса, становления и сегодняшнего развития крайне объемна. Именно поэтому, мы считаем необходимостью проанализировать два этапа развития шифровального дела в России, а именно период со второй половины 1950-х г. — 1989 г и с 1989 г. — по настоящее время. Обоснование выбора именно этих двух этапов, обусловлено интенсивностью развития технологий в области технических средств и как итог качественно новый шаг в развитии шифровального дела в России.

Итак, рассмотрим некоторые аспекты развития шифровального дела и сделаем вывод на основе проведенного анализа.

Первый период который мы взяли для анализа является период с второй половины 1950-х г. — 1989 г. Характерной чертой для всего развития технологий являлось использование только отечественных разработок. Начиная со второй половины 1950-х г., использование электронных вычислительных машин (ЭВМ) получило широкое распространение в Советском Союзе для криптографической деятельности, и начали появляться новые виды шифровального оборудования различного назначения. Были созданы шифровальные машины нового поколения, такие как электронные шифраторы, в которых использовались интегрированные микросхемы.

Во второй половине 1950-х г. использование электронных вычислительных машин (ЭВМ) получило широкое распространение в криптографической деятельности СССР. Были внедрены новые типы шифровального оборудования различного назначения, и было разработано новое поколение шифровальных машин — электронных шифровальщиков, использующих интегрированные микросхемы. Отечественная радиоэлектронная разведка продолжала развиваться и укрепляться, и с 1950-х по первую половину 1980-х г. она организационно и технически превратилась из передовой в стратегическую силу. Криптографическая деятельность в этот период была исключительной прерогативой государства.

Подводя промежуточный итог исследования, нами сделан вывод, что период с 1950-х г. по 1989 г. представляет собой технологическое развитие и использование новых криптографических методов было одной

из ключевых стратегических задач для Советского Союза. Отечественная радиоэлектронная разведка играла важную роль в этой области и организационно и технически превратилась из передовой в стратегическую силу. Важной чертой развития технологий было использование только отечественных разработок. Новые виды шифровального оборудования и новое поколение шифровальных машин с интегрированными микросхемами были разработаны и внедрены в практику. Криптографическая деятельность в этот период была исключительной прерогативой государства, что свидетельствует о важности и секретности информации, которую нужно было защищать.

Второй же этап развития шифровального дела в России приходится на 1989 г. и по настоящее время. Характеризуется он следующими обстоятельствами:

1. Появление криптографических стандартов: В 1989 г. был опубликован ГОСТ 28147-89 — криптографический алгоритм, который стал первым стандартом в области криптографии в СССР. Затем в 1994 г. были приняты еще два стандарта — ГОСТ Р 34.10-94 (алгоритм цифровой подписи) и ГОСТ Р 34.11-94 (хэш-функция). [2, с. 34].

2. Развитие коммерческой криптографии: с начала 1990-х г. на территории России начинают осуществлять криптографическую деятельность коммерческие структуры, финансовые организации и частные лица.

3. Появление частных фирм: с развитием криптографической деятельности появляются частные фирмы - производители шифровального оборудования, других средств защиты информации, а также специализирующиеся на оказании услуг в области защиты информации.

4. В 1992 г. в России была создана Академия криптографии. Ее первым президентом стал Н. Н. Андреев. Идею создания Академии поддержали академики и члены корреспонденты РАН: В. А. Котельников, Ю. В. Прохоров, В. Я. Козлов, В. К. Левин, Б. А. Севастьянов. Академия решает задачи государственной важности по обеспечению национальной безопасности и обороноспособности страны.

5. Регулирование криптографической деятельности: для регламентации осуществления криптографической деятельности, а также введения определенных ограничений на отдельные ее виды для негосударственных организаций принимается ряд законодательных и других нормативных актов (в качестве примера можно привести ФЗ РФ «Об информации, информатизации и защите информации» [3]).

6. Совершенствование нормативно-правовой базы: Нормативно-правовая база в области защиты информации продолжает совершенствоваться.

Второй этап развития шифровального дела в России (1989 — настоящее время) как показал анализ, характеризуется появлением криптографических

стандартов, развитием коммерческой криптографии и появлением частных фирм, регулированием криптографической деятельности, созданием Академии криптографии и совершенствованием нормативно-правовой базы. В целом, Россия активно занимается развитием криптографических технологий и их использованием в национальных интересах.

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие шифровального дела в России связано с появлением криптографических стандартов, развитием коммерческой криптографии, появлением частных фирм, регулированием криптографической деятельности и совершенствованием нормативно-правовой базы.

Список источников

1. Базеева Н. А., Ушакова Е. Е. Криптография. Ее основополагающие методы, развитие и перспективы // E-Scio, 2021. № 5 (56). С. 572–578.

2. Ларин Д. А. Этапы криптографической деятельности в России // История и архивы. 2011. № 13 (75). С. 11–37.
3. Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Bazeeva N. A., Ushakova E. E. Cryptography. Its fundamental methods, development and prospects // E-Scio, 2021. № 5 (56). P. 572–578.
2. Larin D. A. Stages of cryptographic activity in Russia // History and archives. 2011. № 13 (75). P. 11–37.
3. Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection» of July 27, 2006 № 149-FZ // SPS «ConsultantPlus».

Информация об авторах

В. М. Смирнов — старший преподаватель кафедры информатики и математики Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат технических наук;

Д. О. Кривоногова — курсант Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Information about the authors

V. M. Smirnov — Senior Lecturer in the Department of Informatics and Mathematics of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', Candidate of Technical Sciences;

D. O. Krivonogova — Cadet of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot'.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-231-235>

НИОН: 2007-0083-2/23-287

MOSURED: 77/27-005-2023-02-487

К вопросу о криминологической характеристике преступлений, совершаемых с использованием компьютерных сетей

Георгий Фаризович Шипулин

Московский политехнический университет, Москва, Россия, podumai_nad@mail.ru

Аннотация. Дается криминологическая характеристика преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. В работе показана статистика, указывающая на значительный рост преступных посягательств, совершаемых в цифровой среде. Показана важность своевременного предупреждения подобного рода правонарушений. Автор говорит о необходимости внесения изменений в правовую базу, которые будут способствовать сокращению подобного рода правонарушений.

Ключевые слова: уголовное право, криминологическая характеристика, компьютерная информация, информационно-телекоммуникационные технологии, цифровая среда, профилактика

Для цитирования: Шипулин Г. Ф. К вопросу о криминологической характеристике преступлений, совершаемых с использованием компьютерных сетей // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 231-235. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-231-235>.

Original article

On the criminological characterization of offences committed through computer networks

Georgy F. Shipulin

Moscow Polytechnic University, Moscow, Russia, podumai_nad@mail.ru

Abstract. It gives criminological characteristics of crimes committed with the use of information and telecommunication networks. The paper shows statistics indicating a significant increase in criminal offences committed in the digital environment. The importance of timely prevention of such offences is shown. The author speaks of the need for changes in the legal framework, which will contribute to the reduction of this type of offence.

Keywords: criminal law, criminological characteristics, computer information, information and telecommunication technologies, digital environment, prevention

For citation: Shipulin G. F. On the criminological characterization of offences committed through computer networks. Criminological journal. 2023. (2):231-235. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-231-235>.

Сегодня, говоря о преступлениях, совершаемых с использованием компьютерных сетей, понимают, как правило, деяния, осуществляемые в цифровой среде — виртуальной сфере человеческой активности, обеспеченной функционированием множества взаимосвязанных информационных систем, которые представляют собой виртуальное выражение функционирования физических ЭВМ, объединенных в компьютерные сети [1, с. 53; 2, с. 125]. Среди отличительных особенностей цифровой среды целесообразно указать следующие: пользователю предоставляются

возможности доступа к ней, присутствия, воздействия и изменения. Этими факторами обуславливается возможность пользователей получать впечатления, испытывать реальные ощущения от активности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», которая выступает лишь инструментом перехода («шлюзом») из реального в виртуальный мир. В качестве примера — виртуальная среда «Second life», которая представляет собой трехмерный виртуальный мир, копирующий естественную жизнь в реальном мире [3, с. 24–25; 4, с. 241].

© Шипулин Г. Ф., 2023

В условиях современного технологического развития ИТ-сферы, затрагивающей все отрасли развития общественной жизни, проблема информационного пространства в части несанкционированного доступа к компьютерной информации, использования в преступных целях компьютерных сетей и более новых вредоносных программ приобретает все большую значимость и актуальность [5, с. 64]. Необходимо согласиться с А. А. Лысовым, Д. Б. Дмитриевым, что информационное пространство представляет собой сегодня особо привлекательный для криминального элемента сектор. Это связано с повышенной виктимностью (по причине низкой компьютерной грамотности) населения, территориальной дистанционностью потенциальных жертв, позволяющих злоумышленнику совершать преступление без прямого контакта с ними, а также длительностью преступного воздействия [6, с. 210–211]. Безусловно, такие противоправные посяательства стали появляться с начала образования информационной среды, постепенно увеличивая масштабность и распространенность преступного информационного влияния. В современных реалиях, связанных с непростой геополитической обстановкой, увеличением количества случаев несанкционированного вмешательства в критическую инфраструктуру со стороны других государств, стоит признать, что рост уровня преступлений, совершаемых с использованием компьютерных сетей в нашей стране, накладывает все более негативный отпечаток на охраняемые законом общественные отношения.

В настоящее время следует констатировать, что действующий уголовный закон не содержит достаточного количества норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение исчерпывающего числа общественно опасных деяний, возможности для реализации которых открывают условия цифровой среды; тем не менее, уже сегодня имеют место первые судебные иски между пользователями виртуального мира по факту хищения программных кодов, используемых для производства товаров в виртуальной реальности [7].

Важно подчеркнуть, что сегодня отсутствуют единые и нормативно закрепленные разъяснения, связанные с характеристикой компьютерной информации как объекта рассматриваемых преступных посятельств, а также компьютерных устройств, которые могут представлять собой и предмет преступления, и способ его совершения, а также разъяснения по вопросам разграничения деяний, совершенных посредством указанных способов, которые способствуют формированию единообразного применения уголовного закона в рассматриваемой части. Кроме того, требуют официального толкования следующие юридические термины, обозначающие объекты информационной

сферы: (1) «компьютерная программа»; (2) «уничтожение»; (3) «блокирование»; (4) «модификация»; (5) «копирование» компьютерной информации; (6) «нейтрализация средств защиты»; (7) «иная компьютерная информация»; (8) «нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации»; (9) «информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет»»; (11) «веб-сайт».

Полагаем, что в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» решены наиболее важные проблемные вопросы, возникающие как в теории, так и на практике при квалификации преступлений в сфере компьютерной информации, а также иных преступлений, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», что позволит в последующем сформировать единообразную практику применения законодательства об уголовной ответственности за указанные преступления [8; 9].

Необходимо обратить внимание на текущее состояние, структуру и динамику рассматриваемого вида преступности, которые заметно изменились за сравнительно короткий промежуток времени. Статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации [10] показывают, что за последние 5 лет число таких преступлений увеличилось более чем в 11 раз. При этом удельный вес от общего числа зарегистрированных преступлений показывает положительную динамику, которую можно охарактеризовать как лавинообразный скачок — с 4,4 т% в 2017 г. до 25,8 % в 2021 г. (рост в 5,8 раз) (Таблица 1).

В соответствии со статистическими данными ГИАЦ МВД России [11] количество ежегодно зарегистрированных преступлений неуклонно растет, по состоянию на 2021 г. их число составляет 6869 преступлений (рост в 3,9 раза по сравнению с аналогичным периодом 2016 г.), динамика преступлений представлена информативной скачкообразной диаграммой и выглядит следующим образом (Рис. 1):

Количество зарегистрированных преступлений в РФ, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий свидетельствует о ежегодном значительном росте на территории нашей страны, при этом их удельный вес по состоянию на 2021 г. составляет 25 % (1/4) от общего числа зарегистрированных преступлений, что не может вызывать беспокойство со стороны правоохранительных органов.

Таблица № 1

Количество зарегистрированных преступлений в Российской Федерации, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (по годам)

Год	2017	2018	2019	2020	2021
Количество, тыс.	90,5 тыс.	174,6 тыс.	294,4 тыс. (+68,5%)	510,4 тыс. (+73,4%)	517,7 тыс.
Удельный вес, %	4,4%	8,8%	14,5%	25%	25,8%

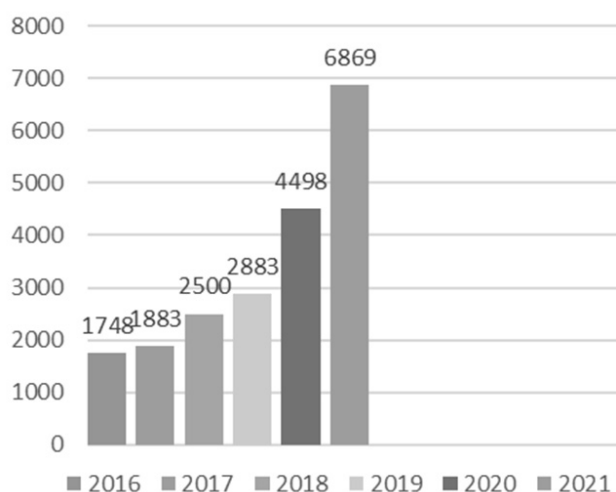

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений, включенных в главу 28 УК РФ

Большинство преступлений совершаются с использованием ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; данные преступления показывают стабильный рост (2020 г. — 300,3 тыс.; 2021 г. — 351,4 тыс.); средств мобильной связи (2020 г. — 218,7 тыс.; 2021 г. — 217,5 тыс.); компьютерной техники (2020 г. — 28,6 тыс.; 2021 г. — 27,5 тыс.); программных средств (2020 г. — 28,6 тыс.; 2021 г. — 7,2 тыс.). Противодействие указанным преступлениям осуществляется на достаточно низком уровне [12, с. 44–45]. Согласно сведениям Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации количество ежегодно привлеченных к уголовной ответственности лиц является не высоким. Большинство преступлений в сфере компьютерной информации являются высоко латентными и подвержены высокому риску уничтожения доказательств путем удаления не только самой информации о совершенном деянии в информационном пространстве, а также посредством уничтожения орудия преступления — самого электронного устройства, с помощью которого оно было совершено. В преобладающем большинстве случаев не представляется возможным

установить лицо, совершившее преступление, предусмотренное Гл. 28 УК РФ; доля лиц, привлеченных к уголовной ответственности за 2020–2021 г., составляет всего — 0,02 % и 0,04 %. Так, всего осуждено за 1 полугодие 2022 г. — 131; 2021 г. — 225; 2020 г. — 137; 2019 г. — 165; 2018 г. — 129, при этом только четверть (примерно 25 %) из числа осужденных имеют высшее образование [13].

В настоящий момент становится понятно, что компьютерная преступность приобретает все более групповой характер. Лица, объединенные общими целями и профессиональными умениями в области компьютерных технологий, создают преступные группировки, направленные на совершение масштабных противоправных действий. К числу известных хакерских групп относится «АРТ41» [15], целями атак которой являются одновременно кибершпионаж и финансовая выгода, а также несанкционированный доступ к защищенным компьютерам, кража личных данных, отмывание денег, мошенничество [16, с. 187; с. 175–176]. При этом общеизвестно, что киберпреступность активно развивается внутри сети «Интернет», так называемой части глубинного интернета — «DarkNet» [17, с. 279–281], доступ к которой возможен только через специальное программное обеспечение (VPN, Tor, I2P), где распространяется закрытая информация о продаже оружия, наркотических средств, подделке документов и т. д., являющаяся общедоступной для всех пользователей сети, выступающей своеобразной платформой по совершению сделок в отношении товаров, запрещенных или ограниченных в гражданском обороте Российской Федерации.

Список источников

1. Wiegel N. Virtual-Digital Environment as A Phenomenon of Modern Culture / Перевод: Вигель Н. Виртуально-цифровая среда как феномен современной культуры // Science Almanac of Black Sea Region Countries. 2022. № 1 (29). P. 52–55.
2. Чекушов А. А., Гордеевцев Е. И., Чирков М. А., Чистяков М. С. Преступность в цифровой среде как фактор, ограничивающий развитие ин-

- формационных технологий // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1 (54). С. 125–127.
3. Батурич Ю. М., Полубинская С. В. Что делает виртуальные преступления реальными // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 2. С. 9–35.
 4. Костенко Н. И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с компьютерными преступлениями: монография. М. : Юрлитинформ, 2020.
 5. Ровина Е. Е., Нохоева В. А. Компьютерные вирусы: причины популяризации и проблемы противодействия // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (11). С. 70–73.
 6. Лысов А. А. К вопросу об особенностях преступлений, совершаемых в сфере компьютерной информации // Актуальные вопросы современной науки: теория, технология, методология и практика: Сборник научных статей по материалам VII Международной научно-практической конференции. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2021. С. 209–216.
 7. Lawsuit Over 'Theft' Of Digital Items In Second Life Shows Up In First Life Court / Перевод: Иск о «краже» цифровых предметов в Second Life подан в суд First Life // URL://https://www-techdirt-com.translate.google.com/2007/10/30/lawsuit-over-theft-of-digital-items-in-second-life-shows-up-in-first-life-court/?_x_tr_sl=auto&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru.
 8. Состоялось очередное заседание Пленума Верховного Суда России. 8 ноября 2022 // URL://https://supcourt.ru/press_center/news/31711/
 9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // Российская газета. 2022. № 294.
 10. Портал правовой статистики Генеральной прокуратурой РФ // URL://<http://crimestat.ru/51>.
 11. Главный информационно-аналитический центр МВД России // URL://<http://10.5.0.16/>
 12. Летелкин Н. В. К вопросу об определении наиболее эффективной модели совершенствования отечественного уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Союз криминалистов и кримиологов. 2019. № 4. С. 42–47.
 13. Судебный департамент при Верховном суде РФ // URL://<http://www.cdep.ru>.
 14. Жесткий график АРТ 41 // URL://<https://blog.group-ib.ru/apt41-world-tour-2021>.
 15. Осокин Р. Б., Дикажев М. М. Электронный документооборот в правоохранительных органах: состояние и проблемы правовой регламентации // Вестник Московского университета МВД России. М. : 2020. № 6. С. 188–196.
 16. Осокин Р. Б., Ендольцева А. В. Организационно-правовые проблемы деятельности по размещению в сети «интернет» текстов судебных актов // Образование и право. 2017. № 11. С. 174–180.
 17. Попов Д. Е. Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина // Сборник материалов Международной науч.-практич. конф. Уфа, 2019. С. 275–281.
- #### References
1. Wiegel N. Virtual-Digital Environment as A Phenomenon of Modern Culture // Science Almanac of Black Sea Region Countries. 2022. № 1(29). P. 52–55.
 2. Chekushov A. A., Gordeevtsev E. I., Chirkov M. A., Chistyakov M. S. Crime in the digital environment as a factor limiting the development of information technology // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2020. № 1 (54). P. 125–127.
 3. Baturin Y. M., Polubinskaya S. V. What makes virtual crimes real // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2018. Т. 13. № 2. P. 9–35.
 4. Kostenko N. I. Criminal-legal and criminological problems of combating computer crimes: a monograph. M. : Yurlitinform, 2020.
 5. Rovina E. E., Nohoeva V. A. Computer viruses: reasons of popularization and problems of counteraction // Scientific Digest of East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1 (11). P. 70–73.
 6. Lysov A. A. On the peculiarities of crimes committed in the field of computer information // Actual issues of modern science: theory, technology, methodology and practice: Collection of scientific articles on the materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Ufa: Limited Liability Company Scientific-Publishing Center «Vestnik Nauki», 2021. P. 209–216.
 7. Lawsuit Over 'Theft' Of Digital Items In Second

- Life Shows Up In First Life Court // URL://https://www.techdirt-com.translate.googleusercontent.com/2007/10/30/lawsuit-over-theft-of-digital-items-in-second-life-shows-up-in-first-life-court/?_x_tr_sl=auto&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru.
8. A regular meeting of the Plenum of the Supreme Court of Russia was held. November 8, 2022 // URL://https://supcourt.ru/press_center/news/31711/
 9. Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 15, 2022, № 37 «On some issues of judicial practice in criminal cases involving crimes in the sphere of computer information, as well as other crimes committed with the use of electronic or information and telecommunications networks, including the Internet» // Rossiyskaya Gazeta. 2022. № 294.
 10. Portal of legal statistics of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation // URL://http://crimestat.ru/51.
 11. Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia // URL://http://10.5.0.16/
 12. Letelkin N. V. On the definition of the most effective model to improve domestic criminal legislation in the field of countering crimes committed with the use of information and telecommunication networks // Union of Criminologists and Criminologists. 2019. № 4. P. 42–47.
 13. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation // URL://http://www.cdep.ru.
 14. Hard schedule APT 41 // URL://https://blog.group-ib.ru/apt41-world-tour-2021.
 15. Osokin R. B., Dikazhev M. M. Electronic document management in law enforcement agencies: state and problems of legal regulation // Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M. : 2020. № 6. P. 188–196.
 16. Osokin R. B., Endoltseva A. V. Organizational and legal problems of the activity on the placement of texts of judicial acts in the «Internet» // Education and Law. 2017. № 11. P. 174–180.
 17. Popov D. E. Actual problems of the state and society in the field of ensuring the rights and freedoms of man and citizen // Proceedings of the International scientific-practical conf. Ufa, 2019. P. 275–281.

Информация об авторе

Г. Ф. Шипулин — преподаватель кафедры «Информационная безопасность» факультета информационных технологий Московского политехнического университета.

Information about the author

G. F. Shipulin — Lecturer of the Department of Information Security of the Faculty of Information Technology of the Moscow Polytechnic University.

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; одобрена после рецензирования 17.04.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 30.01.2023; approved after reviewing 17.04.2023; accepted for publication 05.06.2023.

Рецензия

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-236-239>

НИОН: 2007-0083-2/23-288

MOSURED: 77/27-005-2023-02-488

У СУДЕЙ БОЛЬШЕ НЕ ОСТАЛОСЬ СЕКРЕТОВ

Рецензия на монографию Ю. А. Цветкова «Игры, в которые играют судьи.

Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма».

М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 383 с.

Надежда Павловна Майлис

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия, jlmaylis@yandex.ru

Для цитирования: Майлис Н. П. У судей больше не осталось секретов. Рецензия на монографию Ю. А. Цветкова «Игры, в которые играют судьи. Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма». М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 383 с. // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 236-239. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-236-239>.

Review

JUDGES HAVE NO MORE SECRETS

Review of the monograph by Yu. A. Tsvetkov «The games the judges play.

Deconstruction of Justice and Judicial Activity in the Legal Realism Paradigm».

М.: UNITI-DANA, 2023. 383 p.

Nadezhda P. Maylis

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Moscow, Russia, jlmaylis@yandex.ru

For citation: Maylis N. P. Judges have no more secrets. Review of the monograph by Yu. A. Tsvetkov. «The games the judges play. Deconstruction of Justice and Judicial Activity in the Legal Realism Paradigm». М.: UNITI-DANA, 2023. 383 p. Criminological journal. 2023. (2):236-239. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-236-239>.

В 2023 г. в издательстве «Юнити-Дана» опубликована монография судьи в отставке, заведующего кафедрой уголовного процесса Московской академии Следственного комитета РФ Юрия Анатольевича Цветкова «Игры, в которые играют судьи. Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма» [2].

Книга сразу же привлекает внимание своей незаурядной обложкой, в оформлении которой использована картина Лукаса Кранаха «Аллегория правосудия», 1573 г. Картина необычна тем, что Фемида на ней, обладая обязательными атрибутами (мечом и весами), изображена в обнаженном виде. Однако если пристальнее рассмотреть, можно разглядеть, что она одета в закрытое прозрачное платье. Такое изображение правосудия символизирует его открытость, или, используя современную социологическую терминологию, транспарентность. Именно эта идея последовательно проведена в монографии Ю. А. Цветкова, ко-

торый, имея опыт работы судьей, постарался сделать так, чтобы по прочтении его книги не осталось ни одного нераскрытого секрета в деятельности судей.

Во введении автор предупреждает, что книга написана им в традициях судейской «интроспекции», т. е. правосудие и судебная деятельность описаны в ней сквозь призму профессионального опыта ее автора. Он совершенно прав в том, что в России эта традиция не получила развития. О судебной деятельности пишут ученые, которые не были судьями и имеют о ней представление на основании изучения текстов законов и научных работ предшественников. Если же за перо берутся все-таки сами судьи, то они тоже пишут как ученые, описывая лишь чисто внешнюю, нормативную сторону деятельности судьи. Книга Ю. А. Цветкова заметно выделяется из всего опубликованного в нашей стране на эту тему, прежде всего тем, что автор пишет о том, о чем не пишут другие ученые. Он раскрывает, как на самом деле мыслят и поступают судьи

© Майлис Н. П., 2023

в условиях сжатых сроков и недостаточной информации, как неоднозначно складываются их отношения с прокурорами, адвокатами и внутри самого судебного сообщества, как им приходится лавировать между требованиями закона, показателями своей служебной деятельности, а также интересами сторон.

Книга состоит из трех глав, названных довольно непривычно, но как потом становится понятно, весьма логично: «Судебная доктрина», «Судебный метод» и «Судебный менеджмент». Логика выделения этих трех глав состоит, вероятно, в том, что содержание первой главы тяготеет к вопросам теории и истории государства и права, второй — к вопросам уголовного и гражданского процесса, а третьей — к той специальности, которая в прежней номенклатуре имела шифр 12.00.11 (судебная деятельность).

Первая глава «Судебная доктрина» подготовлена в основном как обзор тех теорий, на которые автор собирается опираться в своем исследовании. В параграфе 1.1. дан довольно интересный авторский обзор правового реализма как научного подхода в описании судебной деятельности. Суть этого подхода выражена в формуле основателя правового реализма К. Левеллина: «Смотри на все так, как оно действительно работает». Именно это и делает в своей книге Ю. А. Цветков.

В параграфе 1.2. анализирует основные теории судебной деятельности по книге Р. Познера «Как мыслят судьи». Таковых оказывается целых девять теорий — на любой вкус! Среди них лишь одна (легализм, формализм), которая объясняет поведение судьи, исходя из его законодательной модели. Это официальная теория. Автор, давая свой оригинальный анализ этим теориям, склоняется к тому, что поведение российских судей точнее всего описывают три: стратегическая, организационная и экономическая. Не обошел он стороной и такой сложный вопрос, как влияние политических факторов на решения судей, который он раскрыл весьма деликатно и убедительно.

В параграфе 1.3. представлена культурно-историческая теория происхождения правосудия на основе учения нидерландского историка Й. Хейзинги. В конце автор делает смелый «заброс» на будущее — развить гипотезу игрового происхождения государства и права.

Глава «Судебный метод» — центральная часть книги — показывает на примере различных процессуальных институтов специфику профессионального мышления и деятельности судей по рассмотрению дел и принятию решений.

В параграфах 2.1. и 2.2. автор мастерски применяет методологию теории игр, вскрывая стратегии и тактические комбинации участников уголовного судопроизводства, где каждый стремится к наибольшему «выигрышу», т. е. максимальной реализации своих

процессуальных и служебных интересов. Такой подход очень непривычный, поначалу он даже вызывает внутреннее неприятие некоторым своим цинизмом — ведь мы привыкли, что за словом «правосудие» скрывается нечто возвышенное. Но потом приходишь к тому же выводу, который сделал поэт А. А. Фет после многих лет работы мировым судьей: «Правда в жизни дороже всякой высокопарной лжи» (это высказывание автор взял за эпиграф к одному из параграфов).

Технология изучения уголовного дела при подготовке к судебному заседанию (автор называет ее «скринингом») на многочисленных примерах из практики приведена в параграфе 2.3.

В параграфе 2.4 на примере такого института, как возвращение уголовного дела прокурору, автор убедительно показал, как отдельные процессуальные институты используются не по своему прямому назначению.

С высокой степенью откровенности автор в параграфе 2.5. рассказывает о своих собственных ошибках, допущенных им при организации судебного процесса, а также о том, для чего на самом деле нужны (точнее, не нужны) прения сторон и последнее слово подсудимого. Содержание этого параграфа отнюдь не бесспорно, но оригинально, как, впрочем, и все, о чем пишет Ю. А. Цветков,

Еще более спорным видится содержание параграфа 2.6., в котором автор отстаивает свой взгляд на протокол судебного заседания, который не отражает ход процесса, а просто подгоняется под уже готовый приговор.

Тому, «как мыслят судьи, рассматривая дела и принимая решения», полностью посвящен параграф 2.7. В нем он, опираясь на свой опыт и работы современных психологов, описывает такое явление, как «шум» в судебном процессе, когда судьи по схожим делам выносят диаметрально разные приговоры.

Самым интеллектуально насыщенным является параграф 2.8., в котором он на платформе теории игр разбирает самый знаменитый судебный процесс — суд царя Соломона по делу о похищенном ребенке, рассказывает пример из собственной практики, когда он применил похожий прием при рассмотрении гражданского дела. Однако если история о суде царя Соломона стал уже хрестоматийной, то рассказ о том, как проявил себя в качестве мудрого судьи недалекий Санчо Панча (верный оруженосец Дон Кихота) — это действительно открытие. Уголовные и гражданские дела, которые остроумно разрешил Санчо Панса, проанализированы с точки зрения таких сложных концепций XX в., как «коммуникативный кодекс» Грайса и теорема Геделя о неполноте.

В параграфе 2.9. Цветков Ю. А. поднимается до уровня современного Адама Смита, показывая, как поведение сторон в уголовном процессе направляется

«невидимой рукой» в сторону кооперации, а не состоятельности. Он доказывает свой тезис с порой на анализ судебной статистики применения особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с обвинительным заключением или заключения им досудебного соглашения о сотрудничестве.

Название третьей главы «Судебный менеджмент» звучит непривычно, но, по сути, объединяет параграфы, посвященные вопросам организации работы судов и управления судебной системой.

Так, в задающем тон всей главе параграфе 3.1. автор со знанием реальных механизмов управления в судебной системе объясняет, какие конкретно меры можно принять, чтобы независимость судей из декларации превратилась в более или менее реальную действительность.

Знакомство с параграфом 3.2. дает четкое представление о различиях между мировыми судьями царской эпохи и современной России. Называя мировую юстицию «могучим левиафаном», автор, тем не менее, критичен в оценке реализации ее миссии.

Суду присяжных в России посвящена масса публикаций разного уровня. В параграфе 3.3. автор нашел свой свежий и довольно глубокий подход к оценке этого института. Он проводит смелую аналогию между нормативно установленными размерами выигрыша в казино в суде.

Параграф 3.4. «Судьи, которые играют в игры» содержит авторскую типологию судей, подкрепленную примерами из практики. К сожалению, типология, сама по себе очень интересная и далеко не бесспорная, ограничена судьями, рассматривающими уголовные дела.

В параграфе 3.5. «Чему учить и как воспитывать судей» Цветков Ю. А. ставит и пытается решить два принципиально важных вопроса. Первый вопрос — в чем состоит и как определяется призвание судьи. Здесь автор в принципе идет в традиционном русле, называя те компетенции, которыми должен обладать претендент на должность судьи. Оригинальность состоит в том, что акцент он делает не на юридическом образовании, а на овладении судебным методом и судебным менеджментом. Второй вопрос — о том, кого следует считать идеальным судьей, на которого следует равняться судьям в своем самовоспитании? Он неожиданным образом развенчивает идеальный образ А.Ф. Кони, который, по мнению автора, заигрывал с антигосударственными силами. Автор смело критикует Л. Н. Толстого за отсутствие системного юридического образования. В итоге он делает неутешительный вывод об отсутствии в России такого идеала, хотя признает, что приближается к идеальному образу судьи А. А. Фет.

Параграф 3.6. «Судебный тайм-менеджмент» посвящен вопросам, которые в советской традиции именуются научной организацией труда. Здесь автор на

примере жизни конкретного судебного участка показывает, как должен судья организовать свою работу и работу своего аппарата, чтобы успевать в условиях перегрузок.

В параграфе 3.7. автор раскрыл одну из самых сложных проблем — как прогнозировать последствия принятия судебных решений и минимизировать риски судебных ошибок. Он довольно увлекательно и доходчиво разъясняет основы теории вероятностей и четко показывает пределы судейских возможностей в том, чтобы предвидеть результаты своих решений. В параграфе подобраны очень интересные примеры из практики, которые автор детально разбирает, но делает зачастую настолько неожиданные выводы, что не со всеми из них можно согласиться.

Работа не была бы полной, если бы автор не коснулся такой модной в юридическом мире темы, как использование в правосудии искусственного интеллекта. Ей и посвящен заключительный параграф 3.8., сильной стороной которого является то, что Цветков Ю. А. смог наглядно представить, как построена искусственная нейронная сеть и на простых примерах показать, как она обрабатывает информацию и выдает те или иные варианты решения. Заключительный параграф полон оптимизма, веры в человека и естественный интеллект, который, по мнению автора, верного своим парадоксам, может делать то, чего не сможет искусственный интеллект — поступать неправильно.

В приложении (которое автор назвал appendix) любители головоломок найдут для себя интересный материал по тому, как можно было бы перестроить правосудие по модели теории игр.

Таким образом, в России, наконец, появилась книга о судьях, не только не уступающая зарубежным аналогам (таким, как «Судейское усмотрение» А. Барака [1]), но в чем-то даже и превосходящая их — увлекательностью и живостью изложения, широтой кругозора и эрудиции, а главное, честностью автора и его искренним желанием принципиального улучшения условий работы судей и качества правосудия.

Список источников

1. Барак А. Судейское усмотрение. [Пер. с англ.]. М. : Норма, 1999.
2. Цветков Ю. А. Игры, в которые играют судьи: Деконструкция правосудия и судебной деятельности в парадигме правового реализма М. : ЮНИТИ-Дана, 2023.

References

1. Barak A. Judicial discretion. [Translated from English]. M. : Norma, 1999.
2. Tsvetkov Y. A. Games in which judges play: Deconstruction of justice and judicial activity in the paradigm of legal realism. M. : UNITY-Dana, 2023.

Информация об авторе

Н. П. Майлис — профессор кафедры оружиеведения и трасологии УНК судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ.

Information about the author

N. P. Maylis — Professor of the Department of Weapons Science and Tracology of the Training and Research Complex of Forensic Examination of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023; одобрена после рецензирования 03.04.2023; принята к публикации 22.05.2023.

The article was submitted 17.01.2023; approved after reviewing 03.04.2023; accepted for publication 22.05.2023.

Современные проблемы предварительного следствия. История и вектор развития. Монография. Гриф МУМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки.

Представлен многоаспектный анализ вопросов организации работы следователя. Основное внимание уделено проблемам, которые, как правило, остаются "за кадром" исследований, среди них: философско-правовые основания работы следователя; защита от противодействия расследованию преступлений, которое возможно со стороны адвокатов-защитников; преодоление конфликтных ситуаций в следственной практике и др. Уделено внимание вопросам работы следователя с логическими диаграммами, а также возможности использования в уголовном судопроизводстве нетрадиционных методов криминалистических исследований.

Научная статья

УДК 343.918.2

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-240-248>

ИПОН: 2007-0083-2/23-289

MOSURED: 77/27-005-2023-02-489

Понятие лидера преступной группировки в теории криминологии и уголовного права

Сергей Владимирович Расторопов^{1,2}

¹ Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, rastoropov_sv@mail.ru

² Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, rastoropov_sv@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию криминологического понятия «лидер преступной группировки» и осмыслению его правовой и практической составляющих. Сущностные аспекты, позволяющие судить о лице, совершившем групповое преступление, как о лидере, в конечном счете позволяют оценивать данное лицо в качестве высшего звена в преступной иерархии.

Ключевые слова: соучастие в преступлении; организованная группа; преступное сообщество; преступная организация; вооруженное формирование; организованная преступность; преступная группировка; лидер

Для цитирования: Расторопов С. В. Понятие лидера преступной группировки в теории криминологии и уголовного права // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 240-248. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-240-248>.

Original article

The concept of the leader of a criminal group in the theory of criminology and criminal law

Sergey V. Rastoropov^{1,2}

¹ University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia, rastoropov_sv@mail.ru

² Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov, Vladimir, Russia, rastoropov_sv@mail.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the criminological concept of “the leader of a criminal group” and the understanding of its legal and practical components. The essential aspects that make it possible to judge the person who committed a group crime as a leader ultimately allow us to evaluate this person as the highest link in the criminal hierarchy.

Keywords: complicity in a crime; organized group; criminal community; criminal organization; armed formation; organized crime; criminal gang; leader

For citation: Rastoropov S. V. The concept of the leader of a criminal group in the theory of criminology and criminal law. Criminological journal. 2023. (2):240-248. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-240-248>.

Организованная преступность во все времена вызвала особую обеспокоенность ученых, практиков и законодателей разных уровней. Это обусловлено повышенной общественной опасностью как самого факта объединения лиц в состав организованных групп, так и совершаемых ими преступлений, среди которых в основном тяжкие и особо тяжкие, посягающие на жизнь и здоровье граждан, а также на общественную безопасность и общественный порядок. Функционирование организованных преступных формирований не проходит бесследно для социально-экономического благополучия нашей страны, а привлечение в их со-

© Расторопов С. В., 2023

став иностранных наемников, весьма осложняет и так кризисные отношения Российской Федерации с рядом зарубежных государств, вызывает недоверие граждан к властным структурам и подрывает надежду на защищенность со стороны государства.

Тот факт, что организованная преступность представляет реальную угрозу национальной безопасности, прямо сказано в Федеральном законе РФ от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»¹ и Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации»². А в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 14 ноября 2013 г. № Пр-2686, особо подчеркивается опасность проявлений организованной преступности, которые сопряжены с террористической и экстремистской деятельностью на территории нашей страны³. Этими законодательными актами государства подтверждает факт наличия проблемы борьбы с организованной преступностью и лицами, которые являются ее воплощением.

Вместе с тем стоит отметить, что организованная преступность в общей массе всех зарегистрированных в Российской Федерации преступлений не является преобладающей, а скорее наоборот – характеризуется весьма низкими показателями. Так, в разные годы показатели преступлений, совершенных организованными преступными формированиями, варьировались в пределах от 0,9 % до 2 % и как отмечают современные исследователи в общей структуре преступности России доля такой преступности невелика и составляет всего порядка 0,8 % [14, с. 154].

Что же касается лиц, совершающих преступления в составе организованной группы, либо преступного сообщества (преступной организации), то в 2020 г. их было официально зарегистрировано 17 727 чел. (или 9,7 % от общего числа зарегистрированных преступлений, совершенных в соучастии), в 2021 г. – 22 172 чел. (7,5 %), в 2022 г. – 27 207 чел. (13,4 %) ⁴. На основании этих показателей можно сделать однозначный

вывод о том, что последние годы характеризуются негативными тенденциями по увеличению доли лиц, совершающих преступления в составе наиболее опасных форм соучастия. И вопреки тому, что приведенные данные весьма незначительны в масштабе общей преступности в стране, но даже они не умаляют той общественно опасности, которую представляют лица, совершающие преступления в составе подобных преступных объединений. Особенно это относится к тем, кто является инициатором таких незаконных группировок, возглавляет их и координирует их преступную деятельность, т.е. является их лидером.

На этот счет стоит отметить особую обеспокоенность государства по вопросам борьбы с лидерами преступной среды, в силу чего в 2019 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) была включена новая ст. 210.1, установившая уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии⁵. Тем самым лидеры преступных формирований, у которых подтвердился указанный статус, несут дополнительную ответственность за сам факт его наличия. Также с определенной периодичностью вносятся изменения и в другие составы преступлений, предусматривающие ответственность за различные формы организованной преступности и руководство ими⁶. Самым последним нововведением законодательного характера стало включение 29 декабря 2022 г. в УК РФ новой ст. 281.3 «Организация диверсионного сообщества и участие в нем»⁷, что несомненно повлечет за собой привлечение к ответственности тех лидеров, которые на сегодняшний день стоят у истоков организации диверсионной деятельности на территории Российской Федерации.

Вместе с тем очевидно, что нынешнее состояние правового и организационного профилактического воздействия на лиц, являющихся лидерами преступных группировок, не всегда эффективно. Проблемы суще-

¹ О безопасности: [федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ; в ред. от 9 ноября 2020 г. № 365-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1, ст. 2; 2020. № 46, ст. 7209.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: [указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (часть II), ст. 5351.

³ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: [указ Президента РФ от 14 ноября 2013 г. № Пр-2686] // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2023.

⁴ Официальный сайт МВД России. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 г. – январь-декабрь 2022 г.: [сайт]. – URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 20.01.2023).

⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: [федер. закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 14 (часть I), ст. 1459.

⁶ См., например: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: [федер. закон от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 44, ст. 5641; О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: [федер. закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 28, ст. 4559.

⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [федер. закон от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (часть I), ст. 33.

ствуют как в организационном, так и в методическом и в финансовом обеспечении такой профилактической работы. Тем самым повышается роль научного исследования имеющихся пробелов и выдвижение предложений по совершенствованию аспектов данной деятельности с учетом современных теории и практики.

В криминологии ключевое место для исследования всегда занимала личность преступника, т.е. лица, совершившего преступления и отвечающего определенным уголовно-правовым и социально-демографическим критериям. Наиболее емкой определением личности преступника мы обнаруживаем в исследовании Е. Б. Кургузкиной, которая определяет его как «лицо, совершившее преступление и характеризующееся совокупностью различных негативных факторов: социальных, внешних и внутренних, психологических, биологических; выступающего в роли идеальной модели, выделяющейся среди других людей, благодаря отличительным особенностям: более низкий уровень образования и культуры; отчуждение от нормальных связей, ценностей, отношений; более низкая степень нравственности, выражающаяся в признании возможности применения криминальных средств для достижения целей, а также, помимо прочего, отличающийся определенным сочетанием следующих психологических черт: ригидность, гипертрофированная импульсивность, паранояльность, тревожность» [16, с. 21].

На основании названных критериев представляется возможным идентифицировать абсолютно любого человека, совершившего преступление, в том числе, если речь идет об участника организованных преступных формирований. Но при этом, приходится констатировать некую сложность, обусловленную отсутствием криминологически выверенных и обоснованных единых критериев разграничения состава участников организованных преступных формирований.

Например, некоторые ученые считают, что организованное преступное формирование «состоит из лидера и участников» [15, с. 75]. Это собственно максимально лаконичная градация таких участников. Иные же исследователи включают в состав организованных преступников: «организаторов преступных формирований, организаторов преступной деятельности таких формирований, а также организаторов отдельных организованных преступлений таких формирований; руководителей формирований и преступной деятельности; активных участников формирований (соучастников преступлений, разработчиков планов деятельности формирований, их информацион-

но-аналитического и иного обеспечения); пассивных участников – непосредственных соучастников преступлений либо исполнителей отдельных функций, обеспечивающих деятельность формирований; лиц, регулярно сотрудничающих с такими формированиями» [11, с. 47-48]. Отметим, что перечень участников здесь выглядит весьма солидным и максимально всеобъемлющим.

Состав участников можно определить исходя из анализа такого базисного для криминологической теории понятия, как «портрет» преступника, а именно – участника организованного преступного формирования. Сразу подчеркнем, что анализ мнений многих авторов позволили нам констатировать тот факт, что данный «портрет» в настоящее время существенно изменился и далеко не отвечает устоявшимся характеристикам личности преступной направленности, выработанным еще в советское время и на стадии становления новой российской государственности в конце XX века.

Ситуация в сравнении с ранними 90-ми годами в Российской Федерации изменилась кардинально: руководители и участники преступных групп, организаций и сообществ, в большинстве своем, являются людьми высокообразованными, состоятельными, занимающими достаточно высокие должности, как в государственной сфере, так и в сфере экономической деятельности. Официально они являются положительными личностями, внешне ведущими законопослушный образ жизни (например, губернатор области, член Совета Федерации РФ, депутат Государственной Думы РФ и т.п.).

Организаторы преступных формирований являются ядром преступной организации. Именно они, по мнению многих ученых, обеспечивают такой признак организованной преступной группы, как устойчивость, поскольку создают «группу непосредственно организатор, осуществляющий подбор соучастников и, распределяя роли между ними, а также устанавливая дисциплину» [7, с. 9; 8, с. 202]. Поэтому первоначально необходимо проанализировать особенности личности участника организованного преступного формирования именно с лиц, осуществляющих роль лидера¹.

В общем понимании слово «лидер» происходит от англ. leader (ведущий, первый, идущий впереди) и «означает лицо, которое пользуется авторитетом в ка-

¹ Термин «лидер» организованной преступной группы, сообщества, организации применяется как равнозначный понятиям «организатор» или «руководитель» преступного формирования.

кой-либо группе, авторитет признан и позволяет оказывать влияние на данную группу» [18, с. 278].

Ученые определяют лидера преступного сообщества как «лицо, пользующееся значительным авторитетом, определяющий направления криминальной деятельности, активный идеолог уголовной среды» [24, с. 187]; «лидер преступной среды – это ее идеолог, который не только соблюдает и активно распространяет обычаи криминальной субкультуры, но и не допускает их нарушения» [5, с. 83].

Отметим, что существует множество исследований лидеров преступных группировок, которые весьма узконаправленные и затрагивают только отдельные сферы деятельности организаторов преступных групп [1, с. 30-33; 9, с. 13; 10, с. 154-169; 13, с. 61-65], либо направленные на изучение личности организатора преступного формирования с точки зрения психологии, социологии, уголовного права [6, с. 94-95; 20, с. 152; 23, с. 280]. Поэтому считаем, что необходимо продолжить исследование указанного участника, но с учетом более современного состояния науки и практики по отдельным вопросам.

В первую очередь отметим, что лидер организованного преступного формирования оказывает сильное психологическое воздействие на других участников такого формирования, «подчиняет себе их волю, усиливает решимость принять участие в совершении преступлений» [3, с. 88-98].

В общесоциальном плане лидерство всегда ассоциируется со степенью воздействия на ту или иную группу людей какой-то одной преобладающей личностью, входящей в состав данной группы, для принятия оптимального решения общих задач, стоящих перед группой.

Лидеры (руководители) организованных преступных формирований в последнее время стремятся предпринять попытки более сложного построения иерархической структуры подвластного им формирования, хотя сами при этом находятся на более высоком уровне на фоне иных участников. Е. И. Дудкина объясняет это процессами, связанными с ежегодным расширением границ криминальной конкуренции, «которая заключается не только в присвоении большей территории преступной деятельности, но и в получении лидерского звена в том или ином преступном формировании» [12, с. 67].

Соответственно сегодня мы можем наблюдать видоизменения в сторону усиления личностных характеристик лидеров организованных преступных

формирований. Констатируем высокий уровень интеллектуальной и эмоциональной защищенности лидеров, что помогает им с легкостью справляться с любыми проблемными ситуациями. А главенствующим психологическим качеством лидера является его властность, честолюбие, что предопределяет его доминирование в среде иных участников состава преступного формирования. Например, Г., являясь руководителем организованной преступной группы, обладал способностью к обобщению, абстрагированию, осмыслению ситуаций, установлению причинно-следственных связей на простом доступном материале, был активен, сценичен, с такими выраженными качествами, как ригидность в отстаивании своих позиций, упорство в преодолении трудностей, с развитым чувством соперничества и собственного достоинства, уязвимым самолюбием, ориентацией на собственное мнение и жизненный опыт, избирательностью в межличностных контактах, со стремлением к избеганию конфликтов, с достаточным контролем поведения¹.

Деловые качества человека, позволяющего идентифицировать его именно как лидера, позволяют ему умело создавать команду единомышленников для осуществления той или иной преступной деятельности, руководить и координировать их деятельность в соответствии со своими преступными целями и стремлениями. Только вслед за лидером иные члены преступного формирования наделяются правом «принимать ответственные решения, затрагивающие интересы всей группы в целом и определяющие главные направления ее деятельности» [4, с. 179].

На этот счет основными характеристиками лидера преступных группировок исследователи считают следующие: 1) преступный профессионализм; 2) организаторские и управленческие способности; 3) коммуникабельность; 4) быструю приспособляемость к новым условиям (реалиям) жизни; 5) отрицание законопослушного поведения; 6) умение объединить лиц с антиобщественной направленностью и подчинить их определенной идее; 7) способность противостоять правоохранительным органам и социальному контролю; 8) хорошее знание «законов» и обычаев преступного мира [17, с. 24-25].

С точки зрения психологии лидер организованных преступных формирований – это волевой, дерзкий и предприимчивый человек, обладающий определенными деловыми связями и материальными возмож-

¹ Обвинительное заключение по уголовному делу № 351347 // Архив прокуратуры Саратовской области за 2013 г.

ностями [23, с. 280]. У них есть такие качества, как «честолюбие, изобретательность, решительность, предприимчивость, быстрота реакции принятия конкретных решений в непростых ситуациях, умение убеждать в своей правоте, способность оказывать влияние и подчинять своей воле других, высокий профессиональный уровень, коммуникабельность, активное стремление налаживать контакты с высокопоставленными должностными лицами, а также деятелями науки, культуры и искусства» [10, с. 154-169]. При этом общим психологическим качеством этих лиц является стремление к «большим деньгам», наживе, как основной жизненной мотивации, в этой связи им также «свойственны такие качества, как жестокость, цинизм, честолюбие, алчность» [2, с. 211].

Личности организатора (лидера) «свойственна маскировка образа жизни и поведения под правопослушание» [23, с. 280]. Это может выражаться в частности в том, что лидер внешне ведет законопослушную деятельность, респектабельный образ жизни, устанавливает контакты с правоохранительными органами; сам не участвует в совершении преступлений, за исключением их организации [15, с. 528]. Также можно отметить их «высокий уровень культуры, хорошая научная и военная подготовка, полное отсутствие сентиментальности, знание иностранных языков»¹. Например, некоторые криминальные лидеры совершенно официально становятся у власти (законодательной или исполнительной), создают благотворительные фонды, общественные организации и союзы для осуществления псевдозаконной деятельности, официально разрешенной законодательством. Как отмечает Э. Р. Халишхова, «есть прецедент регистрации организованного преступного сообщества как общественно-политического союза» [22, с. 22].

По справедливому замечанию В. Г. Гриба, «под маской порядочности и добродетельности зачастую скрыта расчетливость, жестокость, лживость, мстительность. ... данные лица стремятся удерживать себя «на высоте», вырабатывая конкретный имидж, умеют контактировать с другими людьми. Организатор изобретательно подходит к новым возможностям обогащения и достижения власти» [10, с. 159]. Например, иногда руководители преступных организаций привлекают к совершению преступлений лиц, не подозревающих об их преступных намерениях, но за материальное вознаграждение готовых оказывать

услуги преступного характера. Например, «руководители преступной организации Т. Р. и Т. К., по согласованию между собой, решили за материальное вознаграждение привлечь для наблюдения за обстановкой вокруг мест совершения краж своих знакомых Б., Ф., Т., введя их в заблуждение и не поставив в известность о совершаемых преступлениях»².

Если проанализировать содержание ст. 210 УК РФ, руководствуясь при этом положениями, сформулированными в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», то можно отметить следующее:

1) понятия «организатор», «руководитель», «координатор» организованных преступных групп законодательно наполнены единым содержанием: они идентичны между собой, что позволяет использовать такой термин, как «лидер организованного преступного формирования» (в русском языке слово «лидер» трактуется как «глава, руководитель какой-нибудь группы людей; человек, пользующийся авторитетом и влиянием в каком-нибудь коллективе» [18, с. 67]);

2) поведение лидера организованного преступного формирования свидетельствует, что им создается или он руководит преступным сообществом (организацией), координирует преступные действия, создает устойчивые связи среди различных самостоятельно действующих организованных групп, разрабатывает планы и создает условия для совершения преступлений такими группами, осуществляет раздел сфер преступного влияния и преступных доходов между ними, участвует в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп в целях совершения преступления.

Следует обратить особое внимание на то, что в круг лидеров преступных формирований законодатель включает руководителей как высшего, так и низшего звена. Безусловно, личности лидеров, хотя и различного уровня, имеют общие черты, но различны по масштабам своей преступной деятельности. Не зря в качестве квалифицирующего признака по ч. 4 ст. 210 УК РФ предусмотрена ответственность для специального субъекта – лица, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

С уголовно-правовой точки зрения в указанном

¹ Бигацци Ф. Свидетельства глобализации преступности. Panorama: [сайт]. – URL: http://www.aferizm.ru/criminal/za_rybejom/st_krmf_world.htm (дата обращения: 23.01.2023).

² Приговор Саратовского областного суда от 16 ноября 2009 г. // Архив Саратовского областного суда за 2009 г.

контексте такое лицо, занимающее высшую ступень в преступной иерархии, является специальным субъектом преступления. Для правового наделения лица таким статусом ученые отмечают, что необходимо доказать ряд критериев: «подчиненность такому лицу других участников преступной организации, осуществление им управленческих функций, определение направлений криминальной деятельности, планирование конкретных преступлений (акций устрашения конкурентов), распределение доходов, закрепление статуса и роли участников преступной группы, налаживание коррупционных контактов» [19, с. 246].

Вместе с тем, учеными подчеркивается обилие в диспозиции ч. 1 ст. 210 УК РФ дублирующих друг друга терминов, которые сложно трактовать даже судам. И, как указывает Е. В. Топильская это «приводит к тому, что правоприменители вынуждены употреблять их по отношению к одним и тем же действиям или функциям субъекта» [21, с. 29]. Для иллюстрации приведем выдержки из приговоров судов «Являясь лидером преступного сообщества, О. формировал цели его деятельности, подбирал участников и обеспечивал их целенаправленные, слаженные действия, инструктировал с четкой постановкой определенных задач, отдавая себе роль руководителя и организатора в иерархической структуре преступного формирования»; «Так, сам осужденный Власов признал в суде, что ... существовало преступное сообщество ... и объединение нескольких организованных групп. Он являлся организатором и лидером преступной группировки ... однако он не считает себя одним из руководителей преступного сообщества ...»².

Стоит особо отметить, что в 2019 г. в УК РФ была включена новая ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии»³, в рамках которой речь идет о наказании человека за сам факт занятия высшего положения в преступной иерархии.

Исходя из проведенного анализа материалов имеющейся судебной практики, возможно утверждать, что в настоящее время по ст. 210.1 УК РФ уже накоплен определенный опыт следственной и судебной деятельности, который свидетельствует о том, что

сотрудники правоохранительных органов достигли немалых успехов в своей деятельности по своевременному пресечению попыток представителей «элиты» преступного мира скрываться от так называемого «антиворовского закона». Вопреки даже тому факту, что показатели официально осужденных не так велики и за весь период существования ст. 210.1 в УК РФ в 2021 г. было осуждено 8 чел., в 2022 г. – 20 чел.⁴

Наиболее ярким примером успешной деятельности правоохранительных органов считаем следующий случай: 5 августа 2019 г. в отношении Джабуа Ираклия Шаликовича (кличка «Ираклий Ростовский») сначала было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 322 УК РФ за покушение на пересечение Государственной границы Российской Федерации по поддельному паспорту при попытке вылета в Турецкую Республику из международного аэропорта «Домодедово», а после этого 30 августа 2019 г. и по признакам состава преступления ст. 210.1 УК РФ за занятие высшего положения в преступной иерархии (с 2014 г. по настоящее время), распространение и сохранение преступных традиций и обычаев, наличие опыта преступной деятельности и сферы своего преступного влияния, в том числе на территории Московского региона, Ростовской области и Красноярского края. 18 ноября 2021 г. Московский городской суд осудил его на 9 лет 6 месяцев по ст. 210.1, ч. 3 ст. 327 УК РФ⁵.

В результате проведенного анализа нами установлено, что лидер, он же фактически организатор групповой преступной деятельности, обеспечивающий сплочение неограниченного количества лиц в целях последующего совершения преступления (преступлений), является субъектом, представляющим наибольшую общественную опасность, поскольку выступает необходимой составляющей организованной преступности, без преступной деятельности которого преступная группировка бы не сформировалась. Лидеры организованного преступного формирования (группировки) могут выполнять различные функции, которые в конечном счете сводятся к ориентации всех членов преступной группировки на совершение преступлений как единственно верного направления их деятельности в тех или иных сложившихся условиях.

¹ Приговор Московского городского суда от 6 октября 2011 г. № 2-107/11 // СПС «Гарант» (дата обращения: 31.05.2023).

² Кассационное определение по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 октября 2010 г. № 11-О10-118 // СПС «Гарант» (дата обращения: 31.05.2023).

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: [федер. закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 14 (часть I), ст. 1459.

⁴ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лицах, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 мес. 2017 г. – 12 мес. 2022 г. (Форма № 10-а). Судебный Департамент при Верховном Суде РФ: [сайт] – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (дата обращения: 20.06.2023).

⁵ Прайм крайм: [сайт]. – URL: <https://www.primecrime.ru/characters/4320> (дата обращения: 14.06.2023).

На основе всего вышесказанного предлагаем следующее определение лидера преступной группировки под которым необходимо понимать физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, подлежащее уголовной ответственности, которое является пользующимся авторитетом в преступном мире высшим звеном в преступной иерархии какого-либо преступного сообщества (преступной организации), либо высшим звеном в преступной иерархии в рамках объединения нескольких преступных сообществ (преступных организаций), и обеспечивающее создание, функционирование и координацию преступной деятельности такого сообщества (организации), либо их объединений, контроль финансового обеспечения их преступной деятельности и распределение финансовых потоков от преступной деятельности.

Список источников

1. Авласенко, В. А. Личность преступника – члена религиозных сект: криминологический и психологический анализ / В. А. Авласенко // Юридическая психология. – 2011. – № 4. – С. 30–33.
2. Антонян, Ю. М. Личность преступника / Ю. М. Антонян, В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. – Санкт-Петербург, 2004. – 366 с.
3. Арутюнов, А. А. Соучастие в преступлении / А. А. Арутюнов. – Москва : Статут, 2013. – 408 с.
4. Багрецов, С. А. Диагностика социально-психологических характеристик малых групп с внешним статусом / С. А. Багрецов, К. М. Оганян, В. М. Львов, В. В. Наумов. – Санкт-Петербург : Лань, 1999. – 639 с.
5. Вакуленко, Н. А. Характерные криминологические особенности личности лидера преступной группы / Н. А. Вакуленко // Юрист-Правовед. – 2021. – № 3(98). – С. 80–85.
6. Галимов, И. Г. Организованная преступность: тенденции, проблемы, решения / И. Г. Галимов, Ф. Р. Сундуков. – Казань : 1998. – 234 с.
7. Гаухман, Л. Д. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества / Л. Д. Гаухман, С. В. Максимов. – Москва : ЮрИнфоР, 1997. – 342 с.
8. Гаухман, Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л. Д. Гаухман. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Центр ЮрИнфоР, 2010. – 557 с.
9. Гриб, В. Г. Совершенствование тактики доказывания по делам о бандитизме / В. Г. Гриб, С. В. Фирсаков, В. А. Казакова, Г. П. Лозовицкая. – Москва, 1998. – 32 с.
10. Гриб, В. Г. Характеристика и особенности личности лидеров и участников преступных сообществ, действующих в экономике и других сферах / В. Г. Гриб // Правотворчество и правоприменительный процесс в современной России. – 2007. – Вып. 1. – С. 154–169.
11. Долгова, А. И. Личность организованного преступника : криминологическое исследование : монография / под ред. А. И. Долговой. – Москва : Норма, ИНФРА-М, 2015. – 368 с.
12. Дудкина, Е. И. Криминологические особенности личности участников организованных преступных формирований и профилактическое воздействие на них : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2016. – 259 с.
13. Козлов, В. Ф. Сведения о личности преступника и членах организованной преступной группы, занимающихся организацией незаконной миграции, как элементы криминалистической характеристики / В. Ф. Козлов, Н. П. Фролкин // Российская юстиция. – 2009. – № 12. – С. 61–65.
14. Криминология (Особенная часть): учебник для бакалавриата и специалитета / А. А. Ашин, Н. А. Горшкова, Т. А. Зезюлина [и др.]. – Владимир : Владимирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2021. – 237 с.
15. Криминология : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Агапов А. Ф. и др.]; под ред. В. Д. Малкова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юстицинформ, 2011. – 542 с.
16. Кургузкина, Е. Б. Теория личности преступника и проблемы индивидуальной профилактики преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук / Е. Б. Кургузкина. – Москва, 2003. – 423 с.
17. Метелев, А. В. Криминальная субкультура : учебно-методическое пособие / А. В. Метелев. – Ижевск : Ижевский филиал Нижегородской академии МВД России, 2009. – 70 с.

18. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – Москва : Рус. яз., 1986. – 797 с.
19. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование : научно-практическое пособие / Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Российская акад. правосудия» ; [авт.-сост. : Антонов Ю. И. и др.] ; под ред. А. В. Галаховой. – Москва : НОРМА, 2014. – 735 с.
20. Прокофьева, Т. В. К вопросу о личности лидера организованного преступного формирования / Т. В. Прокофьева // Адъюнктура ВНИИ МВД России – 30 лет: итоги и перспективы. – Москва, 2000. – 204 с.
21. Топильская, Е. В. Некоторые проблемы реализации уголовной ответственности по статье 210 Уголовного кодекса Российской Федерации / Е. В. Топильская // Адвокатская практика. – 2013. – № 4. – С. 27–31.
22. Халишхова, Э. Р. Организованная преступность: уголовно-правовой и криминологический аспекты: по материалам Южного Федерального округа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э. Р. Халишхова. – Ростов-на-Дону, 2006. – 24 с.
23. Чуфаровский, Ю. В. Юридическая психология : учебник / Ю. В. Чуфаровский. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : ТК Велби, изд-во Проспект, 2004. – 144 с.
24. Шалагин, А. Е. Криминологическая характеристика личности лидеров в преступной среде / А. Е. Шалагин // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 30 сентября 2016 года. Том 1. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2016. – С. 185–189.
1. Avlasenko, V. A. Personality of a criminal – a member of religious sects: criminological and psychological analysis / V. A. Avlasenko // Legal Psychology. – 2011. – No. 4. – pp. 30–33.
2. Antonyan, Yu. M. The identity of the offender / Yu. M. Antonyan, V. N. Kudryavtsev, V. E. Eminov. – St. Petersburg, 2004. – 366 p.
3. Arutyunov, A. A. Complicity in crime / A. A. Arutyunov. – Moscow: Statute, 2013. – 408 p.
4. Bagretsov, S. A. Diagnosis of socio-psychological characteristics of small groups with external status / S. A. Bagretsov, K. M. Oganyan, V. M. Lvov, V. V. Naumov. – St. Petersburg: Lan, 1999. – 639 p.
5. Vakulenko, N. A. Characteristic criminological features of the personality of the leader of a criminal group / N. A. Vakulenko // Yurist-Pravoved. – 2021. – No. 3 (98). – pp. 80–85.
6. Galimov, I. G. Organized crime: trends, problems, solutions / I. G. Galimov, F. R. Sundurov. – Kazan: 1998. – 234 p.
7. Gaukhan, L. D. Criminal liability for the organization of a criminal community / L. D. Gaukhan, S. V. Maksimov. – Moscow: YurInfoR, 1997. – 342 p.
8. Gaukhan, L. D. Qualification of crimes: law, theory, practice / L. D. Gaukhan. – 4th ed., revised. and additional – Moscow: Center YurInfoR, 2010. – 557 p.
9. Grib, V. G. Improving the tactics of proof in cases of banditry / V. G. Grib, S. V. Firsakov, V. A. Kazakova, G. P. Lozovitskaya. – Moscow, 1998. – 32 p.
10. Grib, V. G. Characteristics and personality traits of leaders and participants in criminal communities operating in the economy and other areas / V. G. Grib // Law-making and law enforcement process in modern Russia. – 2007. – Issue. 1. – pp. 154–169.
11. Dolgova, A. I. Personality of an organized criminal: criminological research: monograph / ed. A. I. Dolgova. – Moscow: Norma, INFRA-M, 2015. – 368 p.
12. Dudkina, E. I. Criminological features of the personality of participants in organized criminal groups and preventive impact on them: dis. ... cand. legal sciences. – Saratov, 2016. – 259 p.
13. Kozlov, V. F. Information about the identity of the offender and members of an organized criminal group involved in the organization of illegal migration, as elements of a forensic characteristic / V. F. Kozlov, N. P. Frolkin // Russian justice. – 2009. – No. 12. – P. 61–65.

References

1. Avlasenko, V. A. Personality of a criminal – a member of religious sects: criminological and psychological analysis / V. A. Avlasenko // Legal

14. Criminology (Special part): a textbook for undergraduate and specialty / A. A. Ashin, N. A. Gorshkova, T. A. Zezyulina [and others]. – Vladimir: Vladimir branch of the federal state budgetary educational institution of higher education “Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation”, 2021. – 237 p.
15. Criminology: a textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty “Jurisprudence” / [Agapov A. F. and others]; ed. V. D. Malkova. – 4th ed., revised. and additional – Moscow: Yustitsinform, 2011. – 542 p.
16. Kurguzkina, E. B. The theory of the identity of the offender and the problems of individual crime prevention: dis. ... Dr. jurid. Sciences / E. B. Kurguzkina. – Moscow, 2003. – 423 p.
17. Metelev, A. V. Criminal subculture: teaching aid / A. V. Metelev. – Izhevsk: Izhevsk branch of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. – 70 p.
18. Ozhegov, S. I. Explanatory dictionary of the Russian language: approx. 57,000 words / S. I. Ozhegov; ed. N. Yu. Shvedova. – 18th ed., stereotype. – Moscow: Rus. yaz., 1986. – 797 p.
19. Evaluative signs in the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and judicial interpretation: scientific and practical guide / Federal state. budgetary educational institution of higher education. prof. education “Russian acad. justice”; [aut.-stat. : Antonov Yu. I. and others]; ed. A. V. Galakhova. – Moscow: NORMA, 2014. – 735 p.
20. Prokofieva, T.V. To the question of the identity of the leader of an organized criminal formation / T.V. Prokofieva // Adjuncture of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 30 years: results and prospects. – Moscow, 2000. – 204 p.
21. Topilskaya, E. V. Some problems of implementation of criminal liability under Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation / E. V. Topilskaya // Advocate practice. – 2013. – No. 4. – pp. 27–31.
22. Khalishkhova, E. R. Organized crime: criminal law and criminological aspects: based on the materials of the Southern Federal District: author. dis. ... cand. legal Sciences / E. R. Khalishkhova. – Rostov-on-Don, 2006. – 24 p.
23. Chufarovskiy, Yu. V. Legal psychology: textbook / Yu. V. Chufarovskiy. – 2nd ed., Rev. and additional – Moscow: TK Velby, publishing house Prospekt, 2004. – 144 p.
24. Shalagin, A. E. Criminological characteristics of the personality of leaders in a criminal environment / A. E. Shalagin // Criminal policy and culture of combating crime: materials of the International Scientific and Practical Conference, Krasnodar, September 30, 2016. Volume 1. – Krasnodar: Federal State Educational Institution of Higher Professional Education “Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation”, 2016. – pp. 185–189.

Информация об авторе

С. В. Расторопов — профессор кафедры прокурорского надзора за соблюдением законов в ОРД и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации; профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции.

Information about the author

S. V. Rastoropov — Professor of the Department of Prosecutor’s Supervision for observance of laws in the operational and investigative activities and participation of the prosecutor in criminal proceedings of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation; professor of Criminal law disciplines sub-faculty of the Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletov, Doctor of legal Sciences, Professor, Senior Justice Adviser.

Статья поступила в редакцию 20.06.2023; одобрена после рецензирования 21.06.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted 20.06.2023; approved after reviewing 21.06.2023; accepted for publication

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-249-254>

ИПОН: 2007-0083-2/23-290

MOSURED: 77/27-005-2023-02-490

Укрепление общих социально-правовых начал в предупреждении преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел

Лебедев Семен Яковлевич

Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, Москва, Россия, lebedev-sya@rguk.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость укрепления социально-правовых начал предупреждения преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел, раскрывается терминологическая специфика теории предупреждения преступности, определяются понятия, уровни и стадии предупреждения органами внутренних дел преступлений и административных правонарушений.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, органы внутренних дел, предупреждение преступлений, предупреждение административных правонарушений

Для цитирования: Лебедев С. Я. Укрепление общих социально-правовых начал в предупреждении преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 249-254. <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-249-254>.

Original article

Strengthening of common socio-legal principles in the prevention of crimes and administrative offenses by internal affairs bodies

Semyon Ya. Lebedev

Kosygin Russian State University, Moscow, Russia, lebedev-sya@rguk.ru

Abstract. The article substantiates the need to strengthen the socio-legal principles of the prevention of crimes and administrative offenses by internal affairs bodies, reveals the terminological specifics of the theory of crime prevention, defines the concepts, levels and stages of the prevention of crimes and administrative offenses by internal affairs bodies

Keywords: law enforcement, law enforcement agencies, crime prevention, prevention of administrative offenses

For citation: Lebedev S. Ya. Strengthening of common socio-legal principles in the prevention of crimes and administrative offenses by internal affairs bodies // Criminological journal. 2023. (2):249-254. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2687-0185-2023-2-249-254>.

Всякому криминологу известно, что предупреждение преступлений является главной теоретической и практической целью криминологической науки. Именно криминологическая наука, изучая, описывая, объясняя и прогнозируя явления преступности, выявляя ее причины, условия, факторы и обстоятельства, познавая особенности личности преступника, victimологические качества потенциальных и реальных

потерпевших, механизмы преступного поведения, создает для всех субъектов правоохранительной деятельности, государства и общества в целом научно обоснованную базу практического предупреждения преступности.

Накопив более чем за полувековой период своего активного развития поистине бесценный опыт научного познания и практического оформления системы

© Лебедев С. Я., 2023

предупреждения преступлений, именно криминология из всех наук так называемого криминального цикла претендует на безусловное свое первенство в объяснении закономерностей антикриминогенной деятельности, а потому, несомненно, заслуживает не просто адекватного, а по большому счету, уважительного отношения к созданной ею теории предупреждения преступности и, разумеется, к сопровождающим такую постулатам, понятиям, признакам, определениям, терминам и др. Как бы это ни показалось, на первый взгляд, странным, но для многих считающих себя специалистами в области правоохранительной деятельности, в особенности, полицейских, весьма характерно довольно поверхностное, а вслед за ним, нередко, пренебрежительное отношение к подобной терминологической специфике, что неизменно приводит к размыванию сущности и содержания многих сторон и направлений профессиональной превентивной деятельности, каждая из которых обладает своей концептуальной спецификой, нацеленной на достижение антикриминогенного результата. Все это, с одной стороны, вызывает обоснованное криминологическое недоумение, а с другой, подвигает на дополнительные разъяснения общих социально-правовых начал предупреждения, прежде всего, органами внутренних дел, преступлений и административных правонарушений, поскольку от их уяснения правоохранителями и з а ч а л ь н о (прошу прощения за тавтологию) зависит эффективная организация и осуществление всего целенаправленного предупредительного процесса.

Итак, предупреждение преступности может трактоваться в узком (уголовно-правовом) и широком (социально-политическом) смысле¹. В сущности, под уголовно-правовым предупреждением, взятом в традиционном и узком смысле, понимается институт, описанный в нормах соответствующих наук, требования которого подлежат претворению в жизнь главным образом в процессе назначения и исполнения наказания. Можно сказать, что идея предупреждения преступности пронизывает всю систему уголовно-правовых и уголовно-исполнительных институтов (частная и

общая превенция, общее и частное предупреждение). Нередко эта идея связывается даже с исправлением осужденных, предупреждением рецидива преступлений. Однако правоохранительная практика показывает, что при определении понятия предупреждения преступности необходимо исходить из более широких позиций – социально-политических, экономических, идеологических и др. Такой подход дает возможность сформулировать рассматриваемое понятие в широком смысле, что включает в себя различные (далеко не только правовые) мероприятия государства и общества. Речь идет о предупреждении преступности именно как явления. При этом учитываются исторический характер процесса предупреждения преступности, его объективные основы и роль субъективного фактора в ускорении данного процесса.

Учитывая широкий смысл понятия предупреждения преступности, его можно определить как **исторически сложившуюся и развивающуюся в новых социальных условиях систему нейтрализации (минимизации, устранения) социальных процессов и явлений, порождающих и стимулирующих преступность, а равно формирования объективных и субъективных предпосылок для ее сокращения в обществе.**

Применительно к деятельности органов внутренних дел предупреждение преступлений является не столько научной дисциплиной, сколько определенной практической интерпретацией общей криминологической теории предупреждения преступности, лишь технологически реализуемой органами внутренних дел.

Теория предупреждения преступности возникла не на пустом месте. Уголовно-правовые науки (в частности, криминология) давно обладают арсеналом различных теорий, развивающих идеи сокращения преступности. То одна из них, то другая оказывались ведущими. Самыми надежными были те из них, которые имели «выход» в широкую социальную сферу. Основы такой общей теории в отечественной криминологии были сформированы в нашей стране в середине 70-х - начале 80-х годов прошлого века [1]. Тогда же сформировалась соответствующая этой теории терминология, имеющая концептуальное значение для практической реализации предупреждения преступности. Согласно ей, предупреждение преступности рассматривается в теории и практике в **общесоциальном и специально-криминологическом** значениях. Иногда общесоциальное и специально-криминологическое предупреждение называются в литературе уровнями предупреждения преступности. При этом под **общесоциальным предупреждением преступности** понимается *вся социально-позитивная деятельность общества и государства (политическая, экономическая, нравственная и др.), создающая основу для сокращения негативных и антиобщественных проявлений в обществе.* В то же время такое общесо-

¹ Следует учитывать, что многосторонняя превентивная деятельность органов внутренних дел, направленная как на преступления, так и на административные правонарушения, причины и условия тех и других, совершающих их лиц и страдающих от их преступлений потерпевших, охватывается общим понятием предупреждения преступности. Это объясняется не столько формальной потребностью в лаконичности формулировки, сколько содержательным по своей сути объемом предупредительной правоохранительной практики органов внутренних дел, ее общими правовыми, организационными и тактическими основами, нацеливающими полицию на любые противоправные деяния, находящиеся в компетенции ее социально-правового контроля, независимо от того, носят эти деликты уголовно-правовой или административно-правовой характер. При этом, с точки зрения криминологического понятия преступности как совокупности преступлений, образующих определенный масштаб (размер) этого социально опасного явления, вполне правомерно говорить об ограничении этого размера путем недопущения совершения новых преступлений, что и отражает термин «предупреждение преступности».

циальное предупреждение одновременно выступает условием для эффективного специально-криминологического предупреждения, которое, в отличие от общесоциального, непосредственно направлено на недопущение совершения преступлений.

Общесоциальное предупреждение преступности достигает своего результата опосредованно в процессе совершенствования всей системы отношений в обществе. Ясно, что совершенное с точки зрения экономики, политики и социальной сферы общество больше, нежели несовершенное, защищено от разного рода противоправных и криминальных деликтов. Однако и в общесоциальных вопросах заложен определенный целенаправленный антикриминогенный потенциал, когда речь идет о социальной помощи семье, развитии молодежной политики, государственной поддержке малого предпринимательства и др. Все эти направления, безусловно, работают в первую очередь на укрепление общих позитивных начал развития всего населения страны. Однако они же «выбивают из-под ног» преступности почву, на которой «произрастает» все негативное, стимулирующее преступное поведение. Поэтому любые государственные программы, разрабатываемые и реализуемые на благо разрешения социальных противоречий априори (пусть факультативно), способны предупреждать преступность. Развитие таких внешне опосредованных от собственно предупреждения преступности программ в итоге создает благоприятные условия для системы специально-криминологического предупреждения. Чем активнее и результативнее первые, тем меньше остается проблем для последней.

Под **специально-криминологическим предупреждением преступности** понимается система государственных и общественных мер, непосредственно направленных на минимизацию преступности, целенаправленная деятельность государственных, общественных, иных органов и организаций, всех граждан, связанная с воздействием на причины и условия правонарушений и преступлений, реализацией мер по их устранению, оказанию превентивного влияния на лиц, от которых можно ожидать противоправных поступков. В этом смысле специально-криминологическое предупреждение преступности созвучно понятию профилактики преступлений (о ней пойдет речь далее). Однако у специально-криминологического предупреждения преступности, в отличие от почти идентичного понятия профилактики преступлений, более высокий уровень организации предупредительного процесса. Это – макроуровень нейтрализации криминогенной детерминации преступности и обеспечения контроля над поведением людей в целях недопущения совершения с их стороны правонарушений. Такое специально-криминологическое предупреждение реализуется в принятии

нормативных актов, непосредственно затрагивающих решение вопросов предупреждения правонарушений и преступлений: Кодекс об административных правонарушениях РФ, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ.

Специально-криминологическому предупреждению способствуют принимаемые на федеральном и региональном уровнях специальные программы предупреждения правонарушений и преступлений. Профилактику преступлений, учитывая ее направленность также на детерминанты преступности, лиц, совершающих преступления и, одновременно, лиц, потерпевших от преступлений (виктимологический аспект в криминологическом знании), можно условно рассматривать как уровень специально-криминологического предупреждения преступности, реализуемый в деятельности конкретных правоохранительных органов: органов внутренних дел, прокуратуры, налоговых органов и др.

Однако специально-криминологическое предупреждение преступности, реализуемое в виде профилактики преступлений на уровне конкретной правоохранительной деятельности, не ограничивается только собственно профилактикой. В научной литературе, как и среди практических работников, когда речь идет о воздействии на преступность, наряду с предупреждением и профилактикой используются и такие понятия, как «предотвращение» и «пресечение», причем в одних случаях как равнозначные, в других — как отличные по содержанию. Для правильного толкования понятий «предупреждение» и «профилактика», «предотвращение» и «пресечение» важно провести терминологический анализ, который имеет собственное смысловое содержание и соответствующее функциональное правоохранительное наполнение.

Попытаемся в соответствии с данным требованием разобраться в особенностях понятий «предупреждение преступности» и «профилактика правонарушений» и их соотношении. Это окажется полезным и для правильного восприятия других (близких к указанным) понятий — «предотвращение преступлений» и «пресечение преступлений». Вновь подчеркнем, что каждое такое понятие, несмотря на их кажущуюся тождественность, прежде всего, с точки зрения русского языка, имеет самостоятельное смысловое значение и, главное, функциональное предназначение и оформление в реализации предупредительной деятельности органов внутренних дел.

Итак, в систему предупреждения преступности входят самые разнообразные виды предупредительной деятельности. Часто в литературе их даже называют этапами предупреждения преступлений в правоохранительной деятельности органов внутренних дел. Один из них (первый и приоритетный этап пред-

упреждения преступлений) – **профилактика преступлений (правонарушений)**. Ясно, что без профилактики не может быть предупреждения. Так или иначе, предупреждение преступности (а в итоге ее сокращение), как явления, всегда предполагает эффективную профилактику конкретных преступлений. Однако и в этом случае надо рассматривать понятие профилактики в узком и в широком смысле слова.

В широком смысле слова профилактика представляет собой недопущение конкретных преступлений, предохранение отдельных членов общества от совершения ими правонарушений, виновных противоправных деяний, представляющих собой преступления, а равно обеспечение защиты объектов (лиц) от таких преступлений. В целом, это деятельность по недопущению нарушений норм права, в частности, уголовного права. В этом смысле, кстати, вся правоохранительная деятельность может охватываться понятием профилактики, поскольку охранять права от преступных посягательств – уже означает не допускать нарушений этих прав, не допускать в итоге правонарушений.

В узком же смысле слова, применительно к правоохранительной деятельности органов внутренних дел, **под профилактикой следует понимать деятельность, во-первых, по выявлению причин преступлений, условий и обстоятельств, способствующих их совершению (общая профилактика); во-вторых, по выявлению лиц, способных совершить преступление (в силу антиобщественной направленности их поведения), и проведению с ними необходимых мероприятий, удерживающих от совершения правонарушений (индивидуальная профилактика)**¹. Потому профилактика преступлений (правонарушений) представляет собой лишь часть (пусть и приоритетную) общей системы предупреждения преступности. То же самое касается понятий «предотвращение» и «пресечение» преступлений (правонарушений). Они, также как и профилактика, являются частью общего процесса специально-криминологического предупреждения преступности и проявляются не только как конкретные понятия, но и как конкретные виды (этапы) предупредительной деятельности органов внутренних дел. Профилактика в этом процессе выступает ранним этапом предупредительной деятельности, направленной на недопущение преступления путем устранения их причин и условий и обеспече-

ние профилактического воздействия на индивида, от которого можно ожидать совершения преступления (правонарушения). То же, кстати касается и виктимологической профилактики. Когда же профилактика оказывается недостаточно эффективной, тогда и появляется необходимость в *предотвращении*, а вслед за ним — *пресечении преступления*. Отсюда понятия «предотвращение» и «пресечение» тоже имеют в системе специально-криминологического предупреждения преступности свой функциональный смысл.

Как известно, любое преступление представляет собой сложную систему поступков и действий виновного как до, так и во время, и после совершения преступления. Плюс ко всему у каждого преступления, главным образом, умышленного, есть еще цели, мотивы, намерения и др. Любое такое преступление как бы «созревает» в сознании и поведении личности. На самой ранней стадии «созревания» можно предупредить преступление с помощью профилактики, т.е. выявить лицо, от которого по его негативному поведению можно ожидать совершения преступления, и воздействовать на него с помощью воспитательно-профилактических мер, а также устранения причин и условий, которые детерминируют успешное совершение преступления этим лицом либо иными подобными лицами в аналогичных условиях.

В том же случае, когда у лица появляется з а м ы с л совершить преступление, формируется соответствующее решение и намечается процесс его исполнения, центр тяжести предупредительной работы переносится на недопустимость осуществления подобного криминального замысла, процесс которого принято обозначать в правоохранительной практике как **предотвращение преступлений**. Это тоже часть предупреждения преступления, реализуемого на этапе, когда с точки зрения уголовного права преступление, с юридической точки зрения, собственно таковым не является. Ведь мысль совершить преступление, если она не облачена в форму приготовления, а тем более покушения (что уже является стадиями преступления с позиции уголовного права), не попадает в орбиту уголовно-правового воздействия. За мысли, как известно, не судят. Однако с позиции правоохранительного органа подобный замысел безусловно должен стать объектом предупредительного внимания. Именно этому и способствует предотвращение. Таким образом, **под предотвращением преступлений применительно к деятельности органов внутренних дел, понимается недопущение ими преступлений со стороны лиц, з а м ы ш л я ю щ и х их совершение, когда в действиях таковых отсутствуют уголовно-правовые признаки приготовления и покушения на преступление.**

Пресечение же используется, как правило, тогда, когда появляются необходимость и возможность прервать (приостановить) процесс совершения престу-

¹ В дополнение к приведенному определению профилактики преступлений следует напомнить о так называемой виктимологической профилактике преступлений, выступающей самостоятельным направлением в криминологическом знании о преступности и ее предупреждении, которое имеет собственное антикриминогенное значение с акцентом на превентивный ресурс самих потенциальных и, тем более, реальных жертв преступлений. При этом, виктимологическая профилактика преступлений, по аналогии с основным ее функциональным предназначением, также может быть общей и индивидуальной.

пления. Следовательно, пресечь преступление - означает остановить начатое противоправное действие, не допустить наступления его общественно опасных последствий. Таким образом, **пресечение преступлений как часть их предупреждения реализуется на уголовно-правовых стадиях приготовления к преступлению и покушения на преступление.**

В связи с этим нередко можно услышать возражения, что пресечение преступлений не может быть частью предупреждения преступности, поскольку преступление в этом случае уже формально, с точки зрения уголовно-правовой оценки его, по крайней мере, двух стадий – приготовления либо покушения, - уже совершено и факт пресечения его не предупредил. Отсюда, зачастую, на практике мы и встречаем такое словосочетание, как «предупреждение и пресечение преступлений», предполагающее, по мнению употребляющих его специалистов, осуществление разных по содержанию и последствиям видов правоохранительной деятельности.

Тем не менее, нельзя не признать, что общественная опасность преступлений входит в понятие таковых, а общественно опасные последствия преступлений являются основанием для их квалификации и, соответственно, более строгого уголовного наказания. Поэтому предупреждение таких последствий, несомненно, имеет значение для уголовно-правовой характеристики. Если же говорить о криминологической оценке, то *недопущение общественно опасных последствий преступлений* (читай - пресечение) представляет собой не менее важное превентивное значение, чем все предыдущие этапы предупреждения преступности. Наконец, если профилактика и предотвращение не достигают своего предупредительного эффекта, то у правоохранительной системы остается последний шанс предупредить преступление его пресечением, чем и не допустить наступления общественно опасных последствий.

Нетрудно заметить, что большинство из названных видов (этапов) предупреждения преступлений имеют отношение, главным образом, к **и н д и в и д у а л ь н о м у** предупреждению, поскольку направлены на конкретных людей, способных совершить преступление (за исключением общей профилактики, нацеленной на причины и условия преступлений). Порой допускается более широкое толкование данного понятия. Сюда, помимо указанных моментов, относят неотвратимость наказания, его назначение и исполнение, исправление лица, совершившего преступление, осуществление административного надзора за конкретной личностью и др. Думается, что такое толкование предупреждения, в принципе, допустимо. Преступление носит по преимуществу импульсивный (эмоциональный) характер, его признаками являются ситуативность совершения деяния, внезапность дан-

ного акта, порой даже отсутствие явных мотивов. Но даже в таких случаях преступление далеко не всегда представляет собой мгновенный акт. Это, если говорить о возможностях профилактики, предотвращения и пресечения (в конечном счете предупреждения), весьма длительный процесс. Поскольку же преступление - всегда процесс, развивающийся во времени, то основной путь его предупреждения заключается в том, чтобы, своевременно вмешавшись в такой процесс, не допустить его развития, приостановить. Когда это удастся сделать на «нужной» стадии, мы спасаем не только конкретного человека от совершения преступления, но и людей, которые могли пострадать от его криминального поведения. В этом состоит главное предназначение предупреждения преступности как гарантии обеспечения безопасности населения от любого криминального произвола.

Предотвращение и пресечение преступлений, составляя часть предупреждения преступности, являются криминологическими категориями. Однако, учитывая методику осуществления этих предупредительных средств, они одновременно выступают предметами оперативно-розыскной [2] и административно-юрисдикционной [3] деятельности. Можно даже предположить, что предотвращение и пресечение преступлений являются основными целями данных видов правоохранительной деятельности. Достаточно сказать, что предотвращение преступлений как вид предупреждения, осуществляемого на стадии замысла совершения преступления, может эффективно реализовываться, часто, с помощью негласных (оперативно-розыскных) методов. Профилактическая деятельность при этом осуществляется как бы попутно. Она наряду с предотвращением и пресечением способствует предупреждению конкретных преступлений.

Однако профилактика может являться и специальной. В этом случае ее также можно именовать профилактикой оперативно-розыскного характера. Собственно, она таковой и является, когда речь идет о специальной профилактике, осуществляемой оперативными подразделениями органов внутренних дел. Достаточно привести пример о выявлении лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений (индивидуальная профилактика). Такая работа бессмысленна без оперативно-розыскного участия. То же, кстати, касается полиции так называемой общественной безопасности, призванной обеспечивать общественный порядок, главным образом, патрулируя вверенные территории и наблюдая за поведением людей. Именно в этих случаях обнаруживаются признаки совершаемого преступления, которое должно быть пресечено полицией. Таким образом, в зависимости от средств, используемых в процессе предупреждения преступности, составляющие его части (профилактика, предотвращение, пресечение) могут носить и общий социаль-

но-правовой, и специальный оперативно-розыскной, и административно-юрисдикционный характер.

Завершая повествование об общих социально-правовых началах предупреждения преступлений и административных правонарушений, реализуемого в правоохранительной деятельности органов внутренних дел, можно сформулировать следующее, безусловно, имеющее концептуальную правоохранительную направленность, его определение. **Предупреждение преступлений органами внутренних дел - самостоятельный вид деятельности конкретных служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемой в пределах их компетенции, направленной на выявление причин и условий преступлений, принятие мер к их нейтрализации и устранению, воздействие на лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений и которые, в силу их повышенной виктимности, могут стать жертвами преступлений, а также предотвращение и пресечение преступлений и административных правонарушений.**

Список источников

1. Аванесов Г.А. Криминология. Прогностика.

Управление. Горький, 1976; Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977; Жалинский А.Э. Теоретические проблемы профилактики преступлений. М., 1980; Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980; Криминология. М., 1984.

2. Исиченко А.П. Оперативно-розыскная криминология. М., 2001.
3. Лозбяков В.П., Эриашвили Н.Д. Криминология и административная юрисдикция милиции / Под. ред. В.П. Лозбякова. М., 1998.

References

1. Avanesov G.A. Criminology. Prognostics. Management. Gorky, 1976; Theoretical foundations of crime prevention. M., 1977; Zhalinsky A.E. Theoretical problems of crime prevention. M., 1980; Avanesov G.A. Criminology and social prevention. M., 1980; Criminology. M., 1984.
2. Isichenko A.P. Operational investigative criminology. M., 2001.
3. Lozbyakov V.P., Eriashvili N.D. Criminology and administrative jurisdiction of the police / Edited by V.P. Lozbyakova. M., 1998.

Информация об авторе

С. Я. Лебедев – заведующий кафедрой уголовного права и адвокатуры Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, научный руководитель магистерской программы «Правовое обеспечение безопасности личности, общества, государства».

Information about the author

S. Y. Lebedev – Head of the Department of Criminal Law and Advocacy of the Kosygin Russian State University, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, scientific supervisor of the Master's program "Legal security of the individual, society, state".

Статья поступила в редакцию 20.06.2023; одобрена после рецензирования 21.06.2023; принята к публикации 22.06.2023.

The article was submitted 20.06.2023; approved after reviewing 21.06.2023; accepted for publication 22.06.2023.